ШОРТ-ЛИСТ БУКЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ 2019 ГОДА

САЛМАН

РУШДИ

КИШОТ

Кишот
Салман Рушди

Аннотация
Салман Рушди. Кишот
Как произносится имя главного героя
Часть I
Глава первая. Кишот, Мужчина в годах, познает Любовь, отправляется в Странствие и становится Отцом
Глава вторая. Автор, Сэм Дюшан, размышляет о Прошлом и открывает новые Горизонты
Глава третья. Возлюбленная Кишота, Звезда из династии Звезд, переселяется в иную Галактику
Глава четвертая. Сестра вспоминает свою Ссору с Братом и вступает в многочисленные Противостояния
Глава пятая. Кузен Кишота, “добрый” доктор Смайл, Человек со множеством Секретов
Глава шестая. Санчо, воображаемый Сын Кишота, пытается осознать собственную Природу
Глава седьмая. Кишот и Санчо проходят первую долину, Долину Поиска, и Санчо встречает Итальянское Насекомое
Глава восьмая,. в которой мы, оставив без вни-

мания Светлую Сторону Возлюбленной Кишота, исследуем ее Темную Сторону
Часть II
Глава девятая. Неприятность на озере Капоте и последовавшие за ней Нарушения Реальности
Глава десятая,. в которой наши герои проходят Вторую Долину, Санчо тоже встречает Любовь, а затем, в Третьей Долине, они выходят за пределы Знания как такового
Глава одиннадцатая. Доктор Смайл встречается с мистером Тайером, а Дедушка возникает из Прошлого, чтобы разрушить Настоящее
Глава двенадцатая. Череда абсурдных Событий во время короткой Остановки в Нью-Джерси
Глава тринадцатая. Кишот осваивается в Большом Городе;. Санчо переживает множество Откровений и попадает в опасную для жизни Переделку
Глава четырнадцатая. Автор, известный также как Сэм Дюшан, встречается с Незваным Незнакомцем
Глава пятнадцатая,. касательно Сестры и Того, что нельзя простить
Часть III
Глава шестнадцатая. Женщина-Трамплин рассказывает Санчо и Кишоту Историю о Преда-

тельстве, и Дорога оказывается открыта
Глава семнадцатая,. в которой Сестра завершает Семейную Историю и свою собственную Игру
Глава восемнадцатая. Кишот достигает своей Цели, в то время как на его Возлюбленную обрушиваются Позор и Скандал
Глава девятнадцатая,. в которой Санчо получает ответ на свой Вопрос
Глава двадцатая,. в которой мы узнаем о сердце Автора
Глава двадцать первая,. в которой наступает Конец Света и Путешествие становится Бесконечным
Благодарности

Аннотация

Сэм Дюшан, сочинитель шпионских романов, вдохновленный бессмертным шедевром Сервантеса, придумывает своего Дон Кихота – пожилого торговца Кишота, настоящего фаната телевидения, влюбленного в телезвезду. Вместе со своим (воображаемым) сыном Санчо Кишот пускается в полное авантюр странствие по Америке, чтобы доказать, что он достоин благосклонности своей возлюбленной. А его создатель, переживающий экзистенциальный кризис среднего возраста, проходит собственные испытания.

Салман Рушди
Кишот

Посвящается Элизе

© Salman Rushdie, 2019
© А. Челнокова, перевод с английского, 2021
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021
© ООО “Издательство АСТ”, 2021
Издательство CORPUS ®

Как произносится имя главного героя

На французском имя великого Дон Кихота, *Quichotte*, произносится как *“key-SHOT”*,

на немецком в том же написании как “key-SHOT-uh”,

итальянское *Chisciotte* звучит как *“key-SHO-tay”*,

в испанском приняты два написания — *Quixote* и *Quijote*, которые читаются одинаково *“key-HO-tay”.*

Португальцы предпочитают звуку “h” звук “sh”. Они произносят его во втором слоге независимо от написания — *Don Quixote/Quijote*.

Возможно, сам Сервантес произносил это имя как *“key-SHO-tay”* в соответствии с нормами испанского языка своего времени.

В нашем тексте мы предпочитаем использовать элегантное французское *“key-SHOT”* — со временем причины такого выбора будут непременно ясны читателю.

И все же, наш добрый читатель, ты волен сам выбирать милое твоему сердцу звучание, ведь для всех и каждого из нас единственный в своем

роде Дон — свой.

Часть I

Глава первая
Кишот, Мужчина в годах, познает Любовь, отправляется в Странствие и становится Отцом

Жил когда-то в Америке, не имея постоянного адреса, торговый агент родом из Индии, чьи годы стремительно уходили, унося с собой способность трезво мыслить, а непомерная любовь к бессмысленным телепередачам привела к тому, что в желтых от электрического освещения номерах дешевых мотелей он слишком много смотрел телевизор, от чего с ним случился редкий психический недуг. Он поглощал утренние программы, дневные передачи и шоу после полуночи, смотрел ток-шоу, мыльные оперы, комедии, реалити-шоу, второсортные сериалы для подростков, сериалы о врачах, полицейских, вампирах и зомби, истории из жизни домохозяек из Атланты, Нью-Джерси,

Беверли-Хиллс и Нью-Йорка. Он следил за развитием любовных отношений, примирениями и ссорами между гостиничными принцессами и самопровозглашенными принцами, за людьми, прославившимися благодаря тому, что в нужный момент они оказались голыми, за сиюминутной славой юнцов, получивших известность в социальных сетях после пластических операций, сделавших их обладателями третьей груди либо — благодаря удалению ребер — фигуры, точь-в-точь повторяющей недостижимые для человека формы куклы Барби производства фирмы "Маттел", а также за облаченными в малюсенькие трусики-бикини девушками, чей путь к славе был намного проще, ведь им посчастливилось выловить гигантского карпа в живописной местности. Смотрел он также конкурсы певцов и кулинаров, бизнес-дельцов и бизнес-наставников, мастеров управлять игрушечными машинками-монстрами и модельеров, шоу одиноких сердец для холостяков и незамужних девушек, бейсбольные матчи, баскетбольные матчи, футбол, рестлинг, кикбоксинг, экстремальный спорт и — непременно! — конкурсы красоты. (Он никогда не смотрел "хоккей". Для человека его этнического происхождения, чья юность прошла в тропиках,

хоккей — к тому же известный в США как “хоккей на траве” — был игрой, в которую играют на поле. А потому он считал, что играть в хоккей на льду — все равно, что кататься на коньках по лужайке.)

В результате такого непрерывного поглощения телевизионной продукции, которая прежде была ему доступна лишь благодаря складывавшемуся в изображение потоку электронов на экранах телевизоров с лучевыми трубками, а в новые времена — на плоских жидкокристаллических и плазменных мониторах, или дисплеях на органических светодиодах, он сделался жертвой все чаще поражающего нас психического недуга, из-за которого в сознании людей стирается грань между правдой и вымыслом. Случалось, что он вовсе не мог отличить реальность от “реальности” и считал себя настоящим жителем (вернее, невидимым обитателем) воображаемого мира по ту сторону экрана, что был столь мил его сердцу и — как он искренне верил — служил для него, а также для всего человечества, моральным, общественным и практическим руководством, как следует жить на свете. Время шло, и он увязал в этих зыбучих песках нереальной реальности все глубже, по праву считая себя ее частью, вступая

во все более тесные отношения с обитателями этого красочного мира, словно современная Дороти, всерьез раздумывающая, не перебраться ли ей в страну Оз навсегда. Так продолжалось, пока в какой-то момент все это не переросло в нездоровое (а каким еще может быть влечение, обреченное остаться без ответа) чувство, направленное на одну конкретную обитательницу телевизионного мира — прекрасную, дерзкую и обожаемую публикой мисс Салму Р., — в слепую страсть, которую он сам, довольно опрометчиво, принял за настоящую любовь. Любовь, во имя которой он поклялся, презрев любые опасности, отыскать путь в тот лучший из миров, в котором, среди себе подобных, в высоком разрешении обитает его “возлюбленная”, чтобы рыцарскими подвигами и душевным благородством навсегда завоевать ее сердце.

Этот человек медленно разговаривал и медленно двигался, немного приволакивая при ходьбе правую ногу вследствие произошедшего много лет назад Внутреннего События. Случившееся тогда повредило и его память: до мелочей помня события глубокой давности, он лишь обрывочно мог припомнить, что происходило с ним в среднем возрасте. Его воспоминания об этом

периоде жизни были как груда кирпичей, наспех накиданная нерадивым строителем, желающим создать видимость ровной стены, тут и там зияющая дырами и пробелами. Эти лакуны в памяти он заполнял фальшивыми воспоминаниями, которые черпал из увиденного по телевизору В целом же, несмотря на все недостатки, для своих лет он пребывал в весьма хорошей форме. Это был высокий человек с несколько, пожалуй, вытянутой фигурой, как на картинах Эль Греко или в скульптурах Альберто Джакометти. Как правило, люди *с* подобной внешностью оказываются склонны к меланхолии; ему же, напротив, посчастливилось обладать неоценимыми для торгового агента достоинствами: располагающей улыбкой и старомодными манерами джентльмена. В свои лучшие годы, довольно долго, он как раз работал торговым представителем. Успеху на этом поприще способствовала и подходящая фамилия — Смайл. *"Мистер Исмаил Смайл, менеджер по продажам, фармацевтическая компания «Смайл», Атланта, штат Джорджия"* — гласила его визитная карточка. Он очень гордился, что носит ту же фамилию, которая фигурирует в названии корпорации, где он работает. Традиционное для семьи имя. Название семейства

товаров. Это непременно должно давать определенные преимущества — по крайней мере, он в это верил. Однако теперь, когда наступила пора его последнего, самого невероятного приключения, он решил выбрать для себя другое имя.

(Необычная фамилия *Смайл,* кстати говоря, представляет собой американизированную форму фамилии *Исмаил,* так что на самом деле престарелый торговый представитель мог зваться мистер Исмаил Исмаил или, если угодно, мистер Смайл Смайл. Темнокожий американец, вожделеющий темнокожую американку. Впрочем, сам он никогда не считал, что все, что с ним происходит, как-то связано с его расой. Он сделался человеком, не зависящим от цвета собственной кожи, если так, конечно, можно сказать. Таковым сделал его избранный им путь. Путь, следуя по которому ему суждено подвергнуть сомнению и в корне поменять еще очень многое в своей жизни.)

Чем больше он думал о женщине, любви к которой он поклялся посвятить себя до гробовой доски, тем яснее осознавал, что столь влиятельная особа едва ли рухнет в обморок от счастья, услышав от совершенно незнакомого человека, что он испытывает к ней *amour fou,* безумную лю-

бовь. (Он был безумен, но *не настолько.)* А значит, ему следует продемонстрировать всем и каждому, что он достоин ее, и с этого момента главным делом его жизни станет сбор подобных доказательств. Именно так! Он докажет, что достоин ее! Сейчас, когда он начал свое странствие-квест, ему важно постоянно информировать о своих деяниях объект обожания, а потому ему следует вступить с ней в переписку, одно за другим посылать письма, в которых он сможет излить перед ней свою душу, раскрыть всю силу своей любви и неколебимую решимость, с какой он будет завоевывать ее руку и сердце. В этот момент его одолели сомнения. Если он раскроет перед ней всю ничтожность своего настоящего положения, она, возможно, с милым смешком отправит его письмо в мусорную корзину, после чего для нее с ним будет навсегда покончено? Если сообщит в письмах свой возраст или опишет детали внешности, она, быть может, отшатнется от него, испытав одновременно ужас и веселье? Если напишет свою, явно указывающую на благородное происхождение фамилию Смайл, к тому же связанную с большими деньгами, возможно, прочитав его письмо в дурном настроении, она сообщит его имя властям, которые станут

гоняться за ним, как за собакой; если предмет его обожания поступит с ним так, это разобьет ему сердце, и он умрет. Поэтому он решил до поры до времени хранить свою подлинную личность в секрете и открыться лишь после того, как его письма и описанные в них поступки смягчат ее сердце и она будет готова благосклонно принять его ухаживания. Но как он поймет, что настал подходящий момент? Этот вопрос он пока оставил без ответа. Прямо сейчас он должен начать нечто важное. И вот однажды ему пришло подходящее для использования в письмах имя, самая верная идентичность, оно явилось ему на границе сна и яви, когда он размышлял, как бы изменилась наша жизнь, если бы волшебные миры, что мы видим за завесой сомкнутых ресниц, смогли проникнуть в реальность и стать ее частью.

В то утро ему снилось, будто он сам будит себя ото сна:

— Взгляни на себя! — взывал снящийся он к себе полусонному. — Такой высокий, такой тощий, уже совсем древний, а бороду смог отрастить клочковатую, как у прыщавого подростка. К тому же, надо признать, немного не в себе, из тех, кто вечно где-то в облаках витает, таким что кучевые, что перистые, что и вовсе грозовые — все одно

милее твердой земли. Вспомни хотя бы, какая музыка тебе больше всего нравилась, когда ты был ребенком! Теперь-то ты, я знаю, предпочитаешь трели участников “Голоса” или “Американского идола”. А ведь когда-то любил то, что слушал твой наделенный художественным вкусом отец, по части музыки ты разделял его предпочтения. Помнишь его любимую запись?

Не успела по мановению руки снящегося Смайла появиться виниловая пластинка, как полусонный Смайл тотчас узнал ее. Это был “Дон Кихот”, опера Жюля Массне.

— Весьма отдаленно соотносится с шедевром Сервантеса, ты согласен? — задумчиво изрек фантом. — Как и ты весьма отдаленно напоминаешь себя самого.

Все было решено. Он выбрался из кровати в своей полосатой пижаме — гораздо проворнее, чем обычно, — и захлопал в ладоши. Да! Вот псевдоним, которым он станет пользоваться в своих любовных письмах. Он станет для нее непревзойденным джентльменом, Кишотом. Он будет ее Ланселотом, а она его Гвиневрой, он унесет ее в Радостный Гард. Он будет для нее, как выразился Чосер в “Кентерберийских рассказах”, *verray, parfit, gentil*— истинным, совершенным,

благородным рыцарем.

Мы живем в Эпоху, Когда Возможно Все, напомнил он себе. Он много раз слышал, как люди говорили это по телевизору и в видеосюжетах, плавающих в киберпространстве, что придавало его одержимости свежий, высокотехнологичный оттенок. Больше не существует правил. В Эпоху, Когда Возможно Все, возможно все. Те, кого ты считал друзьями, могут оказаться врагами, а бывшие враги — самыми близкими тебе людьми, даже любовниками. Теперь нельзя что-либо предсказать — ни погоду, ни вероятность войны, ни исход выборов. Женщина может влюбиться в домашнюю свинку, а мужчина жить с совой. Спящая красавица, пробужденная поцелуем, может начать говорить на незнакомом языке и проявлять совершенно иной характер. Наводнение может стереть ваш город с лица земли. Ураган может подхватить ваш домик и унести в далекую страну, приземлясь в которой он раздавит злую волшебницу. Преступники могут становиться королями, а короли оказываться преступниками. Человек может обнаружить, что женщина, с которой он живет, — незаконнорожденная дочь его отца. Целая нация может сигануть *с* утеса, словно стая леммингов. Актеры, исполнявшие на

телевидении роли президентов, могут стать президентами. Может закончиться вода. Женщина может родить ребенка, которого еще до рождения будут считать богом. Слова могут утрачивать свои прежние значения и приобретать новые. Может случиться конец света — по крайней мере, один крупный воротила от науки настойчиво пророчит это. Дурной запах — предвестник конца. Вот и телезвезда может чудесным образом ответить взаимностью старому простофиле, и эта невероятная романтическая победа станет искуплением всей его долгой и ничтожной жизни, она озарит его последние дни светом подлинного величия.

Кишот пришел к своему великому решению в гостинице “Под красной крышей” (Гэллап, штат Нью-Мексико, население 21 678 чел.). Торговый агент с желанием и завистью смотрел на историческое здание гостиницы “Эль Ранчо”, в которой в эпоху популярности вестернов останавливались приехавшие на съемки кинозвезды, начиная с Джона Уэйна и Хамфри Богарта и заканчивая Кэтрин Хепберн и Мэй Уэст. “Эль Ранчо” была ему не по карману, и он проехал дальше, к более скромной “Под красной крышей”, которая полностью вписывалась в его бюджет. Он был

человеком, безропотно принимающим то, что отмеряла ему жизнь. В то утро, когда он проснулся в гостиничном номере новым удивительным человеком, телевизор, который он вчера забыл выключить, вовсю работал. На экране Стив Стакер, ведущий прогноза погоды на канале КОВ-4, представлял в программе “Парад питомцев” своих любимцев, очевидно, также звезд прогноза погоды, псов Радара, Реза, Сквики и Таффи. Значит, была пятница, и свеженареченный мистер Кишот (для себя он сразу решил, что не имеет ни малейших оснований претендовать на аристократическое “Дон”) был полон сил — словно перед ним чудесным образом появилась усыпанная цветами дорога, которая должна привести его прямо к возлюбленной, — несмотря на усталость после рабочей недели, которую он провел, объезжая практикующих врачей в Альбукерке и окрестностях. За вчерашний день он успел побывать в трех компаниях, *Rehoboth McKinley Christian Health Care Services*, *Western New Mexico Medical Group* и *Gallup Indian Medical Center* (последняя специализировалась на медицинском обслуживании представителей коренного населения здешних мест, индейцев племен хопи, навахо и зуни). Продажи шли хорошо — так он считал,

несмотря на сдавленные смешки и неодобрительные мины, с которыми люди встречали его осторожные откровения по поводу предстоящего отпуска, который он проведет в самом Нью-Йорке (население 8623000 чел.) со своей новой девушкой, Очень Известной Особой, настоящей королевой высокорейтингового телевидения. К тому же он оконфузился в медицинском центре для индейцев:

— Я ведь индиец, то есть практически индеец! Точка на лбу — вот и все различия! Я счастлив быть здесь, в индейско-индийской стране! — Эту его остроту никто не оценил.

У него уже давно не было постоянного пристанища. Его домом была дорога, гостиной — салон машины, гардеробной — чемодан; всевозможные “Под красной крышей”, “Шесть дней в неделю”, “Жилье посуточно” и другие гостиничные заведения предоставляли ему постель и телевизор. Он предпочитал те, где предлагали хотя бы несколько платных кабельных каналов, но, за неимением лучшего, мог довольствоваться и базовым пакетом программ. Однако тем утром у него не было времени для местной звезды прогноза погоды и его собачек из приюта. Он хотел поговорить с кем-нибудь из друзей о своей любви, рассказать о

странствии, в которое готов пуститься ради нее.

По правде говоря, друзей у него не осталось. Был богатый двоюродный брат, работодатель и покровитель доктор Р. К. Смайл, его жена со счастливым именем Хэппи, хотя с ними обоими он виделся довольно редко, да еще портье из нескольких отелей, в которых он особенно часто останавливался. Еще несколько людей внутри страны и по всему миру могли испытывать к нему теплые, возможно дружеские, чувства. Кроме того, была одна женщина в Нью-Йорке (она называла себя Женщиной-Трамплином), которая могла снова начать ему улыбаться, если ему повезет и она примет его извинения. (Он знал — или полагал, что знает, — что непременно должен перед ней извиниться, хотя до конца не помнил за что, и порой ему казалось, что его пострадавшая память играет с ним злую шутку и извиниться перед ним должна она.) У него не было ни социальных связей, ни группы единомышленников, ни школьных товарищей, ни просто нормальных мужиков; он давно отошел от суетной жизни в обществе. Среди тех, кого он пригласил сам или чье приглашение в друзья принял на своей странице в фейсбуке, помимо немногочисленных коллег торговых представителей были лишь всякого

рода искатели приключений, самовлюбленные фанфароны, эксгибиционисты и разбитные дамы, чей эротический пыл сдерживали лишь общепринятые пуританские правила. Эти "друзья" по репостам узнали о его плане, когда он опубликовал его на своей странице, и сразу поняли, что это глупая, практически безумная затея, они начали уговаривать его — ради его же блага — не преследовать мисс Салму Р. и не домогаться ее. В ответ на свой пост он получил рожицы насупленных эмодзи, неодобрительно опущенные вниз большие пальцы и гифки *с* изображением мисс Салмы Р., где она закатывала глаза, показывала ему язык и крутила пальцем у правого виска, что на универсальном языке жестов означает, что она считает его совсем "ку-ку". Увы, это его не остановило.

Подобные истории, как известно, ничем хорошим закончиться не могут.

В годы своей юности — оставшейся в таком далеком прошлом, что воспоминания о ней были довольно ярки, — он был настоящим странником, истинным пилигримом, не чета бродяге-торговцу, которым стал теперь, и исколесил весь свет вдоль и поперек, желая увидеть все, что можно увидеть от мыса Горн и Огненной Земли, края

земли, где кажется, что мир исчерпал все свои краски, и всё вокруг, люди и предметы, видится черно-белым, до пустынного Восточного Ирана, от кишащего тараканами Бама до приграничного Закедана, сбросившего власть шаха, от залива Шарк в Австралии, где он плавал среди чувствительных ко всему дельфинов, до живописнейшего африканского региона Серенгети, где наблюдал большую миграцию антилопы гну. Он праздновал Холи на Маврикии с говорящими на бходжпури потомками рабочих-переселенцев из Индии, а Бакр-Ид — в Кашмире с кормящимися за счет изготовления кашмирских шалей обитателями высокогорной деревушки Ару на леднике Колахои… Как бы там ни было, Внутреннее Событие, произошедшее с ним, едва он вступил в средний возраст, изменило все раз и навсегда. Придя в себя после случившегося, он почувствовал, что навсегда утратил свои амбиции и любопытство, что большие города давят на него и он жаждет забвения и одиночества.

К тому же он стал страшно бояться авиаперелетов. Он запомнил сон, в котором он сначала падает, а потом тонет, и пришел к убеждению, что сама идея передвижения по воздуху — самая глупая и вредная затея, предложенная силь-

ными мира сего простым смертным вроде него самого. То, что самолет взлетел и его пассажиры благополучно прибыли в пункт своего назначения, — вопрос удачи. Это ничего не доказывает. Он не намерен лишиться жизни, рухнув (как в своем сне) с небес в воду либо (что, видимо, еще менее приятно) на землю, а потому, раз уж божество здоровья было милостиво к нему и даровало определенное выздоровление, он твердо решил, что больше никогда не поднимется на борт ни одного монстроподобного перевозочного контейнера, способного поднять его на тридцать тысяч футов от земли, а то и выше. Он выздоровел, хоть и слегка хромал, и с тех пор передвигался исключительно наземным транспортом. Временами ему хотелось совершить какое-то морское путешествие — скажем, вдоль американского побережья в Бразилию или Аргентину, либо через Атлантический океан в Европу, но до организации путешествия дело так и не дошло, к тому же его слабеющее здоровье и стремительно тающий банковский счет не оставляли возможности для осуществления подобного предприятия. Итак, он стал истинным сыном дороги, и навсегда им останется.

Он возил с собой старенький рюкзак, в котором

хранил, тщательно обернув бумагой и целлофаном, маленькие сувениры из прошлых поездок: сомнительный образец “найденного искусства” из Китая — отполированный камень с рисунком, отдаленно напоминающим лесистый горный пейзаж; слепок человеческой головы в духе гандхарской буддийской скульптуры; раскрытую в умиротворяющем жесте деревянную руку из Камбоджи с символом мира на ладони; пару кристаллов — поменьше и побольше, — имеющих правильную форму звезды; викторианский медальон, внутрь которого он поместил фотографии родителей; три другие фотографии тропического города времен его детства; изготовленную в эдвардианскую эпоху английскую машинку для обрезания сигар в виде дракона с отточенными зубами; коробок индийских спичек формы “Чита” с изображением крадущегося гепарда; маленькую мраморную фигурку удода, а также Китайский веер. Эти тринадцать предметов имели для него особое значение. Заходя в снятый на одну ночь гостиничный номер, он тратил около двадцати минут на то, чтобы их расставить. Они должны были располагаться в точном порядке, занимать друг относительно друга определенное положение, и стоило ему удачно их расставить,

он немедленно чувствовал себя дома. Он знал, что, если эти священные для него предметы не займут каждый свое место, его жизнь утратит равновесие, он ударится в панику, провалится в депрессию и в конце концов умрет. Сама его жизнь была заключена в этих предметах. Пока они у него, его путь лишен опасностей. Эти вещи были его прибежищем.

Ему повезло, что Внутреннее Событие не превратило его в полного идиота вроде постоянно спотыкавшегося повредившегося головой парня, которого он встретил однажды в парке, не способного ни на что сложнее уборки опавших листьев. Он же много лет проработал торговым представителем фармацевтической компании и продолжал это делать, несмотря на постпенсионный возраст и все менее стабильное и более неустойчивое, непредсказуемо капризное и упрямо одержимое состояние психики, но благодаря доброте все того же двоюродного брата-богатея, Р. К. Смайла, доктора медицины и успешного предпринимателя, который, посмотрев по телевизору постановку по пьесе Артура Миллера “Смерть коммивояжера”, боялся, что увольнение может приблизить безвременную кончину престарело-

го родственника[1].

Фармацевтический бизнес доктора Смайла всегда шел успешно, но обезболивающий препарат фентанил, который его лаборатории в Джорджии не так давно начали производить в форме сублингвального спрея, за короткое время сделал его миллиардером. Будучи распыленным под язык, этот сильный опиоид мгновенно облегчал боль даже у пациентов с последней стадией рака, боль, которую представители медицинского сообщества предпочитают называть, прибегая к эвфемизму, “прорывная”. Прорывная значит непереносимая. А новый спрей мог сделать непереносимую боль переносимой, переносимой хотя бы на час. Благодаря коммерческому успеху этого препарата, зарегистрированного под именем торговой марки *InSmile*[1], доктор Р. К. Смайл мог позволить себе роскошь держать в компании престарелого родственника, закрывая глаза на продуктивность его работы. И вот что странно: оказалось, что прогрессирующее безумие Кишота — одним из главных признаков которого является неспособность отличить *то-что-есть*

[1] Примечания: 1

Нельзя не отметить, что, как мы уже очень скоро убедимся, доктор Смайл при этом был по-настоящему добрым человеком. *(Прим. автора)*

от *того-чего-нет* — до поры до времени никак не сказывалось на его способности выполнять рабочие обязанности. На самом деле его состояние в чем-то способствовало получению коммерческой выгоды, ведь даже самые сомнительные и при том отнюдь не малочисленные позиции компании он представлял с полной уверенностью в их безусловных конкурентных преимуществах и рекламируемых свойствах, не замечая ни очевидной недоговоренности в рекламных акциях компании, ни того, что местами ее продукция нисколько не отличалась от аналогов на рынке, а порой и вовсе им уступала. Его неспособность увидеть границу между реальностью и вымыслом, а также личное обаяние и обходительные манеры, были настолько убедительны, что превратили его в одного из лучших промоутеров компании двоюродного брата.

И все же настал тот день, когда доктор Смайл осознал всю тяжесть овладевающего двоюродным братом недуга и выдворил его на пенсию. Он сообщил об этом Кишоту лично, в самой тактичной форме, специально прилетев во Флагстафф, Аризона (население 70320 чел.) из международного аэропорта Атланты на своем новеньком частном “Гольфстриме G650ER”, после тревож-

ного звонка директора компании *West Flagstaff Family Medicine*, г-на Д. Ф. Вайнона (практикующего остеопата, магистра экономики, члена ассоциации семейных врачей-остеопатов), который, не скрывая своей озабоченности, сообщил доктору Смайлу, что разоткровенничавшийся во время деловой встречи Кишот поведал ему, что собирается сопровождать великолепную мисс Салму Р. на следующую церемонию вручения "Оскара", эту *ярмарку тщеславия*, в качестве официального спутника, после чего их отношения станут достоянием широкой общественности. Кишот и доктор Смайл встретились в номере отеля "Релакс" (ул. Хисторик-рут, дом 66), в нескольких милях от аэропорта Пульям. Они странно смотрелись рядом: приволакивающий ногу долговязый медлительный Кишот и маленький, так и пышущий энергией доктор Смайл, одного взгляда на которого было достаточно, чтобы понять, что это — большой начальник.

— О чем ты думал? — спросил он с печалью и обреченностью *(на этот раз я не смогу тебе помочь)* в голосе, на что Кишот, ничуть не усомнившись в своем бредовом заявлении, живо отреагировал:

— Признаю, я несколько увлекся и поторопил

события. Прошу прощения. Но ты же знаешь, что значит быть влюбленным — просто не можешь остановиться, когда речь идет о твоей возлюбленной, хочешь постоянно говорить о ней одной.

Во время разговора он постоянно щелкал пультом, переключая каналы с баскетбольного матча на канале ESPN на криминальное шоу на *Oxygen* и обратно, что вкупе с подчеркнутой любезностью Кишота раздражало доктора Смайла.

— Ты ведь понимаешь, — произнес он настолько вкрадчиво, как только мог, — что теперь мне придется тебя уволить.

— Конечно. Ничего страшного, — услышал он в ответ, — ведь так совпало, что я как раз собирался отправиться в странствие.

— Ясно, — медленно произнес доктор Смайл. — Должен сказать, что готов предложить тебе крупную сумму в качестве единовременного выходного пособия — не бог весть что, но и не мало, — чек у меня с собой. Ты скоро убедишься, что и пенсионные выплаты у бывших сотрудников “Смайл фармасью-тиклс” не из маленьких. Я надеюсь и верю, что у тебя все будет в порядке. Ну и, как будешь в Бакхеде или летом в Джорджии, на Золотых островах, помни, что наши двери всегда открыты для тебя. Заезжай, поедим бириани

с моей супругой.

Миссис Хэппи Смайл была соблазнительной брюнеткой с пышными волосами. К тому же, вне всякого сомнения, на кухне она была настоящей волшебницей. Заманчивое предложение.

— Большое спасибо, — вежливо поблагодарил Кишот, засовывая в карман чек. — Скажи, пожалуйста, ты же не будешь возражать, если я приеду к вам вместе с Салмой? Когда мы воссоединимся, будем неразлучны, ты сам увидишь. Уверен, моей Салме очень понравится восхитительный бирияни, что готовит твоя супруга.

— Ну разумеется, нет! — заверил его доктор Смайл, поднимаясь, чтобы уйти. — Обязательно приводи ее к нам! И вот еще что, — добавил он, — теперь, когда ты на пенсии и больше не работаешь на меня, мне бы очень пригодилось, если бы я мог иногда просить тебя оказывать мне небольшие личные услуги. Ты мой близкий родственник, проверенный член семьи, и я знаю, что смогу полностью тебе доверять.

— Буду счастлив выполнить любую твою просьбу, — с легким поклоном ответил ему Кишот, — ты всегда был для меня лучшим кузеном на свете.

— Ничего сложного, честное слово, — заверил

доктор Смайл, — просто неофициальные поставки без огласки. Само собой, я беру на себя все накладные расходы, буду возмещать наличными.

Он немного замешкался у двери в комнату. Кишот неотрывно следил за происходящим на баскетбольной площадке.

— Чем ты собираешься заняться? — поинтересовался доктор Смайл.

— Можешь за меня не волноваться, — ответил Кишот, и на лице его заиграла счастливая улыбка, — дел у меня полно. Просто сяду в машину и поеду.

Уже давно, с тех пор как начались его странствия по стране на стареньком темно-сером “шевроле круз”, Кишот мечтал о жене и ребенке. Как было бы здорово, если бы на соседнем сиденье ехал его сын, которому он мог бы передать руль и несколько часов покемарить; сын, с которым он мог бы обсуждать актуальные проблемы мирового рынка и непреходящие ценности, а нескончаемая дорога под колесами автомобиля сблизила бы их, путешествие даровало бы им единение, которого невозможно достичь дома, в покое. Истинное родство — подарок, который может даровать одна лишь дорога тем, кто достоин

и следует по ней *с* должным уважением. Населенные пункты по пути их следования были бы для них не более чем техническими остановками на пути, в конце которого их душам предстоит слиться в мистическом союзе и познать вечное блаженство.

Но у него не было жены. Ни одна женщина не пожелала быть с ним рядом хоть сколько-нибудь долго, вот и детей не случилось. Так звучала краткая версия. В длинной версии, которую он запрятал так глубоко, что и сам мог теперь отыскать ее с трудом, присутствовали женщины, к которым он питал чувства, которых обожал почти так же сильно, как мисс Салму Р., и которых при этом знал лично. Он был уверен, что является мужчиной, способным на настоящее преклонение перед женщиной, то есть на то, на что большинство его товарищей-мужчин, неотесанные дикие мужланы, были решительно неспособны. А потому ему было больно признать, что практически все женщины, за которыми он пытался ухаживать, довольно скоро после начала этих ухаживаний сбегали от него со всех ног.

К тому же он поссорился с Женщиной-Трамплином. Кто бы из них ни был в этом виноват, расстались они отнюдь не надружеской но-

те. Быть может, он еще сумеет все исправить, главное вспомнить, в чем именно он перед ней виноват. Он непременно попробует это сделать.

Что же до его прошлых “романтических” связей, он был рад, что этих женщин больше нет рядом, и даже сомневался, существовали ли они на самом деле. Теперь, когда он решил отправиться в странствие, в конце которого он получит руку и сердце мисс Салмы Р., он почувствовал, будто в глубинах его памяти приоткрылась надежно скрывавшая прошлое завеса, и разом вспомнил все свои утраченные любови. Они прошли чередой перед его внутренним взором: ученый-агроном, менеджер из рекламного агентства, сногсшибательный специалист по связям с общественностью, искательница приключений из Австралии, американская лгунья, английская роза, азиатская красотка с каменным сердцем. Нет! Даже думать о них невыносимо. Они ушли, он избавился от них и больше не позволит им разбивать его сердце. Что произошло, то произошло — по крайней мере, он был почти уверен, что это случилось с ним на самом деле, — и был совершенно прав, похоронив воспоминания о них в самых отдаленных глубинах сердца, испепелив на костре своих несбывшихся надежд, навеки за-

точив в высокой башне собственных сожалений; забыть, забыть, забыть навсегда. Да, он забыл их — засунул в свинцовый саркофаг и запихал глубоко на дно океана своих воспоминаний, где они останутся лежать навечно, недостижимые даже для рентгеновского зрения супермена; вместе с ними он похоронил и человека, которым был тогда, и все, что этот человек делал, его бесконечные провалы, неудачи, поражения. Ему тогда казалось, что он оставил любые мысли о любви навеки, пока благодаря мисс Салме Р. в его душе вновь не проснулись желания и чувства, которые, как он считал, он навсегда похоронил вместе со своими неудавшимися связями — если, конечно эти женщины существовали в настоящей реальности и не были отголосками женщин из высшей реальности по ту сторону экрана, — и он не понял, что в нем проснулась последняя, истинная страсть, что он перестал быть заурядным ничтожеством и стал наконец тем великим человеком, что всегда жил внутри него, иначе говоря, Кишотом.

Он был бездетен, и его род должен прерваться на нем, если, конечно, он не попросит о чуде, которое будет ему даровано. К примеру, можно отыскать волшебный колодец. Он стал полностью

одержим этой идеей: если он будет действовать в строгом соответствии *с* тайными принципами работы Желания, возможны любые чудеса. Его связь с реальностью была настолько непрочной, что он всерьез взялся за изучение искусства желаний; помимо исполняющих желания колодцев он повсюду разыскивал исполняющие желания деревья, исполняющие желания камни и — со все возрастающей серьезностью — исполняющие желания звезды. Он провел изыскания, тщательно проштудировав пыльные библиотечные фолианты, посвященные магии звезд, и излазав большое количество веб-сайтов крайне сомнительного содержания (довольно часто ему приходилось видеть предупреждение “Осторожно! Этот сайт может нанести вред вашему компьютеру”), и пришел к выводу, что чаще всего сбываются желания, загаданные во время метеоритного дождя, ровно в ii.ii пополудни, с применением “косточек желаний”.

За год в Южном полушарии бывает семь метеоритных дождей — в январе, апреле, мае, августе, октябре, ноябре и декабре, это Квадрантиды, Лириды, Аквариды, Персеиды, Ориониды, Леониды и Гемениды. Уже много лет он охотился за ними, не пропуская ни одного, чтобы, с суперточными

часами на запястье и достаточным запасом куриных костей в кармане, увидеть, как падает звезда. Он умел быть целеустремленным, когда хотел. За прошедшие годы он уже наблюдал Квадрантиды в окрестностях Манси (население 68625 чел.), штат Индиана, Лириды в Долине монументов и Аквариды в горах Ринкон в пустынной части Аризоны. Предпринятые экспедиции, однако, пока не принесли желаемых плодов. “Не отчаивайся!” — говорил он себе. Уже скоро придет день, и Салма Р. родит ему троих, нет, пятерых — а почему бы нет?! — семерых младенцев одного краше другого, девочек и мальчиков. В этом он был уверен. И все же, принимая во внимание свои седины, он решил, что погоню за метеоритными дождями следует продолжать, тем более что после того, как двоюродный брат освободил его от рабочих обязанностей, у него появилось для этого больше времени. Похоже, его упорство произвело на небесные тела впечатление, ведь жаркой августовской ночью Персеиды исполнили его желание; это случилось в пустыне недалеко от Санта-Фе, в местечке Девилс-Тауэр, Башне Дьявола, Муркрофт (население 1063 чел.), штат Вайоминг. Ровно в и часов и минут он разломал 7 куриных косточек, в то время как

небесный дождь омыл потоками света созвездие Персея — Персея! воина, рожденного Данаей от Зевса, победителя Горгоны, — и случилось чудо. Его долгожданный сын, на вид лет пятнадцати от роду, материализовался прямо на пассажирском сиденье его “круза”.

Эпоха, Когда Возможно Все! Кишот не мог сдержать внутреннего ликования. Как же благодарен он был, что ему посчастливилось жить в такое время.

Его чудесным образом обретенный ребенок был черно-белым, выцветшим, словно снятым в модной нынче у многих кинематографистов манере. Кишот предположил, что, возможно, мальчик астрологически связан *с* известными своей монохромностью жителями архипелага Огненная Земля. А может, его вернули некогда похитившие инопланетяне, чей скрытый завесой метеоритного дождя корабль и сейчас висит над Девилс-Тауэр; они много лет ставили над ним эксперименты, из-за которых он стал черно-белым и за все это время ничуть не состарился. И правда, со временем, узнав сына ближе, Кишот видел в нем человека гораздо более старшего возраста. Больше всего он напоминал Кишоту мальчика с его немногочисленных сохранившихся детских

фотографий, сделанных на другом конце света. На одной из них девяти- или десятилетний Кишот был запечатлен в традиционном индийском костюме, белой курта-пажама и отцовских солнечных очках. На другой, где он был примерно одного возраста со своим сыном-фантомом и над верхней губой у него уже пробивались усы, он стоял в саду вместе со своей эльзасской сукой-распутницей. В детские годы Кишот был ниже и полнее большинства сверстников. А в конце подросткового периода вдруг вытянулся во весь свой нынешний рост, словно какая-то неведомая сила схватила его поперек туловища и захотела выдавить, как пасту из тюбика, и стал худым, как тень. По всей видимости, черно-белый мальчик как раз находился на пост пастовыдавливательной стадии: высокий и худой, как отец, к тому же в солнечных очках со старой фотографии Кишота. Курты-пажамы, однако, не было, одет он был как типичный американский подросток, в клетчатую фланелевую рубашку и джинсы с отворотами. Едва появившись на свет, он начал распевать старый рекламный сингл; его голос ломался, а явно недавно появившееся адамово яблоко смешно прыгало под кожей:

Бейсбол, хот-доги, яблочный пирог,

И точно “шевроле”, конечно “шевроле” —

Вот то, что любим мы; то, что любим мы!

Бейсбол, хот-доги, яблочный пирог…

Широченная улыбка расцвела на узком лице Кишота. Ведь это его сын, его чудесным образом обретенный мальчик, рожденный из мечты отца, как Афина из черепа Зевса, пел для него свою приветственную песнь, песнь сыновьей любви. И старый бродяга во все горло запел вместе с сыном:

Бейсбол, хот-доги, яблочный пирог и “шевроле”,

Только “шевроле”!

Только “шевроле”!

— Санчо, — закричал он, не зная, как выразить свое счастье, — маленький мой глупенький Санчо! Высоченный мой взрослый Санчо! Мой друг, мой товарищ, мой оруженосец! Мы с тобой — Старски и Хатч! Ты Спок, а я Кирк! Ты Скалли, а я Малдер! Ты Би Джей, а я Соколиный Глаз! Ты Робин, а я Бэтмен! Свет очей моих! Ки моего Пила, Стимпи моего Рена, Найлс моего Фрейзера, Арья

моего Клигана, Пегги моего Дона, Джесси моего Уолтера, Таббс моего Крокетта! Я тебя люблю! Мой Санчо, мой воитель, ты послан мне Персеем, ты принесешь мне победу над моей Медузой и поможешь завоевать сердце моей Салмы! Как долго я тебя искал!

— Погоди, батя, — прервал его воображаемый юноша, — я не втыкаю, ты это сейчас о ком?

Первые дни после ночи Персеева чуда Кишот не мог прийти в себя от счастья, потрясенный чудесным появлением на свет черно-белого подростка, которого он нарек Санчо. Он отослал текстовое сообщение доктору медицины Р. К. Смайлу. Доктор Смайл ему не ответил.

Кожа у Санчо была гораздо темней, чем у отца, это было хорошо видно даже с учетом черно-белого вида мальчика и навело Кишота на убедительное — по крайней мере для него самого — объяснение загадки его появления на свет. Оттенок кожи мальчика почти в точности повторял цвет кожи его Возлюбленной, мисс Салмы Р. Значит, Санчо мог быть гостем из будущего, ребенком, которого несравненная Салма родит Кишоту после свадьбы, который отправился в прошлое, чтобы стать для своего отца настоящим товарищем, в котором он так нуждался, и поло-

жить конец его затянувшемуся одиночеству. Для человека, знающего благодаря телевидению о перемещениях во времени все, такая версия была полностью правдоподобной. Он помнил Доктора Кто, повелителя времени из Британии, и предполагал, что Санчо мог высадиться на Землю со скрытого за сверкающими потоками метеоритного дождя космического корабля вроде ТАРДИСа. В таком случае его блеклость и черно-белый вид могли быть не более чем временным побочным эффектом путешествия во времени.

— Приветствую тебя, мой будущий сын! — ликовал Кишот. — Добро пожаловать в настоящее! Вместе мы непременно добьемся благосклонности женщины, которой суждено стать твоей матерью. Как сможет она устоять перед напором не только будущего отца своих детей, но и одного из будущих детей тоже? Успех ждет нас… Знаешь, сколько он значит для тебя? Молодой человек, если мы не сумеем завоевать ее расположение, ты просто не сможешь появиться на свет, а значит, не можешь и сейчас быть здесь. Понимаешь, о чем я говорю?

— Я есть хочу, — бесцеремонно оборвал его Санчо, — может, закончим болтовню и поедим?

Кишот отметил нетерпеливость сына, его него-

товность считаться с какими-либо правилами, желание идти вопреки. Ему это понравилось. Истинные герои, супергерои и даже антигерои не отличаются покорностью. Они получаются из тех, кто не желает идти в ногу, плыть по течению или дудеть в одну дуду со всеми. Он вспоминал Шерлока Холмса, Зеленую Стрелу и Нигана. К тому же он понимал, что не был с ним рядом все его детство, *где бы* оно ни прошло. Подросток наверняка таит на него обиду и, возможно, захочет отомстить. Кишоту понадобится время, чтобы убедить мальчика открыться, избавиться от обид, принять отцовскую любовь и одарить его сыновней любовью в ответ. Дорога — самое подходящее для этого место. У бок о бок идущих по дороге есть всего три возможности: разойтись, убить либо понять друг друга.

— Конечно! — с готовностью ответил сыну преисполненный надежд Кишот. — Сейчас обязательно поедим.

Глава вторая
Автор, Сэм Дюшан, размышляет о Прошлом и открывает новые Горизонты

Автор этой истории — в дальнейшем мы будем называть его Брат — осевший в Нью-Йорке писатель индийского происхождения, создавший к этому моменту под псевдонимом Сэм Дюшан уже восемь умеренно (не)успешных у читателей шпионских романов. И вот теперь он решился на кардинальные перемены, поскольку его захватила идея написать историю об утратившем связь с реальностью Кишоте и его безумной любовной гонке за сердцем несравненной мисс Салмы Р., создать книгу, совершенно непохожую на все, что он пытался делать до этого. Не успел он окончательно решиться на это, как им овладел страх. Он не мог понять, как ему в голову мог прийти такой до крайности странный замысел и почему

эта история так неотвратимо хочет быть написанной, что не оставляет ему выбора, заставляет взяться за перо. Со временем он стал догадываться, что в каком-то все еще не до конца понятном ему смысле Кишот — алчущий любви безумец, неудачник, уверенный, что непременно завоюет сердце королевы, — его герой Кишот был рядом с ним всю его жизнь, был его тенью, тайным “я”, присутствие которого он порой замечал краем глаза, но никогда не решался на него взглянуть. Вместо этого он кропал свои ничем не выдающиеся романы о жизни тайного мира, спрятавшись за чужим именем. Теперь он видел, что это было лишь способом убежать от истории, отражение которой он каждый день, как в зеркале, видел в себе самом, пусть и краешком глаза.

Его следующая мысль была еще более тревожной. Чтобы нелепый персонаж и закат его жизни, хроникером которых ему выпало стать, обрели убедительность, ему придется писать Кишота с самого себя, ведь автора и его героя связывают общее происхождение, национальность, поколение, место, время и прочие обстоятельства. Быть может, странная история Кишота — метаморфоза, парафраз его собственной жизни. И сам Кишот, узнай он о существовании Брата (что,

естественно, решительно невозможно), посчитал бы написанную им историю альтернативным изложением *собственной* судьбы, а не наоборот, и думал бы, что его “придуманную” историю писатель наложил на две их подлинные судьбы.

Короче говоря, они оба были американцами индийского происхождения, один реальным, другой вымышленным, оба давным-давно родились в городе, называвшемся тогда Бомбеем, и жили в соседних — реальных — кварталах. Их семьи с большой вероятностью могли быть знакомы (естественно, если бы одна из них не была вымышленной) и могли вместе играть в гольф или бадминтон в спортивном клубе “Виллингдон” или тянуть коктейли в Бомбейском клубе (то есть в обоих случаях встречаться в реальных местах). Они оба достигли того возраста, в котором все мы неизбежно оказываемся сиротами, а их поколение, предварительно успев ввергнуть планету в полный хаос, стремительно уходило со сцены. Оба жаловались на здоровье: Брат горбил спину, Кишот приволакивал ногу. Оба с возрастающей регулярностью натыкались на имена друзей (реальных и вымышленных) и знакомых (вымышленных и реальных) в колонке с некрологами. Оба были готовы, что это будет

случаться еще чаще.

Существовали и более глубинные параллели. Ведь если Кишот лишился рассудка, потому что по-настоящему любил людей по ту сторону телевизионного экрана и хотел стать одним из них, то Брат не меньше пострадал от другой мнимой реальности, где ничему нельзя было верить, отовсюду можно было ждать подвоха, любой мог оказаться кем угодно, где демократия оборачивалась коррупцией, тебя окружали двуликие двойные и трехликие тройные агенты, а любить кого-то означало ставить его под удар, где нельзя было доверять незнакомцам и любые сведения могли с одинаковой вероятностью быть достоверными или оказаться фальшивкой, а патриотизм был добродетелью, за которую тебя не наградят и не похвалят.

Довольно многое в жизни беспокоило Брата. Как у Кишота, у него сейчас не было ни жены, ни детей, но при этом когда-то был сын. Уже давно он исчез, как призрак, и сейчас был бы уже взрослым, но Брат продолжал вспоминать его каждый день с неиссякающей тоской. Довольно давно от него ушла и жена, а финансовое положение не отличалось стабильностью. И — это самое главное по сравнению с прочими частностями

— с какого-то момента Брат начал чувствовать, что за ним кто-то следит, на это указывали припаркованные на углу возле его дома машины с тонированными стеклами и работающим двигателем; шаги за спиной, которые затихали, стоило ему остановиться, но возобновлялись, стоило ему сдвинуться с места; щелчки в телефоне и странные ошибки, которые выдавал его компьютер; скрытые угрозы в банальных на первый взгляд рекламных рассылках и комментариях в твиттере и сдержанных письмах из издательства, в которых его вместе с целым рядом других авторов-середнячков оповещали, что в будущем у них могут возникнуть сложности с публикацией своих произведений. Что-то постоянно случалось *с его* кредитными карточками, да и его страницы в социальных сетях взламывали слишком уж часто, чтобы счесть это случайностью. Однажды, придя домой поздним вечером, он ясно понял, что в его квартире кто-то побывал, хотя все выглядело ровно так, как прежде. Если признать, что нашим миром движет одно из двух, паранойя (вера в то, что все в мире имеет смысл, но лишь на некоем тайном, несовместимом с реальностью уровне, и что этот скрытый абсурд есть не что иное, как ты сам) или энтропия (вера в то, что ничто в мире

не имеет смысла, и тепловая смерть Вселенной неизбежна), Брат бесспорно был законченным параноиком.

Если безумие заставляло Кишота сломя голову бежать навстречу собственной судьбе, мнительность то и дело подсказывала Брату свернуть с выбранной дороги. Он хотел убежать, но не знал, куда и как, и со все возрастающим ужасом понимал, что в своих шпионских романах уже ответил на свой вопрос. Убежать можно, спрятаться — нет.

Быть может, работа над историей Кишота была его попыткой убежать от этой горькой истины.

Ему было трудно говорить с другими людьми о личном из-за врожденной скрытности. С детства его отличала любовь к секретности. Еще ребенком он нацеплял на нос отцовские солнечные очки, чтобы его глаза не рассказали о нем лишнего. Он прятал вещи и развлекался, наблюдая, как родители разыскивают кошельки, зубные щетки и ключи от машин. Друзья не боялись делиться с ним секретами, зная, что он будет молчать, как фараон в пирамиде, они доверяли ему невинные и не столь невинные секреты. Невинные: какая девочка без ума от какого мальчика, какой мальчик втюрился в какую девочку, пьянство

и постоянные ссоры родителей, открытие радости мастурбации. Не столь невинные: о том, как они насмерть отравили соседскую кошку, как воровали комиксы из книжного магазина “Читательский рай” и чем занимались с теми самыми втюрившимися девочками или мальчиками. Его молчание, точно вакуум, обволакивало чужие секреты, гарантировало, что, сорвавшись с чужих губ, тайна попадет исключительно в его ухо. Он никогда не использовал чужие секреты в собственных целях. Ему было достаточно того, что он единственный, кто их знает.

Свои секреты он хранил так же твердо. Родители смотрели на него со смесью непонимания и беспокойства.

— Кто ты? — прямо спросила его как-то мать *с* обидой в голосе. — Неужели ты на самом деле мой родной сын? Иногда мне кажется, что ты инопланетянин, которого прислали на Землю наблюдать за людьми и собирать информацию, и когда их корабль заберет тебя обратно, твои маленькие зеленые сородичи узнают о нас все.

Такой уж была его мать: она умела быть эмоционально жестокой и не могла промолчать, если ей в голову приходила какая-то на ее взгляд удачная мысль; ее не заботило, насколько глубокие

раны оставляют ее слова. Отец выражался более деликатно, но думал так же.

— Посмотри на свою младшую сестру, — посоветовал он как-то, — и постарайся вести себя, как она. Рот у нее просто не закрывается. Она открытая книга.

Родительские увещевания так ни к чему и не привели, он остался таким же скрытным и при любом удобном случае собирал все слухи и сплетни о других. Что до открытых книг, подростком он открывал почти одни детективы. В детстве Секретная семерка нравилась ему куда больше Великолепной пятерки, а Таинственный сад привлекал гораздо сильнее Волшебной страны. Когда он подрос, то предпочитал Эллери, Эрла и Агату, истории о Сэме Спейде и Филипе Марлоу, “злые улицы” и заговоры молчания. С годами его тайные миры множились. “Тайный агент” и “Человек, который был Четвергом”, истории шпионских заговоров и тайных обществ были его учебниками. В подростковые годы он начал изучать руководства по черной магии и картам таро — его влечение ко всему таинственному, тайным знаниям о большом и малом было непреодолимо — и научился гипнотизировать друзей, хотя главный объект его стараний, красивая дев-

чонка, чью благосклонность он надеялся таким способом обрести, осталась к нему равнодушна даже под действием гипноза. Он рос с мечтой разгадать секретный ингредиент кока-колы, знал тайные ипостаси всех супергероев и даже знал, в чем же на самом деле состоит “Секрет Виктории”. Интересно? Просто во времена этой самой Виктории дамы носили белье откровенно низкого качества, ясно? Он всегда выбирал одну из трех аббревиатур SIS, ISI, OSS или CIA — Секретная разведывательная служба Великобритании, Межведомственная разведка Пакистана, Управление стратегических служб США или Центральное разведывательное управление.

Так постепенно он пришел к тому, что и сам, под псевдонимом, начал писать шпионские романы. Они не принесли ему широкой известности, как, очевидно, не принесет и задуманная им книга о Кишоте, если ему, конечно, удастся дописать и издать ее. Сэм Дюшан, автор нескольких романов о деятельности международного альянса спецслужб “5 глаз”, НЕвостребованный, НЕизвестный, НЕбогатый; когда в магазине люди спрашивали его книги, то обычно неправильно произносили его псевдоним как “Сэм де Шам”, словно он был “мутным хулиганом”, солистом

группы “Сэм зе Шам и фараоны”, который ездит на свои концерты на катафалке. Это казалось Брату немного оскорбительным.

Да, имя на обложках его книг скрывало этническую принадлежность, как сценическое имя Фредди Меркьюри скрывало парса индийских кровей Фарруха Булсару. Не то чтобы солист “Квин” стеснялся собственного происхождения, он не хотел, чтобы его творчество поместили в ячейку “этническая музыка”, окружив всем тем, что белые ожидают от музыки цветных. Брат чувствовал то же самое. Помимо прочего, мы живем в век придуманных имен. Социальные сети — лучшее тому доказательство. Каждый из нас нынче он сам и кто-то другой.

В мире литературы псевдонимы используются довольно широко, так было всегда. Женщины особенно часто скрываются за ними. Брат верил (конечно же он не ставил свой скромный талант в один ряд *с* их гениями), что сестры Бронте, они же Каррер, Эллис и Эктон Беллы, Джордж Элиот и даже Джоан Роулинг (предпочитающая менее гендерно окрашенное Д.К. или Дж. Роулинг) прекрасно поняли бы его.

История общины темнокожих выходцев из Южной Азии в США полна противоречий. Еще

в начале XX века (не вымышленному) легендарному общему предку Кишота и доктора Р. К. Смайла, который первым из их семьи перебрался в Америку, где жил и работал до самой смерти, отказали в гражданстве США на основании закона о натурализации аж 1790 года, гласившего, что на гражданство могут претендовать исключительно "свободные белые люди". А когда в 1917 году в силу вступил новый закон о натурализации, появился отдельный запрет на иммиграцию в США для *хинду,* как обозначали всех выходцев из Южной Азии. В 1923 году во время процесса "Бхагат Сингх Тхинд против Соединенных Штатов Америки" представители Верховного суда заявили, что расовые отличия между белой расой и индийцами настолько велики, что "большая часть американцев" не приемлет саму возможность ассимиляции с ними. Двадцать три года спустя был принят Закон Люса — Селлера, позволивший индийцам в количестве не более ста человек в год приезжать в Америку и получать гражданство США (премного благодарны). И только в 1965 году Закон Харта — Селлера по-настоящему открыл дверь в США для индийцев. И тут произошла неожиданность. Выяснилось, что *хинду* больше не были главной мишенью американских ра-

систов. Теперь этой чести оказались удостоены представители афроамериканской общины США, а выходцы из Индии, многие из которых имели богатый опыт расовых преследований со стороны белых людей — британского национализма в Южной и Восточной Африке, Индии и, конечно же, в самой Великобритании, — внезапно оказались прощены; они буквально растерялись, когда поняли, что во многих частях США больше не подвергаются ни преследованиям, ни нападениям, что их реабилитировали, признали достойными кандидатами в образцовых американских граждан.

Прощены, да не совсем. Уже в 1987 году банда дотбастеров, "точканенавистников", чьими жертвами в первую очередь становились индийские женщины, традиционно наносившие себе на лоб точку-*бинди*, превратила в ад жизнь индо-американцев в Джерси-Сити. Местная газета "Джерси джорнал" опубликовала письмо *с* угрозами дотбастеров: "Мы пойдем на самые крайние меры, чтобы индийцы убрались из Джерси-Сити. Если я встречу хинду на улице и обстановка позволит — я изобью его, мужчина он или женщина! Мы готовим ряд жестоких нападений, будем бить окна в их домах и машинах, врываться на их се-

мейные сборища и крушить все вокруг". Угрозы были претворены в жизнь. Один из подвергшихся нападению индийцев умер через четыре дня после случившегося. Еще один впал в кому. Произошла целая серия ночных атак и ограблений.

А потом случилось 11 сентября 2001 года; после теракта молодые индийцы надевали футболки с надписью "Я хинду, я ни при чем!", сикхи, которых часто принимали за мусульман из-за тюрбанов на голове, становились жертвами нападений, а водители такси родом из Южной Азии украшали свои автомобили наклейками с американским флагом и девизом "Боже, храни Америку!", и тогда Брат внезапно осознал, что ему ни в коем случае не стоит сбрасывать маску и отказываться от псевдонима. Слишком уж много пристальных враждебных взглядов было устремлено на таких, как он. Лучше уж мутный хулиган Сэм де Шам. В лучших шпионских традициях.

Разведывательный альянс "Пять глаз" (FVEY) был создан разведслужбами Австралии, Канады, Новой Зеландии, Великобритании и США сразу после Второй мировой войны для обмена данными, полученными глобальной системой наблюдения и разведки ЭШЕЛОН и ее аналогами, а позже и результатами мониторинга инфор-

мации в сети Интернет. Главной темой, вокруг которой Сэм Дюшан выстраивал свои романы, был разлад среди пяти союзников, их тотальное недоверие друг к другу. Никто не верит американцам, потому что они не умеют хранить секретную информацию и тем самым подставляют под удар главное достояние альянса, тайных агентов на местах. Никто не верит британцам, потому что несмотря на то, что они лучшие спецы по “кротам” и перебежчикам, и Секретная разведывательная служба не раз доказывала это в своих операциях в России, Иране и арабском мире, она сама кишит внедренными в нее перебежчиками и “кротами”. Никто не верит канадцам, потому что свою песню “Благочестиво-лицемерный” “Металлика” явно посвятила их стилю работы. Никто не верит австралийцам просто потому, что они австралийцы. Никто не верит новозеландцам, потому что за все время они не предложили ни одной толковой идеи в части наблюдения и разведки. (Все последовавшие за ЭШЕЛОНом программы компьютерного слежения — PRISM, XKeyscore, Tempora, MUSCULAR или STATEROOM — координировались либо Центром правительственной связи Великобритании (GCHQ), либо Агентством национальной безопасности США

(NSA) при определенной поддержке со стороны Канады и Австралии.) Совсем недавно этот альянс не доверяющих друг другу союзников показал себя в невольной поддержке сепаратистского движения “Малая Англия” в Британии и травле популистов в США, что бесспорно сыграло на руку всем врагам, особенно России. Брат всегда гордился тем, как достоверно выглядит на страницах его романов придуманный им шпионский мир, но теперь он стал бояться этого правдоподобия. Возможно, он был слишком близок к нелицеприятной правде. Возможно, главными читателями книг о работе “Пяти глаз” были сотрудники “Пяти глаз”. Возможно, они решат навеки закрыть слишком пристально наблюдающий за ними шестой глаз.

Привлечь недружественное внимание Фантомов ровно тогда, когда спешишь покинуть Страну Фантомов, какая неуместная ирония. Теперь, когда окружающая его реальность стала гораздо таинственнее, чем в его книгах, он был слишком стар и слаб, чтобы предугадывать развитие событий. Вот почему появился Кишот, герой авантюрного романа, безумный и опасный, рыцарь, стремящийся вырваться из патового положения на шахматной доске. Вот почему

перед его недавно открывшимся внутренним взором все чаще вставали картины прошлого, и он тосковал о доме, оставленном на Востоке. Свое прошлое он оставил в прошлом так давно, что и оно впоследствии оставило его. Он очень долго притворялся, даже наедине с собой, что принял такую судьбу. Он был человеком с Запада, Сэмом Дюшаном, и не жалел об этом. Когда его спрашивали о его корнях, он отвечал, что он — не вырванное с корнем, не оборванное, но пересаженное растение. Лучше даже сказать — растение с мультикорне-вой системой, вроде старого баньяна, чьи придаточные воздушные корни со временем крепнут и сами превращаются в стволы новых самостоятельных деревьев. У него слишком много корней! Тогда истории, которые он сочиняет, — его крона, богатая и густая, под которой можно укрыться от палящих, несущих смерть лучей солнца. Это значит, что он может прижиться в какой угодно климатической зоне, на почве любого типа. Он говорил всем, что это дар, но в глубине души знал, что его оптимизм не более чем обман. Он уже оставил позади библейское “дней наших — семьдесят лет”, и благодаря “большей крепости” приближался к

“восемьдесят лет”[2], и все чаще чувствовал себя китсовской Руфью в тяжкий час, когда в чужих полях брела она, тоскуя об оставленном доме, стране забвенной[3].

Он подходил к последней черте и ощущал, что костлявая с косой уже близко. Она уже в городе, в районе, даже в его квартале. Он больше не чувствовал, что обеими ногами стоит на твердой земле, скорее одной ногой в могиле. Печально знать, что впереди тебя по большому счету ничего не ждет, что почти вся твоя жизнь уже прожита. Пока в его жизнь на своем стареньком “шевроле крузе” не въехал Кишот в компании своего придуманного сына, Брат думал, что его ремесло навсегда оставило его, что он никогда не сможет писать, пусть даже жизнь его еще продолжается. Дело, увы, весьма незначительное, которому он посвятил всю жизнь, отдал лучшее, что было в нем самом, в которое вложил весь свой оптимизм, было где-то рядом, но говорят ведь, что под конец золото иссякает даже в богатой жиле. Когда ты сам себе и жила, и добытчик,

---

[2] Примечания: 2

Псал. 89,10.

[3] Примечания: 3

Отсылка к стихотворению Джона Китса “Ода соловью”. Перевод Е. Витковского.

когда порода, которую ты разрабатываешь, залегает где-то очень глубоко, в самых недрах твоего естества, приходит время, когда внутри остается одна лишь пустота.

Брось, откажись! — шептал ему в левое ухо бес-искуситель. *Никому, кроме тебя, это не нужно.*

Но бес-искуситель за левым плечом теперь стал лишь тенью. Ангел-хранитель, стоящий справа, проливал на Брата как никогда много света, не давая впасть в греховное уныние, подгоняя, запрещая себя жалеть. Солнце по-прежнему встает каждое утро. В нем еще остались решимость, энергия и умение работать. У него такое же сердце, как у Мохаммеда Али, великого боксера, который после долгих лет забвения вернул себе корону, победив в Заире Джорджа Формана. Тот поединок назвали “Грохот в джунглях”. Еще есть надежда, что и Брат сотрясет благоволящие ему джунгли победоносным грохотом. Стреляй, Сэм Дюшан, *bomaye.* Ты одолеешь его, Сэм зэ Шам.

Здесь важно место рождения Кишота — которое было и его собственной родиной, — важно исследовать каждую деталь, каждую личную мелочь, такую близкую, но одновременно такую далекую. Эти мелочи складываются в то, что мы привыкли называть рабочим термином *семья.*

С нее и следует начать историю о безумце, утратившем разум из-за любви.

Все началось много-много лет назад, когда океан еще не был загрязнен, а ночные прогулки не были опасны, на улице под названием Уорденроуд (теперь она носит другое название) в районе Брич-Кенди (до сих пор называется примерно так же) в городе под названием Бомбей (тоже сменившем имя). Все началось именно там, и хотя обе их истории, его и Кишота, были историями странников, прошедших через много мест и прибывших в странную фантастическую страну под названием Америка, если прокрутить все назад, станет ясно, что все дороги ведут в Бомбей. Для Брата мир начинался в малюсеньком, домов десять-двенадцать, квартале на небольшом холме, к которому вела, и там же обрывалась, узенькая дорога, такая незначительная, что у нее не было даже имени (реальная, ныне нанесенная на карты и громко зовущаяся там Шакари-Бхандари-лейн, хотя никто по-прежнему не знает, где она находится); теперь этот квартал совсем потерялся среди окружающего его мегаполиса. Брат закрывал глаза и сквозь года и континенты отправлялся назад к началу, поигрывая тросточкой, словно идущий задом наперед Радж Капур, имитирующий по-

ходку Чарли Чаплина. Вот он миновал более не безымянную улочку, прошел мимо (реального) многоквартирного дома Дильпазир, в котором жила когда-то (вымышленная) семья Смайл; его название можно перевести как “милый сердцу”… вот он стоит перед как две капли воды похожим на него (реальным) домом под названием Нурвилль, город света, вот поднимается на последний этаж, в квартиру с просторной террасой, полную мягких подушек и колючих кактусов; в гостиной играет радиола орехового дерева (с инкрустацией, стиль ар-деко), непревзойденные сестры Лата и Аша в воскресной передаче “Бинака Гитмала”, выходящей в эфир благодаря спонсорской поддержке известной марки зубной пасты, своими золотыми голосами исполняют последние кинохиты. А на персидском ковре в центре гостиной, как в прокручиваемой назад замедленной съемке, с бокалами мартини в руках, обнявшись, танцуют Ма и Па.

(Брич-Кенди был маленьким миром, совсем не похожим на внешний, нежизнеспособным, словно уже утраченным, и воспоминания о нем так же экзотичны, как навсегда застывшее в кусочке янтаря доисторическое насекомое. Он был похож на маленькую композицию, надежно укрытую

стеклянным куполом — стеклянный шар с тропическим сюжетом, новогодняя игрушка без снега, внутри которой копошатся маленькие человечки, носятся со своими маленькими жизнями. Как же они испугаются, если шар вдруг уронят, он пойдет трещинами, и их глазам предстанет настоящая действительность, какой ужас испытают в окружении гигантов; как был напуган он сам, когда покинул его пределы и оказался один на один со взрослым миром титанов! В одну минуту все будущее просто вытекло из них. Новогодняя игрушка без снега, стеклянный шар с тропическим сюжетом — вот откуда он родом; это все, что есть Брат, и все, что он сделал.)

Любимой пластинкой родителей была *“Songs for Swingin [9]Lovers!”* Синатры. Ма, всегда более передовая по сравнению *с мужем*, также любила смазливых американских мальчиков. Рики Нельсон. Бобби Дарен. Но не только белых. Также Клайда Макфаттера, особенно исполненный с группой “Дрифтере” сингл *“Money Honey”*. Но не Элвиса! Этого шоферюгу из Тьюпело она терпеть не могла. Кому вообще может нравиться его широкий зад и пошлая верхняя губа? Неужели кого-то вправду приводят в восторг его синие замшевые туфли, которые до него носил Карл

Перкинс?

Не раскрывая глаз, он запускает фильм с самого начала. Его отец был владельцем и управляющим большого ювелирного магазина “Зайвар бразер” на Уорден-роуд, у подножия холма, где стоял их дом. Давным-давно этот магазин открыл дедушка Брата, отец отца, которого Па, делавший удивительно красивые украшения, превзошел и в искусстве дизайнера, и в мастерстве ювелира. Слово *“зевар”* переводится с урду как ювелирные украшения, а слово *“зайвар”* их патриарх-англофил придумал, желая, чтобы местное слово походило на английское. Этот пожилой человек был единственным ребенком в семье, а потому не мог использовать казавшееся ему коммерчески перспективным слово “брат” во множественном числе. Так появился “Зайвар бразер”, “Брат-ювелир”, брат без братьев. Со временем все вокруг стали обращаться к пожилому джентльмену в бакенбардах не иначе как мистер Брат или Брат-сахиб, и имя прижилось. После смерти дедушки люди стали называть Па мистером Младшим Братом, а значит, рано или поздно наш герой Брат тоже превратился бы в мистера Брата. Мистер Третий Брат.

Через всего несколько домов от ювелирного

магазина располагалось придуманное Ма уникальное заведение, маленькая “Антикварная кондитерская”, в первом зале которой подавали лучшие во всем Бомбее пирожные, а во втором были собраны все ценности Южной Азии — идеально сохранившиеся бронзовые скульптуры эпохи Чолов, картины индийских художников, написанные по заказу британцев, печати из Мохенджо- Даро с изображением неизвестных животных, вышитые кашмирские шали прошлого века… Ма часто спрашивали, как она решила разместить под крышей одного салона столь несовместимую продукцию, и она всегда отвечала одинаково: “Просто это то, что я люблю”.

Нестандартность этих заведений вкупе с высоким качеством предлагаемых там товаров и невероятной харизмой обоих родителей превратили “Зайвар бразер” и “Антикварную кондитерскую” в Места-Куда-Ходят-Все. Амитабх Баччан покупал изумруды для своей жены Джаи только в “Зайваре”, Марио Миранда и Р. К. Лакшман всерьез предлагали Ма оригинальные пленки своих мультипликационных шедевров в обмен на рецепт ее шоколадных пирожных, а знаменитый журналист Бехрам Контрактор, более известный под псевдонимом Бизиби, дневал и ночевал в обо-

их магазинах, создавая “Бомбей каков он есть”, собирая для него сплетни, в непринужденной атмосфере наблюдая за сливками общества и фиксируя все в своей журналистской хронике.

Дома у Ма и Па тоже часто собирались творческие люди и знаменитости. В их двухуровневой гостиной перебывала вся богемная тусовка того времени. Здесь бывали великие закадровые певицы Болливуда Лата Мангешкар и Аша Бхосле (разумеется, они не пересекались!). Захаживали крикетисты Вину Манкад и Панкадж Рой, герои мадрасского матча с Новой Зеландией в январе 1956 года, когда они совершили 413 пробегов и установили новый мировой рекорд. Часто приглашали Ниссима Изекиля, бомбейского барда, певца островного города, “который ни воспеть, ни возлюбить”. И даже великая художница Аурора Зогойби не чуралась заглянуть туда вместе со своим начисто лишенным таланта кривлякой-приспешником Васко Мирандой, что, впрочем, совсем другая история. И конечно — мы же в Бомбее — здесь перебывало бесчисленное множество киношников. В этом доме повсюду царил талант, порой немного отдающий похотью и виски. Случались политические диспуты, споры об искусстве, эротические приключения, и текли

реки мартини. И над всем этим, недостижимые для других, словно отсутствовавшие тогда, но очень быстро отстроенные и навсегда изменившие лицо города небоскребы, владычествовали царственно высокая Ма и еще более царственно высокий Па. Медленно, обнявшись, они кружились в танце, не выпуская из рук бокалов с мартини, она такая прекрасная, он такой мужественный, оба такие влюбленные.

Благодаря своему экзотическому затянувшемуся на годы детству, когда круг его общения сводился к творческим гениям всех мастей, Брат, как и его герой, стремительно терявший разум Кишот, начал страдать редкой формой душевной болезни — с годами, как нам известно, к ней прибавилась еще и паранойя, — он перестал различать искусство и жизнь, не чувствовал границ между реальным и вымышленным, не видел, где кончается одно и начинается другое, и, что еще хуже, как это ни глупо, верил, что плоды творческой фантазии, созданные художниками изображения-фантомы обладают своей, самостоятельной жизнью, что они сходят с полотен и живут реальной жизнью, в буквальном смысле делая наш мир лучше, изменяя его. Люди, встречавшиеся Брату в жизни тогда и теперь,

смотрели на это *с* пренебрежением и шли своей дорогой в прагматизм, идеологию, религию, самопочитание либо коммерцию, то есть в одну из сфер, к которым, по большей части, сводится реальная жизнь. Брат же — стоит сказать спасибо родителям и их окружению — был неизлечим. Даже будучи взрослым писателем с вечно насупленными бровями, зарабатывающим свой хлеб популярными романами невысокого жанра, он с неизменным уважением взирал на высоколобых представителей высокой литературы. И вот много лет спустя “Кишот” станет его лебединой песней, последней попыткой преодолеть границу, отделяющую его от мира высокой литературы.

Он ставит фильм на паузу. Это неправда. Сказка. Эдакое озаренное любовью и искусством детство в стиле бохо. Такие родители, как у него, были непонятны своим детям во времена его детства. Они не тратили на отпрысков много времени, а чтобы заботиться о детях, нанимали домашнюю прислугу, не разговаривали с детьми о собственной жизни, никогда не отвечали на вопросы *как* и *почему*, и очень редко на *что-где-когда*. *Как* и *почему* были слишком большими вопросами, накладывавшими на родительские

уста печать. Родители Брата поженились рано, в их браке родилось двое детей, Брат и Сестра, которую Па прозвал щебетуньей, поскольку она единственная в семье по-настоящему могла петь. Затем — тут и сказочке конец — когда Брату было десять, а Сестре пять, родители разошлись. Ма вместе с детьми переехала в новую квартиру, второй для них дом в (реальном) здании Суна-Махал на углу Марин-драйв и Черчгейт (сейчас, соответственно, Нетаджи-Субхаш-Чандра-Бос-роуд и Вир-Нариман-роуд). Ходили слухи, что Ма и Па расстались из-за череды взаимных измен — вот к чему приводит эта богемная жизнь, что за дикие, безумные люди, дичь какая! — но дети ни разу не видели ни Чужой Женщины в отцовской спальне, ни Другого Мужчины в новом доме, куда Брат с Сестрой переехали вместе с матерью. Если предполагаемая неверность и имела место, то все происходило или продолжало происходить в строжайшей тайне. Па продолжал трудиться в “Зайвар бразер”, Ма — в “Антикварной кондитерской” всего в нескольких шагах; жизнь потекла по-прежнему, выглядела нормальной, но каждый, кто заходил к ним в дом, отчетливо слышал, как с хрустом ломаются внутри его обитателей несказанные слова, и даже жужжание настенных

вентиляторов было не в силах заглушить этот звук. Прошло почти десять лет и — вуаля! — родители неожиданно сошлись снова, а ставший за это время для обоих детей домом Суна-Махал — пшик! — вновь сменился на Нурвилль, родители возобновили свои танцы с мартини в руках, словно выдумкой было их Расставание, а не эта вновь наступившая идиллия.

Внесем коррективы: к моменту воссоединения родителей Брату исполнилось двадцать, он учился в Кембридже и не мог наблюдать их возобновившихся танцев. На дворе стояли шестидесятые, он уже глотнул пьянящего воздуха Запада и больше не считал своим домом ни Суна-Махал, ни Нурвилль. Сестра же, которой было пятнадцать, все это время жила в Бомбее. Поначалу брат с сестрой, как могли, поддерживали отношения, на расстоянии играя в шахматы, как положено хорошим детям из приличных индийских семей; из Кембриджа в Бомбей и обратно по почте летели открытки со старомодными описательными нотациями: P-K4, P-Q4, PxP. Однако все закончилось трещиной между ними. Брат был старше, но Сестра играла лучше, и он, постоянно терпевший поражения, не захотел играть дальше. Тем временем запертая дома и

вынужденная наблюдать за ночными кружениями родителей Сестра испытывала настоящее отчаяние, понимая, что никакие блестящие успехи в учебе не помогут *ей* выпросить у родителей такую милость, как учеба за границей. Она чувствовала себя (вполне справедливо) нелюбимым ребенком и обижалась (также справедливо) на незаслуженно больше любимого Брата, изливая и на него весь переполняющий ее, словно готовую взорваться звезду, гнев на родителей. Трещина между ними росла всю оставшуюся жизнь. Они крепко поссорились, перестали разговаривать друг с другом, разъехались по разным городам — он осел в Нью-Йорке, она (отвоевав себе право на жизнь за пределами семейной клетки) в Лондоне, — и больше никогда не встречались. Вот уже несколько десятков лет. С ними случилась драма, которой счастливым образом избежали их родители. После Великого Воссоединения Ма и Па до последнего дня прожили вместе душа в душу. Их история закончилась счастливо. Сестра же и Брат всю свою оставшуюся жизнь молча хоронили свою Утраченную Любовь.

Семнадцать лет тому назад их мать тихо умерла во сне; ее последний день был насыщенным и радостным, она каталась на машине, навещала

друзей и обедала в ресторане. Она пришла домой вечером идеального дня, легла в кровать, и ее душа отлетела в мир иной. Узнав о ее смерти, Сестра немедленно полетела домой, но когда ее самолет приземлился в Бомбее, Па, неспособный жить без Ма, был тоже мертв. На прикроватной тумбочке стояла пустая склянка из-под снотворного, а он лежал рядом в кровати, убитый ее невыносимым отсутствием в этом мире. Сестра позвонила в Нью-Йорк, чтобы сообщить брату о двойной утрате. Тогда они разговаривали друг с другом в предпоследний раз. Их следующий телефонный разговор уничтожил все родственные чувства, которые их связывали, и стал последним.

Так все закончилось. На месте семьи ничто, пустота. Брат никогда не видел Дочь — дочь Сестры, подающего надежды фэшн-дизайнера. Сестра никогда не встречалась с Сыном, давно исчезнувшим сыном Брата. Его единственным сыном, тоже навсегда покинувшим его, исчезнувшим из жизни обоих родителей. (Теперь в его жизни появился Кишот — отец, придумавший себе сына и отыскавший путь возродить его к жизни. Вполне понятно, откуда он взял эту идею.) Временами Брату казалось, что он всю жизнь был единственным ребенком в семье. Наверняка

что-то похожее чувствовала и Сестра. Вот только в глубине душе единственных в семье детей нет глубоких ран в тех местах, где должны были быть сестринские девичьи поцелуи и братские надежные объятья. Единственные в семье дети не мучаются в старости упреками со стороны своего же собственного внутреннего голоса. *Как ты можешь так поступать с сестрой, она же твоя сестра, не пора ли уже все исправить, неужели ты не видишь, что ты должен сделать это?* Последнее время Брат часто думал о Сестре, он думал обо всех, кого потерял, но более всего о ней, разрываясь между желанием покончить со старой ссорой и, пока не поздно, возобновить родственное общение и страхом вновь испытать на себе всю ядерную мощь ее неприязни, ему не хватало духу просто решить, что делать. Если бы он был до конца честным с самим собой, то решил бы, что первый шаг должен исходить от него хотя бы потому, что она переживала их ссору сильнее. В конфликтах, продолжающихся десятилетиями, ни одна из сторон не бывает невинной жертвой. Их правда была проще: он поступил с ней гадко.

Глава третья
Возлюбленная Кишота, Звезда из династии Звезд, переселяется в иную Галактику

Мисс Салма Р., исключительная (при этом совершенно незнакомая Кишоту) женщина, в вечном поклонении которой он поклялся, происходила из семьи, женщины которой вот уже несколько поколений вызывали всеобщее обожание. Расскажем о них так: представьте, что Бабушкой Р. была Грета Гарбо, великая актриса, которая в один прекрасный день резко порвала с внешним миром, начала бояться людей и открытых пространств и стала затворницей. Мама Р., Мэрилин Монро, невероятно сексуальная и такая же хрупкая, увела у Грейс Келли ее жениха, спортивного короля (который был к тому же настоящим принцем), будущего Папу Р., который

затем также оставил ее и, пока она снималась в своем последнем фильме, ушел к фотографу-англичанке; это потрясение привело Маму к быстрому закату и безвременной кончине в собственной постели в компании пустых аптечных склянок на прикроватной тумбочке, так пугающе похожей на смерть Мэрилин. А что же мисс Салма Р.? Все сходились на том, что ей не передались ни актерский талант Бабушки, ни невероятная сексуальность Мамы, однако ее генетическим наследством стали безупречная красота и полное отсутствие страха перед камерой, а также резкие перепады настроения и зависимость от сильнодействующих болеутоляющих и седативных препаратов. Неудивительно, что в конце концов эта женщина оказалась в Голливуде.

Так звучит краткая история ее бомбейского детства в переводе на американский. Ее краткую официальную версию можно сформулировать следующим образом: “Всю свою жизнь она купалась в роскоши. Родилась богатой и знаменитой, а после сумела преумножить славу и капиталы, став первой индийской актрисой, сделавшей себе в Голливуде большое (по-настоящему большое) имя, как по мосту, перейдя по джунглям «-вуда» из «Болли-» в «Голли-», после чего переросла и Голли-

вуд, превратилась в своего рода бренд, сделалась суперзвездной ведущей ток-шоу, пользующейся безграничным влиянием и авторитетом — и в Америке, и в Индии". Правда была сложнее. Вот более подробная версия: да, по рождению она принадлежала к самой высокой индийской киноаристократии, была представительницей третьего поколения женщин — легенд кино. Ее бабушка, мисс Дина Р., в начале карьеры снялась в пяти-шести ставших культовой классикой неореалистических картинах, вышедших на экраны в первое десятилетие после обретения Индией независимости. Однако эта экранная дива имела склонность к целому букету фобий и тяжелых душевных расстройств, приводивших к затяжной меланхолии, когда она не произносила ни слова и порывала связь с внешним миром (страдавший от того же недуга Уинстон Черчилль называл депрессию "черным псом", мисс Холли Голайтли говорила, что у нее "красные крысы на душе скребут", а англичане привычно страдают от "синей хандры"), сменявшейся продолжительными, до пены изо рта, истериками. Дина Р. укрылась от мира в своем прибрежном особняке Джуху, где под покровом строжайшей секретности прожила до самой смерти, никак не реагируя на грязные

домыслы о ее безумии, которые долетали до нее сквозь высокие стены ее жилища; до конца своих дней она не позволяла гасить свет в спальне, поскольку смертельно боялась в темноте тараканов и ящериц. Она полностью перестала общаться со своим мужем, известным всему Бомбею врачом, которого благодарные пациенты называли исключительно "Бабаджан", где *"баба* — обращение к уважаемому человеку, а *"джан* — "дорогой", хотя и не развелась с ним. Каждый из них жил на своей собственной половине особняка Джуху своей собственной жизнью. Случайно столкнувшись с ним в коридоре, женщина отскакивала в сторону, как от чего-то омерзительного и опасного, и чаще всего убегала. После ее самоубийства (передозировка снотворного) Бабаджан со скорбью в голосе признался друзьям, что рассудок и душевные силы покинули ее уже давно и подобный конец был "лишь вопросом времени".

Ее дочь, мать мисс Салмы Р., признанная индийская секс-бомба мисс Аниса Р., в начале жизни была довольно близка с отцом, но в какой-то момент, еще до смерти матери, они перестали поддерживать любое общение. Довольно скоро после того, как она перестала разговаривать с Бабаджаном, мисс Аниса Р. соблазнила капита-

на национальной сборной по крикету, жениха своей лучшей подруги, еще одной культовой актрисы Наргиз Кумари. Этот спортсмен был к тому же удалым молодым раджей небольшого североиндийского княжества Большой Баквас (не путать с не идущим ни в какое сравнение — ни по территории, ни по влиянию — Малым Баквасом), которого все называли просто “Радж”, то есть “Принц”; один из его предков чуть не нанял себе в секретари некоего англичанина нетрадиционной ориентации, г-на Форстера, который мечтал написать о путешествии в Индию роман и отчаянно нуждался в работе. (Он так и не взял его на работу. Это сделал другой мелкопоместный князек.) Да! Голубая кровь! Однако истинный аристократизм этот человек являл, демонстрируя не свое фамильное древо, а грацию и силу на крикетном поле — грациозные броски, величественные удары, аристократичные пробеги. Три дня он праздновал свою свадьбу с будущей матерью мисс Салмы Р. в бомбейском отеле “Тадж-палас” (это было пышное и одновременно авангардное бракосочетание, ведь в то время, как и по сей день, хинду-мусульманские браки были большой редкостью даже в самых элитарных кругах). Вскоре после свадьбы в страшной аварии

на Марин-драйв (которую брошенная им невеста Наргиз Кумари предпочитала называть “Божьей карой”) отец Салмы Р. потерял нижнюю часть правой ноги. Однако он не собирался соглашаться с приговором высших сил и сумел — с деревянным протезом и всеми вытекающими — вернуться в команду, став поистине бессмертной легендой спорта. У них родилась их единственная дочь, которую отец любил больше жизни, вскоре ставшей для него невыносимой из-за обрушившихся на жену депрессий всех цветов радуги — черные псы, красные крысы, синяя хандра одолевали ее все разом, и приходящая им на смену маниакальная стадия тоже отличалась разноцветьем, хотя преобладающим был долларово-зеленый: когда болезнь временно отступала, мисс Аниса Р. начинала неконтролируемо скупать на черном рынке всевозможные антикварные штуки бешеной стоимости. В конце концов он бросил крикет, оставил свою жену мисс Анису Р., их дочь мисс Салму Р. и даже свое княжеское наследие и сбежал в Лондон, где — покалеченная нога вновь не стала препятствием — в роскошном номере отеля “Кларидж” в очередной раз начал жизнь заново с уже упоминавшейся женщиной-фотографом Маргарет Эллен Арнольд, прибывшей провести

выездную съемку для материала о брошенной мужем кинозвезде, а в результате занявшей место этой самой звезды.

Никто и не подумал обвинять в чем-то принца, бросившего двух женщин; со временем он оставил также фотографа, занял свой богато украшенный и устеленный подушками трон и провел остаток жизни в счастливом опиумном тумане. Строже всех отнесся к этому персонажу журнал *“Filmfare”*, опубликовавший большую иллюстрированную статью под названием “Мой принц однажды убежит”. Но даже ее автор (дама) придерживалась позиции, что “мальчики есть мальчики” и какой бы мужчина, окажись он на месте Раджа, не пошел по его, пусть и отчасти деревянным, стопам — конечно, если бы только смог. Однако мисс Аниса Р. не могла пережить публичного унижения. Как заявила Наргиз Кумари, не упустившая случая привлечь внимание к бедственному положению своей заклятой подруги, “Аниса испытала на себе силы мусульманской *кисмат* и индуистской *кармы*, законов высшей справедливости, которые всегда воздают по заслугам изменникам и греховодникам”. Ее слова достигли цели. Мисс Аниса Р. завершила свою актерскую карьеру и занялась благотво-

рительностью, посвятив себя помощи вдовам и брошенным женщинам, надеясь искупить свои страшные преступления, ведь она сначала увела мужчину у женщины, которая его любила, а потом, что представлялось еще более постыдным, не смогла удержать собственного мужа. Она распустила себя и потеряла физическую форму. Из песни слов не выбросишь: она стала жирной и неопрятной (это еще мягко сказано) и сильно сгорбилась; несмотря на все совершаемые ею добрые дела, ее тело стало физическим воплощением переживаемого ею горя.

Она никогда не была хорошей матерью — для этого она была слишком на себе зациклена, — но у нее все же выросла прекрасная дочь. Мисс Салма Р. — склонная к наукам, правильная во всем, с безупречными манерами и идеалистическими представлениями о жизни — взяла на себя заботы о стремительно впадающей в детство матери, став для нее взрослой. Многим на светских вечеринках доводилось видеть, как она ходит за пьяной матерью по пятам и незаметно выплескивает виски из ее стакана в горшки *с* цветами. “Если бы не забота дочери, — говорили люди, — она не протянула бы так долго”. Увы, дочерней преданности оказалось недостаточно.

После смерти Дины они переехали в особняк Джуху, но переезд не принес ничего хорошего. Бабаджан все так же бесцельно бродил по дому, но теперь уже Аниса, как прежде ее мать, делала вид, что не замечает его. Мисс Салма, в детстве очень любившая дедушку, сделала все для того, чтобы разрушить стену, отделявшую мать от ее собственного отца, но было слишком поздно. Тьма, поглотившая Дину, быстро затягивала Анису. Скольких женщин подняла она с самого дна, но и сама канула в глубине. Мисс Салма Р. обнаружила ее однажды умершей от передозировки в той же спальне, где умерла бабушка, свет также не был потушен. По безжизненно свисавшей руке Анисы полз таракан.

Мисс Салма Р. — ей тогда было всего девятнадцать, и она только что снялась в своем первом фильме — не издала не единого звука. Не выключая света, она вышла из комнаты и закрыла за собой дверь, а затем, педантично обзвонив всех, кому следовало позвонить, поднялась к себе, собрала сумку и навсегда уехала из этого дома смерти, чтобы больше никогда не переступать его порог; все связанное с ним она поручила другим людям: они описывали и пускали с молотка мебель, элементы декора, сувениры из мира

кино и даже личные вещи ее матери: наряды, любовные письма, фотоальбомы — все, в чем она, даже после смерти, продолжала жить. Она была уверена, что никогда не вспомнит об этом ненужном хламе, и не слушала тех, кто уговаривал ее одуматься и не совершать под влиянием травматического шока поступков, о которых она впоследствии пожалеет. Она шла вперед с той холодной решимостью, которая очень скоро поможет ей стать профессионалом номер один сразу на двух континентах. Ее старый дедушка тоже был частью прошлого.

— Он уже давно сделался призраком, — объясняла она людям, — больше я не потерплю ни одного призрака рядом с собой. Ему придется подыскать себе другое жилье, этот дом будет продан, как только это станет возможно.

По одному из тех невероятных совпадений, которые наполняют нашу жизнь, но вызывают подозрение в литературе, она поселилась в небольшой квартире в Брич-Кенди, на том самом небольшом холме, где — тридцать лет тому назад — прошло детство Кишота, ее будущего пылкого воздыхателя.

Квартал Вестфилд-эстейт (ах эта ничтожная крупинка урбанизма, породившая целый мир!)

объединял всего несколько вилл и многоквартирных домов и был плодом фантазии предпринимателя-англофила Сулеймана Умера, которому принадлежал также соседний жилой комплекс Умер-парк. Умер любил давать принадлежащим ему зданиям звучные английские имена: вилла Винздор, вилла Гламис, вилла Сандрингем, Балморал, Девоншир-хаус и даже местная “Ночь перед Рождеством”, вилла Кристмас-Ив. Именно там, в доме, жители которого были обречены ежедневно переживать бесконечный сочельник, и поселилась мисс Салма Р. Именно там на третий день после смерти Анисы она согласилась принять непрошеную гостью, заклятую подругу матери Наргиз Кумари, в присутствии которой дала волю своему горю. Актриса — к этому времени уже заслуженный ветеран сцены — появилась в ее доме, сотрясаясь от звучных рыданий, и ее безграничная скорбь растопила ледяной стоицизм дочери покойной.

— Какой же дурой я была, — рыдала Наргиз Кумари, демонстрируя отличную сценическую речь и талант трагедийной актрисы, — как допустила, чтобы какой-то мужик разрушил нашу дружбу. Мы были сестрами, родственными душами, никакой мужик с этим не сравнится. Он просто

тень, эпизод. Случайный чих. Короткий ливень в солнечный день. Я должна была находиться рядом с ней каждую минуту, и в дождь, и в зной. Я полностью опустошена, жизнь вытекла из меня, как вино из бутылки. Я без нее — слово, которое осталось в словаре, но никто не помнит, что оно значит. Я трухлявое гнилое дерево.

Из глаз мисс Салмы Р. потекли слезы.

— Я все для тебя сделаю, все возьму на себя, — Наргиз Кумари перешла к клятвам, — спокойно оплакивай свое горе! Я сама организую все, что нужно, отдам необходимые распоряжения!

Через несколько дней мисс Салме Р. сообщили, что Наргиз Кумари побывала в их особняке Джуху, перемерила там все самые дорогие наряды покойной и многие забрала с собой, прихватив подходящие к ним драгоценности. Она позвонила актрисе, чтобы обсудить случившееся.

— Ты же сама говорила, что тебе ничего не нужно, — заявила Наргиз Кумари без тени стыда. — Это всего лишь сувениры, память о дорогом мне человеке, хранить которые следует у самого сердца, правда?

Мисс Салма Р. молча повесила трубку.

Перепады настроения начались у нее после того, как она впервые заплакала о смерти матери,

словно горе, как магический канал, способно передавать что-то от мертвых живым. С тех пор она — как прежде ее мать и бабушка — жила, словно на американских горках, разрываемая собственными эмоциями. Невозможно обмануть наследственность и биохимию. Помешательство было бичом ее семьи; мисс Салма Р. чувствовала, что тьма, как пантера, где-то в углу ждет своего часа.

Некоторое время спустя ей позвонил американский продюсер с телевидения и начал искушать ее калифорнийской мечтой. Поначалу она не поддалась его чарам.

— В этом городе, — разъясняла она американцу, угощая его коктейлями на своем балконе в Кристмас-Ив, — в нашей индустрии есть всего шесть актеров и четыре актрисы, и чтобы фильм был успешен, в нем должны сняться как минимум один из актеров и одна из актрис, лучше два и одна. Будущие сборы фильмов напрямую связаны с тем, какой выбор мы сделаем. Это очень ответственное решение, от него зависят тысячи людей и их заработки. Поэтому мне будет очень непросто принять ваше предложение сняться в сериале.

Американец приехал издалека, чтобы сделать

то, что всегда требуют болливудские звезды первой величины: лично “поведать” им идею сериала. Мисс Салма Р. угощала его самосами и *гулаб-джамун*, подливала “грязный мартини” (классический, с оливками) и внимательно слушала, пристально разглядывая своими большими серьезными глазами; это выражение лица с распахнутыми серьезными глазами выручало ее на многих крупных планах. С ним она была так же неуязвима, как опытный игрок в покер. Оно было ничуть не хуже непроницаемого лица игрока в покер. Американец не мог разобраться: его предложение могло быть ей глубоко интересно, слегка интересно или глубоко неинтересно. Он попытался зайти с другой стороны.

— Я знаю, что вы мечтаете расширить свой актерский диапазон, — заявил он.

Она закивала с энтузиазмом, но блеска в ее глазах почти нельзя было различить.

— Я предлагаю вам не просто роль. В этой роли вы сможете раскрыть весь свой потенциал, показать, какой глубокой вы можете быть.

На миг из-под маски проступило ее настоящее лицо. *Раскрыть потенциал, показать глубину* — волнующие слова. Теперь она слушала его по-настоящему внимательно.

— Я знаю, что ваши фильмы популярны не только здесь, но и по всему арабскому миру, и в странах Дальнего Востока, — говорил американец, — и что любой ваш выход на сцену оплачивается по самым высоким расценкам.

Популярны, высокие расценки, думала она. *Какие точные, правильные слова. Какой умный человек!*

— Сериал, который мы планируем снимать, будет транслироваться во всех странах мира, — говорил американец, — вас полюбят до обожания гаучо из аргентинской пампы, ковбои из Вайоминга, исполнители раггетона из Пуэрто-Рико, короли бокса из Лас-Вегаса. В каждом городе, в каждой деревеньке от Йоханнесбурга до Ванкувера подростки в колледжах будут вожделеть вас, а пенсионеры — жалеть, что вы не их внучка! Для сотен миллионов парней — обычных работяг, белых воротничков, людей, живущих от зарплаты до зарплаты, возможно, безработных — вы станете главной ценностью, они будут день и ночь смотреть на вас на экране и чувствовать, что их безрадостная, нищая жизнь наполняется смыслом.

— И девушки тоже, — пропела она в ответ.

— Разумеется, и девушки, — согласился аме-

риканец, — для девушек всего мира вы станете ролевой моделью, образцом для подражания. Фигурально выражаясь, вы будете драть задницы и за них тоже.

Она хотела драть задницы за них всех.

— Кое-что меня все же смущает, и я хотела сказать об этом сейчас, чтобы во время съемок мы были на одной волне.

Американец выпрямился на стуле.

— Разумеется.

— Вот здесь, страница тридцать, — указала она, — моя героиня моется в душе и, судя по всему, прошу прощения, мастурбирует.

— Это можно поправить, — заверил американец.

— Моя героиня не может мастурбировать, — заявила мисс Салма Р., — моя героиня дерет задницы.

— Именно так, — воодушевился американец.

Мисс Салма Р. решила никогда не отвечать на вопросы о том, что заставило ее в молодом возрасте на пике популярности в индийском кино (в Индии она была по-настоящему известна, хотя и не так искренне любима, как ее мать и бабушка) отправиться пытать счастья на другой конец света. Она любила свой родной город и жизнь,

которую там прожила. Любила

и все же уехала. Поговаривали, что ее связь с родными местами прервалась в момент смерти матери. Кое-кто объяснял ее отъезд “жадностью и заоблачными амбициями”, звучали еще менее доброжелательные голоса, называвшие ее “не помнящей своего роду-племени продавшейся на Запад бездарностью, противной самой себе”, и призывали бойкотировать индийские фильмы с ее участием. Они предполагали, что, будь у нее муж, он сумел бы вколотить в нее и ум, и разум. Поколение “расслабимся под киношку” было к ней более снисходительно и с нетерпением ждало ее появления на экране своих ноутбуков. Эти молодые люди считали, что настоящая миграция — это перемещение с телевизионного экрана на компьютерный монитор, а не переезд из Бомбея/Мумбаи в Лос-Анджелес, который сделал ее в их глазах даже более современной. Она и сама не до конца понимала, что ею двигало. Соглашаясь на встречу с продюсером из Америки, она была настроена не слушать его посулов, однако в результате приняла предложение. Возможно, этому способствовало неутихающее хинду-мусульманское противостояние в городе, которое обострило ее личный, внутренний межрели-

гиозный конфликт: она, появившаяся на свет в хинду-мусульман-ском браке, хотела уехать от этой давней вражды, сменить декорации, перестать быть частью этой истории. Возможно, дело было не в религии. Возможно, по своей природе она была гораздо большей авантюристкой, чем думала. Возможно, какая-то часть ее души настойчиво стремилась проверить себя на устойчивость к тяготам большого мира. Возможно, она перестала бы уважать себя, если бы отказалась принять вызов. Возможно, в глубине души она была настоящим игроком, перед которым раскрутили рулетку.

Был также один человек, одна история, оставшиеся за рамками всех этих объяснений. Того, кого вот уже три поколения женщин этой семьи любили, а потом переставали замечать. Он никогда ничего не говорил об этом. Ни он, ни мисс Салма Р. никак не комментировали тот — впрочем, мало интересовавший других — факт, что сразу после смерти Анисы внучка выкинула его из особняка Джуху и никогда не вспоминала о его существовании до самой его смерти. Он же оставил медицинскую практику, совершил хадж в Мекку и тихо, даже аскетично доживал свои дни в доме куда более скромном, чем резиденция

кинозвезд, в которой он провел большую часть своей жизни.

Поначалу мисс Салма Р. жила между двух “-вудов”, Болли-и Голли-, но по мере того, как ее звезда всходила на Западе, поездки на Восток становились все реже, а потом и вовсе прекратились. Американский продюсер сдержал свое слово. Шпионская драма “Пять глаз”, в которой она снималась, стала выдающимся событием киноиндустрии, не только более выдающимся, чем предыдущее выдающееся событие, но и чем последующее выдающееся событие. Для ее героини специально придумали имя, созвучное ее собственному, что помогло стереть границу между ней и ее персонажем. В сериале ее звали Салма С. Литера С таила в себе понятную лишь избранным шутку, при общении между спецслужбами ей обозначают главу британской разведки. Этот нюанс ее имени так и не был раскрыт широкой публике, поскольку в “Пяти глазах” Салма играла агента американской разведки, и любая ассоциация ее героини с МИ-6 грозила окончательно запутать зрителей, которые, бесспорно, начинали смотреть сериал в надежде быть не единожды запутанными, потрясенными и обескураженными, но все же несколько в ином ключе.

Шпионы вновь входили в моду. В конце холодной войны, когда главный враг в лице Советского Союза перестал существовать, к ним относились, как к старой шляпе, а трагедия 11 сентября показала их неподготовленными непрофессионалами. Создание “Пяти глаз”, альянса разведывательных служб англоговорящего мира, было попыткой западных разведок сохранить лицо. Лицо, которым в одноименном сериале и стала “Салма С.”, специалист по войне в киберпространстве, рвущаяся вверх, как комета, через все хитросплетения тайного мира, невзирая на ЭШЕЛОНы и прочее. В первом сезоне героиня мисс Салмы Р. была женщиной-невидимкой, главой контртеррористического департамента США, и по чину была равна послу. То, чем она занималась, было настолько секретно, что сам факт ее существования не имел никаких подтверждений, ее имя нигде не упоминалось, а ни одна из проведенных ею операций не предавалась огласке. Она ходила в строгих костюмах и брендовых темных очках-авиаторах, говорила на арабском, фарси и современном языке кибермира и состояла в сложной любовной связи с главой ЦРУ, очень пожилым и совершенно белым, который до противного старомодно волочился за ней и

по-отечески высмеивал ее мысль, что кибертеррористы могут стать для современной Америки самыми страшными врагами за всю ее историю; когда в конце сезона его убили, она переступила через его мертвое тело и заняла его должность. В последующих сезонах ей удалось продемонстрировать зрителям не только жестокость и приверженность патриотическим идеалам, но и бесконечный профессионализм своей героини, настоящего компьютерного гения, которую половина страны любила до обожания, а другая боялась до восхищения.

Мир секретных служб, в сериале “Пять глаз” и за его пределами, вернулся на первые полосы после того, как начал экранное противостояние не только со своими обычными врагами, но и с самим президентом США. Этот не имеющий никаких общих черт *с* кем-либо из реальных президентов персонаж ввели в сериал из-за реальных событий и представили человеком, одураченным телевизионными новостями, тяготеющим к идее превосходства белой расы и готовым служить ей. Играя с предшественником Салмы С. в гольф, он позволял себе сальные высказывания в адрес женщин, словно был не первым лицом государства, а подростком в школьной раздевалке.

Этот полностью вымышленный персонаж был растерян и потрясен, когда трон в Лэнгли, кресло начальника ЦРУ, заняла мисс Салма С. Полностью вымышленная им неприязнь к иммигрантам заставила его думать, что эта темнокожая женщина, шеф ЦРУ, не просто не вызывает доверия, но и, возможно, не вполне может считаться американкой, а его полностью вымышленная неспособность мыслить масштабно заставляла бояться того, как свободно она чувствует себя в киберпространстве, мире хакеров и искусственного интеллекта, и свой страх он проявлял через раздражение, из-за чего мисс Салма С. могла в любой момент лишиться своей должности. В одной из серий она пыталась объяснить президенту, как работают новые агрессивные киберпроцессы, способные разрушать интернет-защиту, встраиваться в систему электронного голосования и тем самым несущие серьезную угрозу демократии как таковой, и сравнила их с некоторыми видами головоногих, осьминогами, способными так искусно мимикрировать, что в определенных ситуациях их практически невозможно отличить от кораллов. В ответ вымышленный президент почти заорал на нее, как делал всегда, когда чувствовал собственную несостоятельность:

— Восьминиги?! Вы хотите сейчас поговорить о восьминигах? По-вашему, главный враг Америки, взламывающий все ее системы, — гигантские, мать их за ногу, восьминиги?

— Осьминоги, — тихонько поправила его Салма С.

После этого актер, исполнявший роль выдуманного президента, так покраснел, что казалось, вот-вот лопнет. “Осьминоги” мгновенно стали новым брендом, вирусом, интернет пестрел эмодзи с изображением произносящей эти слова Салмы, а реальный мир — футболками *с* этой надписью. Женщины по всей Америке и за ее пределами быстро начали называть “осьминогами” недалеких мужиков, а либералы обоих полов — недальновидных правых политиков. Лучшей обложкой года была признана обложка “Нью-Йоркера”, на которой мультяшная Салма С. пыталась оседлать гигантского осьминога-убийцу, тянущего щупальца к Белому дому. Журнал “Тайм” изобразил ее многорукой индуистской богиней со щупальцами вместо рук, ядовитой женщиной-осьминогом, столь же притягательной, сколь и опасной, способной убить мужчину одним своим поцелуем.

Было отснято пять сезонов сериала, после чего

мисс Салма Р. наконец скинула кожу своей альтер эго Салмы С. и предстала миру полномасштабной суперзвездой. Вопреки советам в этот самый момент она объявила, что на этом завершает карьеру в кино и переезжает из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк, чтобы представить на телевидении собственное ток-шоу, которое будет выходить в эфир четыре раза в неделю в дневное время, и больше никогда не работать на кого-то другого. В этот момент она продемонстрировала свою абсолютную независимость и человеческую мощь всем, кто считал ее успех собственной заслугой, кто был уверен, что она *обязана им* всем, чего добилась, и, значит, *принадлежит им;* понимая, что отыметь ее им не удастся, они стремились овладеть ей иначе, все эти агенты, менеджеры, юристы, генеральные продюсеры, исполнительные продюсеры, пиарщики, директора программ, но главное, сильные мира сего, чьи имена никогда не произносятся, но которым мы обязаны всем и вся, глодающие саму основу нашего мира, подобно Нидхеггу, великому змею, точащему корни мирового древа Иггдрасиль — проще говоря, богатые, супербогатые и мегасупербогатые люди, владеющие людьми, которые *владеют* людьми, которым принадлежат кинокомпании, которым

принадлежит сериал, который сделал ее звездой первой величины. Сделав вид, что всех их попросту не существует, она начала выпускать свою передачу и через три года превратилась в самую влиятельную женщину Америки после, конечно, Опры, которая быстро провозгласила мисс Салму Р. своей единственной возможной преемницей, чем публично закрепила за ней статус “второго номера”.

В ее новой инкарнации все складывалось так, как мисс Салма Р. задумала с самого начала, за единственным исключением: по ее первоначальному замыслу программа должна была называться “Измени историю Америки” или, более емко, “Измени Америку”, на что единственный американец, которому она доверяла — тот самый продюсер, что приехал за ней в Бомбей/Мумбаи и уговорил поехать на другой конец света в никуда и пройти над пропастью в неизвестность, а теперь работал президентом основанной ею компании, — заявил, что она придумала ужасные названия, которые никто никогда не запомнит и которые прочно и неприятно будут ассоциироваться с миром хитренькой либеральной элиты. В этом вопросе мисс Салма Р. полностью доверилась американцу и назвала

свою программу просто, дав ей собственное имя: *Салма.*

Редакция ее высокорейтингового шоу, расположенная в бывших складских помещениях в Нижнем Манхэттене, трещала по швам, поскольку число сотрудников, ежедневно вскрывающих, читающих, сортирующих и оценивающих приходящую в адрес программы корреспонденцию, возросло до трехсот шестидесяти пяти; они разрывались между посланиями, приходящими на электронный адрес, в социальных сетях и по почте; именно бумажные письма по-прежнему составляли львиную долю входящей корреспонденции, их подвозили к зданию грузовиками и развозили по занимавшему отдельный этаж отделу писем на целом автопарке погрузчиков: триста шестьдесят пять огромных мешков в день — годовая порция писем каждое утро года. Было ясно, что ни один человек не сможет в одиночку контролировать работу с такой тучей корреспонденции, поэтому сотрудники редакции предложили мисс Салме Р., что будут прочитывать все послания, адресованные лично ей, и передавать мисс Салме приемлемое количество писем, по-настоящему достойных ее внимания, ведь для того, чтобы одновременно сидеть рядом

с каждым из трехсот шестидесяти пяти чтецов и вникать во все письма, мейлы, текстовые сообщения и твиты, лично решать, кому из авторов следует ответить, кому послать приглашение на передачу в качестве гостя, а кого сделать главным героем шоу, мисс Салме Р. просто не хватит двадцати четырех часов в сутках, для этого ей нужно будет изменить ход земного времени. — Значит, изменю ход времени, — ответила она, — ведь мне это нужно.

Единственным будним днем, когда шоу “Салма” не выходило в эфир, был понедельник, которого — благодаря магической силе желания мисс Салмы Р. — ей хватало не только на подготовку к программам, запланированным на неделю, но и на то, чтобы не спеша обойти все триста шестьдесят пять столов работающих с письмами сотрудников и лично решить, что делать с каждым пришедшим посланием. Само время склонило голову перед ее абсолютной властью и шло не так, как обычно: всякий раз, когда кто-то из сотрудников бросал взгляд на часы, они показывали ровно то, что ожидал увидеть, и несмотря на царившее в офисе по понедельникам очевидное торжество хронометрического хаоса, все сотрудники чудесным образом расходились

домой вовремя.

Мисс Салма Р. любила письма, которые писала ей Америка. Не переносила она одного: эпистолярных признаний в любви либо ненависти. Большая часть корреспонденции приходила от женщин — они доверяли ей свои секреты, делились переживаниями из-за лишнего веса, мужей, похотливых начальников, болезней, детей и потери веры в то, что завтра будет лучше, чем вчера, — мужчины, как могли, в силу присущей им эмоциональной неполноценности рассказывали о том, что тщательно скрывали от других — о своей профессиональной и сексуальной несостоятельности, страхе за себя и будущее семьи, ненависти к американцам, не разделяющим их взглядов на жизнь, мечтах о гламурных телках и новых тачках. На ее долю выпало утолить печали Америки, не дать ей утонуть в ненависти, благословить на любовь. Ее личной слабостью были судьбы недавно переехавших в США иммигрантов, историям которых она периодически посвящала отдельные программы из цикла “Они делают Америку великой”.

Через письма она узнавала своих зрителей. Она нянчила их питомцев, вкушала их хлеб, почитала их богов, и им отправляла поздравле-

ния по поводу удачно прошедших операций по смене пола или успешно сданных выпускных экзаменов, и знакомила со звездами, которые улыбались и шутили в каждой ее программе. Благодаря письмам она четко поняла, что финансовый успех Америки сделал духовную жизнь американцев очевидно беднее, и осознала, что этот успех совсем не равномерно распределен между представителями всей разношерстной американской нации, а отсутствие материальных благ обедняет духовную жизнь ничуть не меньше. Она дарила поцелуи и раскрывала свои объятия для всех, и несмотря на свой возраст, быстро заслужила репутацию мудрой женщины, а явленная ей в письмах Америка как раз мучительно искала мудрую женщину, к которой можно прислушиваться, новый голос, который вновь наполнит ее жизнь смыслом. Она была частичкой радости в наши неизменно трудные времена. Горы адресованных ей писем вселяли в мисс Салму Р. веру в безграничность собственных возможностей. Ее любви и огня хватит на всех. Ее объятия помогут успокоить неуемную боль огромной страны. Прильнув к ее груди, Америка сможет успокоиться и передохнуть. Письма помогли ей стать самой лучшей версией себя из всех

возможных. (Разумеется, у нее были собственные демоны, но всякий раз, вступая в неравный бой с демонами Америки, она чувствовала, как они отступают, пусть и на время. Очень скоро мы кое-что узнаем и о ее собственных демонах.)

Письма двух видов сильно отличались от прочих — любовные признания и признания в ненависти. Исполненные яда прямые проклятия заботили ее меньше всего. Ей писали сумасшедшие, религиозные фанатики, завистники, люди, видевшие в ней причину собственных неудач, расисты, женоненавистники — полный набор. Она передавала их письма службе безопасности и мгновенно забывала об их существовании. Тайные воздыхатели тревожили ее куда сильнее. В большинстве своем это были люди, без меры влюбленные в себя, которые милостиво давали ей понять, как ей повезло стать объектом их любви. Другие ни секунды не сомневались, что она ответит им взаимностью. Встречались и те, кто униженно молил о любви. Некоторые вкладывали в письма свои фотографии, совершая тем самым большую глупость. Если снимки были эротическими, совершенная ими глупость была огромной. Ушатами на нее лилось чужое самолюбование, самонадеянность и самоуничижение,

и она ощущала глухую тоску, ведь все это — она сама, отраженная в глазах этих несчастных. Неужели она на самом деле не океан, а жалкая лужа, настолько мелкая, что в нее лезут даже те, кто не умеет плавать? Неужели она не полноценный человек, а вырезанная из бумаги кукла, которую любой может просто сложить пополам и засунуть в карман? Она хотела знать, какой ее видят другие, но от этого знания нередко было тяжело на сердце.

Некоторые любовные письма были адресованы ее героине из “Пяти глаз”, Салме С. Их писали люди, которые по уши погрязли в выдуманном мире и считали себя секретными — двойными или тройными — агентами либо страстно желали стать частью секретного мира и, презентуя себя, в подробностях расписывали свои патриотические чувства, владение оружием и умение скрываться в толпе. Она должна любить их, считали парни (и женщины) из “Пяти глаз”, ведь никто больше не сможет понять ее так же хорошо, как они. “Мы с тобой одной крови, — заявляли эти обожатели, — ты такая же, как мы”.

Сообщения, приходившие в твиттере, были в основном анонимными и могли с одинаковой вероятностью принадлежать и прыщавым

пятнадцатилетним подросткам, и живущим с родителями сорокапятилетним девственникам из какой-нибудь дыры в богом забытых арканзасах и иллинойсах. Все их любовные послания были чудовищно безграмотны. Америка больше не предоставляет своим влюбленным возможность освоить правописание. Да и просто научиться писать от руки. Красивый почерк остался в прошлом вместе с печатными машинками и мажущими копирками. Нынешние влюбленные, строчащие свои послания заглавными печатными буквами, даже не смогут прочитать любовные письма, написанные многими поколениями до них. Рукописный текст выглядит так же, как текст на марсианском или древнегреческом. Мисс Салма Р., для которой эмпатия давно стала рабочим инструментом, не могла заставить себя не чувствовать легкое презрение к таким корреспондентам.

Очень, очень редко получала она письма, которые отличались от прочих так же явно, как лишнее слово в “Улице Сезам”. Когда это случалось, мисс Салма Р. (возможно, всего на миг) посвящала таким письмам все свое внимание. Первое послание, полученное от незнакомца, подписавшегося “Кишот”, было в их числе. Вни-

мание мисс Салмы Р. сразу привлек удивительно красивый почерк писавшего. Ручка, которую он выбрал, была настоящим дорогим пером, предметом гордости, позволившим автору создать удивительно красивый текст, словно бы он писал ей, чтобы пригласить на свадьбу или бал в королевский дворец. Содержание этого письма также было не похоже ни на одно другое любовное послание. Это было одно из тех редких посланий, в которых не было ни высокопарности, ни вкрадчивости, а также ни единого допущения в ее адрес.

Моя милейшая мисс Салма Р,

Я пишу Вам, поскольку считаю необходимым представиться и настоящим письмом заверить Вас в своей любви. Я твердо знаю, что, когда я окажусь рядом с Вами в должное время, сумею убедить Вас в своей преданности. Уверен, что Вы должны принадлежать мне одному. Вы – мой Грааль, и я начинаю свой крестовый поход. Я вступил на Путь, который приведет меня к Вам. Склоняю голову перед Вашей красотой. За сим навеки остаюсь Ваш рыцарь.

Отправлено улыбкой.

Кишот

Бумага, на которой изящными буквами было выведено послание, напротив, была ужасной, листок явно взяли из блокнота дешевого отеля, предварительно оторвав шапку с адресом. Мисс Салме Р. хватило этих небольших наблюдений, чтобы понять, что ей пишет человек в годах, юность которого пришлась на время, когда было принято писать красивым почерком, владелец дорогой перьевой ручки, который, возможно, переживает теперь трудные времена и, чтобы скрасить свое одиночество, очень много смотрит телевизор. Выбранный им псевдоним указывал на его образованность, при этом, судя по построению фраз, учился он не в Америке. Она даже безошибочно определила, что — как и для нее самой — английский был для него не родным, известным с колыбели, а выученным языком. На это очевидно указывал как синтаксис (американский английский допускает гораздо больше вольностей), так и орфография (безупречная до невозможности). Загадкой для нее осталась лишь прощальная формула, *отправлено улыбкой,* с ее неожиданной грамматической несогласованно-

стью. Узнай наш наивный герой, как много она узнала из восьмидесяти двух (восьмидесяти трех с учетом подписи-псевдонима) слов его послания, за которыми он, как в надежном коконе, до поры до времени надеялся скрыть свое настоящее “я”, он был бы потрясен и польщен одновременно. Она заметила и по-настоящему внимательно прочитала его письмо, это хорошо. Но то, что он предстал перед ней без прикрас, словно голый, — не очень. Впрочем, Кишоту не дано было узнать этого, а потому оставим его и мы. Оставим с его неведением, глупыми надеждами на успех и ложной уверенностью в своем инкогнито. Будем милосердны и сделаем так, чтобы он никогда не узнал, что мисс Салма Р. сказала потом:

— Сохраните это письмо, — попросила она наткнувшегося на послание Кишота сотрудника, — оно рождает во мне дурное предчувствие. Сообщите мне, если он напишет снова.

По окончании своего рабочего понедельника она вышла из офиса, устроилась на заднем сиденье в ожидавшем ее “майбахе”, отхлебнула заботливо подготовленный для нее на подлокотнике “грязный мартини” (классический, с оливками) и навсегда забыла о Кишоте.

— Мисс Дэйзи[4], мое почтение, — приветствовал ее водитель.

— Хватит так говорить, Хоук, — ответила она, — ты меня с ума сведешь.

[4] Примечания: 4

Отсылка к фильму “Шофер мисс Дэйзи” (1989), где рассказывается о непростых отношениях богатой американки и ее чернокожего водителя.

Глава четвертая
Сестра вспоминает свою Ссору с Братом и вступает в многочисленные Противостояния

Великобритания — другая страна, у них здесь все по-другому

Да, мы вынуждены сосуществовать с англичанами какое-то время, и они до сих пор считают нас наиболее трезвомыслящим и предприимчивым народом, но видят, что нас разрывает на куски из-за наших диких, продиктованных ностальгией решений о собственном будущем; особенно явственно это ощущается в Лондоне, этом некогда лучшем городе на земле, ставшем похожим на калеку из-за пустующих многоквартирных домов, принадлежащих иностранным богатеям — китайцам, русским и арабам, вкладывающим-

ся в здешнюю недвижимость, словно это просто парковка для армады их невидимых автомобилей; особенно сильно это можно почувствовать на улочках Западного Лондона, ранее облюбованных длинноволосыми представителями богемы родом с Карибских островов, вест-индийцами с их колоритными этническими лавочками; цена жилья в Западном Лондоне росла так быстро, что позволить его себе могут уже исключительно люди с рационально короткими стрижками, на смену цветистости пришли сдержанные фасады элитных бутиков и стильных ресторанов, что же до вест-индийцев, их уже давно попросили из этой части Лондона, и теперь, из-за дикого, продиктованного ностальгией решения о будущем страны, они испытывают неуверенность и вновь сталкиваются с враждебным отношением. Раз в году по этим улочкам проходит карнавал, он проводится по обычаям далеких Ямайки и Тринидада, но теперь, когда переплетение культур выглядит по-другому, а ведь в нем и состоит суть карнавала, он являет — по крайней мере для тех, кто с горечью встречает эти перемены — печальное напоминание о том, какой эта страна была прежде, до того как раскололась на две половины. Да, нам следует признать и то, что подобный

раскол произошел и в двух других важных для нашей истории странах, где привел к таким же разногласиям, но большему насилию. В одной из них белые полицейские регулярно убивают чернокожих, арестовывают их прямо в холлах отелей за непозволительную смелость зайти туда, чтобы позвонить маме, детей убивают прямо в школах из-за конституционной поправки, благодаря которой убивать детей в школах стало просто; в другой религиозные фанатики до смерти линчевали человека за то, что у него на кухне нашли мясо, которое показалось им говядиной, мясом священной для индуистов коровы, а восьмилетнюю мусульманскую девочку изнасиловали и убили прямо в индуистском храме, чтобы преподать тем самым урок мусульманскому населению. Так что, возможно, эта Англия еще не самое плохое место, этот Лондон, несмотря на тревожно растущую статистику вооруженных нападений, далеко не самый худший город, да и в Западном Лондоне, пусть он уже не тот, что раньше, жить по-прежнему приятно, а со временем, возможно, станет еще лучше.

Наш добрый читатель, позволь нам маленькое отступление: многие скажут, что истории не должны расти столь беспорядочно, что их

нужно взращивать в том или ином месте, чтобы здесь или там они пустили корни, а затем расцвели на той же почве; и все же очень многие нынешние истории оказываются — и должны быть — раскидистыми, многогранными, ведь человеческие жизни и отношения множатся сейчас, как делится ядро атома, семьи разметало по миру, многие миллионы из нас перебывали уже во всех концах земного шара (предположительно круглого и, следовательно, не имеющего концов), как по необходимости, так и по доброй воле. Возможно, такие разбитые семьи — самое лучшее увеличительное стекло, через которое следует смотреть на наш разбитый мир. Разбитые семьи состоят из разбитых людей, их разбивают потери, нищета, скотское обращение, неудачи, годы, болезни, страхи и ненависть, но вопреки всему они продолжают цепляться за любовь и надежду, эти разбитые люди — мы все разбитые люди! — возможно, самое точное зеркало наших времен: разбросанные по миру осколки, отражающие истину везде, куда бы ни поехали, где бы ни задержались, в каком бы месте ни осели. Мы, мигранты — семенные споры; ветра и ураганы разносят нас по миру, и мы пускаем корни в чужой земле, часто там, где нам не рады, — как,

к примеру, сейчас в этой Англии, отравленной дикой, продиктованной ностальгией тоской по выдуманному Золотому веку, когда ценности были исключительно англосаксонскими, а англичане сплошь белыми, — какими бы сладкими ни были плоды на наших ветвях, в какие бы прекрасные сады мы ни вырастали.

Подытожим. Переместимся в этот Западный Лондон, в огромную квартиру над тем самым рестораном, из которого, так уж совпало, много лет начинается знаменитый ка-рибский карнавал! Эта двухэтажная квартира с просторной террасой на крыше была пристроена в наше время сразу над двумя старыми домами. Нижний этаж представляет собой единое залитое светом пространство под высоченным потолком, в северо-восточной части которого, в примыкающей к бару кухонной зоне мы увидим Сестру — да-да, ту самую сестру, единственную родственницу нашего Брата-писателя, которая смешивает себе “грязный мартини” (классический, с оливками); однозначно она эмигрантка и, очевидно, что из Южной Азии, притом успешный юрист, специалист по гражданскому праву и правам человека, ярый борец за права меньшинств и малообеспеченных слоев населения, много времени отда-

ющий работе на общественных началах; мы не погрешим против истины, если скажем, что она размышляет, да и всегда так размышляла, примерно в том же ключе, что и мы ранее. Пожалуй, единственное, что стоит сказать о ее внешности, это то, что она совсем недавно решила перестать красить волосы, а потому всякий раз немного пугается, видя в зеркале седовласую незнакомку — свою мать, осмелимся мы добавить, заглянув назад сквозь время и пространство. Ну вот, мы представили вам нашу героиню и немного рассказали о ее жизни, а теперь пришло время оставить ее потягивать свой вечерний коктейль в ожидании приглашенных к ужину гостей, мы же, скрывшись в пространстве нашего текста, продолжим рассказывать ее историю.

Сестра порой вспоминала Брата, но неизменно с презрением и обидой. Она хранила Брата в самом дальнем уголке памяти вместе со своими детскими годами: их бомбейским миром, их радиолой, их танцами. Вместе *с* постоянным ощущением собственной второстепенности по отношению к Брату, которому доставалось то, что ей даже не предлагали. Она когтями выцарапала себя из ловушки, выбирая то, чего не одобряли ее родители (об этом мы еще расскажем, когда при-

дет время), и получила сразу несколько крупных стипендий, позволивших ей оплатить обучение в английском юридическом колледже и получить то образование, которого они не хотели для своей дочери. Теперь, когда у нее за спиной была долгая блестящая карьера, ее корни были здесь, в этой квартире, на этой улице, в этом городе и этой стране, какой бы она ни была. Тот старый мир исчез вместе с родителями и Братом. Детство превратилось в историю, которую она могла рассказать на званых обедах, историю о ханжестве и двойных стандартах в среде так называемой свободомыслящей индийской интеллигенции. Она решительно оставила его в прошлом и построила свою собственную жизнь. На самом деле ее старая жизнь никуда не исчезла, а продолжала жить внутри нее, как тромб в кровеносном сосуде. Однажды он может оторваться, попасть ей в сердце, и она умрет.

После смерти родителей все заботы легли на ее плечи, поскольку она была их наиболее приземленным ребенком, которому следовало справляться со всем, с чем приходилось справляться — кропавший же второсортные шпионские романчики Брат, очевидно, был слишком большим Художником, чтобы привлекать его к таким за-

ботам, — и после того, как она в одиночку со всем справилась — устроила родителям достойные похороны, решила вопросы с имуществом, нашла надежных покупателей для “Зайвар бразер” и “Антикварной кондитерской” и с размахом устроила поминки, на которых цвет бомбейского общества, кружась в танцах, рассказывал о Ма и Па смешные истории, то есть все было так, как понравилось бы родителям, — после этого она устроила то, что Брат, как по-настоящему недалекий человек, назвал “злодейским дележом”; тогда-то он и позвонил ей в последний раз и сказал то, что нельзя простить.

— Можешь объяснить мне, что это вообще?

— Ты о чем?

— О сумме, которая сейчас поступила ко мне на счет.

— Твоя доля.

— Доля чего?

— Ты сам знаешь. Всего.

— Моя доля от чаевых, что они оставляли в отелях? Моя доля от разбитой тобой свинки-копилки? Моя доля от мелочи в их карманах? Моя доля от продажи радиолы? Моя…

— Это твоя половина от стоимости их имущества.

— А твоя половина сколько составила, я могу узнать? Девятьсот пятьдесят процентов?

— Я так понимаю, ты хочешь меня в чем-то обвинить?

— Разумеется. У них были бриллианты, а ты прислала мне деньги, как за орехи. “Мона Лиза” по цене печатной репродукции! Слезы вместо дождя! Ты прислала мне половину стоимости неведомого дерьма и утверждаешь, что это половина их состояния! Да ты просто аферистка! Ты такая жадная аферистка, что даже не позаботилась, чтобы твои махинации выглядели прилично! Знаешь что: созову-ка я пресс-конференцию и поведаю всему миру о том, как моя всеми обожаемая Сестра, непримиримый борец за права человека, защитница всех сирых и убогих, Жанна д’Арк всех черно-желто-красно-каких там еще, мать их, — кожих в, мать ее, сияющих доспехах, темнокожая Ланселотка, лучший друг всех паков Земли и главная индианка среди всех вест-индийцев, женщина, к которой бегут, как только какому-нибудь африканскому государству понадобится сочинить конституцию, ходячая свобода слова, беспристрастный оппонент религиозных фанатиков и белых расистов, эта Боудикка постколониального мира, мошен-

ничала со стоимостью имущества родителей, чтобы захапать себе все семейное наследство. Отдай мне все оставшиеся положенные мне деньги или готовься лицезреть свою фотографию на всех обложках!

Неумение контролировать свой гнев было ее слабым местом. Она знала это. Она прятала его глубоко, в самых глубинах своего естества, но стоило лишь слегка ослабить контроль, как она покрывалась зеленой кожей, разрасталась до нечеловеческих размеров и на глазах превращалась в Невероятного Халка. Обычно ей удавалось сдерживать его. В этот же раз он вырвался на свободу. Речь оскорбленного Брата выглядела концертом художественной самодеятельности перед выходом на сцену оперной дивы. Словно он махал ножом перед дулом танка. После того как она начала говорить, вернее, реветь голосом Халка, Брат не смог произнести ни слова. Она пойдет до конца. Он выдвинул ей серьезное обвинение. Если человек, родной ей по плоти и крови, повторит его публично, то мгновенно нанесет ей большой вред. Он собирается прилюдно поливать ее грязью, а ее политические противники — коих немало с учетом резонансных гражданских дел, которые она ведет, — будут просто счастливы

воспользоваться этим. Ей ли не знать, что в наше время большинство людей считает, что суд — всего лишь основанный на скоропалительных решениях фарс, где выдвинутые ложные обвинения приводят к тем же последствиям, что и обвинительный приговор. Она просто не может позволить ему сделать с собой такое. Ей любыми способами нужно заставить его навсегда отказаться от этих намерений, если придется, запугать до смерти, так, чтобы его жадная до денег душонка навсегда ушла в пятки, а поганый липкий язык больше не поворачивался. Она справилась и с этим. Она говорила одиннадцать минут без перерыва. Говорила и слышала, как обуревающий Брата ужас течет по всем каналам, его телефонный ужас, цифровой ужас, ужас по вайфаю. В конце речи она заявила:

— Уж будь уверен, я сделаю все, чтобы защитить свое доброе имя. Я, черт возьми, пойду на все. — И повесила трубку.

Никакой пресс-конференции не было. Как не было и дальнейшего родственного общения между ними. И вот теперь, семнадцать лет спустя, потягивая “грязный мартини” (классический, с оливками) в ожидании своих великосветских гостей, она неожиданно углубилась в прошлое.

Служить закону в эпоху беззакония — все равно, что работать клоуном для людей без чувства юмора: либо ты, скажем так, совершенно не нужен, либо без тебя никак не обойтись. В настоящее время Сестра не знала, какое из этих двух утверждений больше относится к ней. Она была идеалисткой. Она верила, что верховенство права вкупе со свободой воли составляют две главные опоры, на которых зиждется свободное общество. (Подобные взгляды не следует слишком часто озвучивать в среде белой лондонской элиты, здесь их приверженцев считают ханжами и фарисеями. Среди темнокожих они также не популярны; здесь вам не поверят и станут ржать в лицо как лошади.) Неудивительно, что то, как менялся этот мир на протяжении ее жизни, расстраивало ее. И закон, и свобода повсюду подвергались атакам. Буйная деградация общества, которую она наблюдала в Индии, с одной стороны, все более укрепляла ее во мнении, что она не хочет иметь с этой все более отвратительной страной ничего общего, с другой же — терзала гораздо сильнее, чем она была готова признать. Непрекращающиеся конвульсии, в которых корчилась Америка, были ей противны, но и здесь, дома, к ней все чаще и чаще попадали дела, в которых жертвами

травли, оскорблений или более тяжких преступлений оказывались мигранты. В особо трудные дни (выпитых мартини: три) она была близка к отчаянью, убеждала себя, что с самого начала неправильно поняла, что представляет собой страна, гражданкой которой она стала и которую считала своей. Всю жизнь она верила, что здесь царят здравый смысл и беззаботность, что здесь легко и приятно жить, но теперь стала замечать, как много здесь также — какое *также, только* оно здесь есть — ограниченности, нетерпимости, и тем, у кого отсутствует главная добродетель, кожа правильного цвета, жить здесь совершенно не легко и не приятно. Всякий раз, когда на нее накатывала подобная тоска, ее муж, судья Верховного суда Годфри Саймонс, становился для нее надежной опорой. Вот и сейчас он спешит к ней вниз по лестнице, празднично одетый по случаю сегодняшнего торжества. На нем вечернее платье в пол от Вивьен Вествуд, жемчужное ожерелье и новые туфли на высоченных каблуках. Он очень постарался, чтобы быть рядом с женой в этот важный для нее вечер во всеоружии. Сестра встретила его появление сдержанными аплодисментами.

— Ты просто великолепен, Джек, — приветство-

вала она мужа, — шикарно, но с достоинством. А туфли!

— Спасибо, Джек, — поблагодарил судья, — шикарно, но с достоинством! Как раз такого эффекта я и добивался.

Они всегда называли друг друга “Джек”, никаких “лапочек”, “заячек”, “кисок”. Это был маленький личный секрет. У них было так много общего. Одни и те же любимые напитки, в ресторанах они заказывали одинаковые блюда и, когда их спрашивали про их любимые книги, не сговариваясь, отвечали одинаково. “Волшебная гора”, “Мадам Бовари”, “Дон Кихот”. Неужели ни одного английского автора? Ну, из английских авторов, если хотите, всего один, — ответили бы они и в унисон продекламировали: Энтони Троллоп! Платья им тоже нравились одни и те же. Так что привычка называть друг друга одним и тем же именем имела под собой достаточно оснований.

Вне дома судья предпочитал строгие костюмы в тонкую полоску от портных с Сэвил-роу и сшитую на заказ обувь, которые, в сочетании с седой шевелюрой, придавали ему до невозможности судейский вид. Да и дома он обычно одевался удобно, в брюки и поло с коротким рукавом. Платья и драгоценности доставались лишь по

особым случаям. Он никогда не надевал париков. Он не стремился выглядеть женщиной. Он просто был мужчиной, которому нравится иногда наряжаться в женские дизайнерские туалеты. Все знали об этой его особенности и не считали ее чем-то из ряда вон. В конце концов, и про принца Чарльза говорят, что он, будучи большим почитателем исламской культуры, у себя в резиденции Хайгроув принимает гостей в облачении арабского шейха. Тот же случай, хотя и куда менее патриотичный.

В дверь позвонили.

— Готов, Джек? — спросил судья у Сестры.

— Готов, Джек! — ответила та.

В 1601 году, возможно даже 6 января, в большом зале здания Миддл-Темпла — теперь здесь располагается судебный инн, к которому принадлежит Сестра, — состоялась премьера “Двенадцатой ночи”: труппа “Слуги лорда-камергера” во главе с Уильямом Шекспиром играла для Королевы-девственницы, Елизавету I сопровождала самая изысканная публика, присутствовало и несколько вельмож, послуживших прототипами для героев разыгрываемой пьесы. Предполагают, что роль Мальволио исполнял сам Шекспир. Четыреста лет спустя Сестра была приглашена на

проходивший там же большой благотворительный ужин, главным событием которого стало представление реконструированных сцен из первой постановки “Двенадцатой ночи”. Кроме нескольких подающих надежды актеров из Вест-Энда за ее столиком оказался украинский олигарх средней руки, крупный громогласный дядька, который признавался в любви к Шекспиру (“Вы помните, как Иннокентий Смоктуновский играл Гамлета? Не смотрели русский фильм? Какое разочарование!”), демонстрировал отличное понимание пьесы (“На самом деле ночей в пьесе не двенадцать. Какое разочарование!”), под впечатлением от сцены с переодеваниями выдал серию трансфобных высказываний (“Мужики вместо баб! Какое разочарование!”) и до конца ужина продолжил методично портить ей вечер. На следующий день Сестра позвонила финансовому директору труппы, который пригласил ее на вчерашнее мероприятие, чтобы — довольно сухо — поблагодарить его за прекрасный вечер.

— Ну что вы, это я вас должен благодарить, — ответил он.

— Меня? За что?

— Вечно недовольный господин, с которым вы вчера говорили весь вечер, сегодня утром выпи-

сал нам чек на девятьсот тысяч фунтов.

Тогда она была моложе и, как утверждали окружающие, хороша собой, хотя она сама даже тогда не была в этом уверена. Как бы то ни было, эта история стала ее излюбленной застольной байкой, и вот как раз сейчас она рассказывает ее высоким гостям, собравшимся за ее столом с тем, чтобы официально предложить ей стать одним из независимых депутатов Палаты лордов, а вскоре после этого и спикером Верхней палаты парламента. Ей предстояло стать второй во всей британской истории женщиной, занявшей этот пост. Она чувствовала, словно в одиночку и без кислорода сумела подняться на Эверест. И вот сейчас, стоя на покоренной вершине, она неизвестно почему начала думать о Брате — должно быть, из-за того, что Сестра внезапно поняла, что “Двенадцатая ночь” — пьеса о разлученных брате и сестре, каждый из которых думал, что другой мертв. В конце им все же удалось, преодолев множество препятствий и хитросплетений, найти друг друга и зажить в любви и радости. В горле встал ком, когда она подумала, как далека от шекспировской их собственная с Братом история. Ее Брат был засранцем, который даже и не думал извиняться за свои оскорбления,

ни секунды не думал. Неудачником, которому приходится выживать, кропая сомнительные романы в постоянном страхе, что издательства решат затянуть пояса и его писательская карьера накроется медным тазом. Он вел себя так, словно она уже умерла. (Она сама, надо признать, по большей части платила ему той же монетой.) Как он посмел явиться сюда и отравить ей сегодняшний великий вечер? Он был призраком — хуже, фантомом, живым мертвецом. Почему же для охоты за ней из всех вечеров он выбрал именно этот, почему решил испортить ей триумф?

Справившись *с* овладевшим ею наваждением, она обнаружила, что за столом среди высокородных аристократов бушует ссора. Молодая баронесса Аретта Алагоа, наполовину британка, наполовину нигерийка, вспомнила один из ключевых для карьеры Сестры случаев. Это было в начале восьмидесятых: в бедном муниципальном квартале на севере Лондона вспыхнул пожар, в нем погибло целых семь семей. Среди местных жителей начались волнения, у здания городского совета собралось около двухсот активистов, требующих немедленно предоставить их семьям и детям безопасное и пригодное для проживания жилье. Сестра отправилась туда, предложила

митингующим юридическую помощь и вскоре стала главным переговорщиком; ее грамотное общение с прессой заставило власти начать действовать.

— Для нас, молодых, вы тогда стали настоящей звездой, — сообщила ей Аретта, — очень важно, чтобы именно вы стали спикером в Палате лордов. Вы не просто женщина, вы женщина из цветных! Такое случится впервые, и это очень, очень важно!

Пришедшие к ней с официальным приглашением представители Палаты лордов принадлежали к разным партиям — так сделали намеренно, чтобы сразу продемонстрировать ей, что ее кандидатура имеет поддержку практически всех политических сил. Очень непростая коалиция, и вот сейчас самый старший из присутствующих, некогда занимавший пост вице-премьера убежденный консерватор лорд Фитч вышел из себя.

— Нет ни малейшей разницы, из цветных она или нет! — провозгласил он. — В любом случае, это крайне странное выражение. Разве не все мы цветные? А я тогда какой? Бесцветный?

— Кто бы осмелился сказать такое про вас, Хьюго? — Баронесса Алагоа не прощала сарказм. — Фактически же цветные — это те, кто

постоянно — и не безосновательно! — чувствует угрозу со стороны вашей партии и ее последователей.

— Я не собираюсь терпеть эту чертову показуху! — закричал пожилой Хьюго Фитч. — И поддерживать тех, кто пропагандирует обратную дискриминацию, не собираюсь.

— Это вынужденные ответные меры.

— Это обратная дискриминация! — повторил он. — Все, что меня волнует, это чтобы ответственный пост занял подходящий человек, мне плевать, какой он будет — желтый, коричневый, синий, розовый, зеленый, черный, голубой!

— Вы плюетесь за обеденным столом этого человека, — указала баронесса. — Будь у меня такие взгляды, я бы хорошенько подумала перед тем, как приходить сюда.

— Я пришел не для того, чтобы решать здесь чертову проблему мигрантов, — неприлично громко ответил Фитч, махнув бокалом с красным вином, который, возможно, излишне часто освежал. — Учтите, если вы готовы оказать человеку поддержку только из-за цвета его кожи, вы поддерживаете врага!

— Какого именно врага, позвольте полюбопытствовать, — голос Аретты Алагоа, напротив,

звучал очень тихо, — может статься, что и вас?

Слушая эту глупую мелочную перепалку, напоминающую булькающее зелье из яда и ксенофобии, которое готовят нынче все ведьмы новой Англии, Сестра поймала изумленный взгляд мужа и едва сдержалась, чтобы сидевший где-то в глубине ее души исполненный справедливого негодования украинский олигарх не прокричал во весь голос: “Какое разочарование!”

В конце концов старая Англия со своим неизменным принципом “не раскачивать лодку” все же дала о себе знать, спорящие сгладили углы, вечер закончился так, как было задумано, и гости разошлись. Сестра же по-прежнему ощущала присутствие призрака, была потеряна, а ее мысли все сильнее уходили от нынешнего политического взлета, и она падала в кроличью нору прошлого. Насколько теперь сильна ее обида на Брата? Было ли то, что нельзя простить, на самом деле совершенно непростительным или лишь отчасти непростительным? Дочь ругала ее за то, что она даже не пыталась сблизиться с Братом. Она прочитала и на удивление высоко оценила несколько бульварных шпионских романов своего дядюшки и, к сожалению, гордилась своим родством с писателем.

— Уж не знаю, что между вами произошло, но это было сто лет назад, — убеждала она мать, — ты на каждом углу твердишь о культуре оскорбленности, *у человека есть право не считать себя обиженным* и все такое, а сама нянчишь свою обиду, как маленького щенка. Хватит уже! Если он умрет или с ним случится несчастье, ты никогда себе не простишь, что так и не помирилась *с* ним.

Возможно, Дочь была права. Возможно также, Сестра в большей степени боялась саму себя, боялась, что ему снова удастся разбудить в ней темное начало. Они встретятся, упадут друг другу в объятия, со слезами и смехом признают, какими идиотами были все эти годы, вместе оплачут то, чего нельзя вернуть, потом расскажут о том, как жили все это время, о детях, возлюбленных, о работе, затем вернутся в детство, превратившись в примерного старшего брата и чудную маленькую сестричку, но как долго будет все это длиться? Двадцать четыре часа? Сорок восемь? А потом он непременно скажет что-то такое, что выпустит из тайников ее души демона, которого она изо всех сил прячет там за семью замками, и когда монстр с ревом вырвется на свободу, мало что останется от них обоих. Сестра боялась того, во что Брат мог

превратить ее. Такова была правда.

Был и еще один тяжелый эпизод. Она помнила о пощечине.

Более сорока лет назад Пожилой Художник с Печальным Лицом, благородный представитель старой, во многом ориентировавшейся на западные образцы модернизма и абстракционизма школы, был вынужден уехать из Индии из-за преследований со стороны религиозных фанатиков с одухотворенными лицами и озаренными светом собственной нетерпимости глазами. Он просто вышел из дома, сел на ночной самолет и улетел в Лондон, как багаж прихватив с собой Сестру. До этого момента Па и Ма даже не догадывались о запретном, но непреодолимом чувстве, которое их тогда еще несовершеннолетняя дочь несколько лет назад пробудила в Пожилом Художнике *с* Печальным Лицом, которое Сестра, несмотря на шестидесятилетнюю разницу в возрасте, всячески поощряла, поскольку увидела в нем свой билет на свободу, шанс улететь из клетки, ограниченной традициями родительской любви, не предусматривавшей для нее иной роли, кроме как *деши* Джейн Остин, сельской Джейн Остин, озабоченной лишь поиском мужа и деторождением. Он был благородным швейцаром, готовым

распахнуть перед ней двери в мир, где нет стен и потолков, где она сможет стать большой, расправить крылья и полететь. Она тайно встречалась с ним до и после своего совершеннолетия и сохраняла свою девственность до тех пор, пока он не сообщил ей, что, возможно, будет вынужден уехать из страны, бежать от этих сумасшедших, после чего она взяла инициативу в свои руки и заявила, что не поедет через полмира с немолодым уже человеком, если не будет уверена, что он сможет удовлетворить ее в постели. Она проэкзаменовала Пожилого Художника с Печальным Лицом, после чего — заметив, что он сдал экзамен не *cum laude*[5], но, с учетом всех обстоятельств, заслуживает положительной оценки, а значит, она поедет с ним, и пусть все остальное летит к чертям. Втайне от всех они быстро поженились, выправили Сестре паспорт и в одну из ночей улетели в Лондон, навсегда разбив сердца ее родителей. В то время ее переполняли предвкушение большого приключения и юношеский максимализм, и она хотела сделать родителям как можно больнее, отомстить им за упрямое нежелание финансово поддержать ее мечты.

---

[5] Примечания: 5
С почетом *(лат.)*.

Брат единственный знал о ее тайном романе. Он догадался обо всем, приехав из колледжа на каникулы, и с гримасой первобытного ханжеского ужаса на лице напустился на нее с обвинениями, однако Сестра с блеском отбила эту атаку — он не оставил ей выбора, и она спустила на него своего внутреннего Халка, заставив замолчать от ужаса.

— Если ты скажешь кому-то хоть слово, — по-змеиному прошипела она, — не совершай этой ошибки, я тебя убью! Ты будешь спать в своей кроватке, а я приду с кухонным ножом и зарежу тебя, ты уснешь живым, а проснешься мертвым. Не совершай этой ошибки!

Почти то же самое она повторила ему несколько лет спустя. *Даже не сомневайся. Я, черт возьми, пойду на все.* В обоих случаях он и не сомневался в этом. В обоих случаях не сказал ни слова. Конечно же, он ее за это возненавидел.

Через два месяца, в ночь, когда Сестра покидала родительский дом навсегда, родители, как обычно, были где-то на вечеринке, и она надеялась отбыть без ненужных сцен. Однако, как только она подошла к двери на улицу, перед ней неожиданно появился Брат. Он догадался, что происходит, и загородил ей выход, словно живое

воплощение негодующей добродетели.

— Уйди с моей дороги! — потребовала Сестра.

— Иуда! — заявил он. — Ты понимаешь, что предаешь всех нас?! Ты гадкий человек, ты Иуда!

— Уйди с дороги! — повторила она.

Тогда он совершил то, что удивило и потрясло ее, а у него, наверное, отняло все душевные силы. Он подскочил к ней, очень быстро, так, чтобы она не могла увернуться, и ударил ее, очень сильно, ладонью по лицу справа. Она едва устояла на ногах от удара, из оглохшего уха тонкой струйкой потекла кровь.

— Можешь идти, — сказал он и пропустил ее.

Когда ее великий вечер закончился, Сестра без сна лежала в постели и рассматривала позолоченных херувимчиков и фарфоровые цветы на люстре. Он ударил ее, это так. Ударил по-настоящему — через две недели из уха вышел кровавый сгусток, и всю дальнейшую жизнь она испытывала определенные проблемы со слухом. С другой стороны, то, что она сделала тогда, никак ее не красит. Но и она показала себя не в лучшем виде, однако благодаря этому обрела ту жизнь, которую хотела. Получив стипендию и поступив в юридический колледж в Миддл-Темпл, она не слишком хорошо поступала по отношению к Пожилому

Художнику с Печальным Лицом. Она упивалась заполнявшими ее жизнь новыми вещами, а он чувствовал себя старой ненужной вещью, которую впору выбросить. Он все понимал, ни о чем ее не спрашивал и довольно скоро избавил от факта своего существования. Четыре года спустя Пожилой Художник с Печальным Лицом умер во сне, оставив ей наследство, достаточное, чтобы обеспечить ее до конца жизни. А она получила диплом юриста, придумала ту, кем хотела быть, стала ею, встретила судью, вышла замуж во второй раз, родила дочь. Брат поднял на нее руку, и это то, что нельзя простить. Или можно? Засыпая, она услышала, как живущая внутри нее маленькая девочка ее забытым детским голосом вопрошает:

— Он ударил меня, *потому что я этого заслужила?*

И тут же ответила ей взрослым голосом:

— Нет, *не заслужила.*

В этом они тоже были похожи с судьей: оба верили, что закон делает людей лучше, возвышает их, внушает им почтение и трепет, ведь только он приводит мир к тому *блаженному состоянью, при котором* (у Вордсворта) “все тяготы, все тайны и загадки, / Все горькое, томительное бремя /

Всего непознаваемого мира / Облегчено покоем безмятежным"[6]. Решая любые проблемы, она привыкла обращаться к закону, но в этот раз даже он был не в силах ей помочь.

"Если он умрет или с ним случится несчастье, ты никогда себе не простишь, — сказала Дочь. Однако кое-чего она не знала, поскольку ей не говорили.

Едва ли из них двоих Брат умрет первым.

— Спокойной ночи, Джек, — попрощался с ней судья из своей спальни. Они теперь спали в разных комнатах.

— Я люблю тебя, — отозвалась она.

Судья не ожидал этих слов, а потому, будучи человеком привычки, ничего не сказал ей в ответ.

Ничего страшного. Она не сомневалась в его любви.

[6] Примечания: 6
Перевод В. Рогова.

Глава пятая
Кузен Кишота, “добрый” доктор Смайл, Человек со множеством Секретов

Среди многочисленной и процветающей индийской диаспоры Атланты (население 472522 чел.) доктор Р. К. Смайл был известен как “маленький король”. Даже среди старшего поколения мало кто помнит сегодня забавный мультфильм Отто Соглова и его главного героя — маленького, похожего на шарик человечка с пышными подкрученными усами в длинной отороченной мехом красной мантии и островерхой золотой короне. Мультяшный маленький король был любителем невинных удовольствий и симпатичных женщин. Сними желтую корону, и получится довольно точное описание фармацевтического миллионера Смайла. Он любил играть в игры своего индийского детства — установил

стол для игры в карром в своем постколониальном особняке на Пичтри-Баттл-авеню, содержал хорошо известную, правда на уровне Атланты, крикетную команду (“В крикет мы играем так себе, но экипировка у нас что надо!”) и время от времени организовывал в парке Сентенниал любительские соревнования по *кабадди.* Он был счастлив в браке со своей женой Хэппи, мастерицей по приготовлению бирияни, но не отказывал себе в удовольствии флиртовать с каждой встретившейся симпатичной женщиной, что нашло отражение в его втором прозвище, которое использовали исключительно у него за спиной преимущественно молоденькие представительницы индийской диаспоры Атланты: Малыш Большие Ручонки.

Несмотря на склонность распускать руки, у индийцев Атланты мистер Смайл пользовался неизменным уважением как щедрый меценат, поддерживавший издание печатной и электронной версии лучшей индийской газеты Атланты “Раджджхани”, что в переводе означает “столица”, своим названием утверждавшей Атланту в статусе индийской столицы Америки, и широкой души человек, осуществлявший вспомоществования всем индийским объединениям города,

организациям соотечественников самого разного рода, как общеиндийским, так и специализированным по языковому (бенгали, гуджарати, хинди, тамили, телугу), варновому, кастовому, религиозному либо конфессиональному признаку (он жертвовал деньги адептам Деви, Махадева, Нараяны и даже приверженцам малых культов — железного бога Лохасуры, бога-коня Кходияла и бога холеры Хар дуля). Он проявлял одинаковую щедрость к мусульманским и индуистским организациям, однако не разделял всеобщего восхищения местных индийцев премьер-министром Индии Нарендрой Моди, его партией Бхарата Джаната Парти (БДП) и ее идеологическим прародителем, Союзом добровольных слуг Родины (СДСР). Единственными собраниями индийской диаспоры, приглашения на которые он всегда вежливо отклонял, были мероприятия со сбором средств для поддержки этих организаций в Индии. Несмотря на это, он пользовался популярностью среди всего разношерстного индийского населения Атланты и даже называл себя живым подобием связующей всех местных индийцев силы, благодаря которой семьдесят пять тысяч южноиндийских мусульман Атланты и сто тысяч их собратьев-индуистов становятся

значительно ближе друг к другу. При всем при том он сам не был религиозным человеком — его ни разу не видели ни в огромной мечети Аль-Фарух на Четырнадцатой улице, ни в трех десятках других мечетей Атланты.

— Честно говоря, — признавался он своим самым близким друзьям, — я (а) не испытываю внутренней потребности в молитве, к тому же (б) чисто внешне храм Сваминараяны нравится мне больше.

Он имел в виду большой кришнаитский храм в Лилберне.

— Но прошу за это строго меня не судить, *яар.* Я простой аптекарь. Я делаю лекарства.

В своем бизнесе по производству лекарств, в том числе строго рецептурных препаратов, он действовал прямолинейно, решительно и — как мы очень скоро увидим — совершенно беспринципно.

— Еще дома, в старые времена, — рассказал он во время выступления на одном из гала-вечеров индийской диаспоры, — на углу нашей улицы был небольшой аптечный пункт, его хозяин охотно продавал любые лекарства без рецепта от врача. Он сидел, скрестив ноги, в своем киоске и просто махал рукой. “Забирай,

позже занесешь”, — мог сказать он, но когда ты приходил к нему в следующий раз, никогда не спрашивал, где прошлый рецепт. Попросишь у него двадцать таблеток обезболивающего, а он возражает: “Зачем так мало? Бери целую коробку. Зачем мучаться и бегать каждую неделю, береги свое время!” То, что он делал, вредило здоровью людей, но точно шло на пользу бизнесу.

Когда он сказал это, прозвучал ностальгический смешок, но мистер Смайл погрозил уважаемой публике пальцем и укоризненно зацыкал:

— Дамы и господа, здесь нет ничего смешного.

Позднее, когда его империя пошатнулась, люди, возможно, говорили:

— Он как будто прямо признавался нам. Стоял перед нами и смеялся в глаза. С невозмутимым видом рассказывал про свои делишки и про то, как их придумал.

— Многие из нас хорошо устроились в Америке, — продолжал он, — и тоже благодаренье небесам. Всем нам сейчас живется здесь хорошо. При этом многие из нас продолжают думать, что их корни остались в прошлом. Это не так. Мы живем в новом месте, наши обычаи не стыкуются с американским образом жизни, никто не говорит здесь на наших языках. Мы сами тащим за собой

эти вещи. Наши корни — в нас самих, друг в друге. Мы сохраняем свою идентичность в своих телах и умах. Благодаря этому мы можем идти вперед, выйти за пределы, завоевать весь мир.

Позднее, когда его империю постиг крах, люди, возможно, говорили:

— Он был слишком жадным. Он хотел завоевать весь мир. Он заявлял нам об этом прямо в глаза, он стоял перед нами и во всем признавался. А мы были слишком глупы, чтобы понять это.

Прежде чем продолжить рассказ, мы должны поподробнее остановиться на важности исторических корней или хотя бы на том, что наш добрый — или, как оказалось, не такой уж и добрый — доктор Смайл имел в виду, когда говорил о своих корнях в случаях, когда хотел затронуть эту тему. Мы уже упоминали его предполагаемого предка, которому в начале прошлого века отказали в американском гражданстве, ссылаясь на то, что он не является свободным белым человеком. Пришло время сорвать с этой истории завесу тайны — она зазвучит совсем по-другому, как будто мы сдернем с птичьей клетки платок и заточенная в ней птица начнет петь. Как нам удалось выяснить, его звали Далип Смайл, его имя впервые всплывает в истории как имя из-

вестного лондонского шеф-повара, работавшего сначала в “Савое”, а затем в “Сесиле”, который в 18дб году был самым крупным отелем в Европе. Владелец одного из лучших ресторанов Нью-Порка “Шеррис”, перевез прото-Смайла и его супругу-англичанку в Нью-Йорк, на угол Сорок четвертой улицы и Пятой авеню, чтобы привить американцам вкус к индийской пряной кухне. (Жена-англичанка — каков поворот! — непредвиденное звено генетической межрасовой цепочки! Однако мы отвлеклись.) Далип Смайл — очень странное имя, ведь если, как настаивал доктор Смайл, фамилия “Смайл” произошла от *Исмаил*, то “Далип” могло быть сокращением от *Далипсингхджи*, индуистского раджпутского имени (как у знаменитого игрока в крикет), в то время как предки Смайлов, по всей вероятности, происходили из Карачи. Когда его спрашивали о странном противоречии в имени предка, доктор Смайл лишь пожимал плечами:

— Возьмите любую семью индийских мусульман и проследите их род хотя бы на несколько поколений, — возможно, говорил он, — вы непременно найдете того, кто перешел в ислам из другой веры.

И более не желал ничего ни обсуждать, ни

объяснять.

Ценным в биографии предка для него было то, что Далип Смайл был звездой, большим человеком и *avant la lettre*[7] звездным шеф-поваром, в большей степени любимым женщинами, в особенности после того, как он во всеуслышанье заявил, что блюда, которые он готовит, способствуют женской красоте и усиливают привлекательность, а карри и вовсе является мощным афродизиаком. До нас не дошло сведений о том, была ли его жена-англичанка рада его профессиональному успеху у женщин. Как бы то ни было, в один прекрасный день она скрылась в неизвестном направлении, и этот факт может рассказать о ее чувствах гораздо красноречивее любых слов; после ее ухода шеф Смайл неоднократно сочетался браком и разводился с чередой американских девушек, каждая моложе прежней. Он начал представляться принцем: принц Далип Смайл, четвертый сын эмира Белуджистана (ложь). Говорил, что является выпускником Кембриджа (ложь), а также близким другом короля Эдварда VII (правда). (Удивительно, но эта часть его собственных фантазий о себе отчасти

---

[7] Примечания: 7

Здесь Как сказали бы мы сейчас *(фр.).*

воплотилась в жизнь: на короткое время король согласился быть патроном Далипа Смайла — это продлилось до тех пор, пока король не узнал, что остальные заявления Далипа Смайла о себе — ложь.) Золотой век шеф-повара — всего несколькими годами позже — был завершен. У него начались проблемы *с* законом.

После того как ему было отказано в получении американского гражданства, Далип вернулся в Англию, но уже спустя несколько лет приехал обратно в Штаты с невероятно огромным числом сопровождающих. В то время в Америке действовал закон, накладывавший тысячедолларовый штраф на лицо, способствовавшее чьей-либо иммиграции путем предоставления ему в США работы. Далип Смайл сделал подобные предложения двадцати шести людям. Сам он отрицал это. Его обширное сопровождение состояло исключительно из туристов, говорил он, туристов и друзей. Власти на это не повелись. Ресторан “Шеррис”, испугавшись штрафа в двадцать шесть тысяч долларов (семьсот тысяч в нынешних деньгах), прекратил сотрудничество с шефом Смайлом, для которого начался период долгого упадка, в конце которого он вместе со своей последней женой-американкой вернулся в Индию,

где его следы потерялись. Если в Америке у него остались дети, их имена неизвестны.

Индийская диаспора Атланты долгое время не знала этой истории. Версия, которую излагал доктор Смайл и которую все принимали без лишних вопросов, была сильно отредактирована. В ней кулинарный гений предка живописался в подробностях, а эпизоды, связанные с обманом, махинациями и мошенничеством, были опущены. И только после того, как случилось все то, что случилось, какой-то дотошный писака докопался до настоящей истории Далипа Смайла и выяснил, что для установления родства между знаменитым шефом и миллиардером-фармацевтом нет достаточных оснований. И вновь его товарищам, индийцам Атланты, оставалось лишь качать головами и удивляться собственной готовности быть обманутыми. “Он не просто сознательно претендовал на родство с аферистом, но и совершал тем самым аферу, — писала одна из индийских газет, — проявлял такую же наглость: он ничего от нас не скрывал, а мы, поддавшись его обаянию, были слепы. Так он поднялся высоко-высоко. Но теперь рухнул”.

В последнее время супруга доктора Смайла подняла его на недостижимую высоту. Сыновья

доктора Смайла уехали в колледж, чтобы изучать там исключительно полезные вещи, механику и финансы, в то время как их мать, миссис Хэппи Смайл, была большой любительницей искусства и теперь, когда ее гнездо опустело, начала убеждать мужа, что им просто необходимо приобщиться к этому миру, даже несмотря на то, что он считает искусство совершенно бесполезной вещью, а связанных с ним людей — бесполезными людьми. Сначала мистер Смайл решительно отверг ее предложение создать семейный благотворительный фонд и жертвовать деньги на проекты в области искусства, но супруга стояла на своем; она выяснила, какое большое внимание арт-индустрии уделяют создатели препарата оксиконтин, и верно решила, что муж не сможет противиться духу соперничества. Она выбрала момент, когда муж с бокалом мятного джулепа в руках отдыхал после рабочего дня в тени рододендрона в саду их особняка на Пичтри-Баттл-авеню, и обратилась к нему:

— Мы должны делиться, ты согласен? — начала она. — Это правильно.

Мистер Смайл неодобрительно взглянул на нее, и она поняла, что разговор будет непростым. Поджав губы, она неодобрительно уставилась на

него в ответ.

— Чем именно я должен делиться? — спросил он. — Что дал нам мир, чтобы мы должны были ему что-то отдавать?

— Ты меня не так понял, — начала так она мягко и вкрадчиво, как только умела, — я просто хотела сказать, что нужно показать всем, как мы благодарны обществу, которое помогло нам обрести очень-очень много всего.

— Общество не помогло мне приобрести ровным счетом ничего, — заявил он. — Все, что я имею, я заработал сам, потом и кровью.

— Этот оксиконтиновый *кхандан*, эта семья — вот кто много отдает, — миссис Смайл достала из кармана припрятанного туза, — их семью, их фамилию очень-очень уважают. Неужели ты не хочешь, чтобы нашу фамилию тоже очень-очень уважали?

— О чем ты говоришь? — в голосе мистера Смайла зазвучала заинтересованность.

— Их именем названо очень-очень много крыльев всего. У них свое крыло в Метрополитене, свое крыло в Лувре, свое крыло в британской Королевской Академии художеств. Тот, у кого очень-очень много крыльев, летает очень-очень высоко.

— Мы *с* тобой не птицы, к чему нам крылья?

— Дело не в крыльях. В “Тейт модерн” их именем назван эскалатор, в Еврейском музее Берлина — лестница. У них даже роза есть их имени, розовая. И еще звезда. Очень-очень много всего.

— А мне-то что за дело до астероидов и эскалаторов?

Ответ на этот вопрос она подготовила заранее.

— Брендинг, — провозгласила она, — продвижение продукта. Ты грамотно вкладываешь деньги в свое имя, и твое имя начинают любить. Очень-очень. Любовь народа очень-очень способствует бизнесу, разве нет? Все будет очень-очень здорово!

— Да, — согласился он, — любовь помогает бизнесу.

— А я про что. Пришло время делиться, понял теперь?

— Ты все это подстроила, — догадался он.

Она залилась краской и захлопала в ладоши.

— Оперные театры, художественные галереи, университеты, больницы, — перечисляла она, не переставая аплодировать, — все будут очень-очень счастливы, а твое имя станет очень-очень известным. Еще хорошо бы начать коллекционировать предметы искусства. Сейчас мода на все

индийское. На китайское тоже, но мы патриоты и будем поддерживать свой народ, да? Цены растут прямо на глазах, инвестиционный потенциал у этого вложения отличный. В нашем доме столько стен! Мы сможем предоставлять картины из своей коллекции в постоянное пользование крупнейшим музеям, это тоже прославит твое имя, очень-очень. Разреши, я все устрою сама. Кстати, — привела она решающий аргумент, — в мире искусства женщины очень-очень красивые. Вот что я хотела сказать.

Мистер Смайл любил свою жену.

— Окей, — согласился он. — Крыло Смайла, корпус Смайла, галерея Смайла, балкон Смайла, дворик Смайла, лифт Смайла, туалет Смайла. И звезда Смайла в небе!

В ответ она запела.

— Когда ты улыбаешься, когда улыбаешься, — пела она.

— Весь мир улыбается вместе с тобой, — подхватил он.

Что ж, настало время раскрыть определенные секреты, которые тщательно хранили доктор Р. К. Смайл и высокопоставленные сотрудники его компании *Smile Pharmaceuticals Inc* (сокращенно SPI, произносится как английское *spy,*

“шпион”). Эти секреты в первую очередь связаны с тайной жизнью главного продукта компании, сублингвального фентанилсодержащего спрея, *InSmilfT,* которому фирма во многом обязана своим процветанием, но отчасти касаются и других опиоидных препаратов, производство которых происходит на главном заводе SPI в Альфаретте, штат Джорджия (население 63038 чел.). История эта довольно некрасивая. В конце концов, мы говорим о человеке, находящемся на пике своей карьеры, щедром, пользующемся всеобщим уважением и даже уже почти любимом. Очень неприятно сбрасывать такой персонаж с пьедестала и открывать, что он — колосс на глиняных ногах. Подобные разоблачения бросают тень на всю диаспору, и многие сочтут их попыткой выставить на всеобщее обозрение грязное белье. Но что поделать: если здание начало рушиться, рано или поздно ваше грязное белье увидят все. К моменту, когда доктор Р. К. Смайл приехал к своему родственнику Кишоту, чтобы объявить ему об окончании их официального сотрудничества, компания SPI уже была объектом пристального внимания властей, хотя доктор Смайл не принимал эти подозрения всерьез. В это время миссис Хэппи Смайл энергично осваивала роль мецената

в сфере искусства, и затеянные ею спонсорские проекты уже породили в обществе вполне благосклонные обсуждения перспектив присвоить имя доктора Смайла новому крылу Высокого музея искусств Атланты и вот-вот готовому открыться новому корпусу Центра сценических искусств Кобб Энерджи; какое-то время жители города даже склонялись переименовать и назвать его именем огромную площадь Джона Пембертона, на которой располагались музей “Мир кока-колы” и океанариум Джорджии.

— Дай мне пять лет, — говорила она мужу, — и я сделаю так, что в Атланте ты будешь популярнее кока-колы.

Как известно, человек предполагает, а Бог располагает. Молнии ударяют даже в безоблачном небе. Откуда доктор Р. К. Смайл мог знать, что у него уже не было пяти лет, чтобы дать их своей супруге?

Но начнем сначала: много лет назад, когда он делал самые первые шаги в фармацевтическом бизнесе, доктор Смайл поехал в Индию навестить друзей и родственников; на одной из бомбейских улиц мальчишка раздавал рекламные листовки. Доктор Смайл взял одну. “Вы алкоголик? — прочитал он. — Мы можем помочь. Звоните по этому

номеру, и мы доставим вам алкогольные напитки на дом”.

Идеальная бизнес-модель, подумал он.

Эту листовку он с тех пор всегда носил с собой. SPI претворила в жизнь идеальную бизнес-модель с огромным успехом, во впечатляющих количествах реализуя свою продукцию даже в самых крошечных городишках. Когда впоследствии дело доктора Смайла готовили для передачи в суд, всплыли совершенно удивительные факты. Так с 2013 по 2018 год SPI ежегодно поставляла по пять миллионов доз вызывающего сильное привыкание опиоида в городскую аптеку Кермита, Западная Вирджиния (население 400 чел.). В аптеку соседнего городка Маунт-Гей, Западная Вирджиния (население 1800 чел.) ежегодно поступало шесть миллионов доз опиоидов. Воистину *звоните по этому номеру, и мы доставим вам алкогольные напитки на дом.* В компанию Смайла позвонили почти все аптекари и врачи страны.

Невероятный объем сделок объяснялся еще одной уникальной особенностью бизнеса SPI — подобного не происходило больше нигде в фармацевтической отрасли, — вы могли быть приняты на работу даже при полном отсутствии

опыта продаж медицинских препаратов и без диплома о высшем, не то что профильном, образовании. Выдвигалось всего два требования. Вы должны быть активны, напористы и агрессивны и обладать безупречной внешней красотой.

SPI собрала самую красивую армию продажников во всей Америке. (Один из их главных конкурентов, компания *Merck*, тоже шла по этому пути, но SPI продемонстрировала гораздо большие уверенность и энтузиазм.) Как выяснилось впоследствии, главой отдела продаж по Восточному региону США, головной офис которого находился непосредственно в Атланте, была небезызвестная Дон Хо, ранее работавшая танцовщицей в стрип-клубе “У Дженнифер” в Вест-Палм-Бич, Флорида (население 108161 чел.). В SPI она отвечала за продажи *InSmile*™ — препарата настолько опасного, что врачи могли назначать его только в соответствии с особыми инструкциями — по всему густонаселенному Восточному побережью США. Коммерческий директор компании доктора Р. К. Смайла был стопроцентно уверен в ее профессиональных компетенциях. Коммерческого директора звали Айвэн Джуэл; до того как попасть в компанию доктора Смайла, он успел поработать менедже-

ром по продажам аквариумов, медицинского оборудования для диагностики сонного апноэ и билетов на транспорт в виртуальном агентстве в Нью-Джерси, которое лишили лицензии после того, как два года подряд оно подавало неправильно оформленный годовой отчет. Айвэн Джуэл и сам был весьма хорош собой, как он сам говорил, типаж Клинта Иствуда. “Я готов на все что угодно, лишь бы получить *на несколько долларов больше*”. Он был согласен с доктором Смайлом, что флоридский стрип-клуб — не то место, где крупные фармацевтические компании набирают свои кадры, но настаивал, что Дон Хо — чрезвычайно ценный работник.

— С ней тепло, она очень мила и умеет слушать, — говорил он. — А теперь представьте себе врачей, которые работают с раковыми пациентами с сильными болями. Дни и ночи вокруг них рак и предсмертная агония. И тут к ним приходит красивая женщина: это — раз — прекрасная возможность отвлечься, а если она готова выслушать все твои горести, облегчить твой стресс, поддержать, возможно, слегка помассировать плечи, не важно, ты уже превозносишь ее до небес, и два — когда оказывается, что эта женщина пришла продать тебе что-то, ты охотно

покупаешь у нее все что угодно. Вот что нам нужно — раз и готово, сделка закрыта! Лично я вижу в ней человека, который будет закрывать для нас сделку за сделкой. Я собираюсь использовать ее (а) после неудачного общения *с* другим торговым представителем и (б) когда клиент сомневается, вчера говорит да, сегодня нет, а завтра нам нужно его твердое да. После общения с ней такие точно купят. Красивая женщина, которой интересны вы и общение с вами, — то, что нужно в подобных случаях. Это как улучшенная версия вашей жены, только очень красивая и совершенно не напрягающая.

Маленькому Королю, известному также как Малыш Большие Ручонки, пришлись по вкусу такие доводы.

— Если у тебя еще есть женщины вроде нее, — велел он своему коммерческому директору, — мы возьмем их всех.

И все же объяснить невероятное количество сделок компании тем, что в ней работали специалисты по продажам исключительной красоты — вдобавок к работающим с врачами-мужчинами прекрасным женщинам для работы с врачами-женщинами в штат были приняты несколько похожих на Клинта Иствуда накачанных красав-

цев — нельзя. Внешняя красота вкупе с драйвом и агрессией — этого все еще недостаточно. Если хочешь втюхать запрещенное к продаже лекарство практикующему онкологу, придется прибегать к различным техникам. *Материальное стимулирование* — вот более точное, чем *техники,* слово. Набор дополнительных материальных бонусов.

Доктор Р.К. Смайл лично придумал открыть при компании собственный лекторий. Вообще-то эта идея была лишь отчасти оригинальной. Идея привлекать известных докторов для продвижения какого-то конкретного продукта среди других докторов довольно стара. Сарафанное радио всегда считалось самым эффективным инструментом продаж. Но если вы хотите призвать *нарушить инструкцию*… Х-м. Это на грани. Может, даже за гранью, ведь под *нарушением инструкции* подразумевается рекомендация выписывать препарат в случаях, не предусмотренных в инструкции, в не предусмотренных для него целях. Ну и, конечно, в любых случаях, закрывая глаза на баловство наркоманов или, того хуже, серьезную зависимость. Иными словами, предложенное *нарушение инструкции* может превратить простого врача в *наркодилера.* А может и в *наркобарона.*

— Всю свою жизнь я — в прямом и переносном смысле — пересекаю границы, — рассказывал доктор Р.К. Смайл на открытии первого заседания врачебной конференции “SPL Делимся знаниями и информацией” в городке Эврика, штат Монтана (население 1037 чел.), небольшого закрытого мероприятия, которое проходило в историческом здании городского совета, одноэтажном бревенчатом строении в рустикальном стиле. — Я как-то прочел в одной книге, что если летаешь над землей, то не видишь никаких границ. Это стало моей высотой и жизненной позицией. Благодаря привычке высоко летать я стал человеком, для которого не существует границ.

Эти слова стали тайным кредо всех сотрудников SPI. Они все летали высоко и не видели границ.

После конференции в Эврике доктор Смайл утвердил для лектория компании бюджет в три миллиона долларов. Со временем работа с врачами стала вестись все более хитроумными методами. Компания выбирала и приглашала лекторов из числа докторов, авансом выплачивала им гонорары за лекции, которые потом, в силу непредвиденного стечения обстоятельств, оказывались отменены, при этом, согласно условиям

договора, осуществленные докторам выплаты не подлежали возврату компании. Годовой бюджет в три миллиона долларов полностью уходил на такие, весьма значительные, выплаты — к примеру, потенциальные лекторы получали кто 56 тысяч долларов, кто 45 тысяч, кто зз тысячи или даже 67 тысяч долларов в год за выступления, которые даже не планировалось проводить! Такой бюджет сулил возможности для множества докторов. Такой бюджет позволил привлечь — скажем прямо, завербовать — медицинских светил. Эти врачи стали убежденными сторонниками препарата *InSmile/* готовыми в обмен на существенное вознаграждение выписывать его *с нарушением инструкции,* убеждать коллег поступать так же и даже самостоятельно разбираться с возможными неприятными последствиями.

Да, к сожалению, некоторым из них приходилось проходить через процедуру расследования, возбужденного против них медицинскими инстанциями их штатов, но они справлялись с этим! Они выплачивали предписанные штрафы и продолжали сотрудничество с компанией доктора Смайла. Да, к сожалению, на некоторых врачей накладывали более серьезные дисциплинарные взыскания, поскольку они, к сожалению, в своей

преданности препарату зашли слишком далеко! Это случалось, к сожалению, когда врачи предположительно выписывали рецепты на препарат пациентам, которые впоследствии умирали от передозировки назначенного врачом препарата! Когда, к сожалению, врачи предположительно назначали *InSmile*™ пациентам, вообще не страдающим терминальными раковыми болями! Когда, к сожалению, эти врачи, предположительно обманывали национальную программу медицинского страхования “Медикэр” на миллионы и миллионы долларов! Когда, к сожалению, они предположительно обманывали и частные страховые компании, выставляя им счета за процедуры, которых на самом деле не проводили! На специалиста по управлению болью и по совместительству лектора врачебной конференции “SPI. Делимся знаниями и информацией” из Род-Айленда наложили дисциплинарное взыскание! Другого лектора данной конференции, врача-невролога, арестовали! Подобные случаи повергали доктора Смайла и всех сотрудников SPI в настоящий шок. Компания тут же объявляла, что приостанавливает либо прекращает сотрудничество с такими медиками. У нее была безупречная репутация. Просто дополнительно организовала

лекторий, вот и все. SPI не имела, да и не могла иметь, ни малейшего отношения к тому, чем выступавшие в нем лекторы могли заниматься в свободное от лекций время. Созданная ею врачебная конференция “SPI. Делимся знаниями и информацией” пользовалась в медицинском мире заслуженным вниманием и уважением, а если участвовавшие в ней уважаемые врачи делали выбор в пользу препарата *InSmile*™, это означает только, что они признавали его высокое качество. Любые попытки возложить часть вины за такие вопиющие случаи на сотрудников SPI смешны и даже оскорбительны. Действительно, среди менеджеров по продажам в компании работает несколько детей лекторов врачебной конференции, но их нанимали, руководствуясь выдающимися внешними данными, а не родственными связями. В конце концов, все они взрослые мужчины и женщины, и расценивать их работу в компании как возможность для руководства оказывать влияние на родителей-медиков — крайнее неуважение в отношении как SPI, так и этих достойных красивых людей. У SPI нет нужды выкручивать своим клиентам руки. Профессионалы покупают ее продукцию, потому что она им нравится.

Одним из любимчиков доктора Смайла был доктор Артур Штейгер, опытный анальгезиолог из города Бизби, Аризона (население 5200 чел.), которому предписали прекратить назначать своим пациентам любые обезболивающие препараты, поскольку против него было начато серьезное расследование. К этому моменту он получил от “SPI. Делимся знаниями и информацией” гораздо больше, чем любой другой практикующий врач, гонораров за лекции, несмотря на то что все долгожданные мероприятия, на которых он должен был выступать, оказались отменены из-за непредвиденного стечения обстоятельств. Доктор Штейгер публично выступил в свою защиту. — Мы видим, что власти развязали настоящую войну против врачей, которые регулярно используют в своей практике опиоиды, — заявил он. — Лично я сторонник агрессивного подхода к медицине. Я агрессивно помогаю своим пациентам. Я также сторонник заботы о них. И я агрессивен в заботе о своих пациентах. Таков уж я.

— Даже я не сказал бы лучше, — заверил доктор Смайл свою супругу Хэппи, прочитав заявление Штейгера.

Она любовно кивнула в ответ.

— Ты тоже борец, как этот доктор Аризона, —

сказала она. — Только представить, как ты все это время боролся за благополучие нашей семьи. Очень-очень многого достиг, очень-очень большого успеха. Когда я завершу свою миссию, тогда твое имя будет везде — им будут называться музеи, концертные залы, рыболовецкие танкеры, парки… Очень-очень много людей будет уважать тебя очень-очень сильно. И тогда весь этот шум закончится сам собой. Мы живем в Эпоху, Когда Возможно Все, — продолжала она, — я слышала, так говорили по телевизору. Я сделаю так, чтобы все стало возможно для тебя.

Ее поддержка тронула доктора Смайла. Он любил свою жену. Его мучал вопрос: не обидится ли она, если он попросит ее немного похудеть.

Подвижные крылья его личного “Гольфстрима G650ER” напоминали доктору Р. К. Смайлу прическу жены. Ему казалось, что если бы волосы Хэппи Смайл были самолетом представительского класса, то вмиг домчали бы его прямиком в Дубай. Самолет был его любимой игрушкой. В ясные солнечные дни он мог поднять его в воздух без всякой цели, просто чтобы несколько часов полетать над Атлантой, парком Стоун-Маунтин и соседними Атенсом (население 115452 чел.), Итонтоном (население 6555 чел.) и Милледжвил-

лом (население 18933 чел.), над лесами Чаттахучи и Талладега или над местами, которые проходили участники марша Шермана. Железный генерал Томас Джексон, Роберт Эдвард Ли, Братец Кролик, дерево, которое принадлежит самому себе, война между штатами — все это расстилалось внизу, под ним, а он парил высоко в небе и ощущал себя в такие моменты истинным сыном Юга, которым, естественно, не был. Он пытался читать “Унесенных ветром”, заучивал диснеевскую “Песенку Юга” и патриотические песни Стивена Фостера, хотя на самом деле всегда был далек от литературы и музыки. К тому же — как, прямо скажем, все прочие связанные с культурой артефакты — эти произведения всегда наводили его на мысли о жене, которую, поднимаясь в небеса, он оставлял на земле. В полеты он обычно приглашал из SPI пять-шесть менеджеров по продажам, бывших коллег Дон Хо по стрип-клубу “У Дженнифер” в Вест-Палм-Бич, и то, что происходило в воздухе, оставалось в воздухе. Доктор Р.К. Смайл не был примерным семьянином, он сам признавал это в редкие минуты погружения в себя и размышлений о жизни, однако подобные эпизоды, по его мнению, (а) происходили не на земле, а потому не могли иметь отношения к его земной жизни, и

(б) удовлетворив свои тайные фантазии, *нарушив инструкцию,* он возвращался к Хэппи Смайл еще более примерным мужем.

По пути из Флагстаффа после встречи с Кишотом доктор Смайл грустил; его тоску не могла развеять даже синхронная забота со стороны всех шестерых специалисток по продажам. Его бедный престарелый родственник Исмаил Смайл всегда был среди сотрудников SPI белой вороной — старик среди молодых, доходяга, окруженный здоровяками, одинокий, безнадежно отсталый, эдакий всеобщий безумный дедушка. При этом он держался *с* определенным достоинством, был всегда тщательно выбрит и одет, обладал хорошими манерами, красиво говорил, демонстрируя исключительный словарный запас, всегда находился в приподнятом настроении и мог в любой момент обезоружить собеседника своей искренней прекрасной улыбкой. Теперь, когда Кишота пришлось уволить, доктор Р.К. Смайл опасался самого плохого. Немолодой человек ударится в драму, начнет бесцельно скитаться из ниоткуда в никуда в поисках своей невозможной любви. В один прекрасный день доктору Р. К. Смайлу позвонят из мотеля в самой глухой тьмутаракани, он поднимет в воздух свой “Гольфстрим G650ER”,

привезет прах родственника в Атланту, чтобы предать его земле где-нибудь в тихом уголке Джорджии. И день этот, может статься, совсем не за горами.

Когда в конце разговора с Кишотом доктор Смайл попросил того *“иногда оказывать ему небольшие личные услуги* и туманно намекнул на некие *“неофициальные поставки без огласки",* то не имел в виду ничего конкретного. Своей просьбой он хотел поддержать старика, дать ему уйти с достоинством, чувствуя, что он все еще нужен. Подразделение, занимающееся поставками продукции частным лицам, иначе говоря, ВИП-обслу-живанием, в компании SPI официально отсутствовало, а о его неофициальном наличии было известно очень ограниченному кругу, в который не входила даже верная супруга доктора Р. К. Смайла. Тайное обслуживание желаний самых богатых и чрезвычайно знаменитых представляло собой особый сектор теневой американской экономики, который нельзя было игнорировать, но важно было сохранять в *строжайшей тайне.* Доктор Смайл умел хранить секреты, кроме того, ему льстила возможность осуществлять частные визиты в дома сильных мира сего. После того как компания внесла некоторые изменения в

формулу оксиконтина, превратившие препарат в серьезное медикаментозное средство, гарантирующее — в отличие от других подобных лекарств — тем, кто использует сублингвальный спрей в немедицинских целях, мгновенное достижение искомого состояния блаженства, спрос на *InSmile*™ среди частных лиц, бесспорно достойных исключительного отношения и секретных домашних поставок, значительно возрос. Все больше роскошных особняков от Миннеаполиса до Беверли-Хиллс гостеприимно распахивали ворота перед неприметными арендованными машинами, на которых прибывал доктор Смайл. Он лично совершал эти визиты — маленький, ничем не примечательный внешне, он как нельзя лучше подходил для этой тайной работы: его внешность не бросалась в глаза, а неброскость — один из главных козырей в подобном бизнесе. Как все американцы, доктор Смайл сходил с ума по звездам, и возможность заходить прямо в дамские будуары и пещеры холостяков и лично встречаться там *с* людьми, что взирают на страну *с* обложек глянцевых журналов, давала ему ощущение американской радости, которую подогревало тайное знание о том, что на самом деле он, возможно, ценнее, чем большинство этих из-

вестных всему миру людей, чьи эротичные глаза, губы, груди и ноги были для него обычными проявлениями того, что доктор Смайл — как-никак, профессиональный врач — называл профессионально поддержанным совершенством. Он тоже был профессионалом. И тоже, пусть и в своем роде, поддерживал их.

Когда спустя некоторое время до доктора Смайла через самых доверенных докторов его лектория дошел слух, что некая особа, в прошлом звезда индийского кино, а ныне легенда американского прайм-тайма, была бы признательна, если бы компания организовала для нее обслуживание на дому, он в голос рассмеялся и захлопал в ладоши.

– *Арэ, кья бат*! — вскричал он в тишине своего домашнего офиса. — Вот так так!

Ведь теперь, если все пойдет хорошо, он сможет помочь своему бедному родственнику прикоснуться к собственной недостижимой мечте, хотя бы раз до того, как наступит неминуемый трагический конец. В силах доктора Смайла было организовать встречу безумного Кишота с его прекрасной дамой, и эта мысль грела ему сердце.

Но не будем забегать вперед. Нам еще только предстоит узнать, как произойдет секретное об-

ращение мисс Салмы Р. в компанию Смайла и что будет в это время происходить *с* распадающимся на части миром.

Глава шестая
Санчо, воображаемый Сын Кишота, пытается осознать собственную Природу

Санчо Смайл. Так меня зовут. Это я уяснил, но остаюсь в неведении по поводу всего остального. Правду сказать, я даже сам до конца не уверен, что действительно существую. Хотя бы потому, что мир вокруг цветной, а я — черно-белый. Смотрю на себя в зеркало и вместо лица вижу там фотоснимок лица. Что я при этом чувствую? Второй сорт. Низшая лига. Как-то так. К тому же я пока, похоже, невидим для всех, *кроме него.* Моего так называемого “отца”. Он один меня видит. Я знаю, что невидим, потому что, когда в Муркрофте, Вайоминг, где я появился на свет, мы зашли перекусить в “Сабвэй” и он стал спрашивать, что я буду, сэндвич там, газировку, люди смотрели

на него. Так смотрят на сумасшедших. Он как будто говорил сам с собой, а я стоял рядом и был готов закричать: *“Посмотрите на меня! Вот он я, здесъГ* Но другие люди просто не чувствуют, что я существую. Для них я это, как его… Недоступен для чувственного восприятия.

Я подросток, придуманный семидесятилетним стариком. Видимо, мне следует называть его *Отцом.* Только как? Откуда я вообще должен почувствовать, как это называется… Родство. Мы же только познакомились. Он не растил меня, не гонял со мною мяч в парке или чем там еще отцы занимаются с детьми в реальной жизни. Я просто — бум! — и появился рядом с ним. Минуту назад никого не было, а теперь вот он я. И что я, по-вашему, должен испытывать? Любовь с первого взгляда? Очень сомневаюсь.

Еще есть одна проблема.

Я ограничен его физическим пространством. Привязан к нему. Не думаю, чтобы нормальных *отцов* связывали с нормальными детьми подобные узы. Стоит мне совсем немного отойти в сторону, чуть-чуть отдалиться от человека, создавшего меня, я начинаю ощущать… Не знаю, как это правильно называется… Что нахожусь вне зоны действия сети. Словно сигнал слабеет, пре-

рывается, пропадает. А если я захочу уйти от него, чтобы немного побыть в одиночестве? Просто чтобы он не дышал мне ежесекундно в затылок? Стоит мне чуть дальше отойти от него, я тут же чувствую, что — как это сказать… Разваливаюсь на части. Деревенею в некоторых местах. Это как картинка в телевизоре при плохом сигнале. Это бесит. А еще мне страшно. Всякий раз, чтобы вернуть себе высокое разрешение, я вынужден подходить ближе к нему, или я могу исчезнуть вовсе. Это ужасное чувство. Быть связанным с другим человеком невидимой цепью, быть в его власти. Как это называется, я знаю.

Рабство.

А еще — только не подумайте, что я давлю на жалость — я ребенок, у которого нет матери. Я много думаю, на что похожа материнская любовь, что чувствуешь, когда положишь голову ей на колени, а мама, *мамочка,* теребит твои волосы.

Зато я знаю много всякого разного. Много заумных вещей. И откуда, скажите на милость, я, тинейджер, только вчера появившийся на свет по прихоти семидесятилетнего старикашки, могу все это знать? Боюсь, ответ очевиден: я знаю то же, что знает он. Внутри меня, если прислушаться, все прочитанные им умные книги и

любимые телешоу, словно я смотрел их сам. И если присмотреться, я могу видеть все его воспоминания, словно они мои собственные: как он ребенком свалился с дерева и ему зашивали голову, как в девять лет решился поцеловать девочку из Австралии, но порезал язык об ее брекеты, велосипедные прогулки, школьные разборки, стряпню его матери… Все его воспоминания живут в моей голове.

Есть и кое-что еще. Чрезвычайно странное. Иногда, когда я копаюсь в своей собственной голове и перебираю его мысли, знания и слова, пытаюсь доискаться до собственных воспоминаний, которые неизбежно оказываются его воспоминаниями, выяснить собственную судьбу, которая — я достаточно умен, чтобы различать такие вещи — не может быть его судьбой, мне кажется, будто, только изредка, не всегда… Такое странное чувство, что кроме нас двоих *здесь находится кто-то третий.* Безумие, да? Я такой же сумасшедший, как этот старикашка. Но кто — или что — это может быть? Я сейчас скажу, как есть, а вы уж сами решайте, есть ли в этом смысл и прозвучат ли мои мысли… *адекватно.* В те моменты, когда я ощущаю присутствие кого-то еще, мне кажется, что все мы числимся где-то друг за

другом через одинаковую косую черту: я/старикашка/этот кто-то. Этот имярек — да! — придумал его точно так же, как он придумал меня. Имярек вкладывает ему в голову свои мысли, сообщает ему свои чувства, делится с ним своей жизнью так же, как старикашка проделывает это со мной. Тогда чьи воспоминания на самом деле хранятся в моей голове: старикашки или этого фантома?

Попятить можно. Есть я — косая черта — есть он, придумавший меня — косая черта — есть кто-то, придумавший его. Кто это может быть? Кто ты? И если ты изначальный Творец, могу ли я считать тебя и своим создателем тоже?

Вообще-то для этого есть слово. Для парня *по ту сторону истории.* Старикашка, *Папа,* знает об этом ох как много. Не думаю, что он ощущает присутствие этой сущности так же ясно, как я, что он вообще верит в нее, но размышляет о ней он постоянно. А значит, и я с ним. Приходится. И уже хочется наконец взять слово самому, чтобы сказать: это Бог. Думаю, мы бы классно поговорили, он и я — Бог и я — мы бы поняли друг друга, ведь мы, так сказать, соприродны; мы ведь, как всем известно, воображаемые.

Если тебя придумали настолько правдоподобным, что ты воплотился, так сказать, во плоти,

значит ли это, что ты просто существуешь? Если бы я только знал, как добраться до Бога, я бы спросил его об этом. А еще о том, ощущает ли он, что люди его видят. Я знаю, множество людей верят, будто беседуют с ним каждый день, будто он — их проводник и пастырь, бла-бла-бла, вот только делает ли он это на самом деле? Он же может просто стоять незамеченным в стороне и наблюдать за ними, как за людской толпой на оживленном переходе. Хотя не знаю. По крайней мере, в меня-то точно никто из людей по неосторожности не врежется, поскольку я — вуаля, см. выше — недоступен для чувственного восприятия.

Даже у Бога есть мама. В этом мы *с ним* не схожи. Скажу во множественном числе — даже у богов есть мамы. Дева Мария и ей подобные. Адити — мать Индры. Рея — мать Зевса. Если бы я только знал, как добраться до всех этих богов, я бы спросил у них, как это — чувствовать материнскую любовь. Были ли они близки со своими матерями? Вправду ли это блаженство? Разговаривали ли? А может, матери давали им дельные советы, которые те с благодарностью принимали? И обязательно ли класть маме голову на колени?

Еще меня мучает вопрос об изначальном. Есть

ли у матерей матери? У божественных матерей? Это сложно. Было ли так, что не было ни времени, ни пространства, вообще ничего, до Рождения, с которого все и началось? Я спрашиваю, потому что у меня есть только он, *Отец,* у которого, как можно догадываться, тоже был отец, и дед, и прадед… А я… Он создал меня сам, в обход всей этой цепочки, путем этого, как там его… Партеногенеза. Так появляются на свет водяные блохи, скорпионы и оруссиды, так появился на свет и я. Так могут и боги. Дионис был рожден из бедра Зевса. Афина Паллада во всей красе — из его головы. Но он — *Отец* — совсем не похож на бога. Поймите правильно, я не хочу его обидеть. Просто это факт — он не похож на обитателя Олимпа.

Пора взять себя в руки. Санчо, очнись. Очень может быть, что *по ту сторону истории* нет никого и ничего. Это все просто иллюзии. Двоение в глазах. Эхо-камера. Дежа вю. Мало ли что еще. Просто это он, *Отец,* становится эхом самого себя. Видимо, так. Меня устраивает. Все остальное — чистое безумие, т. е. словно я поверю в Бога. А я не собираюсь ни сходить с ума, ни уверовать в Бога. У нас в машине уже есть один начисто сдвинутый старый пердун, и этого вполне достаточно.

И все же оставляю за собой право как-нибудь

еще поразмышлять об этом на досуге.

У него явно что-то произошло когда-то. То, что изменило всю его жизнь к худшему. Он прячет это очень глубоко, но я стараюсь доискаться. Приходится нырять на уровень ниже, под всех этих Розанн, Эллен, еще бог весть каких героинь ситкомов, Вупи Голдберг и сериал про автомобильное караоке. Под всей этой фигней из телевизора в его голове запрятано столько прочитанных книг, что даже я говорю об этом, хотя в жизни не держал в руках ничего, кроме журналов с красивыми женщинами во всю обложку — чем меньше на них надето, тем лучше. “Максим”, “Спорте иллюстрейтед”, посвященный плаванью — все, что я знаю о книгах. Для того чтобы быть в курсе интересующих меня событий, вполне хватает. Да и их за свою короткую жизнь я прочел не так уж много. Но у него в башке настоящая огромная библиотека — и что он, спрашивается, с этим делает? Он дни напролет снова и снова смотрит повторы научно-популярных программ о конце света. А еще “Закон и порядок. Специальный корпус”. Да он точно бы втюрился в Оливию Бенсон, читай Маришку Харгитей, если бы уже не съехал на некоей мисс Салме Р., Опре номер два, любимице Америки, очевидно способствующей

улучшению демографической ситуации в стране, в особенности среди молодежи.

Копаясь в его мыслях о Маришке, мне кажется, я начинаю нащупывать нить, ведущую к его темному веществу. В той ячейке его памяти, где, как в альбоме на *“Pinterest”,* хранятся изображения Маришки, есть комментарий. Как и у нее, его мать умерла, когда ему было три года. Но в отличие от погибшей в страшной аварии Джейн Мэнсфилд она просто умерла от рака. *Просто от рака.* Я не боюсь так говорить, ведь подозреваю, что в силу своей необычной природы не обладаю ни иммунитетом, ни способностью заболеть человеческими болезнями. Так что плевал я на рак с высокой колокольни. В гробу я его видал, вот как. Так я про Маришку — ей было три, а Джейн тридцать четыре. Все случилось на 90-м шоссе недалеко от моста в Новом Орлеане, и наша будущая Оливия тоже была в той гребаной машине. Такое страшно пережить. Я понимаю это. И чувствую, как было страшно ему. Он был в больничной палате, как будущая Оливия на заднем сиденье машины. Может, это и другое. Но похоже. Он держал мать за руку, пока она не испустила последний вздох. Трехлетний ребенок. Когда он понял, что она умерла, бросил ее руку и

выбежал из палаты с криком: *“Это не она!”*

Я вижу его. Маленький мальчик с бомбейского холма. Знаю ли я что-то о Бомбее? Не больше, чем знает он. Смотрю его воспоминания: похороны матери, рыдания отца-художника и его собственное, ни слезинки, молчаливое оцепенение. А потом он теряет свой дом — как только что потерял свою мать; больше никакого Бомбея, отец-художник не в силах оставаться там, где все напоминает ему об утрате, и уезжает на Запад, теперь я вижу Париж. Ребенок хочет обратно. Он так тоскует по дому, что заболевает по-настоящему. Начинаются проблемы с сердцем — тахикардия, аритмия. Ему не нужен Париж. Ему нужна мама. Он хочет к маме и — господи, как они называют эту штуку? Ах да, — *кулфи,* индийское мороженое. Из лавочки рядом — как там это место? Чоупати. И на площадку в виде гигантского ботинка в этом… в парке Камала-Неру. Ничего подобного рядом нет. Он что теперь, француз? В своей квартире невдалеке от Люксембургского сада они с папой слушают на французском “Дон Кихота” Массне. Ему не нравится быть французом. Отец-художник не в силах совладать с тоской — ни своей, ни ребенка — и вскоре отсылает сына в закрытый пансион

в Англию. Я вижу его. Сын тропиков в сердце холодной английской равнины. Он смотрит на нацарапанный на стене его маленькой комнатки расистский лозунг *“Убирайтесь вон, чурки!”*. Он смотрит на маленького паршивца, которого застал на месте преступления с мелком в руке. А потом я вижу насилие. Он хватает гаденыша за воротник рубашки и ремень брюк, отрывает от пола, колотит и тычет мордой в расистскую надпись. Похоже, тот в нокауте. Он убил этого говнюка! Нет, к сожалению, не получилось. Тот приходит в себя и уползает прочь; впредь он будет тщательнее готовиться. Малолетних преступников, готовых занять его место, хватает.

В сухом остатке: он способен к внезапному насилию. По крайней мере, один раз в жизни с ним такое случалось.

Я вижу его. Он смотрит на сочинение по истории, которое писал долго и вдумчиво. Пока его не было, кто-то вошел в его комнату, порвал листок на мелкие кусочки и сложил их в центре стола в аккуратную кучку. Вижу, как он пишет письма отцу — письма, полные вымысла. *Сегодня я набрал тридцать семь пробежек, а потом был полевым игроком и трижды поймал мяч.* Он совсем не умеет играть в крикет, но в письмах в

этом спорте ему нет равных. Он никогда не пишет отцу о том, что три вещи могут сделать твою жизнь в английском пансионе невыносимой. Если ты иностранец — это раз. Если ты умный — это два. И если ты неспортивный — три. Три страйка — ты больше не в игре. С двумя пунктами из трех еще как-то можно выжить. Но не с тремя. Если ты умный иностранец, хорошо играющий в крикет — способный набрать тридцать семь пробежек, а потом трижды поймать мяч, — тебя готовы терпеть. Если ты англичанин, при этом умный и не склонный к спортивным играм, тебя простят. С тобой смирятся, даже если ты неспортивный глупый иностранец, даже тогда ты справишься. Но он как раз собрал всю триаду. Я вижу, как он прислушивается к разговору в комнате за тонюсенькой стенкой, его поливают грязью. В пансионе им не разрешали смотреть телевизор. Его роман с телевидением начался позже. В школьные годы он утешался иначе — шел в библиотеку, уединялся в комнате с желтым томом “Библиотеки фантастики” издательства “Голланц” и перемещался в придуманные миры и альтернативные реальности, как можно дальше отсюда, через галактики и межзвездные пространства.

Я вижу его. Он — первый и последний человек на Земле. Ученый на вершине исландского ледника Снайфедльсйёкюдль, наблюдающий за движением тени горного пика, которая вот-вот достигнет воронки, ведущей к центру Земли. Вот он в странной подводной лодке под названием “Наутилус” на глубине двадцать тысяч лье под водой в компании капитана со странным именем Немо, капитан Никто. Он — военачальник на вершине самой высокой горы Марса, следящий за приближением вражеских войск через красную пустыню. А вот — скрывающийся в лесу мятежник, заучивающий наизусть “Преступление и наказание”, поскольку это единственный способ сохранить для потомков великие тексты, ведь настоящие книги предаются огню при оптимальной для горения бумаги температуре 232,78 градуса Цельсия, что равняется 451 градусу по Фаренгейту. Он — мужчина с вживленным в области лба диском, который начинает светиться всякий раз, когда рядом с ним появляется женщина, вызывающаяу него сексуальный интерес, и очень удобно, что эти диски вживлены всем — сразу видно, кто кого привлекает, и можно приступать к главному, не тратя времени на глупые ухаживания и флирт. Он — человек с собакой, по

глупой случайности угодивший в так называемый хроно-синкластический инфундибулум и навсегда размазанный в пространстве и времени. Он — сотрудник НАСА, и он страшно взволнован, поскольку у него запрашивает разрешение на посадку летающая тарелка с инопланетянами, точь-в-точь похожими на людей, когда он сажает корабль, то внезапно теряет его из виду, и пока он бежит к летному полю, инопланетный корабль тонет в луже, ведь он такой маленький и инопланетяне в нем крошечные; примчавшись, он не замечает лужи, наступает в нее и окончательно уничтожает корабль пришельцев. Он — техник компании IBM, покидающий монастырь в Тибете, где установил суперкомпьютер, ведущий подсчет всех девяти миллиардов имен Бога — монахи верят, что, когда эта работа будет закончена, человеческий род завершит то, ради чего был сотворен, и можно будет поставить точку, — и вот он летит в самолете домой и думает, что компьютер должен завершить подсчеты, а за окном на его глазах звезды медленно исчезают одна за другой.

На самом деле он очень часто вспоминает истории про утонувших в луже крошечных пришельцев и девять миллиардов имен Бога.

Вспоминая последнюю, он всегда думает, что цель существования Вселенной указана в ней неправильно — Вселенная существует не для того, чтобы мы подсчитали все Его имена, но ради того, чтобы породить одну-единственную совершенную любовь, проще говоря, для того чтобы они с мисс Салмой Р. смогли счастливо воссоединиться.

Я прямо спросил его, что, по его мнению, случится с миром, если вдруг его безумное Странствие приведет его к успеху, если они с мисс Салмой Р. вдруг будут вместе. Считает ли он, что тогда наступит конец света?

— Именно так, — ответил он мне, — вне всякого сомнения. Одна за другой, звезды начнут медленно исчезать.

Я вижу его. Ко всему прочему он еще и Бильбо/Фродо, сегодня ему исполняется одиннадцать-десят один, и ему не терпится отправиться в путешествие. Дорога ведет его вперед и вперед. Я вижу, как он надевает Кольцо на палец и делается невидимым.*“Ash nazg durbatuluk, ash nazg gimbatul, / Ash nazg thrakatuluk agh burzumishi*

krimpatur[8] — шепчет он на черном наречии. Стать невидимым — вот чего он хочет больше всего на свете. Исчезнуть. Вот откуда его желание повсюду следовать за блуждающей звездой. Я смирюсь и отправлюсь на Запад, оставшись Галадриэлью. Вот о чем он мечтает. Исчезнуть и отправиться на Запад. Стать невидимым, ни для кого ничего не значить, просто быть собой, со смирением принимая все то, что готовит ему судьба, стать христарадником, монахом, *саньясином.* Возможно, вором. Кому охота заглядывать в суму нищего попрошайки. Определенно вором. *Бильбо Бэггинс… мы ненавидим его навсегда!*

В то время в моде были футболки с надписями вроде “Фродо навсегда”, “Давай, Гэндальф, давай”; он скупал их все. Уже тогда он хотел *пуститься в Странствие.* Есть люди, которым обязательно нужно придать хоть какую-то форму нашей бесформенной жизни. Таких людей привлекает конспирологическая литература. Теория заговора позволяет им забыть, что все в нашем мире не связано. О недетерминированности существования.

---

[8] Примечания: 8

Одно Кольцо, чтоб править всеми, оно главнее всех, оно соберет всех вместе и заключит во тьме. Перевод из русского дубляжа фильма Питера Джексона “Братство Кольца”.

Наш старенький “шевроле” едет н север по 491-му шоссе. Мы в индейской резервации Ют-Маунтин. Проезжаем Ях-Та-Хей (население 580 чел.), Тохэтчи (население 1037 чел.), Национальный археологический парк. Как мы здесь оказались? Понятия не имею. Не спрашивайте меня, я отвлекся и перестал следить за дорогой. Я копался в своей голове, которая все же прежде всего его голова. И вот что он мне сообщил. Перед тем как отправиться в свой нелепый поход, он хочет провести обряд личного очищения. Мы в индийской стране, твердит он, хоть я очень прошу его держать свои неудачные шутки при себе, их никто не оценит. Он хочет приехать в самое сердце этого края, сесть там в позе лотоса и просить праотцов даровать ему удачу в Странствии. Ума не приложу, о чем он говорит. Хотя нет. Все в его голове — он думает сейчас о Ясоне, ведущем *аргонавшов* в Колхиду, чтобы добыть Золотое руно; о сире Галахаде, единственном среди рыцарей Круглого стола, которому благодаря его высокой добродетели было позволено коснуться святого Грааля. Какой чушью забита его голова. Тридцать птиц отправляются на поиски божественного Симурга. Пилигрим Христианин отправляется из этого мира в Небесную Страну. Плюс куча

мужчин, отправляющихся куда-то ради женщин. Рама в поисках похищенной Ситы, водопроводчик Марио, решительно перескакивающий с уровня на уровень в надежде спасти от злобного Боузера принцессу Тоадетту, итальянский поэт Данте Алигьери, добравшийся в поисках своей возлюбленной Беатриче до рая, преодолев до этого ад и чистилище.

Есть кое-что еще. Очень надеюсь, что в его планы не входит мое личное очищение. Меня устраивает мое нынешнее неочищенное состояние. Улавливаете мысль? Я не ангел и становиться им не собираюсь. Вы уже поняли, кем я хочу стать. Человеком. Хорошим или нет, меня не очень-то волнует.

Пусть себе едет, куда ему нужно. А я копну глубже в его голове, посмотрю, что зарыто под всеми этими историями. Там то, что случилось с ним когда-то.

Я вижу его. Он много трудился в школе, находя в учебе почти такую же отдушину, как в чтении, и, окончив пансион, сумел получить стипендию, позволившую ему сменить центр английской равнины, страну Флатландия, на город волшебных шпилей Оксфорд, и вот ровно тогда, когда казалось, что он семимильными шагами преодо-

лел все болота своей жизни, разразился кризис. Вот как он все помнит. Каким-то ветром в Оксфорд занесло его отца-художника. Пригласи на ужин с десяток друзей, предложил он, я все оплачу. На ужине для сына-студента и его друзей-интеллектуалов с одной стороны от родителя сидела девушка, впоследствии ставшая известным онкологом, с другой — девушка, превратившаяся со временем в профессора искусствоведения, обе весьма симпатичные, на протяжении всего вечера богемный отец бесстыдно поглаживал обеих под столом по коленям и бедрам. Сначала девушки терпели это молча, не желая унизить друга, указав на порочность его отца. Но когда тот стал позволять себе откровенно непозволительное, им пришлось подняться и прилюдно пристыдить его. Они стояли рядом — прото-онколог и прото-профессор — возмущенные, обиженные, прекрасные в своем негодовании. Тогда он, униженный сын, вскочил на ноги и, до глубины души оскорбленный отцовским поведением, начал кричать. Он до сих пор помнит все, что высказал тогда отцу, до последнего слова — эта гневная речь звучит в моей голове и сейчас, его слова оглушают меня, слова, которые навсегда разрывают узы между сыном и отцом. Я вижу его. Будучи

сыном, он навсегда порвал отношения со своим отцом, а теперь, будучи отцом, хочет выстроить отношения со мной. В какой-то мере я — отсроченное последствие этой истории, дитя порока его отца. После того случая отец больше ни разу не появлялся в его жизни, да и мой папаша К. не предпринял не единой попытки к сближению. Он очень хорошо закончил университет, но не пригласил отца на вручение дипломов. В какой-то момент после выпуска он почувствовал вкус к дороге и заделался заядлым путешественником — похоже, ровно с того дня и начинается путь к неуспеху, идя по которому он сначала оказался в “Смайл фармасьютиклс”, затем потерял работу, а после чудесным образом — бинго! — обрел меня. Вот все, что мы имеем.

Все, да не совсем. Я нащупал в его памяти одну область, войти в которую никак не могу. Только чувствую там боль — ту, что причиняли ему, и ту, что причинял он сам. В нем очень много боли — возможно, в этом месте сокрыт он сам, каков есть. Из-за этого люди думают, что в нем есть какая-то, как его… энигма. Человек-загадка. Глубоко внутри он прячет место, откуда пришла тьма, поглотившая всю его жизнь, хранит коды, способные вскрыть любые прочие коды. Я хочу попасть

в это место. Нет, мне страшно. Да, я правда хочу.

В какой-то момент его отец-художник отошел в мир иной. Умер, будучи в ссоре с сыном. Грустная история. Он потерял все: маму, дом, самоуважение, отца, представление о цели в жизни. Теперь в его жизни появились новые цели. Безумные, что ж тут поделать: мисс Салма Р. и я. Одна цель несуществующая, вторая недосягаемая. Конец жизни будет что надо.

Я вижу его. Он по-прежнему прячется от жизни в фэнтези и научной фантастике. “Фэнтези и научная фантастика”. F&SF… Отличный старый журнал! В его воспоминаниях я нахожу многое оттуда. И из похожих старых журналов “Непостижимое” *(“Astounding”) и* “Удивительное” *(“Amazing”).* А еще из книг, тогда был золотой век подобной литературы. Фредерик Пол и Сирил Корнблат. Джеймс Блиш. Клиффорд Саймак. Лайон Спрэг де Камп. А позже добавилось кино и, конечно, телевидение. Доктор Кто и ТАРДИС, всякая ерунда. Он всегда видел себя в главной роли. Вот он — Лемми Коушен, въезжающий на своем “форде гэлекси” в окрестности Альфавиля, *les environs dAlphaville.* А вот он на космическом корабле в одиночку пытается победить взбесившийся компьютер. А здесь он — батюшки

мои! — тридцатилетний мужчина, заходит на корабль пришельцев в Башне дьявола — мамочки! — в Моркрофте, штат Вайоминг, в том самом месте, где… да ровно там, где позднее метеоритный дождь Персеиды исполнил наконец желание старика, и я — черно-белый, как уж есть — материализовался на пассажирском сиденье его машины.

Даже я сам, мое рождение, моя история — все выросло из фэнтези. Неужели это и есть я? Непосредственное столкновение с иной реальностью? О да. Я сам это знаю. Потустороннее.

Так где же корабль, на котором я прилетел?

Его многочисленные горести и редкие радости, его нечастые взлеты и постоянные падения — я чувствую, что они стали моей второй природой. Мы едем в машине, и он верит, что совместная дорога поможет нам построить отношения, родственные, как у отца с сыном. Но ведь я не что иное, как его клон, двойник, гораздо более молодая версия, выстраивать отношения *с* которой — своего рода нарциссизм, вы не находите? Как если бы звук вдруг возжелал выстроить отношения с собственным эхом. Это как сближение с собственным чертовым отражением, а что случилось *с* Нарциссом, известно всем. Спросите,

откуда я знаю мифологию. Я знаю все, что он знает.

Так что смотрите, что я еще думаю: Джеппетто. Джеппетто — косая черта — Пиноккио. Кукольник, мечтавший о ребенке и вытесавший себе из полена сына. Старикашка — у меня так и не получается называть его “Отцом” — тоже мечтал о сыне, и не придумал ничего лучше, чем вытесать меня из метеоритного дождя. Знаете, в чем прикол? Я, совсем как длинноносый маленький Пиноккио, собираюсь превратиться в самого настоящего живого мальчика. Мне даже не понадобится помощь Голубой феи, хотя, если мне встретится фея, я не оплошаю, даже не сомневайтесь. Я использую всех и все, что только можно, все, что попадется под руку. Видимый исключительно для папочки — мне нужно срочно положить конец этому дерьму. У меня большие планы. И очень скоро я собираюсь это, как его… Материализоваться. Меня будут видеть все, а если они до меня дотронутся, у меня будут синяки и царапины. Взмыть в небо на собственной наскипидаренной заднице. Вытащить себя за волосы. Что-то вроде того. В этой жизни меня ничто не сдерживает.

В его голове я нашел историю, которая мне

по-настоящему нравится. Где-то — я не понял где, возможно, в Африке — от одного человека ушла его тень. Ушла и стала странствовать по миру. Да-да, снова странствия, снова мир из окна автомобиля. А когда тень вернулась, ее хозяин аккурат собирался жениться на принцессе; во время странствий тень — а она выглядела один в один как ее хозяин, она же была его тенью — многое узнала, многому научилась и даже начала смотреться как настоящий человек. Его тень, убедила тень принцессу, лишилась рассудка и возомнила себя человеком. Принцесса поверила, что ее прежний жених — свихнувшаяся тень. Принцесса вышла замуж за тень, а ее бывшего хозяина велела бросить в тюрьму. Возможно, в оригинальной истории что-то было по-другому. Мне известна лишь версия, что хранится у него в памяти. Но она мне ужасно нравится, просто вау! Отличная история. Я — темная тень, а старикашка — мой завоевывающий принцессу хозяин. Кто знает, может, мне тоже на роду написано увести у него девушку. А ему — умереть в бесславье.

Меня устроит. Отличная возможность. Запишу эту историю в свою память, обдумаю на досуге и, если представится возможность, использую. Думаете, мне слабо? Нам важно вцепиться зубами в

каждый выпадающий на нашу долю шанс.

Я прекрасно знаю, что вы обо мне думаете. Не такой уж я и хороший, наверное. Только вот что я вам скажу. Не по своей воле я здесь оказался. Меня заставили. Посадили на корабль, приковали цепями и перевезли через огромный океан до самого Чарлстона. Вот только работорговля осталась далеко в прошлом, разве я не прав? Я прибыл сюда в цепях, но теперь свободен.

А знаете, когда у него день рождения? В день отмены рабства. Девятнадцатого июня. Для конфедератов день освобождения. Это знак, без сомнения. Тень должна быть освобождена. А если на нашем пути таки встретится принцесса, держите меня семеро. Пожалуй, на данный момент мне больше нечего вам сказать. Просто следите за мной.

Глава седьмая
Кишот и Санчо проходят первую долину, Долину Поиска, и Санчо встречает Итальянское Насекомое

— Когда речь идет о том, чтобы добиться благосклонности прекрасной дамы, я, разумеется, предпочитаю обращаться к классике, — заявил Кишот. — В первую очередь, к тому легендарному шоу, которое расширило границы и изменило правила, — “Игра в свидания”, *The Dating Game,* канал ABC-TV, 1965. Сделано в Голливуде, мировой столице свиданий. Я призываю каждого спросить самого себя: чему учит нас этот телевизионный шедевр, какую мудрость он несет в себе?

— Что пора прекратить снимать тупые шоу про свидания? — беспомощно предположил Санчо.

— Ответ неверный, — возразил Кишот без тени

враждебности, ведь Санчо недавно появился на этот свет и то, что он ошибается, пытаясь мыслить самостоятельно, вполне естественно. — Слушай меня внимательно, мальчик мой, и запоминай. Если смотреть это судьбоносное шоу — только вдумайся, это дневное черно-белое шоу в считаные месяцы стало полноцветным украшением прайм-тайма — в течение продолжительного времени, внимательному зрителю откроется несколько горьких истин. Вот первая из них: если ты стремишься снискать благосклонность по-настоящему привлекательной женщины, у тебя обязательно найдутся соперники. Не жди, что твоя дорога будет проста — чтобы достичь желанной цели, на пути к ней тебе придется расталкивать конкурентов локтями.

— Это как раз по мне, — воодушевился Санчо, — распихивать людей локтями. Кого первого пустим в расход и когда начинать?

— Во-вторых, — продолжил Кишот, не обращая внимания на псевдоподростковую браваду своего призывающего к насилию необыкновенного ребенка, — твоя дама станет задавать тебе вопросы, достойные ответы на которые ты должен подготовить заранее, ведь она будет спрашивать всех кандидатов. Санчо, женщины любят ушами!

Выигрывает тот, кто знает, как представить себя в наилучшем свете.

— И как в этом свете собираешься себя представить конкретно ты, — крайне неуважительно прервал его юнец, — старый, потрепанный жизнью неудачник?

— Будь любезен проявлять хоть немного уважения к своему единственному родителю, — одернул его Кишот. — Ты обязан мне жизнью, которую ты получил благодаря силе своего желания и милости звезд, и если ты будешь слишком мне докучать, я в любой момент могу сделать так, чтобы ты исчез.

— А вот это вряд ли, — заявил Санчо. — Еще никто никого не смог родить обратно. Что родилось, то родилось, и неважно, каким способом. Ты уже существуешь, а значит, сам себе хозяин и один за себя в ответе. Личная ответственность за свои поступки — основа всякой морали, разве нет? Разве добрыми делами человек не может выписать себе индульгенцию? А прирожденный убийца разве не всегда ответит за содеянное?

— Я не обсуждаю с тобою вопросы морали, — стоял на своем Кишот, — сейчас мы говорим о любви.

Услышав это, Санчо, который на протяжении

всей беседы с присущим его возрасту скучающе-индифферентным лицом сидел, развалившись на пассажирском месте, встрепенулся, придал телу вертикальное положение и, захлопав в ладоши, предложил отцу:

— Здорово! Тогда давай сыграем: я буду девица по ту сторону занавески, а ты — претендент на свидание *с* ней, Претендент номер один. Посмотрим, как ты ответишь на мои вопросы!

— А что, других претендентов не будет? — поинтересовался Кишот.

— Не беспокойся, — заверил его Санчо, — я сыграю всю троицу.

Давайте представим, как эти двое выезжают из Национального памятника "Каньоны Древних" — Кишот только что вызвал из небытия своих предшественников-странников, после чего, невероятно смутив этим Санчо, продемонстрировал собственное видение Пляски Солнца индейцев Северной Америки — широко раскинув руки, он медленно пружинил на нелепо вывернутых ногах, заваливался на бок, хромал и почти что падал, и выглядел странно, но одновременно беззащитно, словно ребенок или Лорел, отправившийся на запад без Харди. Этот экзерсис во славу Терпсихоры, охотно пояснил Кишот сыну, есть не что иное,

как еще одна составляющая его странствия-квеста, на сей раз — во имя обретения духовной силы. По завершении танца Санчо поинтересовался:

— И как, приобрел? Духовную силу?

Кишот продолжал жадно дышать и обмахиваться мокрой от пота рубашкой, даже не удостоив его ответом.

Вот они снова в машине, едут по трассе 160 на восток от Кортеса (население 8482 чел.) к горе Чимни-Рок. Стоит только захотеть, и мы рассмотрим все в подробностях, сможем представить даже лицо водителя грузовика компании "Пенске", едущего навстречу "шевроле круз", который с интересом разглядывает одетого со всей строгостью — костюм, галстук, шляпа — пожилого джентльмена, неизвестно откуда взявшегося здесь и беседующего с самим собой. Возможно, он заблудился и по громкой связи пытается найти дорогу. Может быть и так, что водитель грузовика компании "Пенске" не обратит на Кишота никакого внимания и вскоре, со свистом промчавшись мимо, пропадет из виду. Возможно также и обратное — водитель грузовика может думать: "Минуту назад мне казалось, я вижу фигуру на пассажирском сиденье, а теперь в машине только разодетый джентль-

мен. Блики, игра света. Нашел, о чем думать ”.

— Вопрос первый, — начал Санчо, — только не забывай, что я девушка. Между нами стена — я не вижу тебя, ты не видишь меня.

— Пирам и Тисба, — вставил Кишот.

— Что ты сказал?

— Продолжай, неважно.

— Попрошу меня больше не перебивать, — Санчо передернул плечами и продолжил тоненьким женским голосом: — Вот мой первый вопрос. Мой тип мужчины — высокий, темноволосый красавец, у него волевой подбородок, и он любит доминировать над всеми. Как я пойму, что ты именно мой тип? Кандидат номер три!

Тут Санчо понизил голос и сам ответил воображаемой красотке:

— Могу пообещать тебе, детка, стоит тебе только оказаться в моих объятиях, и ты ни о чем не пожалеешь.

Потом он вновь спросил за девушку:

— Кандидат номер один, а как ты ответишь на этот вопрос?

— Ты узнаешь меня по тому, сколь высоко мое чувство к тебе, — вдруг патетически возопил Кишот, — сколь непроглядной была тьма, с которой я делился своими грезами о тебе, сколь красивы

поступки, через которые ты узнаешь меня, ведь истинно красив лишь тот, чьи поступки красивы. А еще по тому, что челюстями над своим подбородком я смогу притащить и сложить к твоим ногам всю свою жизнь без остатка, и по тому, что доминирующая идея для меня — чтобы ты стала моей.

Санчо лишь тихо присвистнул в ответ:

— Вау! Похоже, я недооценил тебя, папа! — Он впервые осознанно назвал Кишота отцом.

Кишот мрачно кивнул.

— Хорошее знание классики — это то, — напутствовал он сына, — что отличает образованного человека.

Им приходится экономить. Маленькой пенсии Кишота едва хватает на бензин, еду и дешевый ночлег. Питание и проживание Санчо не требует больших расходов, ведь он — по крайней мере пока — все еще материализовался не полностью и остается черно-белым и видимым исключительно для Кишота. Давайте представим себе их в Колорадо на берегу озера Капоте недалеко от горы Чимни-Рок, они сидят бок о бок перед своей палаткой. (Кишот всегда возил палатку в багажнике. Возможно, нам следовало упомянуть об этом ранее. Палатка действительно всегда

была в машине. Просим простить нас.) Итак, они сидят бок о бок перед палаткой, и Санчо — крайне нетерпеливый молодой человек — буквально не в себе из-за происходящего с ними.

— И вот мы здесь. В самой тьмутараканной тьмутаракани, — сокрушается он. — Делать нам здесь совершенно нечего, да и нет смысла что-либо делать. Женщина, о которой ты твердишь не переставая, в тысячах километров отсюда, а мы пялимся на скалу. Здесь даже телевизора нет, чтобы посмотреть ее передачу. Скажи наконец, что конкретно мы здесь забыли. Зачем мы здесь, папа? — Снова *nana,* на этот раз точно не случайно.

— Ждем знака, — слышит он в ответ.

— Знака? Так они повсюду! — Оказывается, Санчо способен на сарказм. — Вон знак "Душ", а вон "Медленное движение". А позади нас, на магазине, "Все для рыбалки". Вон еще "Пункт самостоятельного получения разрешений", этот вообще идеальный. Просто возьми и выдай себе разрешение делать все, что хочешь. Я решил твою проблему? Мы можем ехать дальше?

— Я исполнил Пляску Солнца, — возражает ему Кишот, — а это значит, что мы обязательно получим знак.

Пауза.

— Когда я планирую странствие, — рассказывает Кишот, прихлебывая из жестяной банки имбирный эль, — я опираюсь не на одну только классику, но учитываю и современность. Я имею в виду, конечно, шоу “Холостячка”. Одна девушка и двадцать пять претендентов на ее сердце! Двадцать шесть в двенадцатом сезоне! Тридцать в пятом, тридцать один в тринадцатом! И каждому, кто пришел туда искать любовь, мгновенно становится ясно, что там слишком мало любви, чтобы удовлетворить всех претендентов. Из первого предположения мы можем вывести второе, то есть создать количественную теорию любви. Предположим, что количество любви во всем мире — величина конечная и постоянная, из этого следует, что некто может обрести свою любовь только в том случае, когда ее утратит кто-то другой; таким образом, новая любовь может появиться *где-либо* только в том случае (единственно в том случае!), когда *где-либо еще* чья-то любовь умерла. Мы можем считать это своеобразным проявлением эффекта бабочки. Бабочка взмахнет крылышками где-нибудь в Японии, а мы с тобой почувствуем на своих лицах этот ветерок прямо здесь, на озере Капоте.

— Либо, — включается Санчо, — возможно,

это шоу, как ты выражаешься, несет в себе мудрость, что никогда никому нельзя верить? Даже женщине, которую ты любишь и стремишься добиться?

— Ты уже так циничен, — с грустью констатирует Кишот, — еще никто, мальчик мой, не достиг цели, странствуя без веры.

— Но если вера — все, что у тебя есть, — слышит он в ответ, — ты точно проиграешь парню, у которого есть свои подходы и мускулы.

— Истории холостячек и претендентов на их благосклонность учат нас тому, — продолжает Кишот, игнорируя замечание сына, — что бесспорная победа может на деле обернуться поражением, а тот, кто казался полностью поверженным, может спустя много времени оказаться победителем. Смотри: в конце второго сезона Мередит Филипс согласилась выйти замуж за Иана Макки, но через год они развелись, а еще через шесть лет она вышла замуж за парня, которого бросила еще в университете. Четвертый сезон закончился помолвкой Данны Паппас и Джесси Ксинзака, но за полгода до свадьбы они расторгли эту помолвку, а впоследствии Джесси женился на Энн Людерс, одной из участниц тринадцатого сезона родственного шоу “Холостяк”. Джиллиан

Харрис и Эд Свидерски (пятый сезон), Али Федотовски и Роберто Мартинез (шестой сезон), Эмили Мэйнард и Джеф Холм (восьмой сезон) — их истории явственно доказывают нам, что кольцо на безымянном пальце не значит ровным счетом ничего, в то время как союзы Эшли Хеберт и Джи Пи Розенбаум (седьмой сезон) и Дезири Хартсок и Криса Зигфреда (девятый сезон) демонстрируют, что победа в шоу может закончиться не разрывом, а счастливой совместной жизнью. Данное шоу учит нас, как призрачны могут быть результаты самых амбициозных начинаний, если они основывались на чем-либо, кроме желания найти и познать любовь. Ты должен быть сильным, как главный самец прайда, неколебимым, как священный обет, и, главное, никогда не должен терять надежду.

— Должен отдать тебе должное, — с неохотой признается Санчо, — ты разбираешься в том, о чем говоришь.

После небольшой паузы он задает новый вопрос, на этот раз тщательно подбирая слова:

— У меня есть еще вопрос. Если вдруг так случится, что, не ставя под сомнение твое достоинство и все, что ты делаешь и будешь делать — просто представь, что по какому-то несчаст-

ливому стечению обстоятельств, из-за чего-то, что совершенно с тобой не связано — это должно быть что-то из ряда вон выходящее, и я понимаю, что шансов, чтобы так было, один на миллион, — если все же женщина, которую ты любишь, не ответит тебе взаимностью? Если ты закончишь холостяком, которого не выбрала эта горячая, прекрасная, желанная и суперизвестная холостячка?

— Что за идиотский вопрос! — Кишот мгновенно краснеет и орет во все горло: — Только невежда мог спросить такое! Нет, еще бабуин, если бы вдруг выучился английскому! Только рыбе, когда она задыхается на берегу, могло прийти такое в голову! Это вопрос амебы, возомнившей себя человеком! И ты позволяешь себе оскорблять мое великое странствие и меня самого, твоего, между прочим, отца! Сейчас же забери назад этот вопрос. Я — твой отец, и я требую сделать это немедленно.

— У тебя есть полное право просить меня об этом, — заверяет его сын, — но разве не ты сам только что говорил, сколь призрачны могут быть результаты этих, как их там, самых амбициозных начинаний? Множество мужчин считают нормальным, что женщины им отказывают.

Множество женщин ежедневно отказывают множеству мужчин по самым разным причинам, и единственный вывод, который мы должны из этого сделать, — надо быть благодарным за то, что женщина ответила тебе согласием. Между прочим, единственный способ, как я мог узнать все это, — взять из твоей собственной головы! Разве не ты сам вложил мне это в голову?

— О чем ты говоришь? Кто позволил тебе совать свой нос куда не положено? Не смей лезть туда, куда я не разрешаю. Ты просто ребенок. Я — не ты, а ты — не я! В моей жизни есть вещи, в которые я не собираюсь тебя посвящать! — орет Кишот в таком гневе, что Санчо теряется, не просто теряется, а просто пугается.

— Окей, — с трудом заставляет он себя заговорить, — теперь я вижу, что под этой слащавой маскировкой придурковатого старичка ты можешь оказаться кем-то совсем другим, просто эта часть тебя сейчас сидит под замком. Похоже, ты там держишь в клетке своего демона.

На берегу озера Капоте после стычки с отцом Санчо понял, что его мечта начинает сбываться. Поначалу ему особенно трудно приходилось по ночам, ведь всякий раз, стоило Кишоту отойти ко сну, он, Санчо, также проваливался в небытие.

Этот случавшийся с ним против воли перерыв в существовании, во время которого он даже не видел снов, сильно страшил его, как еженощное наказание. Он всяческие пытался бороться с этим состоянием, но его силы были слишком малы. И вот сегодня ему это удалось. Кишот заснул, а Санчо остался бодрствовать. Радость, заигравшая в нем огнями тысячи салютов, стерла воспоминания о недавней ссоре. Он стоял на пути очеловечивания.

Вечером после ссоры Кишот проковылял в палатку и мгновенно заснул. Пока он с громким храпом мчался по гоночному треку своих снов, Санчо, растянувшись на крыше автомобиля, под стрекотание сверчков наблюдал вращение галактики. Если угодно, вот вам и знак, думал он, — гигантский звездный палец вдруг выкинул на Землю маленькую птичку; любые человеческие желания бессмысленны, а достижения смехотворны по сравнению с этим: всё, заключенное во всём. Там, наверху — беспредельность без предела, бесконечная бесконечность без конца, неизмеримая сверкающая тишина миллионов миллионов миллионов сияющих солнц, где никто не услышит твоего крика. А здесь, внизу, мы, люди, копошимся, как вонючие муравьишки, на

покрытой сушей части маленькой, крутящейся вокруг малой звезды планеты в медвежьем углу небольшой галактики, затерянной среди прочих захолустий бесконечной Вселенной, самовлюбленные муравьи, растерявшие последний разум в погоне за желанием потешить свое эго, свято верящие — даже перед лицом бесконечности пылающего звездами космоса, — что наш муравейник и есть центр всего, что есть во Вселенной. Пусть я по-прежнему наполовину фантом, думал Санчо, зато я вижу мир, как он есть, и не испытываю иллюзий на свой счет, к тому же моя голова вертится в самом правильном направлении.

Как ни парадоксально, но больше всего на свете ему хотелось стать одним из этих муравьев. Он хотел, чтобы у него были полноценные плоть и кровь, а еще кости и бургер *с* бизоньим мясом из забегаловки “У ковбоя Теда”; хотел почувствовать его у себя в руках, разжевать, ощутить его вкус, проглотить. Санчо хотел жить.

— Он хочет для тебя того же самого, — произнес чей-то голос совсем рядом.

Испуганный Санчо быстро сел и огляделся, но никого не увидел.

— Кто здесь? — закричал он.

— Смотри сюда, — велел ему голос.

Санчо глянул вниз. Прямо перед ним на крыше машины сидел бесстрашный сверчок, который не стрекотал, а изъяснялся по-английски с легким итальянским акцентом.

— Грилло Парланте к вашим услугам, — представился он, — видишь ли, я итальянец. Но если ты хочешь, называй меня Джимми.

— Этого не может быть, — простонал юноша.

— Ты, в общем-то, прав, — согласилось насекомое, — Это правда. *Eproprio vero. Я* — проекция, которую создал твой мозг точно так же, как ты — проекция, которую создал его мозг. Похоже, у тебя появляется инсула.

— Появляется что?

— Островковая доля мозга, инсула. Я уже говорил тебе, он не меньше тебя хочет, чтобы ты стал полноценным человеком. Он все время воображает, каким ты будешь. Но чтобы ты стал таким, он должен дать тебе островковую долю.

— Я беседую со сверчком-итальянцем, — сообщил Санчо звездам, — чей словарный запас в несколько раз больше моего, и в данный момент он предлагает мне поговорить об островах.

— Инсула — не остров, а островковая доля, — поправил сверчок. — Латынь — язык науки. Островковая доля мозга.

— Он даст мне остров? — все еще не понимал Санчо.

— Островковую долю мозга, — пустился в разъяснения сверчок. — В “Анатомии” Грея она именуется островком Рейля в честь немецкого ученого, который первым дал ее описание. Но ты можешь называть ее, если захочешь, островком Реальности. Эта часть *corteccia cerebrate,* коры головного мозга, которая отвечает за все то, что, как мы считаем, характерно для человека как вида. Именно так: *essere umano, si.* Это рядом с *solco laterale,* так называемой боковой щелью, которая разделяет *lobo temporalevL lobo frontale.* Островковая доля отвечает за сознание, эмоции, восприятие, осознание себя как личности и способность коммуницировать с другими людьми. *E molto multifunzionale,* эта инсула, да, крайне многофункциональная вещь. Это она пробуждает в нас эмпатию, контролирует кровяное давление и сообщает, насколько тебе больно, когда ты ударился. Ты хочешь узнать, каково это — испытывать голод? Попробовать бизоний гамбургер от Теда? Островковая доля подарит тебе вкус и прочие ощущения. Тебя ведь еще секс интересует, верно? Островковая доля обеспечит тебе оргазм. Она поможет тебе сосредоточиться. И

испытать экстаз. Воистину это доля-труженица, да. Благодаря ей ты испытываешь счастье, горе, гнев, страх, отвращение, разочарование, веру, убежденность, доверие, восхищение прекрасным и любовь. А еще благодаря ей у тебя случаются галлюцинации, частью которых я являюсь. Аз есмь! *Eccomi qua!*

— А что, он вправду хочет, чтобы у меня была эта инсула? — *с* недоверием осведомился Санчо. — Мне казалось, его вполне устраивает моя черно-белая версия, ему нравится, что я прикован к нему, как узник кандалами, что я принадлежу ему одному. Вот уж не уверен, что он сможет справиться с полноценным самостоятельным ребенком.

— Ошибаешься. Он же самый настоящий родитель, — было заметно, что сверчок тщательно выбирает нужные английские слова, — он хочет, чтобы у тебя были все возможные цвета, вся возможная сила и возможность жить счастливо. Он сделает все, чтобы у тебя была инсула. Он уже выращивает ее в тебе. Очень скоро ты получишь качество, как в “Техниколо-ре”, засверкаешь всеми цветами радуги и потом распустишь свой хвост, что тот павлин из “Амаркорда” Феллини, и вот она! Жизнь. Сладкая жизнь. Сам посмотри,

как быстро ты растешь! Вылитый Мастроянни в молодости!

— Куда тогда денешься ты? — поинтересовался Санчо. — Продолжишь путаться у меня под ногами? Мне не нужны учителя по жизни, понял?

— К несчастью, — сообщил ему сверчок, — наличие инсулы не гарантирует наличие здравого смысла и разумных суждений.

— Чего не надо, того не надо! Я как ночное небо. Вселенной все равно, что хорошо, а что плохо, ей нет дела, кто умирает, а кто остается жить, кто ведет себя как паинька, а кто гадко. Вселенная — это взрыв. Она летит сразу во всех направлениях, крушит, ломает, сметает все, что попадается на ее пути, лишь бы занять собой все пространство. Это бесконечное завоевание. Знаешь, какой девиз у Вселенной? *Дайте мне еще! Хочу больше! Мне нужно всё!* Это и мой девиз. Я полностью согласен со Вселенной.

— Что ж, это я давно понял про тебя, — заверил сверчок, постепенно растворяясь во тьме, — понял со всей очевидностью. Не скучай! *Ciao!Bad!*

И сверчок исчез.

На следующее утро Кишота разбудил совершенно неожиданный звук — шкворчание еды на сковородке рядом с палаткой. Темноволосый

молодой человек — высокий и поджарый, сложенный практически так же, как Кишот — жарил яичницу с беконом. Одетый в рубашку лесоруба в красно-бело-синюю клетку и синие подвернутые джинсы, он стоял к Кишоту спиной, держа сковородку в правой руке. Левой рукой он махал обитателям соседней палатки, а они махали ему в ответ. Кишот окликнул юношу, а когда тот обернулся, у старика перехватило дыхание — он даже испугался, не пришел ли его смертный час. А когда понял, что еще жив, возликовал, ведь случилось второе чудо: это был Санчо, его Санчо, но в широкоэкранном формате и полной полихромии. Черно-белый фантом, прощай навсегда! Вот он во плоти — высокий, красивый (разве что лицо излишне худовато), здоровый подросток с пушком на подбородке и неуемным аппетитом. Их вчерашняя ссора тут же вылетела у Кишота из головы. В глазах стояли слезы.

— Настоящий живой мальчик, — только и смог сказать он. — Воистину в наше время может произойти все что угодно. Даже такое.

— Это знак, которого ты ждал? — поинтересовался Санчо, но Кишот не смог ему ответить из-за застрявшего в горле кома.

— С учетом того, что сегодня случилось, — про-

должил Санчо, — мне понадобятся некоторые вещи.

Потрясенный до глубины души Кишот лишь неопределенно затряс головой в ответ.

— Даже не вздумай спорить, — кричал парень, — ты обязан меня обеспечивать. Ты должен купить мне все. Не буду же я все время ходить в одном и том же! Рубашки, брюки, трусы, носки, кеды, сапоги, худи, пальто и шляпа наконец! Плюс к этому я должен теперь регулярно что-то есть, ты должен покупать больше продуктов. Далее. Когда мы выберемся отсюда, я хочу иметь свою комнату, чтобы больше никогда не слышать по ночам отбойного молотка, что стучит у тебя в носу ночами. И раз уж у нас такой разговор, хочу прояснить сразу, что не собираюсь жить с тобой вечно. Мне нужна работа, нужно собственное жилье и все прочее. Ничего подобного мы здесь не найдем, так что давай свалим при первом удобном случае. Тебе было очень удобно жить со мной до сих пор, но теперь все иначе, теперь у меня есть собственные потребности.

— Ты ни в чем не будешь нуждаться, — наконец заговорил Кишот. — У меня есть некоторые сбережения, их как раз должно хватить для начала. И еще компенсация при увольнении.

— Точно, еще деньги! — молодой человек щелкнул пальцами. — Мне нужен собственный банковский счет. Это важно. Важно иметь пластиковую карту, важно, чтобы там был кредитный лимит. Если ты ничего не покупаешь, не осуществляешь никаких платежей, для системы тебя не существует.

— Наберись терпения, — увещевал Кишот сына, — всему свое время. Видишь ли, в настоящий момент я совершаю странствие, великое странствие, и это для меня самое главное. Уверен, ты понимаешь.

— Хорош заливать, — грубо прервал его юноша, — какое еще странствие? Что ты там совершаешь? Как я вижу, ты тупо стоишь на одном месте.

— Отнюдь, — возразил Кишот, — сейчас я нахожусь в первой долине, которую должен миновать любой ищущий.

После завтрака прямо на колченогом столике для пикника Кишот расстелил большую карту континентальной части Соединенных Штатов. Над ними кружили птицы из гнезда на высоком шесте в центре туристического лагеря, пара скопов, морских ястребов с размахом крыльев под два метра.

— Ястребы — отличные охотники, — начал рассказывать Кишот. — Рыбы уходят на глубину, едва завидев их силуэт. Для нас встретить их сейчас — большая удача. Они прилетели благословить наше начинание.

— Что ты собираешься там искать? — поинтересовался Санчо, тыкая пальцем в карту, — ближайшие стоковые магазины?

— В одном классическом труде говорится, что странник должен пройти через семь долин.

— Про какую телепередачу ты сейчас говоришь?

— Это не телепередача, а то, что было гораздо раньше. До изобретения телевидения.

— Обалдеть, — только и смог сказать Санчо. Концепция мира до телевидения потрясла даже его саркастическую натуру. Наверняка это было ужасно давно.

— Ну и где эти долины находятся? — решил немедленно выяснить он. — О чем вообще речь? Это долина Сан-Фернандо, где живут классные девчонки? А еще вампиры, они направляются на запад по бульвару Вентура? А может, это Солнечная долина? Или Долина Смерти? Долина Счастья? Вэлли-Фордж? Других долин на карте я не вижу.

— Речь идет не о настоящей долине, — пояснил Кишот, — это просто метафора. Семь долин могут физически располагаться где угодно, совершенно где угодно.

— Объясни мне тогда, как мы собираемся увидеть их на карте? — вполне резонно поинтересовался Санчо.

— Любое странствие, — пустился в разъяснения Кишот, — осуществляется одновременно в реальном — у нас он представлен картой — и духовном мире. Последний полон символов, а его невидимые карты находятся прямо у нас в головах. В реальном мире каждый проходит путь к своему Граалю. Мы преследуем небесную цель, но нам предстоит вполне земное путешествие по Соединенным Штатам.

— Я ничего не понял, — признался Санчо, — ну и ладно.

— Первую долину называют Долиной Поиска. Здесь странник должен забыть про любого рода догмы, в том числе представления о вере и неверии. Пожилой возраст — и есть эта долина для каждого человека. Когда стареешь, начинаешь ощущать, что диктат времени утрачивает власть над тобой. Настоящее со всей своей реальностью и однозначными — на самом деле спорными —

представлениями о ней размывается, перестает быть реальным. Прошлое остается далеко позади, и ты не можешь представить для себя реального будущего, на которое можно опереться. Когда прошлое, настоящее и будущее утрачивают для тебя свой смысл, ты оказываешься лицом к лицу с Вечностью, впускаешь ее в себя и сам становишься ее частью.

— Но если вера и неверие — реальное и нереальное — утрачивают для тебя всякий смысл, — Санчо выразительно постучал пальцем по голове, — для тебя перестает существовать и все остальное, так? Есть только ты и твоя пустая голова. К чему хорошему это может привести? Да и может ли?

— Философские системы нам здесь не помогут, — ответил Кишот, — любые системы мышления, опровергающие друг друга, — просто коды, при помощи которых мы стараемся сохранить то, что, как нам кажется, мы знаем. Стоит нам отказаться от ограничений, которые они накладывают на нас, и мы узрим безграничность Вселенной, а значит, нам откроются безграничные возможности, в том числе и невозможное станет возможным. К этой категории я отношу и свое странствие в поисках любви.

— Похоже на передачу, когда тебя оставляют выживать на необитаемом острове, и навыки городской жизни тебе совершенно не пригодятся. “Остаться в живых”, “Последний герой”, что там еще — “Разбитый”, “Брошенный”, “Человек против зверя”, “Чувак, ты облажался”. Или это больше похоже на “Странствие по Галактике”?

— Посмотрим, — неопределенно ответил Кишот.

— Что бы там ни было, одно я уловил точно: это все связано со Вселенной, — заявил Санчо, — и для нее не существует ни правых, ни виноватых, ни истинного, ни ложного. Никаких теорий. Вселенная просто есть, и она везде — там, здесь, вокруг нас, повсюду, а на все наши суждения ей просто плевать.

— Как раз сейчас мы тоже стремимся просто быть — там, здесь, вокруг и везде, но прежде всего *там,* — пояснил Кишот.

— И чтобы нам на все было просто плевать?

— Чтобы нам было плевать на все, кроме цели нашего странствия, — сердито поправил его Кишот.

— То есть той женщины.

— Именно так. А остальное — суета сует, о ней стоит забыть.

— Круто, — понял Санчо. — Сосредоточиться на женщине — это я легко. Вообще без проблем.

— Я напишу ей письмо, — заявил Кишот, — чтобы рассказать, что совершаю странствие и уже нахожусь в первой долине. И что отказываюсь от всех догм и больше не испытываю ни веры, ни неверия. Соответственно, для меня открывается возможность невозможного, что означает…

— Ты это уже говорил, — перебил его Санчо, — ни к чему повторять все дважды.

— Я напишу ей, что, словно лунатик, бреду сквозь сон прежней жизни, чтобы пробудиться в реальности нашей любви. Я напишу ей прекрасное письмо, которое должно вознести меня в ее глазах.

— Как знать, — вставил Санчо, — лично для меня звучит отталкивающе.

— Ты ничего в этом не понимаешь, — одернул его Кишот. — Еще час назад ты был просто плодом моей фантазии. Так что, уж прости, едва ли твое мнение значит для меня хотя бы что-то, по крайней мере сейчас.

— Как скажешь, — пожал плечами Санчо, — так уж сложилось, что все важные ниточки моей жизни находятся в твоих руках, по крайней мере сейчас.

В этот момент пролетавшая над их головами большая птица-скопа послала им знак. Знак этот *характерным белым пятном* расплылся на карте Соединенных Штатов, накрыв ровнехонько город Нью-Йорк, после чего скопа, которой было решительно нечего им больше сообщить, с чувством выполненного долга улетела прочь из нашей истории.

— Фу! — сморщился Санчо — Чертова птица!

Кишот же хлопал в ладоши и кричал:

— Наконец-то! Вот он!

— Кто он? — не понял Санчо.

— Знак. Эта птица-охотник заметила нас и дала знак, что охота началась! Мы с тобой должны немедленно отправиться, куда она нам велела.

— Ты называешь *это* знаком? — Санчо не мог скрыть обиды. — То, что я из призрака превратился в человека из плоти и крови, это, значит, для тебя так, в порядке вещей. А *птичье дерьмо,* значит, знак?

— На пути в Нью-Йорк мы попадем во вторую долину, а потом, наверное, и во все прочие тоже, — разъяснял ему Кишот, — они лежат в бетонных каньонах, где меня ждет встреча с моей Возлюбленной.

— Я бы тебе то же самое сказал, без всякой там

диарейной птички, — не мог успокоиться Санчо. — Кстати, что там за вторая долина?

— Вторая долина, — торжественно произнес Кишот, — называется Долиной Любви.

Глава восьмая, в которой мы, оставив без внимания Светлую Сторону Возлюбленной Кишота, исследуем ее Темную Сторону

Второе письмо Кишота, к ее немалому удивлению, тронуло сердце Салмы Р. — мы знаем про нее довольно много, так что самое время отбросить чопорное “мисс” и называть ее просто “Салмой”. Оно начиналось словами: “ *Словно лунатик, бреду я сквозь сон прежней жизни, чтобы пробудиться в реальности нашей любви”,* после чего автор письма на нескольких страницах в самых витиеватых и возвышенных выражениях заверял ее в своей бесконечной преданности.

Как и прошлое письмо, это лингвистически безупречное, хоть и чересчур барочное эпистолярное произведение заканчивалось неожиданной грамматической несуразицей: *отправлено улыбкой,*

Кишот.

— Он по-прежнему меня беспокоит, — заявила Салма начальнику своей охраны. — Само собой разумеется, что и поклонники-одиночки, и члены фан-клубов совершенно сумасшедшие, на сто процентов. При этом у него есть слог.

Метафизическая сторона письма, отказ от малейшего намека на веру, а также от неверия, полного и частичного, означает, что совершивший это с открытым сердцем смотрит прямо в глаза истинной реальности и внимает ее посланиям, также заинтересовала ее.

Она даже сделала ксерокс письма и излишне много раз перечитала в своем “майбахе” по дороге домой. Наблюдавший за этим водитель в надежде поднять ей настроение, позволил себе шутку:

— Мисс Дейзи, позвольте спросить, отчего у вас сегодня так блестят глаза? Может быть, это любовь?

В ответ она сердито фыркнула:

— Веди-ка ты лучше машину, Хоук. А то ведь уже продают беспилотные лимузины, ты не знал?

— Понял вас, мисс Дейзи, — водитель подавил смешок. — Просто стало интересно, продлится ли ваша любовь хотя бы до завтра?

Возможно, Салма так близко приняла к сердцу второе письмо Кишота еще и потому, что не понаслышке знала о душевных болезнях и борьбе с ними уже в третьем поколении. Она уже давно находила в себе верные признаки чумы, поразившей их род, и прибегала к помощи сильнодействующих препаратов, она даже знала, в каком ритме это с ней происходит, и сумела согласовать этот ритм с графиком эфиров и съемок, о схеме употребления лекарств она, не скрывая свой диагноз “диссоциальное расстройство личности”, открыто рассказывала в своей передаче:

— Литий и галдол, галдол и литий, — делилась она с от души веселящимися зрителями в студии, а после просила их пропеть хором:

— Литий и галдол, галдол и литий! Кто не может жить без них, к нам все приходите!

К диагнозу “биполярное расстройство” Салма привыкла с трудом, поскольку заболевание, от которого страдали ее мать и бабушка, называлось иначе, маниакально-депрессивный психоз, и ей казалось, что старое название гораздо лучше подходит к ее наследственному состоянию: она в буквальном смысле ощущала, как каждый миг, дни и ночи напролет, в уголке ее левого глаза сгущается непроглядная тьма, а в уголке правого

накапливается нестерпимое сияние. Лекарства помогали — почти помогали — ей держать своего монстра внутри, но случались и срывы: так, например, в Сан-Франциско в приподнятом настроении, именуемом иначе гипоманиакальным состоянием, она за день обегала весь город, буквально сметя с полок весь дорогой антиквариат — старинную деревянную маску из Камеруна, редкий набор японских порнографических картинок в стиле укиё-э и небольшое полотно кисти позднего Сезанна, — все это тем же вечером ее личному помощнику и по совместительству эпизодическому любовнику пришлось вернуть в галереи, поясняя продавцам, когда Салма не могла их слышать, ее состояние. После этого случая ее лечащие врачи заявили, что она начинает демонстрировать признаки невосприимчивости к медикаментозной терапии и порекомендовали ей пройти курс электросудорожной терапии, ЭСТ.

— Шоковая терапия? Вы хотите лечить меня электрошоком? — шутила она в ответ. — Но, дорогие мои, неужели вы до сих пор не поняли: меня невозможно шокировать. Даже электричеством.

И все же она согласилась. Ей необходимо отказаться от лития, убеждали ее профессиональные

медики, ведь он может оказывать на человеческий организм токсическое воздействие, если употреблять его, например, в сочетании с фруктовыми соками.

(– Жаль, хорошая была песенка, — ответила врачам Салма.)

Придя в себя после первого сеанса шоковой терапии, она радостно поинтересовалась:

— Незабываемые ощущения, просто класс! Наверное, мне следовало спросить об этом раньше, но я забыла: есть ли у этого лечения побочные эффекты, которых стоит опасаться?

— В течение некоторого времени вы можете испытывать своего рода замешательство, не понимать, что происходит вокруг, — пояснил ее главный лечащий врач.

— Дорогой мой, — воскликнула девушка, — вы правда думаете, что это кто-то заметит?

— Возможны также временные, в очень редких случаях необратимые, провалы в памяти.

— Ага, — прозвучало в ответ. — Наверное, мне следовало спросить об этом раньше, но я забыла: есть ли у этого лечения побочные эффекты, которых стоит опасаться?

Ей приходилось контролировать себя с момента, когда она переступала порог студии, вплоть

до того, как за ней закрывалась дверца машины и она оказывалась на мягком сиденье с бокалом грязного мартини в руках (классического, с оливками), и она блестяще проходила через это каждый божий день. Ну, почти каждый. В редких случаях, когда состояние не позволяло ей выйти на публику, Салма прибегала к помощи одной из своих прямых конкуренток, женщины латиноамериканских кровей, которая подменяла Салму в случаях, когда та была не в состоянии вести свое шоу. Салма так и не удосужилась запомнить ее имя. Впрочем, она не помнила даже, как на самом деле зовут ее водителя. Она называла его Хоуком из-за невероятного сходства во внешности и голосе с Морганом Фрименом в роли шофера мисс Дейзи в одноименном фильме. Он видел ее в самые тяжелые моменты, но никогда не сказал ей ни слова — не столько из любви либо преданности, сколько из опасения, что, скажи он что-то, его за ушко да на солнышко вытащат из машины и он потеряет стабильный источник дохода в лице мисс Дейзи. Лишь однажды он позволил себе сказать что-то на грани:

— Как много людей живет в вас, мисс Дейзи! Я лично видел два-три десятка, но уверен, что это далеко не все.

Его слова явно не пришлись хозяйке по душе. После этого он держал все свои наблюдения при себе.

В просторных комнатах огромного пентхауса на последнем этаже здания бывшей шоколадной фабрики на улице Лафайетт могло бы разместиться целое семейство, но мисс Салма Р. занимала его одна. *Одна,* если, конечно, не принимать в расчет парикмахера, стилиста, личных ассистентов (троих, одним из которых являлся уже упомянутый временный любовник, Андерсон Тайер, низкорослый человечек лет на десять моложе Салмы, с длинными рыжими волосами и пушистыми усами а-ля Эмилиано Сапата, претендующий на прямое родство с одним из прибывших на “Мейфлауэре” отцов-пилигримов, который порой напоминал Салме злобного карлика Румпельштильцхена из сказки братьев Гримм, а порой Иоземита Сэма из диснеевских мультфильмов), пресс-секретарей (тоже троих, двое для работы в медийном пространстве США, один — Индии) и охранников (один возле двери внутри пентхауса, второй снаружи, третий на входе в здание и в холле). В ночное время число ее сотрудников сокращалось до двух — ассистентки, которая спала в соседней с Салмой спальне и в любой

момент была готова прийти к ней на помощь в случае ночного кошмара или другой нежданной напасти (Андерсон Тайер никогда не выполнял этих функций, их нечастые встречи происходили совершенно на другой территории, вдали от посторонних глаз), и охранницы, которой в ночное время надлежало решать все прочие вопросы. И все же Салма искренне сожалела, что живет *одна* — под этим она подразумевала “отсутствие в своей жизни достойного спутника-мужчины”. Она была благодарна (до некоторой степени) Андерсону Тайеру за то, каким внимательным он был в минуты ее слабости, как ловко разруливал сложные ситуации, которые она во множестве создавала во время гипоманиакальной фазы, но отчетливо понимала, что ей следует его уволить, причем как можно скорее: слишком часто он стал позволять себе командный тон, слишком рьяно пытался ее контролировать, для нее это было чересчур. Увольнение с должности личного ассистента означало отставку из постели, а следовательно, ей очень скоро предстояло остаться “одной” в полном смысле этого слова.

До сих пор, уважая право на частную жизнь, мы обходили стороной тему личной жизни Салмы Р. в Нью-Йорке. Однако наличие гражданских

прав у вымышленных персонажей — вопрос дискуссионный, ведь они, по правде говоря, не существуют, — а потому пришла пора отбросить излишнюю скромность и поведать вам, что ко времени нашего рассказа за ее плечами было по меньшей мере два неудачных краткосрочных брака — один с сотрудником “Убера” из Лос-Анджелеса (он бросил ее ради молодого красавца, после чего она начала говорить, что “превратила его в убежденного гея”), второй — с писателем и режиссером с Манхэттена (она первой ушла от него, объяснив это “несовместимостью их неврозов”, но после всегда заявляла: “Все женские персонажи в его книгах — даже те, что он создал до нашего знакомства — списаны с меня. Они разом ушли от него вместе со мной”). Поскольку Салма охотно комментировала — практически слово в слово — свои браки на многочисленных телевизионных шоу, в которых принимала участие, не говоря уже о собственной программе, у нас нет оснований опасаться, что мы копнули слишком глубоко и обнародовали здесь что-то глубоко личное для нашей героини.

Бесспорно, за ее бравадой скрывались тоска и неуверенность в себе. Она гордилась своими бабушкой и мамой, была счастлива выступать их

преемницей, но в глубине души, несмотря на весь свой оглушительный успех, не считала себя достойной этой чести. Возможно, именно ее тайные сомнения в том, что она способна полноценно нести семейное знамя, сыграли важную роль в решении оставить карьеру в индийском кино и перебраться в Америку, где ее не будут — по крайней мере не каждую минуту — так жестоко сравнивать с достойными прародительницами, а ее собственный внутренний голос не будет постоянно напоминать ей: *ты не такая, как они, ты хуже.* В целом ее американское "я" нравилось ей больше, хотя прошлое давало о себе знать и здесь. К тому же биполярное расстройство — то, что объединяло всех трех женщин, не считаясь ни с пространством, ни со временем — было с ней всегда.

Для того чтобы справляться со всем этим, она применяла правильные лекарства и электросудорожную терапию. А чтобы почувствовать себя счастливой — она стала пользоваться этим задолго до переезда в Америку, прежде чем черная птица семейной болезни опустилась к ней на плечо, — разного рода стимуляторы-кикеры. "Хлопок". "Бобы". "Кислород". "Оранжевое графство". Оксиконтин.

Найти надежного поставщика в Индии никогда не составляло проблемы, да и в Америке всегда находился врач, готовый ради звездной пациентки нарушить правила. Ей говорили, что она сильно рискует, играет с огнем, но при этом выписывали очередную порцию лекарства. Увещевали, как опасны непоказанные опиоиды в сочетании *с* лекарствами, которые она принимает для поддержания своего душевного здоровья, но выдавали очередной рецепт. Слова “прямая угроза жизни”, “остановка дыхания”, “смерть” были произнесены, после чего ей выписывали желанное болеутоляющее, которое она без труда покупала в ближайшей аптеке. Нет проблем.

Даже самому непросвещенному человеку хватило бы беглого взгляда на содержимое шкафчика в ее ванной, чтобы понять: здесь живет настоящий фармаколог-эксперт, так что об опасностях ненадлежащего использования лекарств ей было известно. *Употребление данных препаратов, в том числе посредством жевания и вдыхания, в размолотом либо перетертом виде, растворенных в воде или в качестве раствора для инъекций, приводит к неконтролируемому поступлению в организм оксикодона, что может привести к значительному превышению разрешенной дозы*

и мгновенной смерти. Она это знала. И все же — Господи, спаси! — регулярно практиковала ненадлежащее использование лекарств. Она не пыталась вводить раствор оксикодона через шприц непосредственно в вену, поскольку боялась иголок и нежелательных с учетом ее рода занятий следов, которые они оставляют на теле. Однако неконтролируемое поступление в организм оксикодона оставалось ее главным желанием. И потому — как жаль! — она жевала и нюхала оксикодон! Употребляла его в размолотом и перетертом виде! Каким шоком, каким разочарованием стало бы это для армии ее поклонников, узнай они правду! А может, конечно, и не стало бы. Мы уже упоминали, что Салма открыто говорила о не самых приятных сторонах своей жизни. Эту она замалчивала, но кто знает, возможно, ее фанаты, узнай они о ее пагубном пристрастии, просто добавили бы его к списку и начали бы любить ее еще больше. Как бы то ни было, в этот ее секрет был посвящен очень ограниченный круг людей. Вернее, всего один, не считая, разумеется, медиков: Румпельштильцхен знал. Иоземит Сэм знал. Еще одна причина уволить его, пока он не решил ее шантажировать. Хотя он едва ли совершит такую глупость. Она

— женщина, обладающая возможностями. Он *с* самого начала должен понимать, как глупо пытаться ее шантажировать.

Он попытался — в своей недавно приобретенной отеческой манере — остановить ее. Салма только передернула плечами:

— Я занимаюсь этим тыщу лет. Поверь, в умении правильно подбирать препараты я превзошла любого эксперта.

Услышав ее ответ, он тряхнул своей рыжей шевелюрой. Салма никогда прежде не видела мужчин, эффектным жестом откидывающих назад длинные волосы, этот жест заинтересовал ее.

— Всякий раз, когда я слышу эти слова, — обратился он к ней, пока его волосы, как в замедленной съемке в рекламе *L'Oreal,* завершали свой танец вокруг головы, — я думаю о кладбище мертвых экспертов по самостоятельному подбору препаратов. Думаю про Хита Леджера.

— Можешь еще раз откинуть волосы? — ответила она. — Как у тебя получается, что они летают, как в замедленной съемке?

Он сделал, как она просила, и улыбнулся:

— "Лореаль". Ведь я этого достоин.

Углубляясь в печальные подробности, можем сообщить, что в течение какого-то времени это

не был непосредственно оксиконтин. Производители несколько изменили формулу препарата в целях защиты, после чего его стало крайне неудобно использовать. При попытке размолоть или растереть новые таблетки *OxyContin OP* превращались в вязкую массу, которую было трудно жевать и невозможно вдыхать. Салма пробовала запекать таблетки в микроволновке. Она растворяла их в ацетоне, обжигала, замораживала. Ничего не помогало. В отчаянии она перешла на препараты *Pete 30 и Roxy,* содержащие всего 30 миллиграммов оксиконтина в таблетке (сам *OxyContin* в зависимости от дозировки мог содержать до 80 миллиграммов действующего вещества, и, значит, ей было нужно больше таблеток с такой низкой дозировкой). Затем она перешла на препарат *Opana* и другие оксиморфоны. Она не врала: в этом она и вправду была настоящим экспертом. Увы, по своему эффекту ни один из заменителей и рядом не стоял со старым добрым оксиконтином. Почему наш мир так изменчив? Ей нужно было искать что-то новое. Некоторые ее товарищи по несчастью перешли с таблеток оксиконтина на героин, но героин ее пугал. Ее пугало само слово “героин”. Такого ей не надо. То, что она использует сейчас,

довольно действенно, она продолжит, но то, к чему она прибегала прежде, было гораздо лучше. *Унесите меня отсюда,* — каждую ночь, приняв лекарства, она прямо из своей постели мысленно обращалась с мольбой к болеутоляющим внутри себя: — *домой, где наши старые хлопковые поля.*

Когда Салма поделилась с самыми близкими своими планами пройти электросудорожную терапию, им это совершенно не понравилось. Ты должна прекратить это, говорили они. Электричество? Нельзя идти на такое по доброй воле, это настоящая пытка. Во время сеанса я нахожусь без сознания, объясняла она. Это не извращенная фантазия ученых, а серьезная медицина. Но и на уровне фантазии она что-то определенно чувствовала. После сеансов все ощущения становились ярче, она начинала яснее мыслить и чувствовала, что ток насмерть забил маленьких злобных гремлинов в своей голове, которые, очевидно, во время сеансов лечения электричеством с криками и стонами исчезают в облаках дыма. В видениях, которые приходили к ней во время сеансов, прямо на ее нервных тканях жарились зеленые гоблины и изящные змеи. Ее собственный мозг представлялся ей слетевшей с катушек грохочущей бракованной машиной со множе-

ством рычагов и шестеренок, разъезжающихся во все стороны, а электрический ток — бесстрашно ползающим по ней туда-сюда супергероем, подтягивающим болты и гайки, смазывающим цепи, не позволяющим этому монстру окончательно развалиться на части. Миниатюрный супергерой по кличке “Молния” прибыл, чтобы произвести столь необходимый ремонт. В Новый год к вам приходит Санитар-Клаус. (Она отчетливо слышала инфернальный, в духе исполняющего роль злодея Чико Маркса, смех у себя внутри: “Ха-ха-ха! *Меня* не обманешь, никакого Санитара-Клауса не существует”. Но он есть, он есть. Это могущественный эльф, санитар твоего здравомыслия, очистивший твой разум.)

Она стала обзванивать своих друзей с биполярным расстройством, чтобы рекомендовать им электросудорожную терапию:

— Сто процентов вам стоит попробовать, — говорила она, — это все равно, что пройти весеннюю уборку организма. Вы только обязательно позвоните мне после и поделитесь впечатлениями. Если решите оставить сообщение, назовите свое полное имя и место, где мы познакомились, чтобы я точно поняла, кто вы.

Немало ее друзей страдало биполярным рас-

стройством.

— Мы действуем друг на друга, как магниты, — сообщала она каждому, кто был готов ее слушать, — важно, у кого какой полюс. Мы либо тянемся и прилипаем друг к другу так, либо отталкиваемся и разлетаемся далеко.

Салма предлагала пройти курс лечения даже своим не страдающим биполярным расстройством друзьям:

— Наполняешься новыми соками, — говорила она. — Это мой двойной коктейль для детокса. Прям супер-супер. Детокс-детокс. Самое эффективное очищение. Никаких аллергических реакций. И ни один овощ не пострадал во время приготовления.

Она начала рекламировать лечение электричеством в своей передаче:

— Я хочу считать себя послом электросудорожной терапии, — сообщила она студии, — хочу нести знания о ней в массы. Сейчас я стою перед вами в студии, и одновременно перед миллионами зрителей у экранов, и хочу сказать, что знанием о том, кто я, где я, зачем и перед кем я здесь стою, я всецело обязана результатам этого волшебного лечения. Я кладу руку на сердце — а я помню, где у меня сердце! — и признаюсь, что

получила великолепные результаты, и помню о том, что получила великолепные результаты!

В глубине души она знала, что ее положение вовсе не так радужно. Ее все чаще накрывали приступы неконтролируемой паники, которые она предпочитала пережидать в сьюте отеля “Мандарин ориентал” на Коламбус-серкл, вызывая по телефону Андерсона Тайера.

— Приезжай, Румпельштильцхен, — говорила она, и он приезжал, ложился рядом и заключал ее в объятия, в которых она не переставала думать, уволить ли его сейчас или подождать до завтра. Если уволить сейчас, он разозлится, а от злости может схватить руками свою левую ступню и разорвать ровно посередине, *с* него станется.

Этот человек знал слишком много. Именно он помог замять скандал, который мог стоить ей карьеры. После двух мужей у нее был еще мужчина. Этот человек — она никогда, даже в самые интимные моменты, не называла его настоящего имени, а согласилась называть его любимым прозвищем, “Гэри Рейнольдс” — был политическим лоббистом и секретным агентом, совершенно немыслимым для нее партнером, человеком, провернувшим несколько секретных операций, позволивших республиканцам

оставаться у власти, а также дискредитировавший и по факту сместивший правительства по крайней мере в трех африканских странах. “Гэри Рейнольдс” очень напоминал ей героя старого шпионского сериала, в котором она снималась. Возможно, именно этим и объяснялась ее неожиданная симпатия к нему, несмотря на его занятия политикой. Он был живым воплощением выдуманного писателями шпиона — блестящего, опасного, волнующего. Ее даже не задело, когда он заявил ей, что “все вокруг считают его гуляющим”. Ей было совершенно не нужно видеть его ежедневно, что всякий раз, когда он появлялся, было по-настоящему здорово. Номер в “Мандарин ориентал” был местом их сладостных встреч. Об этом убежище знал только Иоземит Сэм. Салма видела, что он бесится, но продолжает делать свою работу. Так было, пока однажды ночью она не получила от “Гэри” смс о том, что он ждет ее в гостинице; она приехала и зашла в номер, где он ждал ее в постели, обнаженный и мертвый, совершенно мертвый, самый мертвый из всех виденных ею мертвецов. Номер, как обычно, был забронирован на его вымышленное имя и оплачен кредиткой “Гэри Рейнольдса”, но у Салмы могли возникнуть серьезные проблемы, ведь

многие сотрудники гостиницы знали, что она часто бывает в гостях у постояльца этого номера, и видели ее в тот день. Салма в целом сумела сохранить самообладание, как смогла, взяла себя в руки и позвонила Андерсону Тайеру:

— Ты мне нужен, Румпельштильцхен.

Когда тот приехал, она поцеловала его. Как следует поцеловала, один раз.

— Мне нужно, чтобы ты с этим разобрался, — сказала она. — Мне все равно, что ты станешь делать, но ты должен решить это раз и навсегда. Я ничего не хочу знать. Просто сделай это для меня.

И он разобрался. Никто и никогда не узнал о том, что смерть в номере “Мандарина” может быть связана с именем Салмы. “Гэри Рейнольдса” похоронили на Большом еврейском кладбище в Квинсе, под плитой с его настоящим именем, упоминать которое здесь совершенно ни к чему, словно его никогда и не было на этом свете. Салма почувствовала огромное облегчение. Скандал прошел стороной, словно грозовая туча, нависавшая над Манхэттеном, но излившая свою силу над Нью-Джерси. Именно тогда она впервые подумала, не уволить ли Андерсона Тайера. Но делать это следовало осторожно — его смещение

как с должности, так и из ее постели могло привести к катастрофическим последствиям, ведь он в буквальном смысле знал “где тело”, так что нужно было все обдумать и обставить наилучшим образом. Никому не позволено иметь над ней такую власть. Она этого не допустит. Она вспоминала фильм “Люди в черном”, где у Тома Ли Джонса и Уилла Смита были специальные приспособления, позволявшие стирать людям память. Ей бы очень пригодился такой нейтрализатор. Или его существующий в реальности эквивалент. Она всерьез занялась этим вопросом и выяснила, что ученым из Калифорнийского университета в Дейвисе удалось успешно стереть воспоминания у лабораторной мыши — для этого они воздействовали на ее мозг пучками света, то есть использовали тот же принцип, что и герои в кино. Но мыши — не люди. Подходящей для людей модели еще не было придумано.

Возможно, Андерсона Тайера следовало подвергнуть электросудорожной терапии. Потребуется *очень много* сеансов. Возможно, другого действенного способа стереть человеку память на сегодня не существует.

В те дни, когда сотрудники ее программы отправлялись в коллективный отпуск, Салма не

вставала *с* постели. Она предпочитала жить эти недели затворницей, и возможность видеться с ней была лишь у немногих допущенных в ее святая святых, спальню. Обычно ее друзьям — как женщинам, так и мужчинам — было позволено присесть на краешек кровати и слушать ее бесконечные рассуждения о том, что волновало ее в данный момент, чаще всего она говорила о двух своих бывших мужьях. Ее монологи могли длиться по нескольку часов, и все, что требовалось от приглашенных, — молча выслушивать их до конца. Они охотно платили эту цену за право быть допущенными в ее личный мир, изобиловавший всеми возможными проявлениями китча — возможно, коллекционируя предметы китча, Салма демонстрировала свой интерес к настоящему искусству. Салма тайно скупала наиболее интересные лоты на всех аукционах, устраивавшихся ее коллегами по телевидению (или, после их смерти, их родственниками), и сохраняла их в своей коллекции, в которой были перчатки, которые надевал на игры Бейб Рут, шляпы Фрэнка Синатры, Мэрилин Монро, Хамфри Богарта, Джеймса Кэгни, Джона Уэйна и Мэй Уэст, а к винтажному проигрывателю прилагалась коллекция пластинок с хитами-од-

нодневками: “Сахар, Сахар”, “Макарена”, “Дух в небе”, “Не волнуйся, будь счастлив”, “Мамбо № 5”, “Ледяной малыш”, “99 Красных воздушных шаров”, “Кто выпустил собак?”, “Видео убило звезду Радио”, “Я слишком сексуален“, “Включи эту фанковую музыку” и “Морской круиз“. На стенах спальни располагалась богатая коллекция индийских дорожных знаков и табличек с надписями: *“Закрытая территория для мертвых тел”, “Работаем руками: ногти и спа”, “Осторожно! Жертвы алкогольного опьянения”, “Не трогайте сами — попросите сотрудников!”, “Забираться на ограждения зоопарка строго запрещено! Если вы упадете, животные могут сожрать вас и заболеть!”, “Осторожно! Очень громкие автомобильные сигналы!”, “Осторожно! Злые собаки и призраки!”, “Услуги портного-специалиста по переделке мужского в женское”, “Водитель, снизь скорость! Зона возможного порно”, “Езжай быстрее — скорее доберешься, куда так рвешься!”*, и наконец, *“Вагина в тандуре”*. Там же Салма держала и свою “Эмми”, однако разместила ее на полке в спальне так, что раскрытая дверь надежно скрывала награду от посторонних глаз.

Она была женщиной, которая прячет свои секреты за дверьми спальни и многочисленными

веселыми масками. За ними она скрывала страх никогда не встретить счастья. После двух браков и одного мертвого тела она оградила свое сердце высоким забором и очень сомневалась, что когда-нибудь встретит мужчину, способного прорвать оборону и решительно взять эту крепость силой. Она много размышляла об одиночестве и уже давно чувствовала себя всеми покинутой, одной во всем свете. Как-то на Новый год она захотела посмотреть на салюты с воды и арендовала для этого корабль, и за несколько минут до начала главных торжеств ее осенило, что все на этом корабле — капитан, матросы, ее сотрудники — находятся здесь потому, что она им за это платит. Сегодня Новый год, а у меня нет ни единого друга, того, кто сам захотел бы встретить его со мной, подумала она, я должна платить людям за то, что мы веселимся вместе.

У нее не было детей. Это терзало ее тоже. Она запрещала себе думать об этом, чтобы, занырнув в эту кроличью нору, навсегда не увязнуть в ней в невыносимом горе.

Даже исследуя секреты и темные стороны жизни нашей героини, мы с вами не должны забывать, что ее программа “Салма” неизменно оставалась самым ярким шоу на телевидении.

Никто не мог даже приблизиться к ее фирменному непринужденному стилю общения, эмоциональному накалу и душевному напряжению, актуальности обсуждаемых тем, по большей части крутившихся вокруг женского вопроса, хотя не так давно Салма добавила в свою программу рубрику “Черное и белое”, где поднимала неудобные вопросы, связанные с жизнью американцев с небелой кожей, она имела большой резонанс, приведя при этом к очевидному расколу в обществе и стремительному росту зрительских рейтингов программы. Среди героев “Черного и белого” был мужчина, которого задержали, потому что сотрудник кафе посчитал подозрительным намерение человека, который, будучи черным, утверждал, что у него назначена встреча с белым другом, воспользоваться туалетом, и вызвал полицию; был человек, которого задержали в гольф-клубе, потому что белые игроки решили, что он, будучи черным, играет в гольф слишком медленно, и вызвали полицию; была группа друзей, за которыми полиция приехала прямо в спортивный зал, потому что белые посетители решили, что заниматься спортом, будучи черными, крайне подозрительно; были женщины, которых задержали в торговом цен-

тре за то, что они, будучи черными, примеряли вечерние платья; были темнокожие студенты, чьи белые товарищи по Лиге Плюща решили, что они, будучи черными, слишком подозрительно спят в общежитских холлах; были люди, которые, к ужасу просигнализировавших в полицию белых граждан, будучи черными, пытались снять жилье; и те, что — по выражению забивших тревогу белых соседей, — будучи черными, "с наглым видом" сидели в самолете на указанных в их билетах местах. На шоу "Салма" случалась настоящая магия, и белые граждане, еще вчера терроризировавшие полицию своими страхами и подозрениями, начинали прилюдно каяться, признавать свое предвзятое отношение к людям с кожей другого цвета, просить прощения у своих жертв, со слезами заключать их в объятия и так далее. Салма была уверена, что этот цикл передач непременно принесет ей вторую "Эмми", хотя ей самой было важнее, что ей удалось внести серьезный вклад в обсуждение расового вопроса в Америке. Телевизионные бонзы, как один, пели ей дифирамбы и уверяли в собственном расположении, а ей в этот момент хотелось, чтобы ее просто кто-то обнял, пригласил отпраздновать успех, подарил цветы и сказал, что она самая

лучшая. Ей хотелось любви. Вместо любви в ее жизни был Андерсон Тайер.

Страдая от одиночества и отсутствия смысла в жизни, она хорошо понимала, что не встретит у людей сочувствия. Она входила в круг избранных и жаловалась из-за мелочей. Была женщиной, чья жизнь проходила на поверхности, у всех на глазах; она сама выбрала это, и теперь не должна сокрушаться из-за отсутствия в ней глубины. Как сказал один русский писатель, с самого рождения наша "колыбель качается над бездной" и всю последующую жизнь мы "со скоростью четырех тысяч пятисот ударов сердца в час" летим в другую бездну. Осознание этого вызывало у Салмы приступы экзистенциальной паники. Ей нужно было убежать от этого. После сеансов электросудорожной терапии, когда на какое-то время накрывавший ее мрак полностью отступал, она начала обнаруживать у себя провалы в памяти. Она не могла вспомнить целые дни; многие страницы в книге жизни оказались для нее закрыты. Салма начала вспоминать свое детство, Индию, маму, и оказалось, что все ранние воспоминания утекают от нее, как песок сквозь пальцы. *"Когда на суд безмолвных, тайных дум / Я вызываю голоса былого, / Утраты все приходят мне на*

ум”. Нужно поскорее возвращаться, сказала она себе, либо я освежу свою память, либо утрачу ее вовсе, потеряю себя, и некому будет оплакать эту утрату. Она думала о хитром койоте из мультфильма — он бежал прямо над пропастью, пока не посмотрел вниз. *Я такая же,* говорил ее тихий голос, и ее громкий голос тут же отвечал: *Тогда не смотри вниз.*

Салма с головой ушла в работу Она дала интервью нескольким индийским изданиям, в которых заявила, что в скором времени намерена вернуться, но хочет сначала найти какой-нибудь интересный проект, и уже через несколько часов перед ней лежала дюжина сценариев и гора писем с заверениями в бесконечном восхищении от всех главных людей. Она даже начала переговоры с одной крупной студией о том, чтобы снять высокобюджетный полноформатный фильм “Пять глаз”, в котором она была готова выступить сопродюсером и одновременно сыграть героиню, спасшую Америку от последствий чудовищной кибератаки из-за рубежа. Представители компании поинтересовались:

— Просто волшебно! Это будет атака со стороны какой-нибудь секретной организации? Ну, там, можно назвать ее “Группа СПЕКТР” или “Рыцари

Круглого стола”? “Гидра”? “МЕЧ”?

Салма рассмеялась:

— Зачем так скромно? Давайте просто назовем это Россией!

Она также снялась для обложек примерно двадцати женских журналов и начала лично участвовать в подготовке ежемесячной редакторской колонки от собственного имени, которую она подписывала просто С. Она активно принимала участие в мероприятиях Американского фонда по исследованию СПИДа и выступила ведущей благотворительного концерта в пользу бездомных Лос-Анджелеса. В своем офисе Салма делилась с сотрудниками планами:

— Я хочу больше работать за пределами студии. Хочу объездить всю страну, прежде всего места, где традиционно правят бал республиканцы. Хочу испытать расовую дискриминацию на себе.

— Вы слишком известны, — возражали ей коллеги. — Ваша узнаваемость будет мешать.

— Моя бабушка была легендой кино. Она показала мне, как выходить на улицу двумя способами, — возражала она. — Можно выйти, как кинозвезда: ты перешагнула порог и все! Весь мир изменился — сталкиваются машины, люди сворачивают головы и налетают друг на друга.

А можно выйти, как выражалась бабушка, “как никто”. Она выходила за дверь, шла по улице, и никто даже не смотрел в ее сторону. Она научила этому трюку маму, а я научилась у них обеих. Я это умею. Я буду сохранять инкогнито, у вас будут скрытые камеры, и мы выясним, как по всей Америке встретят одинокую темнокожую женщину.

В этот период она начала еще один совершенно новый проект. Это случилось после того, как она получила невероятно тронувшее ее письмо из очень маленького частного детского хосписа доктора Фреда в Блумингтоне, штат Индиана (население 84465 чел.); подобных заведений в США почти не было. “В настоящий момент в одной Великобритании работает порядка тридцати детских хосписов, — говорилось в письме, — но если вы захотите посчитать их количество в Америке, вы даже не загнете все пальцы на одной руке”. Паллиативная помощь детям, больным раком в терминальной стадии, — задача не из легких. Большинство детей, как и их родители, не хотят провести последние дни своей жизни в казенной атмосфере стерильной больничной палаты, однако лечение на дому для них оказывается либо слишком сложным, либо слишком дорогим. Доктор Фред в своем хосписе создал среду, в которой

умирающие дети могли быть вместе с семьей и чувствовать себя как дома, получая при этом необходимую психологическую и лекарственную поддержку до своего самого последнего неотвратимого часа. “Было бы очень ценно, — писал доктор Фред в своем письме, — если бы вы рассказали в своей программе об американской системе хосписов, это помогло бы привлечь к проблеме общественное внимание, к тому же живущие у нас детки были бы более чем счастливы, если бы вы также сочли возможным посетить наше заведение лично или отправить к нам кого-то из ваших известных друзей”. Уже через две недели команда шоу “Салма” в полном составе прибыла в Блумингтон, и из хосписа доктора Фреда вышла новая программа, в которой приняли участие Приянка Чопра, Керри Вашингтон и даже в качестве специально приглашенной звезды великая Опра Уинфри. Гости играли с больными детьми, обнимали их матерей, братьев и сестер. И даже некоторых отцов. Это был очень хороший день. И он весь был заснят на пленку.

Вечером доктор Фред отвел Салму в отдельное помещение. Не заходя в палату, через застекленное окошко в двери они наблюдали душераздирающую картину: китайская семья в полном

составе, мама, папа и две сестры, скорбела у смертного ложа сына-подростка, находящегося без сознания мальчика в толстовке Университета Индианы. Доктор Фред шепотом объяснил Салме, что боли у некоторых пациентов бывают настолько сильными, что родственники сами просят держать их по возможности в бессознательном состоянии. Чтобы избежать болевого синдрома в моменты, когда такие пациенты ненадолго приходят в себя, доктор Фред недавно начал использовать сильный опиоид в виде спрея.

— Как он называется? — поинтересовалась Салма.

— Это производная фентанила, — пояснил врач, — но в форме спрея, а когда мы орошаем спреем область под языком, получаем практически мгновенный обезболивающий эффект.

Мисс Салма Р. о чем-то глубоко задумалась.

— Должно быть, это сильный анальгетик. Как называется этот препарат?

— ТФМД. Трансмукозальный фентанил мгновенного действия. Его выпускает компания “Спай”.

— Спай? Как “шпион”?

— Нет, это сокращение, латинские SPI, — пояснил доктор Фред, — компания “Смайл фармасью-

тиклс” из Атланты. У них еще есть свой бренд, *InSmile.* “С улыбкой”, так сказать.

— *Отправлено улыбкой,* — пробормотала девушка.

— Простите, вы что-то сказали?

— Нет-нет, ничего, — заверила доктора Салма.

Часть II

Глава девятая
Неприятность на озере Капоте и последовавшие за ней Нарушения Реальности

День труда. Путешествие в Долину Любви пока подождет, сначала надо разобраться с отвратительным случаем в туристическом лагере. Кишоту было свойственно думать, что каждый, кто обращается к нему, делает это из дружелюбия, и он приветствовал всех незнакомцев любезной и (как правило) обезоруживающей улыбкой, а потому, когда на озере Капоте молодая белая женщина необъятных размеров в джинсовом комбинезоне, *с* волосами, собранными в небрежный пучок, решительным шагом приблизилась к колченогому столику, на котором они с Санчо изучали карту с недавно оставленным на ней птичьим знаком, Кишот поднялся и даже слегка

поклонился гостье. Он уже намеревался, как, по его мнению, предписывали правила вежливости, произнести маленькую приветственную речь, но женщина перешла в наступление:

— Что это такое? — спросила она, тыкая пальцем в карту. — Вы здесь что, разрабатываете свои планы?

— Мы такие же путешественники, как и вы, — сдержанно ответил Кишот, — вполне естественно, что нам надо разработать маршрут по карте.

— А где ваши тюрбаны и бороды? — не унималась дама, махнув рукой в его сторону; ее палец гневно указывал прямо на Кишота. — Ваш народ носит тюрбаны и бороды, верно? Вы специально сняли их и побрились, чтобы одурачить нас всех, да? Тюрба-ны! — медленно повторила она, крутя ладонью вокруг головы.

— Думаю, что не погрешу против истины, если скажу, что ни разу в жизни не надевал тюрбан, — ответил Кишот с долей недоумения в голосе, что крайне не понравилось его собеседнице.

— Вы выглядите как подозрительные иностранцы, — сообщила белая женщина, — и изъясняетесь как иностранцы.

— Подозреваю, что в лагере на озере Капоте крайне мало местных жителей, — пояснил Ки-

шот, по-прежнему улыбаясь все более неуместной улыбкой. — Сюда приезжают туристы, верно? Вы, должно быть, сами прибыли издалека?

— Это просто что-то. *Ты* спрашиваешь *меня,* откуда *я* приехала?! Ща отвечу откуда. *Я из Америки.* А вот как *ты* здесь оказался, большой вопрос. Для тебя здесь нет места! Ты не должен был пройти паспортный контроль. Как тебе удалось въехать? Ты похож на человека, чья родина в списке стран, гражданам которых въезд в Соединенные Штаты запрещен. Тебя мексиканские нелегалы провели? Что ты ищешь в Америке? Какова твоя цель? Эта карта. Мне она не нравится.

Тут в разговор вмешался Санчо, горячий, как все юнцы.

— Мадам, — сказал он (по крайней мере, ему удалось вежливо начать), — не могли бы вы сделать одолжение и перестать лезть в наши дела.

Его слова подлили масла в огонь. Женщина повернулась к Санчо и ткнула обличающим пальцем в его сторону.

— Ща и *о тебе* скажу пару слов, — начала она. — Такое впечатление, что ты все время куда-то исчезаешь, потом возвращаешься, а машина ваша все время на месте, не ездит никуда. Откуда ты взялся? Куда шастаешь? Кто знает, сколько

вас, на хрен, таких незаметных еще рыщет поблизости — появляется, исчезает, скрывается? Для меня ты выглядишь подозрительно. Явно что-то затеваешь. Хоть с головы до пят в “Джей Крю” вырядись, меня не обманешь.

Возле них уже собралась небольшая толпа зевак, которая заметно росла по мере того, чем громче вопила женщина. Подошли и охранники лагеря. В форме, с оружием на поясе, воплощенные закон и порядок.

— Вы двое мешаете всем! — заявил один из них. На женщину он даже не взглянул.

— Вам следует собрать свои вещи и немедленно покинуть территорию, — сообщил второй.

— Кто вы по вероисповеданию? — осведомилась дама.

— Благодаренье небесам, — с меньшей учтивостью ответил ей Кишот, — теперь, когда нам с сыном посчастливилось пройти через первую долину, мы счастливо освободились от власти любых доктрин.

— Чего-чего? — не поняла его белая женщина.

— Я оставил в прошлом любые догмы, в том числе идею веры либо неверия, — пояснил Кишот, — я совершаю великое духовное странствие, дабы очиститься и стать достойным своей Воз-

любленной.

Мужской голос из толпы пояснил:

— Он утверждает, что он мерзкий безбожник!

— Он точно замышляет здесь что-то, — заявила белая женщина. — У него с собой карта. Он может быть из ИГИЛ.

— Не может, нельзя быть мерзким безбожником и одновременно состоять в ИГИЛ. — Первый охранник продемонстрировал недюжинную способность к логическому мышлению и желание восстановить порядок. — Не будем поддаваться эмоциям, дамы и господа.

— В прежние времена, — Кишот в последний раз попытался воззвать к разуму собравшихся, — когда женщину объявляли ведьмой, доказательствами служили наличие у нее “фамили-ара”, чаще всего кота, метлы и третьего соска, чтобы дьявол мог сосать молоко. Коты и веники при этом имелись почти в каждом доме, да и раны на теле в те времена не были редкостью. Так что простого крика “Ведьма!” было вполне достаточно. Доказательства присутствовали в каждом доме и на теле каждой женщины, так что все подозреваемые автоматически оказывались виновными.

— Вам следует перестать нести бред и покинуть территорию, — заявил второй охранник. — Этим

людям очень некомфортно из-за вашего присутствия на Капоте, и подобные разговоры вам не помогут. Мы больше не сможем обеспечивать вашу безопасность, да и вряд ли захотим, я думаю.

Санчо выглядел так, словно был готов драться. Однако в конце концов они с Кишотом собрали вещи и загрузили их в "круз". Толпа еще немного пошумела, но вскоре разошлась. Белая женщина, ободренная поддержкой охранников, осталась стоять поодаль, неодобрительно качая головой.

— В прежние времена, — проорала она, когда машина тронулась с места, — был справедливый самосуд, прямо как у нас сегодня!

На шее у женщины было странное ожерелье. Оно выглядело совсем как ошейник, который надевают на собак.

САНЧО, менее нереальный, чем прежде, рассуждает о своей новой ситуации.

После случая с той белой женщиной все изменилось. И, чтоб вы понимали, если, чисто случайно, за это время я произнес пару коротких молитв, то не оттого, что внезапно стал религиозным, а потому, что, когда он ведет машину, ехать в ней очень страшно. "Папаша". Он водит машину так, как делает все остальное, — *так, как видел по телевизору.* Он уехал из того лагеря на

озере Капоте, словно он Бобби Ансер на автодроме в Индианаполисе, и с тех пор так и не сбросил скорость. Я сел на заднее сиденье, поскольку кажется, что там безопаснее, но он поворачивает голову ко мне и беседует, мчась по двухполосной дороге со скоростью не менее шестидесяти миль в час, потому что так всегда поступают в телешоу; ему невдомек, что там за кадром машину тащит грузовик, который на самом деле обеспечивает движение. Раз по восемь на дню я всерьез готовлюсь узнать, есть ли жизнь после смерти, хотя моя жизнь началась всего пять минут назад. Раз я существую по-настоящему, значит, и умереть могу по-настоящему, так? Я привалился на заправке к “крузу”, потягиваю колу, стряхиваю со лба холодный пот после ужасов поездки пассажиром и размышляю о Реальном, то есть о том, что значит быть реальным, при этом у меня возникает неприятное чувство, что я вот-вот получу ответ на этот вопрос в неотвратимой дорожной аварии со смертельным исходом. Вынужден добавить, что если я стану жертвой автокатастрофы и, пройдя сквозь искореженный металл, застану Бога на месте судии, если все это окажется правдой — ну, там, облака, райские врата, парящие ангелы и всякое такое, — то испытаю настоящий

шок. В данный момент я не готов вести дискуссии о райских кущах. Я просто хочу чувствовать себя в безопасности на заднем сиденье его машины. Единственном сиденье, которое существует в моем сознании. Не гони, говорю я ему, смотри на дорогу. Я просто ору на него, а он только машет рукой. Я за рулем *всю свою жизнь*, говорит он мне, я делал это, когда тебя еще на свете не было. Да, отвечаю я, но ведь это не так уж давно, правда?

Пожалуйста, не забывайте, что я в буквальном смысле слова появился на свет вчера. Ну, прям в буквальном, чуть раньше, чем вчера, но вы меня поняли. Я гораздо младше, чем выгляжу, потому что быстро расту. К тому же в голове у меня — сплошь он, его видение всего на свете, поэтому мне трудно отойти и со стороны взглянуть на то, что он есть. Даже сейчас, когда я — сам себе Пиноккио! — сделался из плоти и крови, я не чувствую, что полностью отделился от него. Я в большей степени ощущаю себя его составной, а не отделившейся от него частью, вот так. Мне неприятно говорить это: он далеко не лучший из капитанов, но он все еще управляет кораблем. Сейчас я думаю об охоте за большим белым китом. Ясен пень, мне известно об этом только потому, что он (а) читал в гостинице книгу, когда

на телеканалах проходила профилактика — о да, это правильный ответ, — и (б) смотрел старый фильм с Грегори Пеком, Ричардом Бейсхартом и Лео Генном, который показывали на канале AMC в рамках ретроспективы перед “Безумцами”, “Во все тяжкие” и “Ходячими мертвецами”. Не суть, но вот что об этом думаю я. Капитан, одержимый идеей победить огромного кита, умирает вместе с этим самым китом, а с ними и команда, проехавшая на ките не меньше своего капитана. Только Измаил — единственный ничем не одержимый член команды, который всю дорогу относился к этой охоте как к работе, — выживает, чтобы рассказать эту историю. Историю, которая учит нас, что отрешение — ключ к выживанию. Одержимость разрушает одержимого. Как-то так. Так что если наш старенький “шевроле” — “Пекод”, тогда, я подозреваю, мисс Салма Р. — громадная рыбина, а он, “папаша”, — мой Ахав.

Это вызывает у меня вопрос: могла ли она что-то когда-то ему сделать? Оттяпала ли метафорическую ногу? Это сексуальная метафора, верно. *Нога,* ясен пень, в данном случае этот, как его… Эвфемизм. Подставное слово для Другой Выступающей Части Тела. А словосочетание *деревянная нога* указывает на *дерево.* (Ха-ха

три раза и смеющийся эмодзи с катящимися из глаз слезами.) Либо так: тот факт, что она есть в этом мире, но ей нет до него никакого дела, заставляет его чувствовать себя, как это, деревянноногим? Если Возлюбленная равнодушна к своему воздыхателю, может ли воздыхатель вознамериться выследить ее и нацепить на гарпун? Возжелать обмотать себя веревкой от пронзившего ее гарпуна и в экстазе кануть вместе *с ней* в темных морских пучинах? “Из самой глубины преисподней наношу тебе удар”. Согласитесь, что интересно: эта строчка из книги постоянно крутится в его (а значит, и в моей) голове. Отсюда вопрос на миллион долларов: что он собирается делать, если каким-то чудом сумеет оказаться к ней настолько близко, чтобы быть в состоянии что-то сделать (что — ко всем чертям — решительно невозможно)? Кинется целовать или убивать? В его голове есть биты оперативной памяти, вход в которые для меня закрыт. Думаю, ответ на этот вопрос стоит искать именно в тех битах.

Отсюда вопрос: *почему* в его голове есть биты, в доступе к которым мне отказано? И как это работает с учетом того, что я все еще его составная часть? Да, я гадаю, но смотрю на это так. Я вижу себя посетителем его внутреннего мира, а этот мир

я вижу как реальное место со всякими там городами, дорогами, озерами и прочим. С транспортной системой. И во всем этом у меня много к чему там есть доступ: я могу передвигаться, как мне вздумается, заходить в его памяти всюду, куда заходит он, в эпизоды его прошлого, в передачи, что он посмотрел, в книги, что прочитал, к людям, которых он знал, ко всему, как это сказать… Населению. Ко всем, кто есть в его воспоминаниях, познаниях, мыслях и даже, возможно, снах. Но, я вижу это все яснее и яснее, в голове у него не все в порядке, и я считаю, что участки, которые я в ней не вижу, — зоны безумия, содержимое которых настолько перепуталось, что заблокировало вход в эти зоны, это похоже на разрушенные дома из телерепортажей с войны о бомбежках в этой, как ее, Сирии. Эти части его головы похожи на перемешанный пазл, там все либо в тумане, либо разрушено, самолеты туда не летают, дороги загублены на хрен, а может, и заминированы, все это оцеплено какими-нибудь специальными подразделениями, скажем, миротворческими силами ООН, голубыми касками или, как их там… Смурфами. А значит, туда не попасть. Не попасть, если Смурфы тебя не впустят.

Мне кажется, нас обоих до сих пор волнует то,

что произошло на озере Капоте. Кажется, что мысли об этом вращаются вокруг Папаши К., как жернова ветряных мельниц. Сейчас он выглядит потерянным. После птичьего знака на озере Капоте я подумал: отлично, хотя бы начнем куда-то двигаться. Нас ждет Нью-Йорк или облом. Сообщите всем. Мы стремимся туда, как стремятся все и каждый, чтобы обрести любовь или потерять все, чтобы родиться заново или умереть. А чем еще достойным можно там заняться? Ничем. Его там ждет женщина. Не знает, что ждет, но ведь ждет. Или знает, но не ждет, ей все равно, и этот урок обернется для него окончательным концом. И вот тут позвольте мне, как это… Вмешаться в разговор: а что же я? Возможно, в этой авантюре есть что-то и для меня? Я в этом заинтересован. У меня в голове живет воображаемая подруга, и мне нужно сделать ее реальной. Она ходит по улицам Нью-Йорка, одинокая, как и я; секундочку, что я вижу? Неужели она повернулась и идет ко мне?.. Держи карман шире! Эта красивая девушка, воздушный шар моей мечты, она там, но в любой момент может лопнуть из-за того, как он себя ведет.

Такое впечатление, что после той стычки на озере Капоте у него что-то сдвинулось в мозгах.

Если до этого его сознание было хотя бы отчасти ясным, теперь оно полностью затуманилось. “Нью-Йорк” превратился для него в умозрительную концепцию. “Конечно-конечно, — бормочет он, когда я спрашиваю его об этом, — мы будем там. Это как долины, — заявляет он, — это состояние сознания”. В последнее время все, что ему на самом деле нужно, — номер в мотеле и телевизор, для него это реальный мир, а этот, с агрессивно настроенными белыми женщинами, он хочет выключить; мне порой кажется, что так и будет всегда, мы так и будем всегда брести куда-то, присматриваться, но так никуда и не попадем, что это Одиссея без Итаки, без Пенелопы, а я сам — Телемак, вынужденный скитаться с ним без всякого представления о пункте назначения или доме, вдали от, вынужден снова повторить, девушек.

Я новичок в этом мире. Пока что я пытаюсь понять, как он работает, как работает его мир, единственный доступный для меня. Мироустройство по Кишоту. Я пытаюсь понять, что считается нормальным, но мир вокруг меня все время исчезает. В телевизоре, а я (у меня нет выбора) много смотрю телевизор, почти каждый уверен, что знает, что нормально, но мнения не совпадают. Я

использую пульт, чтобы найти ответ.

Я спрашиваю его:

— Вот так нормально? Диван в гостиной, сзади лестница на второй этаж, сбоку кресло, в кресле папа, и мама на кухне, и дети-подростки, которые постоянно бегают в кухню и обратно, и хотят сэндвичей, и ссорятся между собой, и каждые полчаса, минус время на рекламу, коллективные объятия?

— Да, — отвечает он, — так выглядит нормальная жизнь нормальных людей.

— Хорошо, — говорю я ему, — а так нормально? Диван в гостиной, сзади лестница на второй этаж, сбоку кресло и несостоявшееся грандиозное возвращение громкой женщины, убитое записью в твиттере, содержащее сравнение “Планеты обезьян” и Братьев-мусульман?

— Тоже нормально, но менее нормально, — отвечает он.

Щелчок пульта. Спортивный канал. Здесь нормально девять подач, четыре забитых мяча, три страйка, кто-то побеждает, кто-то проигрывает, ничьей не существует. Щелчок. Здесь нормальны ненастоящие люди, чаще богатые ненастоящие люди, они занимаются сексом с рэперами и баскетболистами, и считают свои ненастоя-

щие семьи настоящими торговыми марками мирового масштаба вроде “Пепси”, “Драно” или “Форда”. Щелчок. Новые каналы. Здесь нормально оружие и обычная Америка, которая вновь мечтает стать великой. Для тебя нормально одно, если у тебя неправильный цвет кожи, и другое, если ты образован, и третье, если ты считаешь образование промывкой мозгов; есть Америка, которая верит в вакцинацию детей, есть другая Америка, которая считает это разводкой; все, во что верят одни нормальные люди, — ложь для других нормальных людей, и всех их можно увидеть по телевизору в зависимости от того, какой канал ты смотришь, так что да, тут все сложно. Я искренне хочу разобраться, *какая из этих* Америк настоящая. Щелк-щелк-щелк. Человек с голым торсом стреляет в человека с мешком на голове. Толстый человек в красной шляпе кричит с трибуны толстым мужчинам и женщинам в красных шляпах о победе: *“Мы необразованные и перекормленные. Мы гордимся хрен знает чем. Попадаем в реанимацию и просим бабулю притащить нам туда сигареты и пушку. Нам не нужны никакие долбаные инопланетяне, потому что мы тупые и ты можешь отсосать у нас! Мы — Бивис и Батхед на стероидах! Мы пьем*

гербициды банками! Наш президент выглядит как рождественский окорок, а говорит как Чаки. Это Америка, сукаГ Щелк! *“Мигранты ежедневно насилуют наших женщин. Нам нужно отправить вооруженные силы в космос, чтобы противостоять космическому ИГИЛ".* Щелк! Нормально — когда все с ног на голову. Наши бывшие друзья оказались врагами, а давние враги стали нашими товарищами. Щелк-щелк! Мужчины любят мужчин, женщины — женщин. Красивый закат в фиолетовых горах. Мужчина рядом с картиной, где он вместе с Христом изображен на кресте, она висит у него в гостиной. Мертвые школьники. Истребители времен Второй мировой. Красота. Ложь. Щелк-щелк-щелк!

— Нормальное не кажется мне нормальным, — делюсь я с ним.

— Это нормально, — слышу я в ответ.

Вот что я имею вместо наставлений отеческой мудрости.

Тем временем все распадается на части, как вещи, так и люди. Распадаются страны и населяющие их народы. Миллиард каналов, и ничего, что их объединяет. Здесь ширпотреб, а там великие достижения человечества, они сосуществуют, находятся на одном и том же уровне реальности

и выглядят одинаково авторитетно. Как сможет молодой человек отделить одно от другого? Как различать? Каждое шоу на каждом канале сообщает тебе, что "основано на *реальных* событиях". Но это тоже не может *&ьггъ реально.* Это неправда. *Правды,* с которой соглашались бы все, больше не существует. Здесь-то и начинается головная боль. Бух! Вот и она.

Ой-ой-ой.

Супервремечко для появления на свет.

Что-то идет не так, это даже я вам скажу. Произошло что-то ужасное, и не только *с ним,* но и с миром по другую сторону двери в наш номер. Какая-то ошибка во времени и пространстве. Наш номер не меняется, куда бы мы ни приехали, какое название мотеля ни горело бы на вывеске. Внутри номеров все более-менее одно и то же. Две кровати, телевизор, телефон доставки пиццы, занавески в цветочек. Пластиковые стаканчики в пластиковых чехлах в ванной. Маленький пустой холодильник. Ночники на тумбочках, один (с его стороны) работает, другой (с моей) — нет. Тонкие, как бумага, стены, так что есть чем развлечься, если не хочешь смотреть телевизор. (Но мы хотим, хотим всегда.) Столько крика. В мотелях люди пьют из спрятанных в коричне-

вые бумажные пакеты бутылок, а потом орут дурниной, выкрикивают в ночь свою одинокую тоску, а также орут друг на друга (кроме одиноких путешественников), орут по телефону, орут на сотрудников гостиницы. (Последних немного, их позиция равнодушно-плечепожимательная, очень редко грозная и всем-быстро-глотки-затыкательная, чаще всего это эдакие Тони Перкинсы. Тони Перкинсы с черной кожей, с белой кожей, южноазиатского происхождения, латиноамериканского происхождения, с загадочными улыбочками психов. Лично я бы их побаивался. То есть *побаиваюсь.* И говорю тихо.) Здесь меньше секса, чем вы можете подумать. Конечно, он есть, в основном это перепих, в основном за деньги, наверное, не за большие. Я говорю “наверное”, поскольку секс до сих пор остается за пределами моего личного жизненного опыта. Будь у меня кредитная карта, я бы попытался это выяснить. Но он так и не удосужился обеспечить меня столь необходимым кусочком пластика. А потому я — какая трагедия, как я бешусь от этого — все еще остаюсь девственником.

Чего с избытком, так это храпа. Музыка американских носов способна внушать восторг. Стрекот винтовки, стук дятла, рев льва с заставки

“Метро Голден Майер”, соло на ударных, собачий лай, собачий вой, свист, шепот автомобильного двигателя, стук мотора гоночного болида, храп-икота, храп-СОС (три коротких, три долгих и снова три коротких), грохот океанских волн, рев приближающегося торнадо, еле слышный сонный чих, двухголосье вздохов теннисисток, почти неслышные вдохи и выдохи, храп как на свежем воздухе, потрясающий аритмичный храп *с* непредсказуемыми рандомными интервалами, храп-мотоцикл, храп-газонокосилка, храп-отбойный молоток, храп-сковородка для фритюра, храп-костер, храп-стрельбище, храп-зона военных действий, утренний крик петуха, соловьиная трель, фейерверк, тоннель в часы пик, автомобильная пробка, Альбан Берг, Шёнберг, Веберн, Филип Гласс, Стивен Райх, электроцепь с обратной связью, помехи от ненастроенного радиоприемника, гремучая змея, предсмертный хрип, кастаньеты, стиральная доска, мурлыканье. Они и другие — мои еженощные друзья. К великому счастью, мне дарован крепкий ночной сон. Закрываю глаза и сразу в отключке. Снов я не помню. Думаю, я пока лишен возможности видеть сны. Подозреваю, что лишен и воображения. Похоже, я похож на этот, визуальный редактор

WYSIWYG.

Еще больше я нервничаю из-за того, что мир по ту сторону двери в номер совершенно перестал быть понятным. Я говорю это и хочу быть понятым, хотя вы можете подумать, что мой папаша К. здесь не единственный, кто спятил. Короче, вот я про что: *каждое утро, когда я просыпаюсь и открываю дверь номера, я точно не знаю, какой за ней окажется город, какой день недели и какой месяц.* Я даже не знаю точно, в каком мы штате, хотя этот вопрос волнует меня чрезвычайно. Как будто мы стоим на месте, а мир проезжает мимо. Или весь мир — огромный телевизор, и я не понимаю, у кого пульт от него. Тогда, возможно, Бог существует? Что, кроме нас, здесь есть кто-то третий? Бог, который, собственно говоря, имеет меня и остальных и на правах арбитра постоянно меняет правила? Я думал, существуют правила изменения правил. Я думал, что даже если я схаваю идею, что кто-то — косая черта — что-то сотворило нас всех, то это значит, что этот кто-то — косая черта — что-то, осуществляя акт творения, был ограничен законами творения, иначе как бы этот он — косая черта — оно нас сотворило? Или он — косая черта — оно может в любой момент просто взять, пожать

плечами и сказать: “Отменить гравитацию!”, и — пока-пока! — мы все утечем в космос? И если эта сущность — давайте называть ее Богом, почему бы и нет, так сказать, по традиции — может менять правила просто потому, что у него такое настроение, давайте разберемся, какое именно правило было изменено в нашем случае. Есть правило, гласящее, что места занимают постоянную физическую позицию по отношению к другим местам, и чтобы попасть из одного места в другое, всегда проходишь одно и то же расстояние, на этом точка, и во веки веков. Ты думаешь, что, ко всем чертям, это совершенно неизменное правило, иначе что было бы со всеми дорогами, поездами и самолетами? Каково бы было, если бы вы, к примеру, решили поселиться на максимально возможном расстоянии от своей тещи, и вдруг — бум! — вы просыпаетесь, открываете дверь, а она стоит на пороге с тортиком, поскольку ее дом теперь ровно напротив вашего. Как мы вообще начнем понимать, где какой город, если мотели свободно путешествуют во времени и пространстве и замещают друг друга? Что будет с переписью населения и избирательными участками? Коллапс сразу всех систем, верно? Это то, чего Ты хочешь? Ты похож на рабочего с кувалдой

из старого анекдота про сантехника, который разнес к чертям все общественные туалеты и вокзальные умывальные и повесил слоган, как там его, если бачок не чинится, его уничтожают. Господи Исусе! Гребаный конец света происходит аккурат за дверью в мой номер.

Сегодня, например. Утром.

Прошлой ночью я заснул в отеле “Друри инн” в Амарилло, Техас (население 199582 чел., если, конечно, это все еще хоть что-то значит), мне снился вчерашний день, арт-объекты на ранчо “Кадиллак” на 66-м шоссе, пять десятков тачек “эльдорадо” не то въезжают в техасскую землю, не то пытаются из нее выехать. *“Кадиллак, кадиллак, Длинный и темный, блестящий и черный*—спасибо, Брюс Спрингстин, что пел для меня в моем сне, — *Едет, словно это маленький рай здесь, на земле / Что ж, приятель, когда я умру, брось мое тело на заднее сиденье/ И отвези меня на свалку в моем кадиллаке”.* Амарилло похож на сон сумасшедшего, они выращивают на полях гелий и на заводе “Пэнтекс” собирают ядерные боезаряды, они производят много мяса и потребляют много говядины, у них играет в автоматах сбежавший бойфренд Эммилу Харрис, и все они встречаются на ранчо “кадиллак”. Отличный сон,

должен признать. Быстрые тачки, высокое небо, горячие девочки в ковбойских шляпах танцуют на фоне промышленного пейзажа. Мне нравится. А потом я проснулся, выглянул наружу и чуть в обморок не шлепнулся. Стою я на балконе этаже эдак на десятом вместо вчерашнего второго, мы еще машину припарковали точнехонько у номера. Голова идет кругом. Где я? Где именно все это находится? Еще более пугающий вопрос: *“Когда* все это?” Потому что вон там гордо высится над изменившимися улицами этого ни разу не похожего на Амарилло места бывший Всемирный торговый центр. Да, тот самый, что уничтожили самолеты. Башни-близнецы, хотя здесь только одна. Этого не может быть, но она здесь. Может ли быть, что мы каким-то сверхъестественным образом переместились в пространстве и времени и таки находимся в Нью-Йорке, но не в Нью-Йорке сейчас. В Нью-Йорке *тогда?* Неужели мы оказались здесь в тот страшный день, южная башня уже рухнула, потому я ее и не вижу?

Стоп.

Все это не похоже на Нью-Йорк на любом этапе истории его существования. Это какое-то другое место. Да и башня эта не слишком большая. А может быть, пока я не смотрю, все вокруг умень-

шается? Детка, я уменьшил этот мир? Я бужу его криком, заставляю подняться *с* постели и подойти к окну.

— Где мы, к черту, находимся, — спрашиваю я у него, — и как сюда попали?

Я на грани, это слышно в моем голосе.

— Талса, штат Оклахома (население 403090 чел.), — отвечает он мягким отеческим голосом. — Что-то случилось?

Не могу поверить, что он это сказал.

— Случилось, папочка, у нас проблемы! — отвечаю я. — Что произошло с Амарилло? Разве мы не в "Амарилло Друри инн"? Разве не туда мы заселились вчера вечером? И кстати, что здесь делают башни-близнецы?

— В Оклахоме нет отелей сети "Друри", — отвечает он мне, — мы в отеле "Дабл три" в Талсе.

Я тянусь к столику у него за спиной и хватаю гостиничный блокнот. *"Дабл три, Талса"* — значится там. Я схожу с ума. Неужели подобное может происходить сейчас?

Он продолжает вести себя так, словно ничего не произошло.

— Когда мы въезжали сюда вчера, — говорит он, — ты заснул, не помнишь? Сели в лифт, ты сказал, что рад пожить повыше для разнообра-

зия, а потом отключился. Странно, что ты совсем ничего не помнишь.

Я пристально смотрю на него. Хочу понять, не делает ли он из меня идиота.

— Это происходит уже не в первый раз, — настаиваю я.

— Что именно? — не понимает он.

— Дислокация локаций, — отвечаю я.

Он просто качает головой.

— Выпей кофе, — советует он, — помогает очистить голову.

— Какое сегодня число? — интересуюсь я, и он отвечает.

Все еще хуже. Сегодня не то сегодня, которое идет за вчера. Как могло случиться, что сегодня уже 11 сентября? Вот дерьмо!

Естественно, какая-то часть меня начинает думать: возможно, я не настолько полноценно очеловечился. Возможно, у меня случаются провалы, перерывы в существовании, сбои в программе. Возможно, я подвисаю на какое-то время, как картинка в фейстайме при слабом вайфае, а потом отмираю. Или это он хочет, чтобы я так думал? Ведь в этом случае я по-прежнему полностью завишу от него, а это как раз то, чего он хочет, — почитающий его ребенок без соб-

ственного мнения. Или это у меня уже паранойя? Вы видимо, так и считаете. И я начинаю думать о том, что еще хуже. Эта моя инсула не справляется с нагрузкой и приносит мне только плохое. Возможно, моя инсула считает, что такова современная Америка: что для некоторых из нас в этом мире больше нет никакого смысла. Возможно все. Здесь может превратиться в там, сегодня в завтра, верх в низ, а правда в ложь. Все катится в тартарары, и ухватиться не за что. Мир разошелся по швам. Для тех из нас, кто уже начал это видеть, в то время как остальные остаются слепы. Или решительно не хотят видеть. Они просто пожимают плечами, для них все по-старому — дела идут, как шли, земля по-прежнему плоская, и глобального потепления не происходит. Прямо под нами на улицах машины возят пожимателей плеч, другие пожиматели плеч спешат на работу, призрак Вуди Гатри идет по узкой полосе за отбойником вдоль скоростного шоссе и распевает про “мир для нас двоих”. Даже Вуди Гатри еще не слышал новости о наступающем конце света.

— Ладно, — говорю я, — но как ты объяснишь *это?*

Я указываю на башню-призрак другой башни, что она делает в чертовой Оклахоме? Конечно

же, у него найдется объяснение и для этого. Это знают все, у этой башни есть название и адрес, ее построил тот же архитектор Минору Ямасаки, и она считается уменьшенной копией нью-йоркской башни. Собирайся, сын. Здесь смотреть не на что. Успокойся. Пойдем есть яичницу.

Я начинаю понимать, почему люди приходят к религии. Просто чтобы иметь что-то прочное, что не превратится внезапно в скользкую змею. Что-то вечное: как удобно верить, что проснешься в том же городе, где заснул. Метаморфозы пугают нас, в результате революций гибнет больше людей, чем убивают режимы, свергаемые с помощью революций — такие перемены не так же хороши, как и отдых, верно? Не представляю, сколько людей на планете начали видеть то же, что вижу я, чувствуют то же, что и я, но бьюсь об заклад: я не один такой. А значит, наш мир полон до смерти напуганных людей. Объятых ужасом визионеров. Даже пророки, когда с ними случаются первые видения, поначалу думают, что сошли с ума.

Он тоже напуган. Папаша К. После того случая на озере Капоте что-то случилось с невинной верой в людей, которая была у него всегда. Возможно, мир для него еще не окончательно

развалился на части, пока нет, но я знаю, он потрясен. Посмотрим, как он пойдет дальше. Если пойдет. Я слежу за ним.

И еще. Я собираюсь начать искать этих людей. Похожих на меня, с концом времен в глазах.

Глава десятая, в которой наши герои проходят Вторую Долину, Санчо тоже встречает Любовь, а затем, в Третьей Долине, они выходят за пределы Знания как такового

— В Долине Любви, — сообщил Кишот, — у странника одна цель — познать Любовь как таковую, не мелкую, пусть часто и прекрасную, любовь между мужчиной и женщиной, мужчиной и мужчиной, женщиной и женщиной или какие там еще более продвинутые комбинации вы предпочитаете, я включаю в эту категорию и свою предначертанную судьбой, непреодолимую любовь к Возлюбленной, которой скоро предстоит осуществиться; не восхитительно благородную любовь между отцом и сыном, хотя я не перестаю благодарить судьбу за то, что она пришла в мою жизнь; не любовь к своей стране,

и даже не любовь к Богу или богам тех, кто имеет к этому склонность, я говорю о Любви как таковой, о невероятном по своей сути, чистоте и силе явлении, любви, лишенной конкретного объекта, о сердце сердца сердец, эпицентре бури, силе, управляющей поступками людей и даже животных, а значит, и самой жизнью. Наша цель — разрушить внутренние преграды, которые не дают нам отдать себя во власть великой универсальной Любви. Достижение такой цели требует от нас полного и окончательного отказа от такого понятия, как "причина", ибо у любви нет и не может быть причин, она выше и больше любой из них, любовь возникает без всяких разумных предпосылок и живет в нас, несмотря ни на что.

Тем утром они были в забегаловке "У Билла — лучшие завтраки в Талсе". Кишот заказал себе зеленые яйца с ветчиной, Санчо расправлялся с большой тарелкой мексиканских уэвос ранчерос. Несмотря на то что немолодой человек и его сын или даже внук, поедающие в час завтрака немудрящие утренние блюда, выглядели весьма заурядно, Кишот и Санчо оказались предметом пристального внимания. Почувствовав это, Санчо подумал, что постоянно тыкая в них пальцем, белая женщина наложила на них своего рода

каинову печать, и подозрительность и тревога будут везде преследовать их.

До этого момента своей короткой жизни Санчо никогда не думал о себе как о “Другом”, о том, кого можно осуждать просто за то, каков он есть. Разумеется, на самом деле он был совершенно Другим, сверхъестественным существом, пришедшим из ниоткуда благодаря желанию Кишота и милости Космоса, он был Другим настолько, насколько это возможно, но не был при этом тем Другим, неприязнь к которому испытывали эти люди, Другим, на которого указывал карающий перст белой женщины. Санчо старался представлять, что он обычный человек, парень в клетчатой рубашке, синих джинсах и грубых ботинках, чувак, которому нравятся Джастин Тимберлейк, Бон Джови, Джон Мелленкамп и Вилли Нельсон. Ему одинаково не нравились хип-хоп и панджабские мелодии бхангра, ситарная музыка и блюз. Ему нравилась Лана Дель Рей. Он в первый раз ощутил, что его “другая” кожа может таить в себе смертельную опасность.

— Говори тише, — попросил он Кишота. — Кто угодно может нас услышать.

Всякий раз, когда Кишот в соответствующей манере занимался догматическими рассуждени-

ями, он, неизвестно почему, начинал говорить так же громко, как оратор с трибуны, о чем, к счастью, не знал. В забегаловке было немноголюдно, но все, имеющие глаза, устремили на него свои взгляды, все, имеющие уши, были вынуждены услышать, все, имеющие рты, в этот момент не занятые пережевыванием пищи, проговорили что-то почти неслышно, а все, имеющие лбы, собрали их в едва заметные, но весьма выразительные складки.

— Да услышь ты меня, — быстро шептал Санчо, — доедай и валим отсюда! Все смотрят на нас как на призраков; я не говорю, что мы невидимые, но мы вселяем в них ужас. Мы призраки, которых они хотят изгнать. Из-за того, что мы здесь, им кажется, они не в кафешке, а в фильме ужасов. Посмотри им в глаза и увидишь. Где этот Билл Мюррей, когда он нам нужен, вот что они думают. Нам, видимо, лучше убраться из этих красных штатов, понимаешь меня? Какой тут ближайший синий штат? Может, поедем туда?

В определенные моменты жизни Кишоту казалось, что это сон, и он переставал понимать. В буквальном смысле вымышленный Санчо в такие моменты чувствовал, словно он сам был реальным человеком, а Кишот — плодом чьего-то

воображения.

— В Европе, — безрассудно изрек Кишот в ответ, — цвета и политические предпочтения соотносятся ровно наоборот, синий считается цветом консерваторов, реакционеров и капиталистов, тогда как красный — цвет коммунизма, социализма, демократического социализма и либеральной демократии. Порой я задаю себе вопрос: каким цветом обозначить любовь? Его сложно найти, так как все цвета заняты: шафрановый — цвет индуистского национализма, зеленый — ислама, хотя в паре мусульманских стран цветом ислама считают красный, черный — цвет мусульманского фундаментализма. Розовый ассоциируется нынче с женским движением, а радуга — предмет гордости гей-сообщества. Белый, по-моему, вообще не цвет, разве что в расовом контексте. Тогда, возможно, коричневый. Коричневый, как наша кожа. Должно быть, цвет любви — коричневый.

По мере его речи обстановка в забегаловке накалялась. Складки на лбах становились глубже, глаза начинали сверкать, уши пылать, а кулаки, как отметил Санчо, сжиматься.

— Да заткнись уже, — прошипел он Кишоту, — пока нас тут из-за тебя не убили.

Кишот взволнованно вскочил и широко развел руки.

— Я отрекаюсь от всех возможных причин, — прокричал он, — и открываю себя любви!

К ним уже спешил похожий на приземистый кубик человек внушительных размеров. На нем был кожаный жилет, надетый прямо на голое тело, без рубашки, а на его покрытой седеющей растительностью груди красовался медальон с выгравированным на нем названием забегаловки.

— Я Билли, — представился он. — Чтоб максимум через шестьдесят секунд вас обоих тут не было, иначе один из этих славных парней может достать из кобуры один из пистолетов и использовать его по назначению, а это может плохо сказаться на декоре моего заведения.

Изумленный Кишот кинулся к Билли:

— Они хотят стрелять в нас, потому что я призывал к торжеству универсальной любви?

Санчо тащил Кишота за руку, пытаясь буквально выпихнуть на улицу.

— Я никому не позволю в своем заведении говорить о коммунизме и исламе. Вам повезло, что я лично вас не пристрелил! — напутствовал их Билли.

— Пошли на хрен отсюда, — вторил ему один из ртов, не занятых — или почти не занятых — в этот момент пережевыванием пищи. — Похоже, кто-то так долго втирал в ваши рожи дерьмо, что вы и отмыться-то не можете.

— Пошли на хрен отсюда, — поддержал его еще один рот, — валите из моей страны обратно в свою пустыню. Сидите дальше в своих засранных ненавидящих Америку жопах! Мы прикончим вас всех!

— Пошли на хрен отсюда, — произнес третий рот, связанный с ушами, которые частично услышали Кишота. — Не смей, ублюдок, говорить о любви, ты же сочишься ненавистью.

— Пошли на хрен отсюда, — последний рот явно принадлежал родственнику белой женщины с озера Капоте. — И где, кстати, ваши бороды и тюрбаны?

Когда они ушли уже достаточно далеко и остановились на одной из соседних улочек, потрясенный Кишот прервал молчание:

— Я не заплатил по счету.

Санчо, поддерживавший и направлявший его, точно ребенка или слепца, ответил:

— Думаю, это можно считать завтраком за счет заведения.

Проехав сто девяносто миль на север, наши герои прибыли в городок с говорящим название Бьютифул, т. е. “Прекрасный”, штат Канзас (население 135473 чел)> который, по оценкам канала CNN и журнала “Мани”, занимал двенадцатое место в США по качеству жизни. В южной части города, вдоль 151-й улицы в магазинах сети “Рей-Нард” располагалось сразу три кафе популярной сети “Пауэрс”. Кишот не планировал останавливаться в этом городке. Покинув Талсу, он собирался ехать по 169-му шоссе на север до города Лоуренс, Канзас (население 95 358 чел.), считающегося анклавом либерализма внутри консервативного штата, где у него был забронирован номер с двумя кроватями в недорогом “Мотеле № 6”. Однако после случившегося в Талсе Кишот, несмотря на громогласные просьбы Санчо снизить скорость, ехал быстро, гнал как бешеный, и к Бьютифулу они оба подъехали усталые, голодные и нуждающиеся в посещении туалета. Они зарулили на парковку перед “Пауэрсом” как раз к началу трансляции бейсбольного матча. Кафе, запруженное доброжелательно настроенными бейсбольными болельщиками, выглядело гостеприимно.

— Смотри, — сообщил Кишоту Санчо, — тем-

нокожие.

В баре сидели двое выходцев из Южной Азии, они явно чувствовали себя прекрасно и были увлечены беседой. Кишот и Санчо воспользовались туалетом и заказали себе небольшой перекус. Они помахали рукой двум индийцам, и те заулыбались и закивали в ответ.

— *Салам алейкум,* — через весь зал приветствовал их Кишот.

— *Намаскар,* — отозвались индийцы.

Кишот предпочел более не докучать им. Через некоторое время на индийцев стал кричать какой-то набравшийся посетитель бара, настроенный куда как менее душевно; он называл их “гребаными иранцами” и “террористами”, интересовался, на законных ли основаниях они находятся в США, вопил: “Валите из моей страны!” С тех пор как Кишот и Санчо выслушивали подобные крики в собственный адрес, не прошло и двенадцати часов, поэтому они, к своему стыду, предпочли затаиться в углу. Пьяного выдворили за пределы заведения, и все вздохнули с облегчением. Не успели Кишот и Санчо закончить трапезу, как пьяница вернулся с ружьем и в упор расстрелял обоих индийцев и попытавшегося помочь им белого мужчину. Кишот и Санчо не

пострадали, но долго не могли подняться, унять дрожь, прийти в себя и продолжить путь.

Тем же вечером, когда они наконец спокойно заселились в мотель в Лоуренсе, то из выпуска телевизионных новостей узнали, что один из индийцев умер на месте, а двое других мужчин выжили, хоть и получили серьезные ранения, а нападавший был задержан в сорока милях от Бьютифула, в округе Картер, Миссури (население 8844 чел.), где набирался в баре. С тех пор как полтора года назад умер его отец, он сильно пил. Нападавший работал мойщиком посуды в местной пиццерии — настоящее падение для ветерана ВМФ, некогда работавшего авиадиспетчером. Кишот смотрел новости, не понимая, он ушел в себя и от шока испытывал лишь немое отупение. Единственным фактом, вызвавшим у него хоть какую-то реакцию, стало сообщение о том, что погибший работал в крупной международной компании “Грин”, чей головной офис располагался в Бьютифуле.

— “Грин”. Мы используем их GPS. — Кишот внезапно вскочил на ноги. — Мы пользуемся GPS компании “Грин”.

Казалось, что это совпадение заставило его ощутить утрату гораздо сильнее, чем общее с по-

гибшим этническое происхождение или кадры, на которых его жена горько вопрошала с экрана: “Есть ли нам здесь место?”

Санчо — Санчо, который несколько часов не мог унять дрожь и едва сдерживал слезы — заставил Кишота услышать ее вопрос.

— Что ты об этом думаешь? Есть для нас место в этой Америке?

— Мы вошли в третью долину, — услышал он в ответ, — это Долина Знания, вошедшим в нее надлежит осознать тщету всех земных знаний и отказаться от них.

— Видимо, существует какое-то иное знание, которое поможет нам в этом?

— Лишь знание нашей цели, только Возлюбленная сможет спасти нас, — изрек Кишот.

Всякий раз, когда Кишот говорил что-нибудь в таком духе, Санчо видел, что старик совсем ку-ку, и понимал, что достичь своей цели, окончательного очеловечивания, сумеет лишь, став на путь, отличный от пути своего странного прародителя. Кишот слишком запутался в нездоровой логике своей вселенной вышедших из употребления слов, мистических размышлений и телевизионной зависимости, чтобы вести себя разумно или хотя бы понимать, что на самом деле проис-

ходит в окружающем его реальном мире. Даже его невероятная возлюбленная, мисс Салма Р., на данном этапе была лишь порождением слов, идей и телевизионных картинок; она не была для Кишота реальна в том смысле, как он понимал реальное, — фантазия, в которую он страстно уверовал, она оставалась для него на самом деле недостижимой, не важно, с какой силой он был одержим ею. Если ты полностью отказался от веры/неверия, причин, знаний, ты почти потерял и связь с реальным миром, размышлял Санчо. Кто знает, какое новое безумие ждет их в следующих “четырех долинах”? Санчо уже не в первый раз размышлял, как можно было бы соскочить и начать крутиться самому. Он может, конечно, просто выйти на улицу, поднять руку с оттопыренным пальцем, поймать попутку и соглашаться на все, что предложит ему судьба в части работы и, если повезет, девушек. Увы, едва дело доходило до мелочей, план демонстрировал свою полную несостоятельность. Санчо был существом, преодолевшим грань и из воображаемого ставшим реальным, и не имел никакого правового статуса. Без (а) водительского удостоверения ты едва ли уедешь далеко. Без (б) банковского счета с привязанной к нему пластиковой картой

аналогично. К тому же без (а) ты никогда не получишь (б), а получить (а) с учетом того, что он ни разу в жизни не сидел за рулем автомобиля, весьма проблематично. Насколько Санчо мог видеть, существовало всего две возможности: (а) жить вне закона и (б) ждать чуда. Из них вариант (б) выглядел гораздо более вероятным. В конце концов, он сам был настоящим чудом. Быть может, у него все еще есть доступ к сфере чудесного.

Санчо вышел из номера, оставив Кишота смотреть "Проект Подиум", и направился в самый темный угол гостиничной парковки. Здесь, встав между небольшим пикапом (это был синий "хонда ринжилайн спорт AWD", если кому интересно) и старенькой красной "хендай элантра", он раскинул руки, закрыл глаза и воззвал к самой сути сверхъестественного.

— Грилло Парланте, — позвал он.

— Итак, в конце концов он осознал, что ему нужен друг, — из-под капота "элантры" раздался голос. — *Cosa vuoi, paisan?* Ты желаешь попросить у меня чего-то?

— Так у меня есть желания? А сколько? Три?

— Все работает иначе, — сообщил ему сверчок, — вот так: ты просишь у меня то, что ты хочешь, а там посмотрим, *e poi, vedremo.* Посмотрим,

что с этим можно сделать. Есть ограничения.

— Итак, — Санчо глубоко вздохнул, — водительские права, банковский счет, пластиковая карта, чтобы пользоваться банкоматами, и деньги на счете.

— Подвластная магии банковская деятельность сводится к мошенничеству в особо крупных размерах, *grande frode,* — сообщил сверчок. — Миллионеры, крупные политики, мафиози. Не твой уровень. Таким, как ты, предписаны наличные и жесткая экономия.

— Очень жаль, — расстроился Санчо, — а есть кто-то более могущественный, чем ты? Может, мне с ним поговорить? С Голубой феей, к примеру?

— Голубая фея — просто сказка, *è una favola,* — заверил сверчок, — по крайней мере на твоем уровне. Даже не думай о ней. Тебе также следует воздерживаться от грубости.

— Короче, ясно. Я в полной заднице! — подытожил Санчо.

— В какой заднице? — рассердился сверчок. — Почему в заднице? Ты неблагодарный, *si.* Невоспитанный к тому же. Ну и бедный, само собой. Но до задницы тебе далеко. Загляни в свой бумажник.

— У меня нет бумажника.

— Проверь в кармане брюк. Или ты найдешь там бумажник, или я просто кусок дерьма!

В кармане что-то было. Изумленный Санчо извлек оттуда дешевый бумажник из коричневой кожи, внутри которого обнаружилось десять новеньких двадцатидолларовых банкнот.

— Двести долларов — возможный максимум, — пояснил сверчок, — определенный для тебя.

На данном этапе двести долларов казались Санчо настоящим богатством. Однако его одолевали сомнения.

— Это какой-то трюк? — уточнил он. — Деньги исчезнут, когда все закончится?

Сверчок предпочел не заметить этот мелочный выпад.

— В бумажнике есть еще что-нибудь? — поинтересовался он и снова полез внутрь.

В бумажнике лежала идентификационная карта гражданина США с фотографией Санчо и его подписью, вернее, тем, как он сам написал бы свое имя, если бы ему до сих пор представился хоть один случай где-либо поставить свою подпись.

— Штат Нью-Йорк, — в голосе сверчка сквозила гордость. — *Non è facile.* Не что попало, Нью-

Йорк!

— Спасибо! — Санчо и вправду переполняла благодарность.

— Водительские права — невозможно, даже волшебству не под силу сделать из тебя приличного водителя. Идентификационной карты в качестве документа тебе хватит. Сейчас ты полностью свободен, — заявил сверчок, — а чтобы стать человеком, тебе нужна по крайней мере *la possibility di liberta*, возможность быть свободным. Тебе предписаны наличные и строгая экономия, как я уже говорил. Это так, но у тебя есть десять Джексонов и удостоверяющий личность документ. Отличный старт! Так что банковский счет ты сможешь открыть и без всяких там волшебных штучек!

Санчо недоверчиво мотал головой.

— Вопрос в том, — продолжал сверчок, — что ты собираешься делать, получив свободу? Куда отправишься?

— В дальней перспективе пока не знаю, — признался Санчо, — но в ближайшей — прямо сейчас — я бы хотел навестить кое-кого.

Санчо перед дверью скромного дома в Бьютифуле, двухэтажного кремового здания с английским приветствием "Welcome”, *написанным белым на*

красной гравиевой дорожке небольшой лужайки перед входом; чуть выше нарисован священный слог “Ом ”. Звонка нет. Санчо берет латунный дверной молоток и ударяет в дверь, он стучит дважды. Спустя некоторое время дверь открывает молодая женщина чуть за двадцать. Санчо мгновенно понимает, что случилось нечто невозможное: эта незнакомка — его идеальная женщина, девушка его мечты, что судьба-карма-кисмат привела его сюда за тем, чтобы он встретил свою истинную любовь; в тот же миг к нему приходит и трагическое осознание, что мечта — всего лишь мечта, карма не дает никаких гарантий, и эта девушка, имени которой он не знает, никогда не будет его. Ни разу за тысячу жизней. Санчо густо краснеет и не может вымолвить ни слова.

— Слушаю? — произносит его возлюбленная.

Он прочищает горло и спрашивает полным безнадежного обожания голосом:

— Могу я увидеть госпожу К., хозяйку дома?

— Кто вы такой. Зачем вы здесь. Лучшего времени для визитов не нашли. У всей нашей общины горе. Вы журналист.

— Нет, не журналист. Но она задала вопрос по телевизору, и мне нужно узнать ее ответ на

него. Она спросила, есть ли нам здесь место. Мне нужно знать, что она об этом думает.

— Я знаю, что вам нужно. Вы пришли ее обворовать. Вы хотите украсть у нее его смерть и ее боль и сделать их своими. Уходите и получайте свою боль и свою смерть. Эти — не ваши.

— Я был там. Был в баре.

— В баре было полно людей. Никто этого не предотвратил. Мы не собираемся утешать вас в связи с его смертью. Если у вас есть какие-то доказательства, обратитесь в полицию.

— Вы сестра госпожи К.? Простите, но вы очень красивы. Прекрасная из города Прекрасного. — (Санчо не может сдержаться.)

— Вы просто хам. Я закрываю дверь. — (Ее презрение убивает его.)

— Прошу вас. Простите. Я совсем недавно в этой стране. И надо понять, что все это значит. Как нам жить.

— Вы не местный.

— Нет. Я здесь проездом. Меня зовут Санчо.

— Странное имя. Ладно, мистер Санчо, вот что я вам скажу. Мы все потрясены. Люди говорят моему отцу: запрети своей дочери работать в Америке и отправь домой. И я, возможно, воспользуюсь их советом. Никто не видит разницы

— иранцы, арабы, мусульмане… Значит, никто не может быть в безопасности. Индийские индийцы больше не хотят искать своим детям пару среди американских индийцев. Возможно, наши люди переберутся в Канаду. Канада говорит, что готова нас принять. Есть еще языковой вопрос. Мы родом из Теленганы, говорим на телугу. Но мы просим друг друга не говорить на телугу, когда кто-то может услышать. Телугу, арабский, персидский — никто не видит разницы. Поэтому мы никогда не бываем в безопасности. Тот бар считался безопасным местом, они не говорили там на телугу, но они не были там в безопасности, уже нет такого места, где мы были бы в безопасности. Вы достаточно услышали? Мы лишились своих языков. Мы должны бояться и сами вырвать себе языки.

— Ужасно. Но я вас понял. Могу я все же увидеть госпожу К., чтобы выразить ей соболезнования?

— Это не ее дом. Она не живет здесь. Вы ошиблись адресом.

— Но почему тогда…

— Мы все сегодня госпожа К. Мы все — ее семья. Если вы только недавно приехали из дома, из *страны,* то точно понимаете. Но это не ваше место. И это не ваша кровь.

— Как вас зовут?

— Зачем вам мое имя?

— Вы же знаете мое.

— А как вы меня до этого называли?

— Прекрасной из города Прекрасного.

— Значит, так меня и зовут.

— Мне пора идти, — говорит Санчо. — Я должен сопровождать отца в его последнем путешествии. Но когда я закончу с этим…

— Я вас не знаю, — говорит девушка, — а будущее? Никто не знает будущего. Уходите.

Дверь закрывается.

Санчо уходит, убитый горем и при этом окрыленный, он чувствует обновление — внезапно охватившая его решимость, конечно, не то же самое, что столь необходимая ему любовь, но это, по крайней мере, что-то, что он может унести отсюда с собой.

Кишот дожидался его в машине и выглядел недовольным.

— Ты упрямый ребенок! — начал он. — Я же ясно объяснил, это глупая затея и бестактный поступок. Я привез тебя сюда только потому, что ты угрожал мне, что уйдешь, но я произвел тебя на этот свет не для того, чтобы тут же потерять. То, что ты совершил, — не просто бестактность.

Это не имеет отношения к великим делам, которыми мы заняты, великому начинанию, что мы реализуем. Это просто незначительный поворот, тупик, это вообще не наше дело.

Санчо на пассажирском сиденье заливался слезами — первыми в своей короткой жизни.

— Теперь ты знаешь, что такое несчастье, — недобро заметил Кишот, — ты уверен, что пришел в этот мир, чтобы узнать именно это. Что ж, учись. Человеческая жизнь — по большей части несчастье. Лекарство от человеческих страданий — любовь; именно любви мы должны сейчас посвятить себя без остатка. Вперед.

— Я хочу, чтобы ты научил меня своему языку, — попросил Санчо, — языку, на котором ты говорил там. Я хочу, чтобы мы разговаривали между собой на этом языке, в особенности на людях, чтобы сразу видеть ублюдков, которые ненавидят нас просто за то, что у нас другой язык. Я хочу, чтобы ты начал учить меня прямо сейчас.

Кишот неожиданно понял, что растроган.

— Хорошо, — заявил он, — я научу тебя, сын мой. Твоему родному языку, мой рожденный без матери ребенок! О красоте этого языка известно всем. Еще я научу тебя *бамбайя,* его локальной

вариации, на которой говорили на бомбейских улицах моего детства, — бамбайя не так красив, но ты все равно должен знать его, потому что только если ты говоришь на нем, сможешь стать жителем города, которого никогда не видел.

— Когда я закончу учиться, — сообщил Санчо, — я вернусь сюда и постучу в эту дверь снова. Я скажу ей, нам не нужно больше бояться.

Лишь знание нашей цели, только Возлюбленная сможет спасти нас. Когда Кишот сказал это, Санчо подумал, что это доказывает лишь, что он начисто утратил связь *с* реальной жизнью. Теперь же осознал, что понимает старика. Теперь, когда у него тоже есть возлюбленная.

— Когда она сказала мне: "Уходите!", — рассказывал он Кишоту, — я точно понял, что она хотела сказать: "Возвращайтесь!"

"Прекрасная из Прекрасного" звучало как *"Хубсурат се хубсурат"*, что одновременно переводилось и как "самая прекрасная", тоже отличный вариант. Так было в нормативном языке, в бамбайя же таких девушек называли *"рaeас"*, "фантастическая", и *"рапчик"*, "горячая". Эти же слова вполне могли сгодиться для описания красот Америки, однако и других слов, способных воспеть ее красоту, хватало. Река Миссисипи

в Сент-Луисе была *“бап,* что буквально значит “отец”, но с бамбайя переводится как “великий”, “лучше всех” или как-то вроде некрутого уже “ништяк”, только это слово намного круче. “Что за Упрека. «Река-отец»”. Город Чикаго, как и великое озеро, на котором он стоит, оба были *“мазбут,* в дословном переводе “сильные”, что означает скорее “удивительные”, “величественные” или “пугающие”. “Чикаго! Полностью *мазбут,* город, *яр*!” И озеро Мичиган говорилось — *“Билкуль мазбут пани*!” (Совершенно потрясная водичка!)

Сексуальную девушку называли *“маль”,* в дословном переводе “товар”. Девушку, у которой есть бойфренд, — *“фанти.* Молодую, горячую, но, к несчастью, замужнюю женщину — *“чикен тикка.* Когда они сделали небольшую остановку в Анн-Арбор, чтобы осмотреть университетский кампус, Санчо заметил, как много *моль* разгуливает вокруг.

— А я-то думал, ты нашел себе *фанти,* и она ждет тебя в Бью-тифуле, — мрачно поддел его Кишот. — К тому же у девушки, на которую ты смотришь, кольцо на безымянном пальце. Вынужден сообщить тебе, она определенно *чикен тикка.*

Санчо схватывал все на лету.

— А вон та, — указал он, — полностью *карромборд.* Плоскогрудая.

Бамбайя — вовсе не высокое наречие. Он впитал в себя суровую жизнь городских улиц. Человека, который тебе не нравится, можно назвать *"чхимат*, стремным, или *"кхаджуа*, мудозвоном.

Америка стала для Санчо учебником языка. Когда по телевизору показывали перестрелки, он узнал, что пушка будет *"гхора"*, что значит "лошадь", а патроны называют по-английски "таблетками", реже "капсулами". Так что, при всех мутациях, английскому также нашлось место в бамбайя.

Они оба были счастливы. Учитель-Кишот от того, что далекие слова пробудили в нем старые воспоминания и вернули его в молодость. Благодаря урокам они с Санчо становились ближе, и их скучная дорога перемежалась долгими приступами смеха. За окнами автомобиля проносилась страна, реки и мельницы, лесистые холмы и городские предместья, скоростные трассы и платные дороги, со всеми своими природными красотами и промышленными достижениями, и это было настоящей комедией. Однажды, где-то между Толедо (население 278508 чел.) и Кливлендом (население 385809 чел.), Кишот свернул не

туда и закричал:

– *Ват лаг гаи!*

— Что ты сказал? — спросил Санчо.

— Я сказал, — ответил Кишот уже в своей обычной исполненной достоинства манере, — что мы с тобою в полной заднице.

Заново описать страну на своем приватном языке значило сделать ее по-настоящему своей.

— Я теперь понял, почему расисты хотят, чтобы все говорили на английском, — признался Санчо Кишоту. — Не хотят, чтобы чужие слова имели право на их землю.

Это заставило Кишота вернуться к метафоре “индейско-индийской страны”.

— У этой земли уже были слова, которые имели на нее право, — пояснил он, — слова других индийцев — индейцев. Они и сегодня звучат, но значение свое утратили. К примеру, *Шенандоа*, индейское слово неизвестного происхождения. В некоторых случаях значение слов сохранилось, но его никто не знает, что лишает слово власти. *Тикондерога* — место слияния двух рек. Никто не знает этого. *Чикаго* — луковое поле. Кто в курсе? *Панксатони* — город мошек или, может, комаров. Сейчас никто этого не помнит, даже на Дне сурка. *Миссисипи* — “великая река”. Об этом кто-то

может догадаться. Вот они — слова, утратившие власть. На их место пришли новые слова и забрали их магию. На Западном побережье это чтимые имена испанских святых — *Франческо, Диего, Бернардино, Хосе* и *Санта-Мария-де-лос-Анхелес.* На Восточном прошлое скрыли привезенные из Англии могильные плиты *Хэмпшир, Эксетер, Саутгемптон, Манчестер, Уорик, Вустер, Тонтон, Питерборо, Нортхэмптон, Честерфилд, Патни, Довер, Ланкастер, Бангор, Бостон.* И конечно, *Нью-Йорк.*

— Ты можешь остановиться? — взмолился Санчо. — Прошу тебя. Просто замолчи.

— Ты прав, — согласился Кишот и замолчал.

— Мы находимся в третьей долине, в которой любые знания становятся бесполезны. Мои скудные познания — примитивная магия — я отрекаюсь от вас.

Благодаря этому лингвистическому акту обладания страна вновь стала выглядеть осмысленно. Необъяснимые перемещения в пространстве и времени прекратились. В мир вернулась упорядоченность, подарившая Санчо иллюзию, что он, по крайней мере, понятен. Они продолжали свое путешествие, следуя плану Кишота. После Кливленда Баньян, Пенсильвания (население 108260 чел.),

затем Питтсбург (население 303625 чел.), а потом Филадельфия (население 1568000 чел.). Далее через несколько штатов в направлении на Чосер, Нью-Джерси (население 17000 чел.) и Гекльберри, штат Нью-Йорк (население 109571 чел.). Скоро покажется сам Изумрудный город. Погода, однако, сделалась крайне переменчивой — изнуряющая жара сегодня и леденящий холод завтра, аномальное пекло и град, засухи и наводнения. Кто знает, такой переменчивой погода могла стать навсегда. По крайней мере, географическая стабильность казалась восстановленной. Почему? В мире, поднявшемся выше знания, "почему" не существовало. Существовала лишь эта странная парочка — отец и его зачатый в непорочности сын, спешащие навстречу собственной гибели.

Бог, — решил Санчо, — похож на Клинта Иствуда в "Человеке без имени". Почти не говорит, держит мысли при себе, но то и дело — он Бродяга Высоких Равнин — мчится в город, пожевывая сигару и отправляя всех прямиком в ад. Во многом он — полная противоположность папаше К., который вообще никогда не затыкается. Когда Санчо становится невмоготу слушать "отца", ему по кайфу воображать, что Бог едет с ними в машине. Бог — это Тишина. Временами как раз

то, что нужно.

Они мчались в город. Никаких сигар; они вполне могли оказаться теми, кто отправится прямиком в ад. Он, "отец", видел лишь свое странствие, слышал лишь то, что хотел слышать. Санчо видел все и слышал все. Со всей Америки собрал он коллекцию кислых лиц гостиничных портье, барменов и продавщиц круглосуточных магазинов.

А теперь у него тоже есть Возлюбленная, к которой он стремится.

— Мой дорогой Санчо, — обратился к сыну сидящий за рулем "круза" Кишот, — я должен предупредить тебя: мы приближаемся к великому городу, где нас ждут *мазбут* препятствия. Великий город — объект великих желаний. Можно сказать, что многие желают оказаться здесь так же страстно, как я желаю мисс Салму Р. Соответственно, этот город охраняют могущественные стражи, так же как прежде, а во многих частях света и поныне, женщину охраняли от бесчестья; так же, как мисс Салму Р. охраняют от нежелательных визитеров, к коим я, по очевидным причинам, себя не отношу.

— По каким это причинам? — язвительно спросил Санчо. — Как я голову ни ломаю, ни одной очевидной причины назвать не могу.

— На самом деле причина всего одна, — не обиделся Кишот, — и она состоит в том, что в своих посланиях — не столь частых, чтобы вызывать раздражение — я демонстрирую стиль ухаживаний, верное сочетание витиеватости и самоуничижения, даже, не побоюсь сказать, некоторое литературное изящество. Я обращаюсь к ней как к женщине, заслуживающей определенного обращения, и она, как женщина, достойная этого обращения, тут же это увидит. Я не пру напрямик, как бык, как самец. Я иносказателен, сдержан, лиричен, философичен, нежен, терпелив и благороден. Я понимаю, что должен стать достойным ее, а она, видя, что я это понимаю, считает это понимание моим достоинством, и я открываюсь ей как самый достойный из всех ее воздыхателей. Тот, кто не понимает, как важно быть достойным, никогда не сможет и обрести это, столь недооцененное им, качество.

— Когда ты так говоришь, — признался Санчо, — я жалею, что задал тебе вопрос.

Конец сентября. Вечера становятся беспросветнее, ночи холоднее, опадающие листья кружат вокруг них, словно птички. Они плывут по магистрали, как во сне. Против ожиданий машин почти нет, никто не перекрывает им путь, перед

ними лишь изгибы серебристой змеи дороги.

— Похоже, старый город, куда мы направляемся, решил прекратить оборону, — сказал Санчо. — Он так и приглашает нас войти.

Рауэй, Линден, Элизабет, Байонна.

— Вот и мы, — сжатый кулак Санчо взметнулся в воздух, — кто не спрятался, я не виноват!

Кишот потрепал его по плечу.

— Дорога — это язык, — сказал он, — а тоннель — разверстая пасть. Город просто проглотит тебя.

Санчо не скрывал ликования.

— Я готов! — кричал он. — Сожри меня, Нью-Йорк, схавай.

Гаррисон, Секокус. Очередной тоннель. *Ам!*

— Нам следует освежиться и подготовиться въехать в Нью-Йорк, — заявил Кишот. — Давай найдем место, чтобы хорошенько отдохнуть, взбодриться и завтра въехать в Нью-Йорк в самом лучшем виде.

— Ну-у, — застонал Санчо, — сначала ты дразнишься и распаляешь меня, а потом включаешь заднюю. Так себя не ведут со взрослым сыном.

— Есть два города, — сказал Кишот. — Один из них ты можешь видеть — разбитые тротуары в старой части города и железные скелеты в новой,

огни в небе, мусор в водостоках, пение сирен и отбойных молотков, старик бьет чечетку, ему бросают мелочь, и его ноги говорят: раньше я был ого-го, а его глаза говорят: больше нет, забулдыга, больше нет. Поток роскошных авеню и загаженных улочек. Мышонок в парке плавает по пруду на лодке. Парень с ирокезом орет что-то вслед желтому такси. Состоявшиеся люди с заткнутыми за воротник салфетками собираются в семейных ресторанчиках в Гарлеме. Дельцы *с* Уолл-стрит в подтяжках заказывают бутылками алкоголь в ночных клубах или рюмками пьют текилу и швыряют себя женщинам, словно банкноты. Женщины-дылды, стриженные наголо мужчины-коротышки, стейки из филейной части, стриптиз. Пустые витрины, последние дни распродажи, все должно уйти, улыбка без самых нужных зубов. Всюду стройка и всюду дым паровых печей. Мужчины с вьющимися волосами носят в карманах длинных черных пальто бриллианты на миллионы баксов. Стальные конструкции. Особняки красного камня. Музыка. Еда. Наркотики. Бездомные. Двадцать лет назад они ушли, но теперь вернулись. Снегоуборочная техника, бейсбол, полицейские машины с возможностью оказания первой медицинской помощи, любез-

ное обхождение, профессионализм, уважение, ну что сказать, чувство юмора у них есть. Все языки мира, русский, пенджаби, тайшаньский, креольский, идиш, кру. Не стоит забывать, здесь бьется сердце телевизионной индустрии. Кольберт в театре Эда Салливана, Ной в Адской кухне, "Взгляд", "За едой", Сет Майерс, Джимми Фэллон, все. Улыбчивые юристы по кабельному заверяют, что обратят нападение на вас в удачу. Студии *Rock Center,* CNN, *Fox.* Склад в центре города, где снимают шоу "Салма". Улицы, по которым она ходит, машины, которые отвозят ее домой, лифт, который идет в ее пентхаус, рестораны, в которых она заказывает доставку, места, которые она любит, заведения, в которых бывает, люди, которые знают номер ее мобильного, вещи, которые радуют ее. Словом, этот город безобразно прекрасен, прекрасен в своем безобразии, *jolie-laide,* "некрасивая красавица", по-французски, как статуя посреди гавани. Все это ты увидишь там.

— А другой город? — хмуро поинтересовался Санчо. — Потому что там тоже много всего.

— Другой город невидимый, — ответил Кишот. — Его тщательно охраняют, он окружен неприступными стенами богатства и власти, и именно там обитает реальность. Лишь те

немногие, у кого есть ключ, могут войти в это святилище.

— Подозреваю, мы не из их числа.

— У меня есть один ключ, — сообщил Кишот. — Когда придет время, нужно будет отыскать замок, который он открывает.

— Это очень загадочно, — напустился на него Санчо. — Ты держал это от меня в секрете. Что за ключ? Что за замок? Что там внутри? Колись уже.

— У нас есть и другое оружие, — продолжал Кишот, не обращая внимания на нытье сына. — Мы вот-вот окажемся в четвертой долине.

— Мы уже оставили позади веру и неверие, причины и знания, — возразил Санчо. — Похоже, не так-то много у нас осталось.

— Четвертая долина, — пояснил Кишот, — это Долина Непривязанности, в которой мы отринем все свои желания и привязанности, связывающие нас с миром.

— Все до единого?

— Все до единого.

— И политое шоколадом мороженое *Hdagen-Dazs* с кофейным вкусом?

— И “Закон и порядок. Специальный корпус”.

— И матч “Рэд соке” на лучших местах стадиона

“Янки”? Я, конечно, никогда на нем не был, но мечтал об этом.

— И “Посмотрите, что происходит. Прямой эфир” на канале *Bravo.*

— И игра *“Candy Crush Saga ”* на компьютере?

— И фильм про принцессу-невесту.

— И стейки?

— И картофель фри.

— И Бейонсе с Джей-Зи?

— И оригинальную версию мультика “Король и я”.

Санчо, на лице которого явно начинала читаться паника, остановился и задумался о чем-то, что давалось ему с большим трудом.

— Должны ли мы также отказаться от желания и привязанности к женщинам, которых полюбили?

— На Возлюбленных это не распространяется, — терпеливо объяснил Кишот. — Возлюбленные — не привязанность, а цель. Все другие оковы, тем не менее, должны быть сброшены.

— Даже стаканчик “Грей гуз” с тоником под настроение?

— Даже фасоль с бокалом кьянти.

— Мы станем похожи на монахов.

— Мы станем достойны Грааля.

— А Грааль — это Возлюбленная?

— Грааль — это рука мисс Салмы Р.

— Грааль — это рука Прекрасной из города Прекрасного.

— У каждого мужчины свой Грааль.

— Но ты сказал, что в четвертой долине мы найдем оружие? Пока я вижу, что вещей у нас все меньше и меньше. И никаких базук.

— Когда мы приблизимся к четвертой долине, — сказал Кишот, — то, что всем известно как “реальность”, но что, как нам известно благодаря телевидению, на самом деле является нереальной реальностью, почти утратит над нами власть. Завесы рухнут, и невидимый город станет видимым, его ворота будут распахнуты, так что не понадобится ключа, чтобы зайти внутрь, и мы увидим дорогу, ведущую к Возлюбленной.

В какой-то момент, думал Санчо, *непременно появится некто, кто натянет на него смирительную рубашку и заберет с собой, и тогда я отыщу дорогу назад в Бьютифул, Канзас (население 135473 чел.).* Этого он вслух не сказал. Вместо этого, желая подколоть старика, он продекламировал:

— Я готов. Я отрекаюсь от своего желания иметь

новый *iPad* и от своей привязанности, которую, кстати, я, видимо, унаследовал от тебя, к музыке Us.

— Это начало, — произнес Кишот, и перед собой они увидели город.

— Ты чувствуешь? Реальность, этот морок, уже перестает существовать.

Санчо не ответил, но про себя не согласился. Реальностью была белая женщина на озере Капоте, реальность лилась из злобных ртов, которые он видел в забегаловке в Оклахоме, реальностью была стрельба в Канзасе — двое ранены, один убит, целая община в ужасе и трауре, реальностью была также красивая молодая женщина, захлопывающая дверь у него перед носом. Может ли быть, что эта реальность растворится и исчезнет? Может ли она на самом деле рассеяться, точно морок?

Глава одиннадцатая
Доктор Смайл встречается с мистером Тайером, а Дедушка возникает из Прошлого, чтобы разрушить Настоящее

Тайеры были в числе первых пилигримов. Можете проверить. Томас и Ричард Тайеры, братья, числятся среди отцов-пилигримов, проверьте сами. Позднее их потомки породнились с потомками прибывшего на “Мейфлауэре” Джона Олдена, проверьте. — Вы говорите о том самом “Мейфлауэре”? Они были списках пассажиров и экипажа? Они были на борту, да? — Ну, вы знаете, не на “Мейфлауэре”, нет. — О! Значит, это была “Фортуна”, корабль, вторым пересекший океан? — Да нет, и не “Фортуна” тоже. Но они были в числе первых поселенцев. Быть в числе первых хорошо. Быть в числе первых впечатля-

ет. Андерсон Тайер верил, что у слов есть своя собственная жизнь, и с закрепившимися у них значениями возьмется спорить лишь педант, а “Мейфлауэр” — по крайней мере лично для него — был практически синонимом к *первым* поселенцам. Небольшие погрешности против истины не приводят к большой лжи. А потому Андерсон Тайер не считал нужным поправлять тех, кто считал, что его предки прибыли в Америку на легендарном корабле. Он также не считал нужным поправлять и себя самого.

Маленькое — не большое. Этот принцип он перенес на все стороны своей жизни. Он был маленьким человеком и понимал, что это совсем не то же самое, что быть большим. (Большие люди загромождают пространство. Маленькие люди изворотливы. Это может дать им преимущество. Когда-то он что-то читал или, может, видел по телевизору, как была разбита испанская “Армада”. Галеоны испанцев были большими и неповоротливыми. Корабли британцев — маленькими, быстрыми и маневренными. Британские суда юрко сновали туда-сюда между испанскими исполинами, давали залп из пушек и тут же отплывали, бах! бух! — пробоина и отступление. Таково малое против большого. Давид против

Голиафа. Кассиус Клей плавно подбирается и атакует, Сонни Листон замер на месте большим одуревшим медведем. *“Его руки не могут бить то, чего не видят его глаза!/*

Маленькое — не большое. Маленькие правонарушения — не большие преступления. Мелкое воровство — не воровство в особо крупных размерах. Маленькие предательства — не государственная измена. По мере развития его отношений *с мисс* Салмой Р. он часто руководствовался этим жизненным принципом, и тот отлично работал. Да, он украл у нее несколько вещей, но это не были большие предметы, вещи, важные для нее. Здесь сережка, там браслетик. Она замечала пропажи, но не обращала на них внимания.

— Вечно я все теряю, — корила она себя, и вор хохотал вместе с ней.

Он украл ее образ, тайно снимая на свой смартфон в моменты, когда она была явно не в форме, в депрессии либо не в себе под воздействием бесконтрольной лекарственной терапии. Эти записи были козырями в его руках, они должны были обезопасить его в случае, если мисс Салма Р. ополчится на него, что, как он интуитивно чувствовал, она вот-вот собиралась сделать; он

догадывался, что они могут оказаться не особенно полезны: мисс Салма Р. сама так часто публично рассказывала о своих слабостях, излишествах и проблемах со здоровьем, что видеодоказательства ее собственных слов едва ли нанесут ей большой вред. И все же она, по всей видимости, не захочет, чтобы эти записи попали в руки ее телевизионному начальству; пусть они слышали все ее истории, в наш век чувствительных людей доказательства, увиденные собственными глазами, могут вызвать неприятие, в то время как от услышанного можно отмахнуться, и, значит, имеющийся у него материал имеет свою цену. Итак, он не был предан ей в малом, но оставался преданным в большом: он в самом деле был ее опорой, ее защитником, был готов ради нее на все, разгребать за ней любой бардак и — по крайней мере, лично он и в этом был глубоко убежден — по-настоящему ее любил. Она была гигантом, а он — пигмеем, он смотрел на нее снизу вверх и испытывал восхищение.

Он был студентом в мире звезд и незначительных фигур вроде него самого, скромных спутников великих. Он с особым вниманием следил за привлекательными молодыми людьми и привлеченными ими стареющими женщинами,

этими увядающими красотками, падающими звездами. Деми и Эштон, разумеется, Мадонна и тот парень-танцовщик, Шер и Том Круз, и нынешний золотой медалист в этом виде спорта, молодой король ночных клубов Омар Витале. Омар и Деми, Омар и Хайди Клум, Омар и Эль "Тело" Макферсон. Респект, думал Андерсон Тайер. Однако его главной ролевой моделью был человек из Золотого века, чья звезда закатилась совсем недавно. Его звали Роберт Уолдерс, это был голландский актер, работавший в основном на телевидении, но сыгравший также второстепенные роли в фильмах "Красавчик Жест" и "Тобрук". Его самой серьезной ролью на телевидении стала роль ковбоя в сериале "Ларедо", вышедшем в середине шестидесятых. В реальности же он исполнял главную роль в жизни целой плеяды величайших звезд, и в этом Уол-дерсу не было равных. Он женился на Мерл Оберон, когда ей было шестьдесят четыре, и был младше нее на двадцать пять лет; чтобы быть с ней, он оставил работу. Четыре года спустя она умерла. На следующий год он начал встречаться с Одри Хепберн — ей стукнул пятьдесят один, и он был младше нее на семь лет, — с которой прожил тринадцать лет, до ее смерти. Затем он вступил

в отношения с Лесли Карон (старше него на пять лет). Вот такая карьера впечатляла Андерсона Тайера больше всего, такой пример вдохновлял. Роберт Уолдерс был высоким и красивым, он же, Андерсон Тайер, был похож на Иоземита Сэма и Румпельштильцхена одновременно, но все-таки сумел многообещающе начать на избранном поприще. Если получится, он останется рядом *с мисс* Салмой Р. до самой ее смерти. Затем найдет ей преемницу. Краткий список возможных кандидатур в его голове уже был готов.

К моменту, о котором мы говорим, мистер Тайер как раз вернулся из небольшой частной поездки в Атланту. Американская ассоциация врачей индийского происхождения (ААВИП), Институт индийского медицинского наследия в Джорджии (ИИМНД), Американская врачебная ассоциация по управлению болью (АВАУП) и Фонд доктора Смайла организовали там совместную программу “Что нужно знать об опиоидах”, которая проходила в индийском консульстве в пригороде Атланты Сэнди Спрингс, Джорджия. В конце мероприятия к собравшимся с заключительной речью обратился видный индо-американский специалист по управлению болью доктор Р.К. Смайл, создатель и руководи-

тель компании “Смайл фармасьютиклс” (SPI). Андерсон Тайер, представившийся сотрудникам консульства как Конрад Чехов, корреспондент газеты “Вашингтон пост”, разрабатывающий тему развития опиоидного скандала, получил разрешение осветить данное мероприятие в прессе. Андерсон гордился, что владеет “ремеслом” — это слово он позаимствовал из телефильмов про шпионов, — позволившим ему заполучить фальшивое удостоверение корреспондента “Вашингтон пост”. В его распоряжении был большой выбор подобных корочек. В его работе часто было необходимо, чтобы никто не мог обнаружить, что он связан с той, кого профессиональные охранники предпочитают называть просто “объектом”. Возможность правдоподобно отрицать свою причастность была для него всем. Он никогда не оставлял письменных доказательств.

Конференция была маленькой и скучной, но когда доктор Смайл поднялся, чтобы произнести свою речь, все притихли в ожидании. Это был Маленький Король, уважаемый меценат, щедро жертвовавший деньги индийской общине и Атланте. Его имя звучало повсюду, оно стало символом благотворительной деятельности индийского землячества Атланты в глазах

всех индийцев Америки и синонимом расовой терпимости. Сегодня доктор Смайл выглядел глубоко озабоченным. Перво-наперво он обвинил средства массовой информации в отсутствии внимания к серьезнейшему кризису.

— Мы все как страна находимся в заложниках у масс-медиа, именно они определяют повестку дня во всем, — сказал он. — Еще десять лет назад вследствие неправильного употребления опиоидов каждый день умирало около ста американцев, однако средства массовой информации с их либеральными ценностями предпочитали обсуждать проблему кормления грудью в общественных местах и необходимость создания туалетов для трансгендеров. Позднее, впав в ажиотаж из-за дыры в озоновом слое, они задвинули на задний план меланому. На смену дырам пришла эбола. Сколько американцев умерло от эболы? Я вам скажу. Два человека. Один и второй. Однако об эболе мы слышали из каждого утюга, двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Плюс к этому СМИ зациклены на телесной красоте, на том, как хорошо выглядеть, поддерживать форму. В них сейчас так много “бодишейминга” — они сами так это называют — в отношении тех, у кого под рубашкой “комок нервов”, а ведь

таких мужчин, как я погляжу, совсем немало в этой комнате, включая и меня самого.

По залу пробежал смешок, и доктор Смайл сделал небольшую паузу.

— Могу вас успокоить, — продолжил он, — в моду входят альтернативные идеологии — “боди-нейтральность”, “приятие жира”, “уважение к телу”. Так что, джентльмены, не спешите садиться на диету.

Зал с облегчением посмеялся, и доктор Смайл продолжил уже серьезно.

— Так вот, в свете всеамериканской любви к своим телам внимание прессы переключилось на фитнес-прогулки и их пропаганду в школах. Тем временем тридцать тысяч человек ежегодно умирает от опиоидов, а со стороны прессы — ноль внимания к этой проблеме.

Присутствующие согласно кивали головами.

— Сенаторы обратили внимание на эту проблему только в 2015 году. Я лично инициировал кампанию в интернете, и за одну только неделю привлек двенадцать тысяч семей. И в этом, как ни печально, некого винить, кроме нас с вами. Нам следует взглянуть в лицо проблеме, вставшей перед нашим сообществом. Налицо кризис, имеет место зависимость, существует огромная

опасность для членов семей, но мы скрываем это. Мы стыдимся их и молчим об этом. Дома, в Индии, такое тоже скрывают. А в результате мы испытываем серьезную нехватку реабилитационных учреждений. Кризис усугубляется. Прозвучит странно, но это так: причина не в том, что выделяется недостаточно средств. В 2013 году в США на эти цели было выделено 8 миллиардов долларов. В 2014-м — 10 миллиардов. Увеличиваются суммы, но растет и проблема. Почему? В ответ я вынужден произнести одно печально известное всем нам слово.

Драматическая пауза.

— Дамы и господа, господин консул-*сахиб,* уважаемые гости, это слово — *коррупция.*

Повод для запланированного вздоха шокированной публики.

— Ответственность за это лежит на крупных фармацевтических компаниях и лоббистах. А также на небольшом количестве — по моим подсчетам, не больше одного процента — коррумпированных врачей. Все это время на рынок поступают новые, более сильные препараты. В этом и заключается проблема. Лично я стараюсь смотреть ей в лицо. Мы все должны так сделать.

Андерсон Тайер, старательно записывавший,

сидя в глубине комнаты рядом с корреспондентом газеты “Раджджхани”, проникся мгновенной симпатией к доктору Смайлу, ведь тот был коротышкой, как он сам. Мы — два жевуна из страны Оз, подумал он. Нам следует держаться вместе. Однако по мере своей речи доктор Смайл поражал Андерсона все больше. Этот парень — не ему чета. Он встал в окружении своих коллег и практически открытым текстом заявил о том, что делает, а потом заставил их поверить в обратное. Каждый уходил с этой встречи в уверенности, что он шериф, а не преступник. Он прикидывался Пэтом Гэрреттом, хотя на самом деле был Билли Кидом. У чувака есть яйца. Скромная андерсоновская философия о том, что маленькое — не большое, явно не для него. У него во рту склизкий ком настоящей большой лжи, и он брызжет ею сквозь свои бесстыжие зубы.

В тот же день Андерсон позвонил доктору Смайлу с одноразового мобильного, от которого собирался избавиться после этой поездки. Он назвался “Сэмом”, как было заранее оговорено, и доктор Смайл тут же отчитал его:

— Прийти на конференцию — глупый поступок, — заявил он. — Там были местные журналисты. Глупо идти туда, где кто-то легко сложит

один и один и получит два.

— Я сожалею об этом, — ответил Андерсон, стараясь, чтобы в его голосе не прозвучало и нотки сожаления. — Я хотел взглянуть на вас, чтобы понимать, с кем я имею дело.

— И к чему вы пришли? — Вопрос доктора прозвучал обиженно и одновременно растерянно.

— Что вы человек, с которым я могу иметь дело.

— Первая поставка будет комплиментом от меня, — доктор Смайл перешел на уверенный деловой тон, — платить за нее не придется. Вы получите небольшой пакет, в который будут вложены инструкции по применению, им нужно следовать неукоснительно.

— Я вас понял.

— Кафе “Рейна дель тако” на Буфордском шоссе. Ровно в десять вечера зайдите в мужской туалет и заберите спрятанный за бачком унитаза пакет.

Ночная такерия не была тихим местом. Освещение было неоновым и кислотным, стены пестрыми (частью розовыми, частью цвета лайма), потолок весь увешан мелкими позвякивающими предметами (пульсирующие красные сердца, огромные желтые сердца, разбитые синие сердца), музыка очень громкой, а звук приделан-

ного к стене огромного телевизора с плоским экраном почти заглушал музыку. Столики были заняты студентами Эмори, Морхауса, Спелмана, которые шумели так, как умеют шуметь только студенты, когда массово собираются в одном месте. Идеальное место, подумал Андерсон, здесь всем есть дело лишь до самих себя и своей еды. Без пяти десять он проверил мужской туалет. На двери висела табличка “Туалет не работает”. Он ушел и вернулся через пять минут. Таблички не было, туалет был свободен, и в оговоренном месте его ждал коричневый бумажный пакет. Он забрал его и сразу же отправился к арендованной “камри”.

На сегодняшний рейс он уже не успеет. Придется переночевать в гостинице рядом *с* аэропортом и лететь в Нью-Йорк утром. Он терпеть не мог Хартсфилд-Джексон из-за его огромных размеров и частых проблем с логистикой. Когда его самолет приземлился здесь в этот раз, один из пассажиров в кепке с символикой бейсбольной команды “Брэйвз” рассказал шутку, которую Андерсон посчитал местной. “Если после смерти тебя отправят в ад, — говорил фанат “Брэйвз”, — будь готов к пересадке в Атланте”.

Какой могла бы быть моя жизнь, думал он. В

Дэвидсонском колледже он изучал русский язык и прослушал специальный курс под названием “Россия и Украина: война и мир”, а также еще один, посвященный вампирам как метафоре русской культуры, а на выпускном курсе с ним связались представители спецслужб сразу двух стран, США и России, и предложили работу. Он с одинаковой вежливостью поблагодарил тех и других за проявленный интерес и отклонил оба предложения. Представитель США пришел еще раз, чтобы сообщить, что, если он когда-нибудь попытается въехать в Россию, с большой долей вероятности его паспорт будет конфискован, и в отношении него могут быть применены и другие меры. Он забросил русский, ушел из университета, не получив диплом, и вместо этого стал скромным (возможно, не таким уж и скромным) личным помощником у звезд. А мог бы быть шпионом, скажи он тогда “да”. Мог бы вести жизнь секретного агента.

О чем ты думаешь, сказал он себе. Вот это твоя жизнь. Ты живешь в ней здесь и сейчас.

На этот раз человек, называвший себя Кишотом, вместе с новым письмом отправил Салме свою фотографию. Весьма неудачное селфи, распечатанное, вне всякого сомнения, в отделении

“ФедЭкса” где-нибудь по пути и отправленное, по всей видимости, из Пенсильвании. Значит, он уже близко. Это немного пугало, но, надо признать, одновременно и *интересовало* Салму. Она совсем не ожидала, что он может быть хорош собой, а он оказался красив, насколько может быть красивым престарелый безумец. Он напомнил ей актера Фрэнка Ланджеллу. Длинное худое лицо с четко очерченными скулами. Седые волосы коротко подстрижены, на щеках трехдневная щетина. Стоит очень прямо, с гордой осанкой. Явно с хорошими манерами, приятной улыбкой и склонностью к меланхолии. Как и его письма, подумала Салма и тут же похолодела. В них тоже есть свой шарм.

Ее начало трясти от внезапно нахлынувших воспоминаний, и она с ужасом, словно встретила призрака, поняла, что кроме мистера Ланджеллы он напоминает ей кое-кого еще, того, о ком она никогда не упоминала, но кто при этом оставался недостающим элементом, объясняющим любой ее выбор, всю ее жизнь. Кишот как две капли воды был похож на ее деда, отца матери, давно забытого и ныне покойного Бабаджана.

— Передайте фото службе безопасности, — велела она сотруднику, который принес ей конверт

с фотографией. — Если этот человек когда-нибудь покажется, пусть сразу вызывают чертову полицию.

По дороге домой водителя искренне встревожило ее состояние.

— Прошу прощения, мисс Дейзи, — сказал он, — но выглядите вы так, словно встретили призрака.

— Сегодня никакой мисс Дейзи, Хоук, — отозвалась она. — Ко всем чертям, я не в том настроении.

Пришло время пролить свет на последнюю и самую сокровенную семейную тайну мисс Салмы Р.

Когда Салме было двенадцать, дед Бабаджан схватил ее за руки и поцеловал в губы. В тот момент она смогла лишь понять, что дедушка хотел поцеловать ее в щеку, но промахнулся, но он повторил попытку, и стало ясно: его язык не ошибался. Она старалась отклониться от настырного языка, но он все равно тянулся к ней. Потом она вырвалась и убежала.

Особняк на пляже Джуху на самом деле состоял из двух строений с обнесенным решеткой садом посредине. Небольшое двухэтажное здание выходило фасадом на улицу, за ним начинался сад с

искусственными прудами и увитыми буген-виллеями шпалерами, в конце которого находился главный трехэтажный особняк, обращенный к морю. Интерьеры обоих зданий обильно украшали полотна Макбула Хусейна, Саеда Разы, Васудео Гайтонде и Кришена Кханны, а сад — старинные скульптуры, изображавшие Шиву, Кришну и Будду. — Как же так получилось, что великие художники, старинные и современные, просто смотрели на это *с* дорогих стен, почему могущественные божества остались недвижимы на залитых солнцем постаментах? Зачем нужен талант, зачем все эти святость и божественность, если они не могут защитить двенадцатилетнюю девочку в ее собственном доме? Позор вам, художники, божества! Сойдите со своих пьедесталов, спуститесь со стен и помогите! — Никто не помог. — Домогательство произошло в выходной, когда Салма шла через сад от главного особняка к двухэтажному зданию, где располагались главные кухни, в надежде чем-нибудь перекусить днем. Наверху в маленьком доме были и личные покои Бабаджана, где он жил своим порядком. В саду его можно было застать только во время молитвы — молился он пять раз в день, как это делают по-настоящему религиозные люди

или те, кому особенно важно вымолить у Бога прощение, — он выносил в сад свой молитвенный коврик, расстилал его на берегу одного из искусственных прудов и опускался на колени, обратив свой взор к Мекке. Не станем таить горькую правду: грешил Бабаджан так же часто, как молился. В тот день, когда Салма направлялась к холодильнику и вокруг не было посторонних глаз, никаких слуг, шоферов или охранников, он появился перед нею из тени дерева, словно демон, схватил за руки, притянул к себе и дважды страстно поцеловал, во второй раз, как мы уже упоминали, с языком. Когда она стала убегать, он пробежал за ней несколько шагов, характерно посмеиваясь — *хи-хи-хи,* — и в его смехе, который она всегда считала выражением стариковского добродушия, звучала угроза. Когда ему надоело за ней гнаться, он просто пожал плечами, презрительно махнул рукой и ушел к себе наверх.

И вот маленькая девочка бежит к матери, заливаясь слезами. До того как она окажется в материнских объятиях, нам следует поведать кое-что еще о жизни в этом большом несчастливом доме. Глядя на эту ситуацию, мы должны понимать, что ни мать Салмы Аниса, ни ее бабка Дина не могли не знать о порочных наклонно-

стях Бабаджана. Если в детстве Аниса тоже была его жертвой, мать раньше дочери, она никому об этом не рассказала, возможно, кроме собственной матери, чьи уста, однако, сковала печать вечного молчания. Как бы то ни было, и Дина, и Аниса не раз увещевали Салму: “Ты не должна оставаться с Бабаджаном наедине. Кто-то, хотя бы няня, всегда должен быть в комнате. Иначе это будет неприлично, сама понимаешь”. Девочка же знала, знала всю свою жизнь, что бабушка с дедушкой не живут вместе, что в особняке на пляже Джуху, как ни жаль, негативная энергетика, которую она изо всех сил старалась не замечать. Она решила, что предостережения родственниц вызваны этой энергетикой, что ей предписывают принять чью-то сторону и дружба с дедушкой будет расценена как предательство по отношению к бабушке. В своем нежном возрасте она не знала, что такое страх, еще не столкнулась с ним в жизни, к тому же обладала той же независимостью, что вела по жизни ее мать и бабушку, и порой нарушала их запреты и составила о дедушке свое собственное мнение, даже, скажем прямо, полюбила его. Несмотря на недовольные лица и увещевания старших женщин семьи, она любила сидеть с ним в саду и слушать восхитительно страшные

сказки о *бхутах* и *джиннах*, существах из огня и дыма, предпочитавших питаться маленькими девочками. Ей нравилось, что он всегда предлагал ей задавать ему вопросы, даже опасные вопросы.

— Бабаджан, — спросила она у него однажды, изумляясь собственной дерзости, — а что будет, если я скажу тебе, что Бога нет?

В ответ он от души расхохотался.

— Кто вложил эту идиотскую идею тебе в голову? — сказал он без тени гнева, с которым, она боялась, мог бы ей ответить. — Тебе должно быть не меньше пятнадцати, только тогда у тебя может появиться такая точка зрения. Тогда и приходи, я тебе отвечу.

Образ доброго, веселого, терпимого деда, человека широких взглядов, стал для нее важным. Она прятала его в собственной голове, потому что знала, мама с бабушкой такого не одобрят, и это был ее важный секрет, она даже думала, что должна попытаться установить мир между старшими родственниками, и по-детски вынашивала грандиозные планы, как это осуществить. Однако ярость, с которой бабушка пресекала любые попытки заговорить о Бабаджане, удерживала ее от воплощения этих планов в жизнь. И вот теперь, в двенадцать лет, убегающая и напуганная, она

поняла эту ярость, поняла все, и ей показалось, что до сих пор она ничего в этой жизни не знала.

Она бежала, а мир вокруг нее рушился, разбивались на куски конструкции любви, доверия и понимания, в которое она верила. Вся история ее семьи, все, что, как она считала, она знает о ней, то, кем и какими они были в этом мире, все это должно быть порвано и написано заново. Лишиться собственной картины мира, почувствовать, как ее позолоченная рамка расползается и крошится, музейное стекло, надежно укрывавшее ее, разлетается вдребезги и неаккуратными кучками падает на землю, а изображенные на холсте разъезжаются, соскальзывают и лопаются; этот опыт можно назвать и иначе — *утратой невинности.* Если такое происходит, когда тебе двенадцать и ты не имеешь никакого психологического инструментария, чтобы справиться, все обстоит еще хуже.

Салма бежала и видела обрывочные видения, ускользающий и меняющий свое местоположение дом, лопнувший над ее головой и опадающий на землю синими снарядами небосвод и утративший свое обманчивое спокойствие, готовый поглотить всю сушу океан впереди. Потом мама обнимала ее, она пыталась рассказать, что случи-

лось, а бабушка, страшная в своей ярости, стояла у них за спиной. Глаза обеих женщин озарились особенным светом, способным прожечь дыру в ткани времени. В комнату вошла няня-ая.

— Останься с ней, — велела Аниса ае и вместе *с* Диной они направились к маленькому дому, словно выдвинувшаяся в поход маленькая армия.

История умалчивает о том, что они говорили Бабаджану, но вся домашняя прислуга и даже некоторые прохожие на улице ощутили подземный толчок, к концу же их разговора все картины в доме висели вкривь и вкось. После этого случая Бабаджана почти никто не видел. Еду ему приносили прямо в комнаты, где он доживал свои дни и читал свои молитвы — надеясь, видимо, на искупление — в полном одиночестве. Когда женщины вышли из его комнат, они выглядели так, словно держат в руках обнаженные мечи, обагренные кровью убитой жертвы, которую они не собирались смывать, чтобы все могли видеть, что они сделали.

Вернувшись туда, где оставили Салму *с* аей, они увидели, что двенадцатилетняя девочка больше не плачет; она была одна.

— Вы обе знали, — сказала она им, — вы всегда

это знали.

“Мы скрываем это, — говорил доктор Р. К. Смайл, выступая в Атланте, — существует огромная опасность для членов семей, но мы скрываем это. Мы стыдимся их и молчим об этом ”.

Очень редко у одолевающих нас заболеваний можно отыскать одну-единственную причину, а потому будет слишком большим упрощением считать, что психическое расстройство Дины Р., запои и депрессии Анисы Р., а также самоубийства обеих женщин являются следствием подавленного стыда, вызванного страстью Бабаджана к маленьким девочкам. Много ли им было известно? Много ли у него было жертв? Как далеко заходил он в своем пороке? Мы не можем знать этого наверняка. Звездные судьбы и журналисты стоят за молчанием слишком многих языков и искажением слишком многих истин. Сколько такой грязной работы выполнили — по своей воле или по принуждению — эти женщины, насколько остро ощущали они вину за то, что, подчищая за ним, становятся соучастницами его преступлений? Не эта ли история подвела мисс Салму Р. к решению отказаться от успешной карьеры в Болливуде и искать счастья на другом

краю света? Не в этом ли корень всех ее последующих злоключений и зависимостей? Правильный ответ — возможно. Человеческая биохимия, равно как и психика, подвержена определенным аберрациям, и это тоже, без сомнения, сыграло роль в этой истории.

— После этого я надолго сделалась пай-девочкой. Мисс Гуди-Два-Ботинка, вот кем я была. Я прятала свои чувства, много трудилась, держалась прямо, никогда не капризничала, слушалась учителей, как собачка. Ведь если я буду достаточно вежливой, воспитанной, буду отлично выполнять домашние задания и во всем слушаться старших, хорошо себя вести, тогда, возможно, мой мир больше никогда не взорвется, как в тот день. А потом умерла мама, и я подумала: хватит. Но одно запомнила очень хорошо: в тот день я узнала, что в нашем мире нельзя быть в безопасности. Дед преподал мне этот урок. И его важно выучить.

Вернувшийся из Атланты Андерсон Тайер не перебивал Салму, пока она все это ему рассказывала. Она сняла копию с полученной от Кишота фотографии и закрепила на дверце своего холодильника.

— Сейчас, когда у меня было время его рас-

смотреть, — сказала Салма, — он уже не кажется мне похожим на дедушку. У него на самом деле приятная улыбка. А Бабаджан только зло подхихикивал, *хи-хи-хи.*

— Пожалуйста, будь осторожна, — попросил ее Андерсон, — я тебя знаю. Знаю, что ты думаешь. Что все материал, да? И ты хочешь пригласить этого придурка к себе на программу.

— Нисколько не хочу.

Андерсон взглянул на нее.

— Ладно. Возможно, хочу. Но понимаю, что это глупо. Он, конечно, законченный псих. А психи делают отличные шоу.

— Это маньяк. Ты не можешь пригласить на телевидение маньяка, который охотится за тобой.

— Да уж, облом.

— Ты передала его фотографию полиции?

— Пока нет.

— Тебе надо это сделать. Мн^надо это сделать. Я это устрою.

— Ты правда уверен, что так надо?

— Полностью. Ты ничего не знаешь об этом человеке.

— Ну ладно, отправляй фотографию. Но он может оказаться милым безобидным фанатом.

Андерсон вытащил из холодильника бутылку

белого вина.

— Эй, — спросил он, — кто это с ним на фото? Парень, который изо всех сил старается показать, как он крут?

— Не знаю, — ответила Салма, — Но с ним явно что-то не так, видишь? Он какой-то ненастоящий.

— Что значит ненастоящий?

— Он похож на CG-человека, человека, сгенерированного компьютером. Знаешь, CGI-скрипты позволяют точно передавать даже выражения лиц, как живые. Как-то так.

— Да, — убежденно поддержал ее Андерсон Тайер, — у него пиксаровская улыбка.

Они подняли бокалы.

— Я рад, что вернулся, — признался он.

— А я ждала тебя. Ты мне что-нибудь привез?

— Это опасно, — ответил он.

— Знаю, что опасно. Все интересное опасно.

— Нет, это опасно по-настоящему. Ты можешь умереть. Надо быть очень осторожной.

— Я буду осторожной. Давай уже.

— Там есть инструкции.

— Ты же знаешь, я им уже не следую.

— Этим надо. Хорошо? Я серьезно. Ладно?

— Ладно.

— Еще момент. Когда ты будешь готова, если решишь сотрудничать с ними на постоянной основе, он захочет познакомиться с тобой. Поставщик. Доктор Смайл. Он любит лично встречаться с вип-клиентами, хотя бы раз. Что-то из разряда подрочить на звезду, наверное. После этого он назначит постоянную шестерку, кому можно доверить передачу, и вы договоритесь о поставках. Довольно профессиональный подход.

— А какой он сам?

— Что мне тебе сказать? Жулик. Ну или, как говорил Майкл Корлеоне, прежде всего и в первую очередь он бизнесмен.

— Спасибо! — Салма взяла Андерсона за руку. — Ты на самом деле столько для меня делаешь! Просто все. Может, потерплю тебя еще немного.

$C_{22}H_{28}N_2O$. Китаянка, Белый китаец, Аппачи, Танцевальная лихорадка, Хороший парень, Убийца 8, ТНТ, Джекпот. У этого наркотика много имен. Фентанил, правитель страны опиатов, царь горы, вершина вершин. Наркотик номер один. Доктор Смайл был щедрым человеком. Его бесплатный пакет для новых клиентов включал в себя шесть упаковок, содержащих различное количество опиоидов-леденцов марки ACTIQ, производителем которых он даже не являлся — два, четыре,

шесть, восемь, двенадцать и шестнадцать микрограммов в одной штуке. Была там и маленькая подарочная коробочка с гвоздем программы — дозатором сублингвального спрея *InSmile*™ производства SPI. Листок с инструкциями по применению гласил, что “строго рекомендована” так называемая “акклиматизация”. Следовало начинать с малых доз и идти по нарастающей. Для людей, ранее не употреблявших опиоиды, даже один леденец с самым малым их содержанием может представлять опасность для жизни и привести в том числе к возникновению *паралича дыхательных мышц* — состояния, когда человеку кажется, что он не может дышать. Помимо прочего, как известно любому ребенку, неконтролируемое употребление леденцов приводит к изъязвлению носоглотки и выпадению зубов. Данные леденцы вызывают привыкание. Запрещается употреблять их в количестве, превышающем сто двадцать штук в месяц. Приятного времяпрепровождения!

После ухода Андерсона Тайера (место в ее постели на сегодня было занято, милый, ее ждала встреча с гораздо более изобретательным любовником) Салма начала тщательно готовиться к знакомству с фруктовыми леденцами, слов-

но в эту ночь ее будуар должен был посетить сам Казанова. Она приняла ванну, побрилась, где положено, подушилась и намазалась лосьоном, чтобы не быть излишне бледной, часть волос заплела в косу, а часть оставила свободно спускаться по плечам. Потом легла в постель — *“Мерцало платье белизной,/Как хлопья снега под луной,/Она плыла во тьме ночной”* [9] [], — взяла в руки леденец, положила в рот и попыталась вспомнить, чьими словами неожиданно зазвучал он в ее голове: *“Беда! Проклятье ждет меня!”/Воскликнула Шалот.* Готовилась ли она в тот момент к смерти? Хотела ли, поддавшись семейному проклятию, пройти дорогой мамы и бабушки к добровольному концу? Нет, сказала она себе твердо, вероятнее всего, нет. Она справится. Она уж никак не была человеком, ранее не употреблявшим и далее по тексту. Но она будет делать все медленно. Начнет от подножия этой уходящей в небеса лестницы.

Тысяча шестьсот микрограмм фентанила — то же самое, что сто шестьдесят миллиграмм морфина. Это мощный приход, а сублингвальный спрей сделает его еще круче. Стоит начать с двух-

---

[9] Примечания: 9
Альфред Теннисон “Волшебница Шалот”. Перевод К. Бальмонта.

сот микрограмм. Иди шагом до тех пор, пока не сможешь не перейти на бег, потом беги, и только потом взлетай.

В наши дни химия остается единственным способом испытать радость. Сначала нужно отключить себя от Всеобщей связанности, а затем, когда окружающий мир скроется во мраке, положить в рот кусочек эйфории и рассосать ее. Это единственный любовник, который никогда не разочарует, друг, который не бросит, партнер, который не предаст, правительство, которое не обманет. Только это последовательно, надежно, честно и всегда оправдывает ожидания. Сонная, неспешная радость. Вот и она. Отключи голову, расслабься и плыви по течению.

Смерть эго.

Самадхи.

Высшее блаженство.

В письме Кишота, которое пришло вместе с фотографией, с некоторой долей тревоги говорилось о конце света. Салма магнитом прикрепила копию письма к холодильнику. Как и прочие послания от скрывающегося за псевдонимом автора, оно было написано каллиграфическим почерком, но содержало довольно экстравагантные для обладателя столь твердой руки идеи.

Моя дорогая мисс Салма,

В истории, которую я читал еще мальчиком, а Вы — удивительное совпадение! — можете прямо сейчас посмотреть на "Amazon Prime", один тибетский монастырь приобретает самый мощный в мире суперкомпьютер, поскольку видит свою цель в перечислении всех девяти миллиардов имен Бога, а компьютер может помочь быстро и точно справиться с этой задачей. И тут оказывается, что перечисление всех имен Бога — не только цель и подвиг этого монастыря. Это также цель существования нашей Вселенной, а потому, как только компьютер закончил свою работу, звезды, медленно и бесшумно, стали исчезать с небосвода. Мои чувства к Вам сродни этому, я уверен, что главная цель существования Вселенной на данном этапе — подготовка момента, когда мы с Вами сольемся в вечном блаженстве, и как только мы осуществим это, космос достигнет своей цели, а потому тихо прекратит свое существование, мы же с Вами, неподвластные всеобщему разрушению, вместе перейдем туда, где нет больше Времени.

До того как оставить ее на ночь одну, Андерсон Тайер признался, что это письмо заставляет его нервничать. Гибель космоса. Всеобщее разруше-

ние. Мы, *неподвластные* всеобщему разрушению. Эти слова должны бы напугать Сал му. Такими словами не бросаются в шутку. Легкомысленное отношение Салмы здесь явно неуместно.

— Нет, посмотри сюда, — успокоила его Салма, — в эту минуту он ищет вдохновения на свалке древней научной фантастики, а уже через миг возвращается к мистическому странствию своей души. Дочитай до конца.

Я уже писал Вам, моя милая, что к настоящему моменту во имя Любви отрекся от веры, неверия, догм и причин. Теперь же мне удалось постичь и тщету всех земных знаний.

— Очень ценное знание, — потешалась Салма, — если не принимать во внимание его тщету, да? Смотри, теперь он старается отказаться от желаний и привязанностей. Знаешь, что случится, когда ему это удастся?! Реальность перестанет существовать! Он пребывает сейчас в континууме постреальности, который, по всей видимости, и должен тихо прекратить свое существование после того, как мы *с* ним полюбим друг друга. Это же прямо комедия положений! По-моему, это так мило. Посмотри, как он подписывается. Просто гость из восемнадцатого века.

За сим, моя прекрасная дама, остаюсь навеки Вашим верным слугой, Кишот.

— И вообще, — продолжила она, — конец света становится нынче модной темой. Помнишь, скоро у нас в программе будет Ивел Сент из “Корпорации Сента”. Он тоже тронулся на конце света.

— По-моему, это еще одна причина обратиться в полицию, — заявил Андерсон. — Пусть разошлют у себя его фото. Я не хочу, чтобы он подходил к тебе ближе, чем не милю.

— Я не выношу, когда ты пытаешься мною руководить и оберегать от всего, — взорвалась Салма. — Так и хочется тебе напомнить, что выработаешь *на меня.*

Итак, их приятная встреча завершилась расставанием на менее приятной ноте. Он давно уже привык к ее внезапным приступам гнева. Знал, что они у нее не длятся долго и что благодарность, которая переполняла ее несколько минут назад, была тем, что Салма чувствует по-настоящему. Знал, что завтра все будет как обычно. Иногда он чувствовал себя родителем гениального ранимого ребенка. Он был большим, а она — маленькой. Знал он и то, что со стороны его отношение к ней можно было принять за снисходительность, и

оно раздражало ее больше, чем что-либо другое, поэтому он изо всех сил старался не проявлять его внешне.

— Увидимся утром, — сказал он ей.

И вот теперь, прямо в постели качаясь на волнах сонной эйфории, то погружаясь в нее, то снова выныривая, Салма представляла, что он, Кишот, находится рядом с ней, вокруг рушится космос, а они бок о бок летят за грань, туда, где нет больше Времени, где прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно — наверное, в таком времени существует и видит все Бог, — и они тоже будут видеть все, словно боги, бессмертные и свободные. Она смотрит на Кишота и видит лицо деда. Это не пугает и не расстраивает ее, она не испытывает ни горечи, ни отвращения. Она просто наблюдает, как лицо старика обращается в тлен, становится светом. В тот момент, во власти химического счастья ей казалось, что простить его совсем просто, даже вполне естественно.

Неужели Кишот улучшает себя для того, чтобы, очистившимся, отдать себя в ее руки? Неужели он тот, кто сможет залечить ее раны?

Слишком серьезные вопросы, чтобы отвечать на них под воздействием “белого китайца”. Наслаждение переполняло ее. Она нырнула в

водоворот слепящего света.

Когда она прошла весь путь по леденцовой лестнице и наступило время открыть подарочную коробочку, таившую в себе гордость и радость компании SPI, мисс Салма Р. поняла, что *InSmile*™ — это как пересесть на “роллс-ройс”, всю жизнь проездив на “ниссан кашкае”. Как изображение в цвете после черно-белого, как Мэрилин Монро после Джейн Мэнсфилд, гетеры после шлюх, Сервантес после Фернандеса де Авельянеды, Хэмметт после Спиллена. Это как первый взрослый поцелуй или первый настоящий оргазм, как у Мег Райан, когда она сидит в “Деликатесах Каца” в “Когда Гарри встретил Салли”. Всего-то и надо — один пшик под язык. Быстрота наступления эффекта, сила воздействия и высочайшее качество. Да, Андерсон определенно прав, это по-настоящему опасно. В какой-то момент она почувствовала, что находится за пределами тела, поднимается вверх, смотрит на себя со стороны и может решать, вернуться или нет. Крайне опасная прогулка верхом, надо быть настоящим жокеем, чтобы объездить эту лошадь. К счастью, Салма была опытным наездником и смогла продержаться в седле целую ночь. Это родео было не первым в ее жизни, но это было

родео олимпийского уровня, и выступать на нем могли только самые лучшие атлеты.

— Беру, — сообщила она Андерсону Тайеру. — Как сделать мою встречу с поставщиком наиболее безопасной, чтобы он мог назначить постоянного курьера?

— Это нетрудно, — ответил он. — Пригласим их с женой на съемки нашего шоу.

Доктор Смайл был счастлив, что ему выдался шанс осчастливить свою супругу со счастливым именем Хэппи. Она столько сделала, уж точно заслужила выходные в большом городе. Осенью Нью-Йорк особенно красив. А возможность познакомиться с ведущей шоу “Салма”? Хэппи обожает эту передачу. Когда доктор Смайл сообщил жене, что собирается отвезти ее в Нью-Йорк, чтобы она немного развеялась, и рассказал, чем именно они будут заниматься, то увидел на ее глазах слезы, затем она вскочила на ноги и запрыгала по комнате.

— Помнишь, что я тебе говорила? — кричала она. — Вот мы и выбились в самое высшее общество!

— Хотел с тобой посоветоваться, — спросил жену доктор Смайл. — Ты ведь знаешь, что наш родственник, Исмаил Смайл — очень пылкий

поклонник мисс Салмы?

— Ты же вроде его уволил, нет?

— Думаю, я смогу его отыскать. Может, возьмем его с собой, чтобы он смог познакомиться со своей дамой сердца? Хорошая мысль?

— Ужасная, — миссис Смайл подошла к мужу со сложенными для поцелуя губами. — Эта поездка должна быть только для нас с тобой, никаких *пагаль,* сумасшедших кузенов.

Глава двенадцатая
Череда абсурдных Событий во время короткой Остановки в Нью-Джерси

Повинуясь внезапному импульсу, Кишот съехал с шоссе на одном из последних поворотов перед въездом в тоннель.

— Не дело являться в великий город усталыми и в дорожной пыли, — сказал он Санчо, — переночуем здесь. Не расстраивайся. Судьба подождет нас до завтра.

Когда они ехали по плохо освещенной выездной дороге, внезапно из ниоткуда появилось что-то вроде облака густого тумана, и они чудом избежали аварии. Облако исчезло так же быстро, как появилось, и они увидели указатель, сообщавший, что они въезжают в город Беренгер, штат Нью-Джерси (население 12554 чел.).

— Тридцать лет назад в Нью-Джерси орудовали

банды, которые держали в страхе всех темнокожих, — сообщил Кишот. — Будем надеяться, сейчас все по-другому, хотя бы в этом городишке.

Они зарулили на парковку придорожного мотеля “Ионеско” на Элм-стрит, удивляясь тому, что в городе не видно ни машин, ни пешеходов. Выйдя из машины, они услышали громкий трубный звук, доносившийся, похоже, с одной из соседних улиц.

— Что это такое? — спросил Санчо.

Кишот пожал плечами.

— Наверняка местные занимаются какой-нибудь самодеятельностью, музыкой там или театром, — сказал он. — Давай лучше думать о своих делах. Это всегда правильнее всего.

За стойкой регистрации в мотеле их приветствовал весьма привлекательный мужчина с редеющей седой шевелюрой и умным лицом грустного комика, говоривший по-английски с заметным восточноевропейским акцентом. Казалось, появление постояльцев изумило его.

— Прошу прощения, но не могу не спросить вас: вы въехали в город без каких-либо сложностей? — спросил он. Весьма неожиданная манера приветствовать гостей.

— Без всяких сложностей, — заверил его Ки-

шот. — Мы свернули с трассы, следовали указателям, и вот мы здесь. А что, нам следовало чего-то опасаться?

— Да нет, ну что вы, — заверил его человек, который, похоже, был хозяином мотеля. Он немного тряхнул головой и неопределенно взмахнул рукой.

— Позвольте мне предложить вам удобный вариант проживания.

Пока Кишот заполнял регистрационную форму на двухместный номер с двумя кроватями, мужчина объяснил:

— Я здесь хозяин. Видите ли, сегодня мне несколько не хватает персонала.

Однако Санчо отчетливо слышал, что он пробормотал себе под нос:

— Они до сих пор не построили баррикады? Невероятно.

Юноша не мог промолчать.

— Мистер Джонс, — начал он.

Хозяин замотал головой.

— Моя фамилия Ионеско, — поправил он Санчо, особо упирая на ударный “э” и указывая на висящую на стене лицензию с фамилией владельца.

Да пожалуйста, подумал Санчо, зовитесь вы как хотите. Вслух же он спросил:

— Сэр, я слышал, вы что-то говорили о баррикадах?

Владелец мотеля “Ионеско” энергично замотал головой:

— Вам послышалось. Я сказал, что мы до сих пор не открыли *бар.* Мой бариста Фрэнк сегодня не вышел на работу.

Ничего подобного, подумал Санчо, но промолчал.

Хозяин мотеля начал вести себя еще более странно.

— Моя просьба может показаться забавной, но я очень прошу вас, джентльмены, позволить мне осмотреть ваши уши до того, как я выдам вам ключи.

— Уши? — уточнил Кишот в явном замешательстве. — С одной стороны, почему бы нет, у нас нормальные, даже, возможно, заурядные уши, с другой, это чрезвычайно странная просьба.

— Я искренне прошу меня простить, — залебезил мистер Ионеско. — Видите ли, в последнее время я изучаю физиогномику. Но все в порядке, все в порядке. Сейчас я вижу, что у вас обоих замечательные, совершенно человеческие уши.

— Вы сказали *совершенно человеческие’?* — уточнил Санчо.

— Разумеется, нет, — ответил хозяин мотеля. — Я сказал *совершенно нормальные.* В высшей степени нормальные уши. И носы ваши тоже естественно смотрятся на лицах.

— Теперь вы докопались до наших носов, — взорвался Санчо. — Может, нам лучше поискать другой мотель?

— Мне жаль, но вы едва ли найдете во всем городе много работающих мотелей, — сообщил хозяин. — Очень многие убежали из города. Я хотел сказать, *уехали,* — поправил он себя, — разумеется, *уехали,* я именно так хотел сказать, странно, если получилось как-то иначе. Население города, к несчастью, сильно сократилось. Раньше у нас останавливался паром на Манхэттен, но сейчас порт закрылся, и многим из-за этого пришлось уехать. С момента последней переписи в 2000 году население сократилось уже на семь процентов, а тогда насчитали 13501 человека. Могу я попросить вас, это будет самая последняя проверка, открыть рты, чтобы я мог взглянуть на ваши зубы.

Это было слишком даже для такого человека, как Кишот.

— Мы решительно не готовы выполнить вашу просьбу, — сказал он, поднимаясь. — Так что

немедленно выдайте нам ключи, милейший, и давайте покончим с этим.

— Конечно-конечно, приношу свои извинения, — ответил Ионеско, выполняя требования Кишота. — Я уверен, что в последнее время вы не замечали никаких метаморфоз с зубами. Они у вас не росли?

— Что за вопрос, не росли ли у нас зубы? — Санчо был вне себя. — Вы что, подменяли баристу и нажрались?

— Я не мог сказать "росли", — ответил Ионеско. — Я спросил, не *болели* ли у вас зубы. Вполне невинный вежливый вопрос. К примеру, в нашем роду все страдают наследственными зубными болями.

— Вы не сказали ничего похожего на *"болели"*. Вы совершенно точно сказали *"росли,* — стоял на своем Санчо.

— Довольно, Санчо, не сейчас, — пытался закончить разговор Кишот. — Идем скорее в номер. Мне нужно поспать.

В этот самый момент вновь раздался громкий трубный звук; на этот раз трубивших было несколько, и они находились где-то совсем близко.

— А это что еще за дикий шум? — спросил

Санчо.

Хозяин мотеля улыбнулся в ответ, но Санчо показалось, что улыбкой он пытался замаскировать нервный смех, даже страх.

— Горнисты, — пояснил он. — В нашем городе очень много заядлых горнистов, и они любят репетировать в дневное время.

— Что ж, — заметил Кишот, — лично мне они не кажутся великими виртуозами. Это страшная какофония, я очень надеюсь, что они не репетируют по ночам.

По дороге в Беренгер Санчо заметил, что по мере приближения к Нью-Йорку, в котором, как он считал, его странствие должно прийти к великому и счастливому завершению, прожитые годы опадали с Кишота, а его грудь снова наполнялась весельем и жаждой жизни. Он постоянно пребывал в благостном расположении духа, был неизменно весел, с радостью вступал с Санчо в жаркие споры о музыке, политике и искусстве и выглядел значительно моложе во всем, разве что колени болели и он продолжал прихрамывать на правую ногу. В его почтенном возрасте его, казалось, вообще не волновали вопросы о смерти, когда она может прийти и что бывает или не бывает после великого конца.

— Как-то я видел по телевизору, — делился он с Санчо, — как один известный режиссер давал интервью восторженной корреспондентке, которая спросила его, счастлив ли он, что после смерти продолжит жить в своих кинематографических шедеврах. “Нисколько, — ответил режиссер, — я бы предпочел продолжать жить в собственной квартире”. У меня похожий план. Если придется выбирать между неизбежно скучной смертью и бессмертием, я предпочту жить вечно.

Он также начал рассказывать Санчо истории из своей юности, в которых у него было много друзей, он путешествовал по миру и нравился многим женщинам.

— Ах, девчонки, какие девчонки! — орал он, непристойно ухмыляясь. — Наше поколение считало частый беспорядочный секс проявлением свободы, и я, как и все мои ровесники-мужчины, верил в эту свободу всем своим жадным сердцем!

Наконец-то он начал говорить с Санчо о прошлом. “Девчонки” из его рассказов в голове у Санчо сливались в серую массу. Он заметил, что между всеми этими историями есть нечто общее. Почти всегда девушки быстро бросали Кишота, и их почти всегда звали самыми распространенны-

ми на Западе ничего не говорящими именами; Кишот никогда не упоминал, в каком городе произошла их встреча, на каком языке они говорили и каких религиозных взглядов придерживались — ничего такого, что делало бы их живыми. Создавалось впечатление, что он и сам знал их не очень хорошо. Было похоже, что он… Внезапно Санчо понял: все эти предшественницы мисс Салмы Р. были в его жизни такими же тенями, как и она, женщинами, с которыми он не был знаком, но полюбил на расстоянии. Возможно, это были и настоящие женщины, и те, чьи фотографии он видел в журналах. Возможно, он всех их выдумал. Возможно, все они — героини телевизионных передач.

Или он следил за всеми этими женщинами, или домогался их?

Или что похуже?

Что он за человек на самом деле?

Только об одной женщине Кишот рассказывал в совершенно ином ключе. Она жила в Нью-Йорке, и он с нежностью именовал ее “Женщина-Трамплин”. Она не была его бывшей пассией, а, похоже, существовала на самом деле, и Кишот совершенно не был уверен, что она будет рада видеть его снова. — Мы непременно заглянем к

ней, — уверял он Санчо. — Если она согласится нас принять, поверь мне, это станет большой удачей для нас обоих.

Он никогда не называл ее имени и не рассказывал о ее жизни. Но было ясно, что эта женщина по-настоящему важна для него. Возможно, если они встретятся, кое-что из того, что сейчас окружено в жизни Кишота мистическим ореолом, станет понятным.

Санчо начал думать, что на самом деле Кишот был девственником, как и он сам. Порой ему приходила в голову и вовсе дикая мысль: если Кишот сумел вот так создать его, не значит ли это, что есть еще кто-то, кто в свое время создал и самого Кишота.

На следующее утро, пока Кишот спал, Санчо отправился бродить по улицам Беренгера в надежде разжиться чашкой кофе. В “Старбаксе” он столкнулся с парой людей, которые показались ему приятелями, ссорящимися из-за того, что один из них напился, хотя они собирались обсудить что-то важное.

— Вопрос в том, — говорил трезвый, — будет ли так теперь всегда или это какое-то временное отклонение. Мы должны разобраться в этом прежде, чем что-то покупать.

— Да это ж чертовы монстры, — спорил пьяный. — Такие вообще не должны жить. Ежу ясно, никто у них ничего покупать не станет.

— Господи, да никто не говорит, что мы обязаны *у них* что-то покупать. Вопрос в том, сможем ли мы вообще жить в таких условиях.

— То есть ты хочешь знать, насколько хороши будут здешние школы? И удобно ли будет до работы добираться? — не унимался пьяный. — Я говорю тебе, что это чертовы монстры, а ты переживаешь, не вырастет ли уровень преступности?!

Девушка за стойкой кафе внезапно подскочила, в буквальном смысле подпрыгнула вверх.

— Вы это видите? — вопила она.

Предметы на стойке тоже начали подпрыгивать.

— Небольшое землетрясение, — трезвый друг явно старался сохранять спокойствие.

— Никакое это не землетрясение, — заявил пьяный.

Санчо подбежал к двери и выглянул на улицу. Он увидел, что мистер Ионеско вышел из своего мотеля через дорогу от кафе и смотрит в том же направлении, что и он. Вскоре с диким грохотом из-за угла показался огромный мастодонт, *М.*

americanum, живой и во плоти, хотя последних представителей этого вида видели в Северной Америке не менее десяти тысяч лет назад. Он энергично двигался по дороге, круша припаркованные машины и витрины магазинов. От ужаса Санчо замер на месте, не в силах шелохнуться.

— Господь Всемогущий! — завопил мистер Ионеско. — Фрэнки, это ты?

— С тех пор как я приехал сюда из Румынии, спасаясь от коммунизма, среди жителей Беренгера еще не бывало подобного раскола, — рассказывал мистер Ионеско.

Они втроем сидели в баре его мотеля и занимались тем, что им было сейчас больше всего нужно: распивали крепкие напитки. Ионеско пил водку, Кишот и Санчо — виски.

— Не представляю, чем все это может закончиться, — продолжал владелец мотеля. — Кто будет застилать постели и пылесосить номера? В происходящем нет никакой логики. Совершенно нормальные люди, абсолютно нормальные — мои соседи, сотрудники отеля, одноклассники моих детей — за ночь перерождаются в мастодонтов! Просто так, на ровном месте! Предугадать, кто будет следующим, невозможно. Теперь вы понимаете, почему я хотел осмотреть ваши уши,

носы и зубы? Искал, как я это называю, признаки мастодонтизма, хотя медициной и не доказано, что есть такое заболевание.

— А до появления мастодонтов люди жили в вашем городе счастливо? — поинтересовался Кишот.

Ионеско пожал плечами.

— Счастливо или нет, кто знает. Но они выглядели нормальными людьми. А теперь оказалось, что многие из них были мастодонтами в человеческой, так сказать, шкуре.

— Насколько многие? — поинтересовался Санчо.

Ионеско беспомощно взмахнул руками:

— Трудно сказать. После перерождения они в основном держатся вместе, у реки, мы туда больше не ходим, хотя раньше там рука об руку гуляли влюбленные, и люди приходили закусить хот-догом с содовой и полюбоваться закатом над водой. Иногда кто-то из них вламывается в город, как сейчас Фрэнки, — хотят посмотреть на свои старые дома, может, хотят, чтобы все вернулось, как было, а может, ненавидят свои прежние жилища за то, что они их больше не принимают, и хотят разрушить здесь все до последнего камня. В центре люди буквально сходят

с ума от страха, все ищут друг у друга первые признаки перерождения, когда уши и зубы увеличиваются и появляются клыки. Как только ты превращаешься в мастодонта, не можешь здраво мыслить. Мастодонты отказываются признавать, что превратились в жутких сюрреалистических мутантов, проявляют злобу и агрессию, запрещают своим детям ходить в школы, отказываются признавать, что образование необходимо. Лично я считаю, что многие из них по-прежнему способны изъясняться на английском, но вместо этого они предпочитают реветь, как чертов горн. Когда это только начиналось, пара монстров пыталась убедить нас, что они — истинные американцы, в то время как мы — динозавры, которым давным-давно следовало полностью вымереть. Но потом они перестали с нами разговаривать, только ревут, как сломанный горн.

— Я слышал, как играют на горне, — сухо заметил Кишот. — Уверяю вас, он звучит несколько иначе, чем вы полагаете.

Ионеско и бровью не повел.

— Для меня слова *горн* и *мастодонт* неотделимы, — только и сказал он. — Больше тут и сказать-то нечего.

— Когда мы заселялись, — спросил его Санчо, —

вы сначала сказали что-то насчет баррикад, а потом притворились, что такого не было.

— Здесь планируют сделать карантинную зону, — объяснил Ионеско. — Из-за мастодонтизма. Чтобы не позволить Соединенным Штатам Америки стать страной мастодонтов. Во всяком случае нам это обещали — на местном радио, из грузовиков городских властей через мегафоны, на сайтах официальных учреждений. Но вы здесь, а это значит, что никакие баррикады не были построены. И мастодонты, возможно, уже в тоннеле Линкольна, и теперь слишком поздно, уже все потеряно.

— Не все изменения обратимы, — начал рассуждать Кишот. — В какой-то момент наступает, если угодно, точка невозврата, пройдя которую нам придется признать, что мастодонты — такие же граждане, как мы сами, и начать строить с ними отношения, как бы враждебно они ни были к нам настроены, какими бы незаинтересованными и предвзятыми ни оказались. Хотя мы давно и много путешествуем, но ни разу нигде не слышали о подобных существах, а это значит, что, скорее всего, это проблема Беренгера, местного микрокосма, и если так, все под контролем, и Америка по-прежнему останется страной, кото-

рой была всегда.

— Но нам-то что делать? — Ионеско чуть не плакал. — Мой бизнес уничтожен, как и почти все в этом городе.

Не выпуская стакана с виски, Кишот поднялся на ноги. Его слегка покачивало.

— Теперь я вижу, что мы почти прошли четвертую долину, — патетически заявил он. — Ведь то, что мы считали своей реальностью, полностью перестало существовать, и теперь нашему взору открываются мрачные откровения о том, как все может обстоять на самом деле. Эти картины явлены нам, как я понимаю, поскольку они — важный этап Пути. Скинув пелену реальности, я, возможно, окажусь в том месте, где мне откроется дорога к моей Возлюбленной.

— Что он такое говорит? — уточнил Ионеско у Санчо. — Какую пелену? Мы здесь и так имеем дело с жутким массовым безумием, нам только его умопомешательства не хватало.

— Он всегда так изъясняется, — миролюбиво пояснил Санчо. — Не обращайте внимания.

— Пелена именуется словом *майя,* — продолжал Кишот. — Это сеть иллюзий, которая мешает нам видеть мир ясно. На самом деле то, что мы прежде ошибочно считали реальностью, всего

лишь ошибка восприятия, обман зрения, вынужденного видеть мир через сеть майи. Но теперь, когда пелена майи спала с наших глаз, мы видим и чувствуем мир таким, каков он есть.

— То есть истинная реальность — это мастодонты? — уточнил Ионеско.

— Истинная реальность — это все, что нам предстоит преодолеть ради воссоединения с Возлюбленной, — пояснил Кишот.

Следующая ночь — по крайней мере для Санчо — прошла почти без сна, Кишот же спал крепко и безмятежно, даже похрапывал; утром юноша поднялся ни свет ни заря и тщательно, словно солдат перед дальним походом, оделся и собрался. Ионеско поджидал их в простенькой столовой мотеля.

— Ал фи, мой повар, сегодня не вышел на работу. Боюсь, он пополнил ряды ребят с хоботами. Вам придется довольствоваться яйцами, которые я приготовил лично.

Кишот завтракал с энтузиазмом, Санчо — без.

— А есть ли в Беренгере своя газета? — поинтересовался Кишот у мистера Ионеско. — Какие-нибудь “Беренгерские известия”, “Обозрение Беренгера”, “Беренгер и мир”, “Берен-герская правда” или “Смена Беренгера”? И пишут ли в

ней что-нибудь о мастодонтах?

— Есть “Беренгерская газета”, — сообщил Ионеско. — Но ее печатная версия уже несколько лет как приказала долго жить. И я не уверен, что в последнее время кто-то обновлял ее электронную версию. Скорее всего, редактор столкнулась с такой же нехваткой персонала, как и я. Их офис тут рядом, чуть дальше по улице.

— Тогда, — Кишот внезапно вскочил на ноги и, угрожающе тыча указательным пальцем в небо, прокричал, — редакция газеты должна стать местом, где начнется сопротивление.

Перед зданием, в котором располагалась — точнее сказать, занимала пару комнат на втором этаже над лавкой мороженого, — редакция “Газеты”, уже собралась небольшая толпа; протестующие лакомились мороженым, похожие на сборище старых друзей, которые внезапно перестали доверять друг другу.

— Это противоречит любым нормам! — кричал мужчина в галстуке-бабочке с портфелем в руках. — Эти мастодонты носятся повсюду, как бешеные кони, и топчут все, что для нас свято, и среди них, Ионеско, твой бариста Фрэнки, поэтому мы считаем, что ты должен нести ответственность за весь ущерб, что он причинил.

Женщина в платье в цветочек, которая, по всей вероятности, приходилась Фрэнки матерью закричала в ответ:

— Это все потому, что люди вроде вас всегда свысока общались с моим Фрэнки, вот он и сломался. По-вашему, можно годами шпынять человека без всяких последствий? Это вы посеяли ветер, а теперь мы все пожинаем бурю!

Страсти накалились, толпа увеличилась, и все присутствующие поделились на два лагеря — противников мастодонтов, как мистер Галстук-бабочка, и сочувствующих мастодонтам, как миссис Платье-в-цветочек, несколько человек даже заняли откровенно промастодонтскую позицию.

— Система погрязла в коррупции, — кричал парень на велосипеде. — Если мы не можем этого изменить, значит, должны уничтожить. Грядет революция мастодонтов, и каждый из нас перед лицом истории должен честно выбрать, на чью сторону встать!

— Кто-нибудь встречал мастодонтов в зеленых костюмах? — вопрошал мужчина в коричневом костюме. — Говорят, они ходят на задних лапах, как люди. Я лично их не видел, но из надежных источников знаю, что они существуют. Я считаю,

что это умеренные мастодонты, которые хотят жить среди людей, и нам нужно вступить с ними в переговоры, обсудить условия. Так кто-нибудь встречал таких?

— Видел одного издалека, — заявил местный пьяница, весьма продвинувшийся в своем деле за завтраком. — Но я принял его за тещу и решил не связываться.

Его реплику встретили смешками, свистом и даже криками “позор!” и проч., и пьянице ничего не оставалось, как отойти в сторону и опереться на фонарный столб.

Редактор газеты, нервная молодая женщина, недавно занявшая эту должность, когда ее подназоревшая в редакторском деле тетка ушла на пенсию, спустилась к собравшимся в надежде их успокоить, однако ее появление только подлило масла в огонь.

— Почему на вашей странице нет ни слова о постигшем нас кризисе? — потребовал от нее объяснений мистер Галстук-бабочка. — Это противоречит любым нормам!

Редактор строго взглянула на него.

— Потому, — сказала она, — что это нормальная практика для любого ответственного издания. Мы не должны предоставлять террористам кис-

лород публичности.

Услышав слово “террористы”, все разволновались, в особенности разошелся парень на велосипеде, который к этому моменту успел спешиться.

— Они не террористы, дура, — орал он на редакторшу, — они истинные патриоты Америки!

— Ситуация, очевидно, выходит из-под контроля, — заявил Кишот мистеру Ионеско. — Пора мне взять бразды правления в свои руки и привести людей к какому-то решению. Но вопрос о том, каким может быть это решение, должен признаться, ставит меня в тупик.

Все это время Санчо был погружен в беседу с молодой академического вида дамочкой в очках и медицинском халате. И вот теперь, к немалому удивлению Кишота, не он, а Санчо взял бразды правления в свои руки: он поднял вверх руку, неожиданно командным тоном призвал к тишине, а сам, вместе с Дамочкой в медицинском халате, забрался на ближайшую скамейку.

— Мастодонты — существа из далекого прошлого, — начал он. — Я очень сомневаюсь, чтобы многие из нас, в особенности молодые люди, мечтали вернуться в каменный век. Тогда мастодонты исчезли — мне рассказала об этом эта

девушка в медицинском халате, — потому что люди уничтожили их во время охоты. Вот вам и одно из возможных решений. Нужно начать охотиться на мастодонтов.

Кое-кто из толпы одобрительно закивал, раздались даже робкие призывы:

— Охотиться на мастодонтов! — Но в отсутствие широкой поддержки они быстро стихли.

— Либо, — продолжил Санчо, — нам стоит поблагодарить мою подругу за то, что ей удалось найти лекарство.

В этот момент Дамочка в медицинском халате вытащила из кармана небольшую мензурку с прозрачной жидкостью и подняла ее над головой, чтобы все могли рассмотреть.

— Зафиксированы случаи, — громко и твердо начала она, — частичного перерождения, существуют мастодонты с присущими человеку признаками, к примеру, мастодонты в зеленых костюмах являются прямоходящими, как и мы, есть также случаи, что трансформация, которая внешне выглядит полной, оказывается полностью обратимой. Простой выстрел дротика с лекарством может вылечить их.

— Стрелять дротиками! — заревела толпа. — Стрелять дротиками!

— Должна вас предупредить! В тех случаях, когда процесс зашел слишком далеко, лекарство не сможет его остановить. В подобных случаях мастодонт, вернее, мутант, умрет.

— Это означает убить или вылечить? — уточнила Редактор.

— Убить или вылечить! — начала скандировать толпа. — Убить или вылечить!

Сторонники мастодонтов сохраняли молчание, возможно, в знак согласия, а может, просто от осознания собственной малочисленности.

Первой в либеральном ключе высказалась миссис Платье-в-цветочек.

— Убивать их — неоправданная жестокость, — прокричала она. — Еще позавчера они были частью нашего общества. Я не хочу, чтобы мой Фрэнки умер! — разрыдалась она.

Все кинулись ее утешать. Но тут земля задрожала, раздался громкий трубный звук, и люди в ужасе разбежались во все стороны. С грохотом приближавшийся к ним перерожденец принадлежал к тому самому легендарному виду мастодонтов в зеленых костюмах, не утративших способность к прямохождению. Стоящее на двух лапах существо казалось больше и страшнее своих четвероногих собратьев и не проявляло какой

бы то ни было склонности к умеренности: оно в буквальном смысле раздавило кафе-мороженое и расположенный над ним офис газеты, после чего с гортанными криками отбежало на безопасное расстояние.

— Какое красноречивое доказательство моей теории об умеренных мастодонтах, — заявил Мужчина в коричневом костюме. — Считаю, мы должны стрелять в них отравленными дротиками.

— Я не говорила об отравленных дротиках, — начала протестовать Дамочка в медицинском халате, но ее никто не слушал. Люди, вновь собираясь в толпу, требовали:

— Отравить дротики!

— Отлично, — прокричал Кишот, забирая бразды правления в свои руки. — Я готов лично произвести первый выстрел.

Оказалось, что лаборатория, в которой Дамочке в медицинском халате удалось создать лекарство, находится буквально за углом. Все быстро устремились туда. Санчо и Дамочка в медицинском халате зашли внутрь здания и вынесли несколько ружей, заряженных иглами с лекарством. Когда оружие было разобрано, толпа двинулась к реке, на берегу которой мастодонты обитали двумя

отдельными группами: прямоходящие мастодонты-зеленокостюмники слева и четвероногие мастодонты-традиционалисты справа. Такое впечатление, что им нет друг до друга никакого дела, подумал Санчо, но, похоже, их объединяет то, что мы волнуем их еще меньше.

По пути к месту скопления мастодонтов Санчо посетила еще одна тревожная мысль. Какой же это странный город, думал он, где все так удачно расположено рядом — мотель, кофейня, кафе-мороженое, редакция, лаборатория — и группа ярких запоминающихся образов то врывается сюда и орет, то неожиданно убегает, но снова возвращается, чтобы поорать еще, как будто они действуют по чьему-то сигналу или согласно известному всем, кроме него и Кишота, сценарию. Миссис Платье-в-цветочек, к примеру, вовсе не находится в том состоянии, в каком находилась бы мать, если бы ее ребенок на самом деле превратился в мастодонта, да и все остальные с психологической точки зрения выглядят, прямо скажем, неубедительно. Слишком уж стильно смотрится все происходящее для того, чтобы быть правдой.

Однако Кишот предупреждал его, что реальность — точнее то, как они ее представляли

— начнет медленно исчезать, и эта театральность лишь свидетельствует о том, что трансформацию переживают они сами.

Когда все собрались — расположившиеся на возвышении у воды люди сверху вниз взирают на ужасающих мастодонтов, в костюмах и без костюмов, стрелки прицеливаются, Кишот вскидывает свое ружье вместе с остальными, — Санчо внезапно понял, что их проверяют, хотя неясно, кто и зачем, и закричал Кишоту:

— Не стреляй!

Тут началось настоящее светопреставление: мастодонты поняли, что подверглись нападению, а жители Беренгера стали в ужасе палить куда бог на душу положит — кто в воздух, кто в сторону мастодонтов, кто друг в друга, люди бежали и кричали, мастодонты — в зеленых костюмах и на четырех лапах — наступали, а Кишот с Санчо внезапно вросли в землю на пустом пятачке земли между надвигающимися чудовищами и разбегающимися людьми; мистер Ионеско на бегу тыкал в их сторону пальцем и гаденько смеялся; *ну вот,* подумал Санчо, *похоже, здесь все и закончится,* но в этот момент сцену затянуло незнамо откуда взявшееся облако тумана, а когда оно рассеялось, от беренгерской бойни не оста-

лось и следа, как и от самого Беренгера, а они на “крузе” сворачивали с шоссе. Кишот то ли только что произнес, то ли заканчивал произносить фразу: “усталыми и в дорожной пыли. Судьба подождет нас до завтра”. Туман быстро рассеялся, и перед ними возник дорожный указатель, на котором значилось “Вихокен, Нью-Джерси” (население 12554 чел., численность населения сократилась на 7 процентов со времени переписи 2000 года, когда она составляла 13501 чел.), а никакого захваченного мастодонтами Беренгера, Нью-Джерси, попросту не было — ни в прошлом, ни в будущем, никогда.

Кишоту удалось совладать с управлением, повернуть и съехать на обочину. Он тяжело дышал и был весь покрыт испариной. С выпученными глазами не успевший ничего понять Санчо врезался головой в спинку переднего сиденья.

— Что с нами было? — наконец спросил он.

Кишот покачал головой.

— Теперь, когда мы скинули пелену, — ответил он слабым голосом, — я полагаю, нам не стоит ждать видений и прочей фантасмагории.

Глава тринадцатая
Кишот осваивается в Большом Городе; Санчо переживает множество Откровений и попадает в опасную для жизни Переделку

Кишот, выруливая на “крузе” из тоннеля Линкольна на Манхэттен, чувствовал себя улиткой, покидающей собственный панцирь. Шум и суета, напор и скорость — то, от чего он бежал, а потом добрую часть жизни пытался излечиться, укрывшись в сердце страны и ведя маленькую жизнь среди таких же маленьких жизней. И вот он вновь на главной сцене, где разыгрываются главные роли, за столом, где играют только покрупному, ставит все на любовь.

— Пятая долина, — произнес он тихо. Санчо взглянул на него в ожидании объяснений, но Кишот больше ничего не сказал.

Город (население 8623000 чел.) приветствовал их внезапно разразившейся осенней бурей; гром грохотал: *я все про вас знаю, кем это вы себя возомнили?* ему вторила молния: *я сожгу ваши тела до костей и заставлю скелеты плясать под мою дудку,* и дождь: *я не оставлю от вас и следа, просто смою с улиц в канализацию, как крыс или клопов, как смываю всех прочих подобных вам идиотов, совершающих странствия, прибывающих сюда в поисках славы, спасения либо любви.*

Они укрылись от бури в отеле “Блю-йоркер”, удачно расположенном всего в паре кварталов после выезда из тоннеля. 103 доллара за ночь, включая оплату парковочного места, отличная цена, документы не требуются, вопросы не задаются, оплата первых суток наличными при заселении. Только когда они вошли в свой тематический номер “Восточная нега”, поняли, что попали в одну из многочисленных нью-йоркских гостиниц, о которых не принято говорить вслух. Шесть бесплатных порноканалов по телевизору. Настраивающее на интимный лад освещение. Затейливо развешенные зеркала. Коридорный, сморщенный пожилой кореец в поношенной шляпе без полей, сообщил им, что, доплатив пятнадцать долларов, они могут поменять этот

номер на “Арабские ночи” с джакузи и хамамом, и что если они желают чего-то еще — скажем, хороший массаж глубоких тканей, массаж со счастливым концом, все что угодно, сами понимаете, — он может организовать и это тоже. Их номер был укомплектован двумя двуспальными кроватями — чтобы можно было действовать параллельно, как пояснил коридорный, после чего они захлопнули перед его носом дверь. Не пристало так говорить с отцом и сыном, прибывшим в город с миссией.

— Мы завтра же съедем, — пообещал Кишот. — Или даже раньше, как только стихнет буря.

Санчо рухнул на одну из кроватей и уставился на свое отражение в висящем над кроватью наклонном зеркале.

— Ну нет! — возразил он. — Здесь клево!

Ночь изобиловала звуками — удовольствия, боли, болезненного удовольствия. Храп Санчо перекрывал их все, Кишот же похрапывал тише. Наутро после вчерашней бури город сверкал обещаниями новых надежд. Пробудившись от тяжелого сна, в котором его разрывало между страхом и надеждой, Кишот застал Санчо в кровати с пультом в руках, проверяющим доступные порноканалы.

— Женщины в возрасте самые крутые, — заявил он. — Или мне так кажется потому, что я сам так молод, что большинство женщин по сравнению со мной в возрасте, а тех, кто моложе меня, закон запрещает.

Кишот понял: в каждой семье наступает момент, когда отцу и сыну следует поговорить о подобных вещах.

— Возможно, это передалось тебе от меня, — сообщил он Санчо. — Когда я в твоем возрасте смотрел телевизор, все красивые женщины в нем были старше меня. Тогда не было порноканалов, должен тебя огорчить. Но, знаешь ли, были Люсиль Болл и *моя мечта,* Джинни. Первой относительной ровесницей, в которую я влюбился, стала Виктория Принсипал, когда она играла Памелу Юинг в "Далласе". Однако теперь я нахожусь в таком преклонном возрасте, что все женщины постарше, да и многие мои ровесницы, вышли в тираж. Так что последняя и самая большая любовь моей жизни, мисс Салма Р., моложе меня, притом значительно. А теперь давай посмотрим, где здесь обеденный зал и съедим хороший нью-йоркский завтрак.

Вскоре Санчо прискучила порнография (актеры на экране и сами очевидно скучали), и он начал

бесцельно переключать каналы. Внезапно он с криком и вскочил с кровати. На экране из-под заголовка “Новости короткой строкой” женщина, которую он любил, рассуждала о последствиях убийства в Бью-тифуле, штат Канзас, как они повлияли на общину, о том, что ее представители мечтают, чтобы их начали воспринимать как любых других американцев. Она апеллировала к истории Америки, отмечала, что вначале многие эмигранты приезжали сюда не по своей воле, и даже не преминула процитировать сонет Эммы Лазарус “Новый Колосс”: “Я Мать Изгнанников / смена кадра / Мой факел освещает им путь к золотой двери / смена кадра”. По ее манере говорить было нетрудно понять, что она юрист и что община поручила ей представлять вдову и семью убитого американца индийского происхождения.

— Дай мне свой ноутбук, — потребовал Санчо и всего через несколько минут сосредоточенных поисков нацарапал что-то на листочке, после чего взглянул на Кишота и с гордостью помахал бумажкой в воздухе.

— Я нашел ее, — объявил он. — Рабочий адрес, телефон, электронную почту.

Внезапно он сник и в отчаянье опустился об-

ратно на кровать.

— Теперь я могу ей позвонить, — договорил он без прежней бравады, — но она может просто повесить трубку, услышав мой голос.

Кишот положил руку на плечо сына.

— Телевидение — божество, рука которого никогда не оскудевает, — заявил он. — Этим утром оно преподнесло тебе величайший дар. Ты поймешь, как им воспользоваться, когда придет время.

В кафетерии Санчо с мрачным видом пялился на горку оладий, залитых большим количеством кленового сиропа. Кишот, поедавший поджаренный сэндвич с сыром и дополнительным беконом, решил, что настал подходящий момент для обстоятельного разговора.

— В пятой долине, — начал он, несмотря на то что Санчо, явно не расположенный этим утром беседовать о долинах, выразительно закатил глаза, — нам предстоит осознать, что все в этом мире связано. Вот смотри: ты включил телевизор, потому что хотел посмотреть на всякие непотребства, а вместо этого узнал много важного о девушке, в которую влюблен. Случайность, возможно, скажешь ты. Но я говорю: не случайность. Ты выяснил это потому, что все в этой жизни взаимо-

связано — этот телеканал с тем телеканалом, эта кнопка с той кнопкой, этот выбор с тем выбором.

Заметив, что Санчо начал внимательно его слушать, Кишот пустился в долгие рассуждения.

— Когда-то людям казалось, что они живут в маленьких коробочках, которые вмещают их истории целиком, и нет большой нужды волноваться о том, что делают другие люди в других маленьких коробочках, ни по соседству, ни за тридевять земель. Истории других людей не имели к нам никакого отношения. Но потом мир стал меньше, коробочки прижало друг к другу, они раскрылись, и оказалось, что все коробочки связаны друг с другом, что нам следует понимать, что происходит в коробочках, где нас нет, в противном случае мы не сможем понять, почему в нашей коробочке происходит то, что происходит. Все связано со всем.

Санчо начал есть, но не утратил цинизма.

— Ты тут вещаешь, — заметил он, — что бедренная кость связана с тазовой, а тазовая с позвоночником и далее в том же духе. Так об этом, если я ничего не путаю, даже в песенке поется.

— Должен признаться, — продолжал Кишот, — что мне непросто было прийти к заключению, к которому я пришел. Большую часть своей жизни

я был, так сказать, человеком без связи с миром, жил своим собственным укладом, и компанию мне чаще составляли звезды экрана, нежели живые люди. Но потом в город пришла любовь, и все переменилось. Любовь заставила *меня* вернуться в город, и вот я здесь, а вокруг миллионы миллионов связей — между тем и этим; между близким и далеким; между тем языком и этим языком; между всем, что есть люди, и тем, что они есть еще, — стою и вижу, что Путь требует, чтобы я воссоединился с этой несметной толпой жизни, с ее многообразием, и под ее многочисленными дисгармоничностями пришел к глубинным гармониям. Это очень непросто сделать после такого перерыва, и я вынужден просить тебя отнестись к этому с пониманием. Точно так же, как ты осторожно, маленькими шажками, продвигаешься навстречу своей Возлюбленной, так же должен и я — сбиваясь, волнуясь — делать робкие шаги обратно к людям. Оказавшись в Нью-Йорке, я чувствую себя католиком в исповедальне. Многое из того, что доселе оставалось несказанным, должно быть, я полагаю, сказано. Я должен медленно, кругами двигаться к этой цели. Это может занять какое-то время.

— А что несказанное должно быть сказано? —

поинтересовался Санчо.

— Всему свое время, — ответил Кишот.

Несколько дней после этой беседы Кишот был мрачен и относительно неразговорчив, он предоставил Санчо слоняться по городским улицам в одиночестве, а сам не выходил из номера и смотрел телевизор. А мог бы, к примеру, пойти дежурить под окнами квартиры или офиса — косая черта — студии мисс Салмы Р. в надежде хоть мельком увидеть женщину, чье сердце он вознамерился завоевать.

— Мне нужно сделать еще очень много, чтобы стать достойным ее общества, — сказал он Санчо и продолжил, как казалось со стороны, ровным счетом ничего не делать.

Санчо же знакомился с городом методично, он поставил перед собой задачу каждый день отправляться изучать какой-то новый район. Случалось, что Кишот на время сбрасывал охватившую его апатию и шел вместе с сыном. Во время таких вылазок выяснялось, что всякий раз он заранее придумывал программу, которая поможет ему и Санчо легче включиться в жизнь города: приобретал билеты на съемки ток-шоу и сериалов “50 Централ”, “Пирамида”, “За едой”, “Шоу доктора Оз”, “Доброе утро, Америка” и др.; на

съемках, оказавшись в привычном для себя мире, он даже начинал напоминать себя прежнего.

Но разве не должен он был отречься от своих прежних привязанностей в четвертой долине, как сам же и говорил? Или он возвращается к ним вновь? Не замедлит ли это дальнейший ход событий? Санчо не очень занимала история с долинами, к этому моменту он начал думать, что это всего лишь одна из многочисленных иллюзий, в мире которых живет Кишот, не имеющая ровно ничего общего с реальностью и не способная на нее повлиять, а потому нет никакой разницы, играет Кишот по правилам или нет. Но когда же, недоумевал Санчо, старик начнет действовать? И как?

— Есть один человек… Мне нужно увидеться с ним до того, как двигаться дальше, — заявил Кишот как-то за завтраком неделю спустя. — Ничего не случится до тех пор, пока этот вопрос не будет решен. До этого Дорога будет для меня закрыта.

— Это женщина? — поинтересовался Санчо.

— Да.

— Я понял. Это твоя бывшая любовница, ты до сих пор немного сохнешь по ней, но не знаешь, сохранила ли она искру, она немного бешеная, поэтому ты понимаешь, что нет смысла мутить

с ней снова, но все же хочешь увидеть ее, чтобы успокоиться.

— Нет.

— Я понял. Это твоя бывшая любовница, которая относилась к тебе как к последнему дерьму, а теперь хочет, чтобы ты простил ее или даже вернуть тебя, и пока ты не увидишь ее, просто не сможешь выкинуть из головы.

— Нет.

— Я понял. Это твоя бывшая любовница, которая сейчас живет с другим, но строчит тебе сообщения о собственной неудовлетворенности. Может, она даже забрасывает тебя горячими фотками в надежде, что ты к ней вернешься.

— Нет.

— Ну да, было бы прекрасно, если бы в твоем возрасте сразу столько женщин сохли по тебе, согласен? Тебе нужна всего одна женщина, но все прочие просто кружат вокруг тебя, как вертолеты, и слепят своими прожекторами. Я прав?

— Нет.

— Я понял, — снова заявил Санчо, которого настигло внезапное озарение, — это Женщина-Трамплин.

— Да, — ответил Кишот. Лицо его при этом оставалось совершенно бесстрастным.

Санчо захлопал в ладоши.

— Так я и знал! Я всегда это знал, — вопил он. — Она — еще одна женщина, которую ты за всю жизнь любил, она разбила тебе сердце, из-за чего ты бежал от мира и жил отшельником столько лет, а теперь хочешь увидеть ее, чтобы окончательно отпустить свою старую любовь и открыть сердце для новой.

— Нет.

— Тогда что? Кем еще она может быть, кроме твоей прежней подружки? Соседкой по студенческому общежитию? Твоим стоматологом? А может, терапевтом? Банковским менеджером? Наркоторговцем? Или она твой инспектор по УДО? Инструктор по шахматам? Приходской священник?

— Это моя сестра, — разрешил все Кишот. — Когда-то очень давно я дурно поступил с нею. Думаю, пришло время уладить это.

САНЧО РАЗМЫШЛЯЕТ НАД РАСКРЫВШЕЙСЯ ТАЙНОЙ

Думаю, я знал это. Я знал, что в его голове — там, куда я не могу добраться — есть разные секреты. Но чтобы целая сестра! Это очень много. И он многое мне рассказал. Бог из машины — это когда в античном театре с небес на сцену неожиданно

спускается бог и решает все проблемы. Господи, я уже вслед за ним и латынь освоил! *Dea ex machina.* Та-та-та-там! Короче, у меня есть сестра, про которую ты ничего не знаешь, сообщает он мне, она всегда у меня была.

Это сводная сестра. Отец женился во второй раз, у него родился ребенок, отец умер, а мать… Кто знает, что с ней стало. Я этого не знаю, и он тоже не знает, а может, не хочет говорить и прячет очень глубоко внутри, в облаке, которое мне никак не сдуть. Насколько хорошо они знают друг друга? Не очень хорошо, и уж точно, не очень хорошо сейчас, они не видели друг друга уже много лет, не звонили, не писали, не обменивались сообщениями. Или они общались? Да что я знаю, хотя догадываюсь, что едва ли. Но когда-то они должны были общаться довольно плотно. Иначе откуда взяться этому, как я понимаю, противному, прозвищу? Трамплин — это же штука, на которой люди прыгают вверх-вниз, да? Чисто шлюхой сестру зовет.

Не очень-то красиво.

Но нет, он говорит мне, есть такая песня, она о трамплине в Грейсленде, месте, где всем будет хорошо. Она женщина, благодаря которой другим становится хорошо. Что ж, простите,

ошибочка вышла. И ее, если она вдруг так же ошиблась, я бы за это тоже простил. Теперь он мне о ней рассказывает, и это больше похоже на житие святого, вот ей-богу. Еще двадцатилетней девчонкой она ухитрилась срубить чертову кучу бабок на Уолл-стрит. Прям охренительно много. В буквальном смысле больше, чем гора оладий в забегаловке на углу. Когда я говорю много, уж поверьте, это значит *много*… А она в один прекрасный день такая заявила: это не та жизнь, какая мне нужна, в последний раз прошла мимо памятника разъяренному быку и больше не якшалась с финансовыми воротилами ни дня. Теперь у нее своя собственная компания, вторая по величине на рынке Индии, Пакистана и Бангладеш после “Грамин бэнк”, с огромными активами, которые она пускает на мелкие займы для женщин из Южной Азии, желающих открыть свое дело — салоны красоты, доставку домашней еды, ясли на дому… еще она борется с торговлей женщинами, принуждением к проституции, сексуальным насилием в Индии… короче, вы поняли. Благородная альтруистическая личность, отдающая свою жизнь на благо других. Эту достойнейшую женщину вполне можно называть “Человек-Трамплин”. Люди отталкиваются от

нее и летят. А если падают, отталкиваются от нее снова и снова летят. Она не стремится летать сама, она лежит на земле, распростертая, а люди взлетают так высоко, как они только могут.

Это все, говорит он мне, ладно, премного благодарен, но остаются вопросы: (а) что между вами произошло и (б) какая она на самом деле. Ну, когда нимб свой снимает. Он начинает отвечать на последний вопрос, чтобы я подольше повисел в неизвестности, чтобы помучить меня — до чего противно! Ну, говорит он, он не видел ее много лет, поэтому картинка из его памяти давно могла устареть. У него в голове она высокая женщина с копной черных волос, сияющими глазами и большим носом. Это очень теплый, веселый и умный человек, и у нее самый тяжелый характер из всех знакомых ему женщин, да и мужчин тоже. В его воспоминаниях она совсем не продвинулась — не так, как сейчас, — и рассказывает анекдоты про поляков, анекдоты про евреев, которые разве что евреи могут рассказывать, и анекдоты про чернокожих; запиши кто-то тогда это на айфон, сейчас ее карьере пришел бы конец, но в то время айфонов ни у кого не было, а позднее, уйдя с Уолл-стрит, где все практиковали подобный юмор на дружеских попойках, она сильно изменилась

и стала рассказывать только самые невинные анекдоты, вроде анекдотов про барабанщиков. — Что за анекдоты про барабанщиков? — Как зовут барабанщика, которого бросила девушка? Бездомный. Как зовут барабанщика, у которого нет работы? Ринго.

Ха-ха три раза.

Очевидно, что ему совсем не немного страшно звонить ей, он боится увидеть ее вновь, седой и с лысеющей черепушкой вместо былых локонов. Боится, что она захлопнет дверь у него перед носом: *“Нет, все это в прошлом!”* — прямо как Настасья Кински в одном из вариантов сценария фильма “Париж, Техас”, — хотя, наверное, больше всего он боится обратного: что при виде него ее лицо медленно расплывется в широченной улыбке, улыбке, которую она прятала все эти годы, и она раскроет ему свои объятия, со слезами начнет гладить по щеке и говорить: “Какими же мы были идиотами, что потеряли друг друга почти на всю жизнь!”; что с огромной любовью она примет и меня, приготовит нам потрясающий праздничный ужин, и они, держась за руки, станут ночь напролет рассказывать друг другу, как жили все эти годы, просить прощения, изливать друг на друга братскую любовь. А через двадцать четыре

часа он возьмет и наступит на какую-то мину под землей, и живущий в ней монстр вырвется наружу, она станет орать на него, обзываться, велит уходить и больше никогда не осквернять своим присутствием ее порог, и он, разбитый на куски, окончит свой век у сточной канавы возле ее дома. В конце концов, она только наполовину ему сестра, и он боится ее полусестринской полулюбви.

Она победила рак, он слышал, у нее был рак груди лет десять назад, двойная мастэктомия, видимо, она преодолела болезнь и уже давно находится в стадии устойчивой ремиссии. Он боится увидеть на ее лице следы прожитой ею жизни и боится, что она увидит на его лице следы его жизни. После смерти отца они сошлись довольно близко. Она называла его “Смайл-Смайл”, а он ее “ЖэТэ”, или просто Трамплином. Оба питали слабость к хорошей еде и часто ходили ужинать вместе. Наверное, были размолвки. Наверное, все тепло и веселье закончилось, когда он сказал нечто, а она услышала в сказанном им какой-то намек, которого там вовсе не было, и, словно в нее вселился дьявол, начала орать на него. Да, прямо в общественном месте. Это потрясло его и вынудило уйти. После этого их совместные ужины происходили все реже, а потом и вовсе сошли

на нет. Но на одном из них он все же совершил то, что нельзя простить.

Ты ударил ее? — спрашиваю я. — Дело в этом? Изо всех сил заехал по лицу так, что у нее даже кровь из уха пошла и она всю оставшуюся жизнь борется против мужского домашнего насилия?

Нет.

Воспоминания приходят к нему с трудом. Главная проблема — хронология событий. В истории их отношений есть фрагменты, которые ему до сих пор недоступны. Он обвинил ее в том, что она обманула его *с* оставшимся от отца наследством. Так и было. После смерти отца именно она взяла на себя общение с юристами и все процессуальные проблемы, после чего он заявил, будто она присвоила себе гораздо больше, чем полагалось. Он зашел еще дальше и обвинил ее в фальсификации документов и подлоге. Он угрожал ей публичным разоблачением, пресс-конференцией. Из-за провалов в памяти — они как черные дыры во Вселенной, мертвые зоны в самом центре поля жизни — он не может объяснить, почему это сделал, но ему кажется, он помнит, что сделал это через несколько лет после смерти отца. Она защищалась от выдвинутых им обвинений и прислала ему официальное письмо, в котором заверяла:

он может не сомневаться, что она пойдет на все, чтобы защитить свое доброе имя. Указывала, что он собственноручно поставил подпись под завещанием отца, признавая его подлинность, и что в открытом доступе есть и другие юридические документы, указывающие на его согласие. Все его обвинения — попытка ее дискредитировать, и если он предаст их огласке, она отсудит у него все, что у него есть, до копейки. Своим письмом она хотела напугать его и заставить замолчать, и ей это удалось. Они не общаются уже много лет, и за это время оба сильно изменились: она обросла ореолом святости, он все больше отдалялся от мира, она стала публичным человеком, он ушел в то, что сделало его тем, кто он есть сейчас (я бы предпочел не говорить, куда именно и кем именно).

Но… Ого! Вот что я сказал ему. Наследство? У тебя что, реально есть наследство?

Да.

И все это время у тебя была эта, как ее, чертова куча денег на счету в банке?

Кое-какие деньги есть, да.

При этом мы живем в одном номере в мотеле “Блю-йоркер”?! Охренеть.

Так мы и поговорили. Он в миллионный раз

начал заливать мне, что должен пройти через эти свои долины очищения, чтобы стать “достойным любви своей Возлюбленной”, и что роскошь и любовь к материальным благам противоречат Пути. А я просто спросил: не могу ли я рассчитывать на такую, мать ее, великую роскошь, как отдельная комната?

Он же сказал: воздерживайся от подобных выражений, когда разговариваешь со мной. Короче, мы тоже разругались.

И вот в чем мне нужна помощь. Не могу понять: есть ли на свете то, что действительно нельзя простить? Непростительные поступки, непростительные слова, непростительное поведение? Я тут новый парень на районе, а потому бываю капризным, может, даже веду себя как ребенок, но что же я должен сказать ему — “Отцу”, — чтобы он не смог мне этого простить? Или взять девушку, о которой я мечтаю. Возможно, я совершил непростительное, заигрывая с ней, когда она переживала горе? И уже слишком поздно — пройдет тридцать, даже *сорок лет*, мы случайно столкнемся где-нибудь, и она скажет: знаешь, ты же мне нравился, если бы ты тогда не поступил так, у нас могло бы что-нибудь получиться, но ты сделал то, что я не могу простить. Сейчас я

наблюдаю, как папаша К. не может решиться позвонить сестре — смотрит на телефон, но номер не набирает, думает, написать ей сначала сообщение или, наоборот, заявиться к ней на порог, упасть на колени и молить о прощении. Не понимаю я их. Большую часть жизни прожить так, словно у тебя вовсе нет родного по крови человека, и все из-за чего? Из-за дурных слов, даже не имевших дурных последствий? Это точно неправильно, да?

Предположим, Бог есть. Можем ли мы предположить также, что это Бог Непрощающий? И если, как сказано, нам следует вести себя по его образу и подобию, значит ли это, что нам надлежит быть непрощающими тоже?

Кишот, человек, отвыкший от близких отношений с людьми, но уверенный, что не будет готов к встрече с Возлюбленной, пока не встретится с сестрой, поступил так, как обычно поступал в любой непонятной или кризисной ситуации. Он остался в номере и включил телевизор. Изображения на экране успокаивали его и вселяли уверенность, они казались ему совершенно реальными, в отличие от Нью-Йорка. Этот город всегда подавлял его своей суетой, бесформенностью, перенаселенностью, агрессивностью

и отсутствием главной сюжетной линии. В сериалах, ситкомах и ток-шоу по телевизору не было этой свистопляски, они разительно отличались от того, что Кишот видел из окна мотеля “Блю-йоркер”. Телепередачи, словно по рельсам, уверенно двигались через все хитросплетения и сюжетные повороты к ожидаемому концу. Ровно этого Кишот и хотел от жизни — оформленности и однозначных решений. Разве его странствие было чем-то иным, нежели попыткой познать скрытый смысл мира и благодаря ему прийти к счастливому завершению жизни, к которому он так страстно стремился? Он редко смотрел информационные каналы и выпуски новостей, но всякий раз, случайно попав на них, видел, что там тоже отчаянно ищут объяснения круговороту внешних событий; от этого ему становилось легче. После пары дней спокойного просмотра телевизора мрачный урбанистический сериал “Закон и порядок. Специальный корпус” (привязанность к которому он так и не смог обрубить; что ж, никто не идеален) придал ему решимости влиться в ритм Нью-Йорка и начать наконец делать то, ради чего он сюда прибыл. Кишот сунул Санчо в карман несколько двадцатидолларовых купюр и выпроводил его гулять по улицам в

одиночестве.

— Уже не так тепло, — заявил он сыну. — Вот, надень мое пальто.

Когда юноша ушел, Кишот начал перелистывать каналы. Его внимание привлекла передача из тех, что он смотрел крайне редко, — это было интервью с известным американским ученым, бизнесменом и мультимиллиардером индийского происхождения Ивелом Сентом. Имя Ивел Сент было выдуманным, оно было образовано, как подозревал Кишот, от какого-то звучащего более по-индийски имени, *Аввал Сант* или чего-то в этом духе. Поджарый энергичный человек с великолепной шевелюрой, этот ученый более всего походил на болливудского артиста, красиво превращающегося из юного красавчика в повидавшего жизнь мужчину средних лет, он говорил быстрыми отрывистыми фразами, как под воздействием метедрина, нещадно мешая в своей речи современные термины из области высоких технологий с лексикой мрачных эсхатологических пророчеств нашего времени, словно хотел сказать: мне глубоко наплевать, понимаете вы меня или нет, но я точно знаю, как привлечь ваше внимание, если мне захочется его привлечь. Имя Ивел он мог взять в честь бесстрашного кас-

кадера Ивела Книвела, фамилия Сент, очевидно, вызывала у всех ассоциацию с деньгами, но вместе имя и фамилия явно били в нос. Звучали они с душком. *Evel Cent,* адское зловоние. Для некоторых людей он был тем, кем являлся на самом деле — неприятным пиарящим себя дельцом, но кто-то, особенно молодежь, видел в нем чуть ли не пророка; и вот на телевидении он делился пророческими предвидениями с теми, кто считал его скользким самовлюбленным типом.

Темой, на которую он говорил сегодня, был, ни больше ни меньше, конец света, который он описывал как возрастающую нестабильность континуума или гештальта, и, если эта тенденция сохранится, заявил он, это приведет к полному стиранию пространственно-временных границ. Научные подтверждения этого предположения, говорил он, он также предоставит в нужное время. На сегодняшний день он готов сказать только, что это очевидно тревожное предположение было подтверждено командой ведущих астрофизиков из ряда крупнейших университетов, среди которых несколько нобелевских лауреатов. Доказательства происходящей дезинтеграции пока довольно незначительны, но бесспорны. Нам предстоит огромная работа, необходимо

выяснить причины этого процесса, оценить его масштаб и предполагаемые границы существующей Нестабильности. Но в том, что она существует, у него нет ни малейших сомнений. Главный вопрос в том, готово ли человечество смириться с неизбежным закатом и с готовностью кануть в небытие или мы должны, если сможем, что-то предпринять?

Кишот подумал, что Человек тоже являет собой некогда прекрасное существо с явными признаками изношенности по краям.

Ивел Сент плавно перешел от эсхатологии к коммерции. Вместе *с* несколькими своими командами он сейчас работает над смелым проектом под названием NEXT. Эта аббревиатура, расшифровывающаяся как *Neighbor Earth Xchange Technology* — Технология перемещения на соседнюю Землю, — была созвучна слову *next*, следующий. Концепция существования параллельных пространственно-временных континуумов, параллельных вселенных и параллельных планет Земля больше не вызывает сомнений ни у одного серьезного физика. Актуальные на сегодня вопросы, где их искать и как туда попасть. Если нашей Вселенной суждено погибнуть, превратившись в космическую пыль, можем ли мы спастись, пере-

скочив с помощью каких-то новых транспортных установок в альтернативную параллельную вселенную, по-прежнему находящуюся в состоянии стабильности? *“Это| — воскликнул Сент, делая акцент на каждом слове и потрясая в воздухе указующим перстом. — Моя! Мечта! Новый дом! Человечества!”*

После интервью Сента Кишот был буквально наэлектризован. Разве он сам в недавнем письме к Возлюбленной не предсказывал скорый конец света? Его вдохновила на это любовь; любовь, которая является лучшей кульминацией, а следовательно, и завершением всего — тогда Ивел Сент и его команды гениев доказали, что он, Кишот, уже совсем близок к своей цели, и Вселенная, в свою очередь, готовится совершить последний обряд! Наука занималась доказательством того же самого, что он интуитивно познал благодаря любви.

Ошеломительно. Это следует обдумать. Кишот выключил телевизор. В его искореженной памяти неприятно зашевелилось что-то, связанное с этим человеком, Ивелом Сентом. Может ли быть, что они встречались прежде?

В тот же день он предпринял несколько попыток написать письмо сестре.

Дорогая Ж. Т.! (начиналось его первое письмо)

После долгих лет молчания пишет тебе твой пустоголовый брат в надежде, что кровь — не вода, и мы сможем увидеться вновь как любящие родственники. Кстати говоря, Сократа тоже считали пустоголовым. В комедии Аристофана "Облака " Сократ, чтобы достичь возвышенности мысли, залезает в корзину и парит в ней по воздуху. Сперва можно решить, будто это означает, что мудрости на земле не место. С другой стороны, только с высоты своей "ивовой башни " (корзины) Сократ может увидеть просторы Земли. Он попадает головой в облака, и корзина падает. Я не хочу сравнивать себя с великим философом, но должен сказать, что я такой же человек не от мира сего, стремящийся возвыситься мыслями.

Нет, слишком напыщенно и самодовольно. Кишот скомкал листок с неудачным письмом, отбросил в сторону и начал снова:

Дорогая Ж. Т.!

В молодости довольно долго моей самой любимой книгой была "Дзен и искусство ухода за мотоциклом " Роберта Пёрсига. (до сих пор мечтаю, чтобы ZAAMM сняли короткий сериал по

ее мотивам, но это к делу не относится). П вот теперь я сам предпринял путешествие к тебе через всю Америку — да! Я искренне верю, что мои усилия не пойдут прахом. Со мною едет мой сын — да! Это еще одно, о чем надо рассказать тебе при встрече! Сейчас я снова частенько думаю о г-не Р. Пёрсиге и в связи с ним о г-не А. Эйнштейне, которого он так цитирует в своей книге: "Человек пытается составить себе упрощенную и разборчивую картину мира так, как это ему лучше подходит. Потом он до некоторой степени пытается подменить этот свой космос миром опыта — и так преодолеть его… Он делает этот космос и его строение той осью, вокруг которой вращается его эмоциональная жизнь, чтобы таким образом обрести мир и спокойствие, которых не может найти в узком водовороте личного опыта… Высшая задача… прийти к тем универсальным элементарным законам, из которых космос можно выстроить чистой дедукцией. К этим законам нет логической тропы; только интуиция, покоящаяся на благожелательном понимании опыта, может их достичь… "[10] *Вынужден признать, что мой личный космос уже*

---

[10] Примечания: 10

Роберт Пёрсиг "Дзен и искусство ухода за мотоциклом". Перевод М. Немцова.

давно не дает мне мира и спокойствия, которых я так жажду, я жажду гармонии с миром во всем его многообразии и понял — очень поздно! но я молюсь и верю, что не слишком поздно! — что смогу обрести мир, которого жажду, только обретя мир с тобой. Мне открывается, что все в нашем мире взаимосвязано, включая и нас с тобой.

Этот вариант он тоже скомкал и выбросил. Ну что он за дурак! Что общего между Эйнштейном и его отношениями с Женщиной-Трамплином! Почему у него не выходит написать просто, от души, не маскируя вину высокоинтеллектуальной чушью? Он начал в третий раз:

Дорогая Ж. Т.!

Возможно, ты удивишься, узнав, что на исходе жизни я заделался искателем истины и того, что превыше истины, любви

…начал он, но прервался и вскочил на ноги, когда в комнату ввалился Санчо в порванной одежде с испачканным кровью лицом, он был сильно избит.

Пока Санчо гулял по городу в отцовском кашемировом пальто, ему отчего-то вспомнилась белая женщина *с* озера Капоте и ее оригинальный кожаный шарф с медной пряжкой и небольшой,

напоминающей сорванный поводок, подвеской. Санчо тогда удивило, что он больше смахивает на собачий ошейник, чем на модный аксессуар, который может понравиться женщине вроде этой. Со временем он перестал об этом думать. С учетом спешки, с которой они покидали кемпинг, и напряженной обстановки вокруг, он, возможно, что-то перепутал.

Однако теперь он начал понимать, что ошибки с его стороны не было. Проще говоря, он стал замечать за собой, что порой видит то, чего не видят другие. Так на одной из прошлых прогулок на Десятой авеню, всего в дюжине кварталов от мотеля “Блю-йоркер”, он видел пьяную женщину, топчущую радугу. Дело было возле магазина, торгующего кристаллами и благовониями. Свет из магазина преломлялся в призме, висевшей в витрине, и рассыпался по тротуару радугой. Пьяная толстуха, вся в черном, без нескольких зубов, пыталась ногой размазать радугу по асфальту, обливаясь при этом потом; *вместе со слюной* из ее рта вытекал поток гомофобной брани. Ладно, на видение не похоже, но когда изменилось освещение — возможно, кто-то задел люстру, и радуга исчезла, — *женщина вместе со своими ругательствами исчезла тоже.* Словно

одно неизменно вызывает к жизни другое. Радуга порождает ненависть. Да уж, подумал он. Охренеть. А на другой день, прямо среди бутиков на Мэдисон-авеню, ему привиделись три фигуры, облаченные в белые балахоны с остроконечным капюшоном. Такого просто не могло быть. Это Нью-Йорк. Ку-клукс-клана тут и в помине не было, а удивляться дизайнерским нарядам на Мэдисон-авеню не приходится. Санчо перешел на другую сторону улицы, чтобы рассмотреть их, но толпа хорошо одетых людей на миг сомкнулась перед ним, а когда отхлынула, их уже не было. Это безумие, подумал Санчо. Он ощутил онтологический ужас. Бывали дни — на самом деле, такие дни случались почти ежедневно, — когда его настойчиво одолевали мысли о реальности его собственного существования. Он появился на свет таким исключительным образом, его трансформация из зависимого придаточного в составе длинного предложения, которым был Кишот, переход к независимому существованию по-прежнему казались такими сомнительными, что в ночных кошмарах он видел, что все идет вспять, что он начинает мерцать, как изображение в ненастроенном телевизоре, распадается на части и исчезает; проще говоря, видел смерть. По-

явление этих картинок — Санчо решительно не хотел называть их *“видениями”*, чтобы лишний раз не напоминать себе о собственной нереальности — и то, как часто они начали появляться, сильно настораживали. Он не рассказывал Кишоту о том, что видел. Есть вещи, которые лучше держать при себе.

Когда после наступления темноты — не самое умное, что можно было сделать, как он понял позже, — он шел через парк, пиная ногами опавшие листья, к нему приблизилась группа из трех мужчин в офисных костюмах: средних лет, белые, с портфелями в руках, заурядные и безобидные во всем, кроме шарфов, таких же, как у той белой женщины на озере Капоте, та же медная пряжка, та же напоминающая оборванный поводок подвеска. Да кто эти люди в собачьих ошейниках? Не столкнулся ли он с каким-то новым охватившим всю страну культом?

— Ты смотришь прямо на нас. Что уставился? — Мужчины остановились и перегородили Санчо путь.

Юноша попытался их успокоить:

— Нет, сэр, вы ошиблись, я на вас не смотрю. Просто иду. — И указал направление.

— Он нас разглядывал, — вмешался второй

мужчина. — Как невоспитанно! Эти люди не имеют ни малейшего представления, что такое манеры!

— Понаехали тут, а мы платим за их медицинскую страховку! — возмутился третий.

— И переживаем за безопасность наших женщин! — добавил первый.

— Мы не знаем, когда кто-то из них слетит с катушек и начнет крушить наши святыни. Мы знаем, что они до сих пор поклоняются языческим богам! — заявил второй.

— А ну-ка отвечай, — потребовал от Санчо третий, — как ты вообще посмел смотреть на нас? Таким, как ты, это должно быть запрещено. Тебе не следовало этого делать.

Такого не может быть, подумал Санчо. Эти трое меньше всех в Америке похожи на бандитов. Такие люди просто не могут быть опасными. Серые, безобидные, скучные. Санчо сделал глубокий вдох и ответил.

— Мое внимание привлекли ваши шарфы.

Ошибка, понял он тут же, увидев, как напряглись их тела. Почти синхронно все трое опустили портфели на землю. Один тут же начал расстегивать пальто.

— Наши шарфы, — произнес первый.

— Прошу прощения, — сказал Санчо. — Я знаю, что невежливо разглядывать людей. Я не хотел. Просто я уже видел такие шарфы раньше.

— Он уже видел такие шарфы раньше! — передразнил Санчо второй. — Вы верите этому парню? Он что-то с чем-то. Таких просто не бывает.

— Нет у нас никаких шарфов, — заявил третий. — Слишком жарко носить сраные шарфы. Так о каких шарфах он нам заливает?

— Понятия не имею, — ответил первый. — Надо спросить. О каких там шарфах ты говоришь, мальчик?

Санчо и так был растерян, а теперь еще и испугался, и с испугом и растерянностью показал рукой.

— Воротнички, — сказал он, — с оборванными поводками.

— Потрясающе, — воскликнул второй мужчина. — Он сравнивает нас с собаками!

— Он *считает* нас собаками, — поправил его третий. — Собаками, которые сорвались с поводков!

— Страшные дикие собаки, которых спустили с поводков, — поддержал первый.

— С пеной изо рта, — подытожил второй. — Осторожно, злая собака, да?

— Осторожно, злая собака! — ответили хором первый и третий.

— Потому что мы, на хрен, сорвались с поводков, — уточнил второй.

Санчо понял, что вел себя совершенно неправильно. Смотрел туда, куда не надо было смотреть. Говорил тогда, когда надо было молчать. Но хуже всего — не убежал, когда нужно было бежать. А теперь эти трое окружили его, лишив малейшей возможности удрать.

Мораль сей басни такова, думал Санчо, когда они стали его толкать и пинать, никогда не надо недооценивать серых скучных немолодых белых людей в офисных костюмах. Никогда.

Они с легкостью могли убить его, но не сделали этого. Возможно, посчитали, что он этого недостоин. А может, потому что он не был реальным. Может быть, и из-за того, что они всю жизнь были загнаны в рамки, держали себя в руках и, по непонятной причине *сорвавшись с поводков,* чувствовали себя неуверенно. Возможно, просто привыкали к собственной силе. Как бы то ни было, они бросили Санчо на дорожке в парке — избитого, но живого, — подобрали портфели, надели пальто и растворились в тьме. *“Чхимат! Кхаджу а!* — орал он им вслед. — Клоуны! Онани-

сты паршивые!”, но голос его был слишком слаб, чтобы они его услышали. Что, возможно, было к лучшему.

Осознание родительского долга почти полностью вырвало Кишота из состояния полудремы, в котором он провел большую часть своей жизни. Он непрестанно курсировал между “Блю-йоркером”, ближайшей аптекой и супермаркетом и таскал сыну горячий суп, готовую курицу, чизбургеры, мази, обезболивающие и перевязочные материалы, и даже пропустил из-за этого несколько выпусков “Настоящих домохозяек Атланты”, несмотря на страстный интерес к излишне полным губам Ким Золсиак; к тому же он пропустил момент, когда — несправедливо! совершенно несправедливо! — из шоу выгнали Кенью Мур, чтобы ее уход послужил всем уроком — нужно учиться хранить секреты. Санчо повезло. Все его тело было покрыто сеткой синяков и кровоподтеков, но ему удалось избежать переломов и серьезных внутренних травм. Кашемировое пальто было сильно испачкано, но тоже вышло из переделки живым. В настоящий момент ребенку требовались лишь отдых, сочувствие, болеутоляющие и чизбургеры.

В багажнике “шевроле” Кишота хранился

небольшой портфель с остатками образцов опиоидов, продажей которых он зарабатывал на жизнь, когда работал в SPI. В первые дни Кишот давал их Санчо, очень внимательно следя за дозировкой. Опечатанный контейнер на самом дне портфеля с единственным оставшимся у него образцом сублингвального фентанилсодержащего спрея *InSmile*™ он так и оставил нетронутым. Санчо быстро шел на поправку, как все, кто молод, но настроение его оставалось крайне мрачным.

В дни выздоровления Санчо, которые они вдвоем почти полностью проводили в полутемном номере, слушая проникающие сквозь тонкие стены звуки сексуального наслаждения и смотря телевизор (не порно), прибавляя звук которого они надеялись заглушить их, что помогало лишь до очередного визита гостиничного менеджера, вызванного жалобами от жильцов соседних комнат — громкие голоса звезд реалити на канале *“Bravo”*сбивали им, знаете ли, настрой… В эти трудные дни они почти не разговаривали, за исключением ситуаций, когда Санчо высказывал какое-нибудь желание, а Кишот расшибался в лепешку, чтобы его выполнить. Каждый был погружен в свои мысли.

Мысли Санчо были исключительно о побеге.

Выпустите меня отсюда. Мне плевать, что он мой отец, что он меня любит и что я разобью ему сердце и т. д. и т. п. Я должен наконец взяться за собственную жизнь. Когда мы ехали сюда, я всю дорогу думал, что отомщу ему, уведя у него его любимую Салму. Теперь мне на нее плевать. Единственная месть, которой я жажду — моя собственная свобода. Конечно, он не произносил подобного вслух, но было видно, что мысли булькают в нем, как жаркое в печи.

Кишот же, напротив, дни напролет занимался самобичеванием. Избиение Санчо ввергло пожилого человека в состояние полной неопределенности, он снова и снова спрашивал себя, правильно ли живет, и даже о том, насколько верным было его сумасшедшее желание стать отцом, которое привело к появлению на свет Санчо. На протяжении долгого времени он был кем-то вроде бездомного, его жизнь протекала в багажнике автомобиля с быстрыми остановками в дешевых мотелях… Может ли такой человек иметь право привести в этот мир ребенка? Он даже решил, что должен извиниться перед Санчо, но понял, что юноша поймет это неправильно и будет думать, что отец не хотел, чтобы он появился на свет.

В эти дни — отец, поглощенный заботой о сыне, сын, упивающийся тревогой отца, — они все больше отдалялись друг от друга, и великое странствие, начатое Кишотом, было все дальше от них. Однажды, проснувшись среди ночи от плотоядных стонов соседей, Кишот почувствовал: настал момент истины. Довольно с него этих оргазмических мотелей! Его главная и единственная цель — обеспечить достойную жизнь для своего ребенка. Он непременно свяжется с сестрой, вместе они преодолеют трещину между ними и смогут обеспечить Санчо стабильную семью, которая ему нужна. Именно так *все в мире связано.* Только так можно достичь *гармонии и умиротворения* пятой долины. И возможно, тогда ему будет дано увидеть дорогу к Возлюбленной. Он не мог быть достоин Возлюбленной, никак не мог. Как он не понимал, что мнить себя достойным просто смешно? — смешно до тех пор, пока он не оправдает себя в глазах той, с кем связан плотью и кровью.

Он позвонил ей. Он не был уверен, что она сохранила прежний номер, и просто набрал тот, что знал, и она ответила. Когда он услышал ее голос, в горле встал комок, и он не смог говорить.

— Кто это? — спросил голос сестры.

Он не говорил.

— Я вешаю трубку, — сообщил голос сестры.

— Жэ Тэ, это ты? — спросил он дрожащим голосом.

Теперь молчала она. Чуть погодя спросила:

— Смайл-Смайл, это на самом деле ты?

— Да, — ответил он. — То, что от меня осталось.

— Ты где? — спросила она. — Здесь в городе?

— В ночлежке у тоннеля Линкольна. Со мной мой сын.

— Твой сын… Боже мой. Сколько времени прошло.

— Прости меня, — сказал он ей, — за все. Просто прости.

— Приезжай поскорее. Ты можешь приехать? И привози этого твоего… твоего… *сына.*

Как только Кишот повесил трубку, Санчо спросил:

— И все? Это все? Хочешь сказать, вот так просто? Каждый из вас потерял по полжизни, а это было так просто прекратить? Правда? И это все, что ты сказал?

— Похоже на то, — согласился Кишот.

— Вау, — заявил Санчо. — Просто охренеть!

Глава четырнадцатая
Автор, известный также как Сэм Дюшан, встречается с Незваным Незнакомцем

Брат, Автор, потерял связь со своим единственным сыном несколько лет назад. Молодой человек был высоким худым занудой в очках, никто не ожидал, что он способен однажды сбежать из дома, однако после того, как он бросил “хуже, чем бесполезный” колледж, заявив при этом, что “больше никто и никогда не заставит меня написать эссе”, в его поведении начали прослеживаться странности — он стал запирать дверь в свою комнату, где дни и ночи напролет не отрывался от компьютера; бог знает, что он там делал — слушал музыку, смотрел видео, играл в он-лайн-шахматы или развлекался просмотром

порно. Сын жил со своей матерью-американкой, Бывшей Женой Брата (еще одна страница в жизни, которую Брат предпочел не открывать вновь и ничего не знал о содержании новых глав в ней), в одном из многочисленных баснословно дорогих небоскребов Верхнего Ист-Сайда. Бывшая Жена была счастлива в новом браке, это факт, другой же факт заключался в том, что не кто иной, как Брат, познакомил ее когда-то с ее нынешним китайско-американским мужем, в то время одним из своих друзей, дружба с которым теперь прекратилась, это был — тоже вполне достоверный факт — богатый, успешный и хорошо известный в городе человек, а это тебе не шутка. Сын страдал от тяжелого конфликта лояльностей. Видел, что его отец, скажем прямо, не особо успешен в жизни, в то время как отчим постоянно приобретает то новый спортивный автомобиль, то загородный конноспортивный клуб, и постепенно начал испытывать стыд за отца, который со временем перерос в гнев. Он злился на Брата и его Бывшую Жену, а потому все дальше уходил от них в свой собственный тайный мир.

Брат не был знаком с друзьями Сына и после его переезда к матери не знал, где тот бывает, мать тоже знала не больше, так что после того, как

Сын исчез (прихватив с собой ноутбук, телефон и планшет), обратившись в полицию, ни он, ни она не смогли помочь полицейским и указать направление поиска. Несколько недель после его исчезновения Брат был вынужден довольно много общаться *с* Бывшей Женой, они днями просиживали вместе в мрачных кафе, с ужасом ожидая телефонного звонка с сообщением о найденном теле. Звонка не было. Зато состоялся неожиданный визит — занимавшийся поиском офицер полиции захотел поговорить с ними обоими, и Брату случилось побывать в роскошной квартире Бывшей Жены на верхних этажах небоскреба. Отчим был настолько тактичен, что избавил их от своего присутствия, которое прослеживалось во всем — в дорогих и безвкусных произведениях искусства, в особенности, по понятным причинам, современного китайского; Брат подумал, что тот явно испытывает проблемы с самоидентификацией, которые пытается решить, отваливая кругленькие суммы за доставку этой дряни из Пекина и в рамочках развешивая свою идентичность по стенам. Низкие мысли. И он так не думает. Нет, все же думает. В любом случае, он здесь не за этим. Их ждал отвечавший за поиски офицер полиции, и он сказал им совер-

шенно не то, чего они боялись.

Они нашли их Сына. Он жив. Он здоров. Не пьет, не принимает наркотики, не является жертвой похищения, не состоит в секте. Одним словом, он вне опасности. Он находится в стране, не выезжал за границу. Но он не хочет возвращаться домой, видеться *с* родителями и поддерживать с ним связь. Он сменил мобильный номер и не хотел бы, чтобы родители его знали. Это осознанное решение, он долго думал перед тем, как сделать такой выбор. Он взрослый человек, у него есть, где жить, есть работа и счет в банке (нет, не в том, в котором они хранят свои сбережения). Он просил рассказать им об этом и попросить его понять, хотя он знает, как трудно им будет это сделать. Возможно, в будущем он свяжется *с* кем-то из них или с обоими сразу и захочет возобновить общение, но в настоящий момент уверен, что поступает абсолютно правильно.

За этим сообщением последовала банальная родительская какофония, требования более точной информации, рыдания и проч.; едва услышав этот шум, исходящий от него самого и его Бывшей Жены, Брат понял, что на самом деле не удивлен. Люди покидали его. Так было много раз. И если сейчас его Сын решил порвать отно-

шения с семьей, то стал всего лишь очередным, возможно, последним, звеном в длинной цепи потерь: друзья, любовницы, Жена (ныне Бывшая Жена). Выдержав, по его мнению, минимально допустимую продолжительность истерики, он встал, поблагодарил офицера за чувство такта, с которым тот сообщил им эту ужасную новость, извинился и ушел восвояси. Со стен новой станции подземки на него взирали гигантские мозаичные художники и музыканты — Кара Уокер, Филип Гласс, Сесили Браун, Лу Рид, Чак Клоуз — они смотрели с укором, словно он ни на что не годен. Никто не станет держать его за приличного человека. Никто и никогда больше не назовет его “хорошим отцом”. Плохой писатель, плохой отец. Два страйка. Он спустился в метро и сел на линию Q в направлении центра.

И вот теперь пожалуйста — Санчо. Брат не планировал на страницах своей книги никаких воображаемых детей, но Санчо сам появился там и настойчиво хотел остаться. Родной же Сын Брата дематериализовался и исчез из жизни по собственной воле — по крайней мере из жизни собственных родителей.

Кишот, напротив, сделал так, что его сын появился на свет благодаря силе его желания и

милости звезд. Если бы, поклоняясь метеоритным дождям, подумал Брат, я мог сделать так, чтобы Сын вернулся в мою жизнь, я не пропустил бы ни одного из них по всей Америке. Но для этого — как тогда, очень давно — потребовалось бы присутствие его Бывшей Жены.

Порой он понимал, что делает, что за материал его подсознание выхватывает, преобразует и щедро разбрызгивает по написанным им страницам. “Женщина-Трамплин”? Серьезно? Если бы Сестра вдруг прочла, что он пишет, ей это вряд ли понравилось бы. Ее, возможно, также напрягло бы, что финансовые претензии Кишота, словно эхо, повторяют его собственные претензии к ней. А слащавая сцена быстрого телефонного примирения Кишота и Жэ Тэ, как изумленный Санчо спросил у Кишота: *и это все?* Да если бы, думал Брат. В этом я на стороне Санчо. В реальной жизни так просто не бывает никогда. Но Брат понимал, почему так произошло на страницах книги. Радушное появление Жэ Тэ, как и Санчо, было продиктовано необходимостью, которую испытывали и она сама, и Кишот.

Салма же была полностью выдуманным персонажем. В данный момент в его жизни присутствовали исключительно те женщины, которых

он сам создавал у себя в голове. И да, надо признаться, как у Кишота, еще женщины, которых он видел на экране — в его случае в основном не по телевизору, а в кино или интернет-трансляциях. Женщины-фантазии. Реальные женщины для него, похоже, были уже недостижимы. — А что же доктор Смайл? Что ж, Брат относил себя к писателям, которые строят свои произведения на тщательном исследовании жизни. Как ни печально, найдется немало реальных персонажей, которым поношенные башмаки этого сомнительного доктора пришлись бы впору. Ну и рецепты подошли бы тоже. Если бы вы сказали Брату что нелепая история, которую он рассказывает, в отличие от всего, написанного им ранее, уходит корнями в его собственные потребности и обиды, он определенно согласился бы с этим. А старый дурак? Ему претила идея, что Кишот — это его Автор, с воображаемым шлемом на голове и ржавым прапрадедушкиным мечом в руке. Кишот был его поклоном (согласен, земным поклоном) перед великим испанцем, придумавшим его первым. Что мы имеем: он примерно одного возраста со своим героем, у них в прошлом одни и те же корни, ныне оборванные, они родились не просто в одном городе, но в одном районе этого

города, их родители жили по соседству, вполне достаточно, чтобы он, Брат, порой с трудом мог вспомнить, где речь идет об истории Кишота, а где о его собственной. В его сознании их семьи часто сливались в одну. И все же Брат настаивал: нет, Кишот — это не я, я создал его, чтобы рассказать историю, которую хотел рассказать. Брат, чтоб вы понимали, довольно мало смотрел телевизор. Он принадлежал к последнему поколению, выросшему на кино. По телевизору он смотрел только новости (так редко, как только можно, новостные выпуски в последнее время стали практически невыносимы), матчи с участием “Янки” во время бейсбольного сезона, и иногда, если засиживался допоздна, какое-нибудь ночное комедийное шоу. На этом приктически все. Телевидение уничтожило у американцев привычку думать, как разрушило разум Кишота. Брат совсем не хотел, чтобы его разум постигла та же участь.

Значит, упрямо думал Брат, он — не я. Но если он так настаивал на разделении героя и Автора, почему же так часто боялся, не привлекли ли его шпионские романы внимание реальных шпионов, которые теперь шпионят за ним? Ему повсюду мерещились неясные тени, ускользающие,

прячущиеся за его собственной. Это превратилось в какую-то иррациональную фобию (впрочем, все фобии иррациональны). Он никогда не имел доступа ни к каким официальным секретам и не пытался узнать их, успокаивал он себя. Он не игрок на этом поле. Считать иначе слишком самонадеянно. И все же. У него паранойя на почве нарциссизма. Он должен избавиться от нее, в особенности теперь, когда его полностью поглотила эта история, самая странная из всех написанных им историй, которая по непонятным причинам заставляет его улыбаться, глядя на экран компьютера, и навсегда оставить мысли сменить профессию. Бывает, рассказываемая история оказывается мудрее рассказчика. Благодаря этой он узнал, к примеру, что не только реальный сын может в один прекрасный день исчезнуть, но и воображаемый ребенок стать настоящим, хотя возможно и движение в противоположном направлении: целая страна может жить в “реальности”, похожей на нереальную.

Он также собирался с духом, чтобы в ближайшее время предпринять путешествие в Лондон. Быть может, его миротворческая инициатива сработает, как у Кишота. Оливковая ветвь будет сразу же принята, и они с Сестрой снова обретут

друг друга. Да-да, говорил на это циничный голос в его голове, а еще свинки научатся летать. И все же Брат понимал, что в целом не теряет оптимистического настроя. Что ж, думал он, Лондон так Лондон. Давненько он не был за океаном. Надо купить новый чемодан. А еще спросить у опытных людей, какую авиакомпанию выбрать.

В таких более-менее приятных мыслях Брат возвращался в свою квартиру в Кипс-Бэй после вечерней прогулки по Второй авеню. Он нес бумажный пакет с шестью бутылками “Короны” и мечтал, как делал довольно часто, переехать в Трайбеку, возможно, в чердачное помещение в здании “Гулд индастрис” на углу Гринич и Бич, столетнего здания, в котором сначала размещалась типография, а после производили стальную проволоку; оно возвышалось над соседними домами с явным высокомерием, ведь могло гордиться не только славным индустриальным прошлым, но и настоящим с заоблачной ценой две тысячи долларов за квадратный фут, и было для Брата воплощенным домом мечты.

Бывая в Трайбеке, он всегда старался пройти мимо этого здания, хотя неизменно чувствовал при этом собственную ничтожность. Брат отогнал фантазии и повернул ключ в собственной двери;

внутри темной квартиры его встретил приветственный яркий свет, исходивший от экрана его “мака”, на котором он, уходя, оставил заставку с падающим снегом — компьютер был защищен паролем, но каким-то образом включился. В неясном свете экрана взломанного компьютера Брат не сразу разглядел в собственном аэроновском кресле у компьютерного стола японо-американского джентльмена не ниже ста девяноста пяти — ста девяноста семи сантиметров ростом; сколько же он может весить, начал прикидывать Брат. Килограммов сто двадцать, а то и больше. Японо-американский джентльмен был одет в дорогой темно-синий шелковый костюм с голубым шелковым платком в нагрудном кармане, белую сорочку с высоким воротником и красный галстук “Эрмес”, на котором миниатюрный золотой кот гонялся за еще более миниатюрной заводной золотой мышкой, на левом лацкане пиджака был приколот маленький значок с изображением Большой печати США. На значке было что-то написано, но так мелко, что прочесть это было невозможно. На коленях незнакомца небрежно лежал большой пистолет, который показался Брату (он был вынужден что-то понимать в подобных вещах в силу специфики своего

литературного жанра) “гло-ком-22” четвертого поколения. Если не считать присутствия этого джентльмена, все в квартире выглядело нетронутым. Не было и следов того, что оба вторжения — в квартиру Брата и в его компьютер — были насильственными.

— Простите, что напугал вас, сэр, — заявил японо-америка-нец. — Хочу вас заверить, что не причиню вам никакого вреда.

Трудно не испугаться, когда твои самые параноидальные фантазии обращаются в реальность. Внутренняя жизнь Брата на несколько секунд свелась к серии болезненных желудочных спазмов. Сейчас он будет избит — косая черта — убит — косая черта — ограблен, избит и в конце концов убит. “Глок” — очень плохой знак. Брат нашел глазами значок на лацкане незнакомца и впился в него глазами. Он тонул, и это была его последняя соломинка.

— На какую спецслужбу вы работаете? — в конце концов сумел он выговорить почти что своим нормальным голосом.

— Если хотите, сэр, я могу показать вам удостоверение, — ответил тот. — Но я искренне уверен, что вы последний из писателей, которому нужно объяснять, в какой конторе я работаю.

— Оружие, — продолжил Брат, — зачем оружие?

— Знаете, как бывает, — незнакомец говорил учтиво, — человек возвращается домой, видит, что в его кресле восседает неизвестно кто, тогда в целях самозащиты он достает пистолет и начинает палить. Вполне вероятный сценарий. Это Америка, сэр. Я просто хотел предотвратить ненужную смерть, в том числе и свою. Это правда, сэр.

Брат опустил на пол пакет с шестью бутылками и сказал:

— Я буду чувствовать себя куда счастливее, если вы уберете оружие.

Ему удавалось контролировать свое тело и не показывать дрожь, но желудок мог в любой момент подвести его.

Незваный гость выполнил его просьбу, встал и протянул руку.

— Лэнс Макиока. Мы уже встречались с вами по другому поводу, но я уверен, что вы меня не помните.

— Почти уверен, что вижу вас впервые, — не согласился Брат.

— Нет, сэр. У вас была автограф-сессия в Лос-Анджелесе, в книжном на бульваре Сансет, —

объяснил японо-америка-нец. — Я работал тогда с президентом Рейганом, он на тот момент уже отошел от дел. Я подошел к вам и спросил, не согласитесь ли вы подписать книгу для президента. Думаю, вы не поверили мне и сказали: “Насколько я знаю, президент Рейган страдает альцгеймером и уже не может читать никаких шпионских романов по четыреста страниц”. Сэр, я помню ваш ответ слово в слово. А я сказал: “Госпожа Рейган тоже обрадуется вашему автографу”, и только тогда вы любезно подписали книгу.

Брат помнил тот случай. Он даже вспомнил, что, возможно, видел там этот или очень похожий на него синий костюм.

— Полагаю, сегодня вечером вы пришли ко мне не за автографом, — спросил он, успокоившись совсем немного.

— Ха-ха-ха! Нет, сэр, — заверил Лэнс Макиока. — В тот период жизни я занимался охраной. С тех пор я немного подрос по службе.

— Доросли до того, кто вламывается в чужие дома? — поинтересовался Брат. За вымученной легкостью Брат скрывал все еще очень сильную обеспокоенность, даже страх.

Лэнс Макиока не рассмеялся.

— Я по-прежнему защищаю Америку, но

несколько по-другому, сэр. Именно по этой причине я здесь сегодня вечером. Сэр, я хотел бы рассказать вам одну историю. Вы позволите?

— Значит, вы отбираете мой хлеб, — ответил Брат. Снова юмор перепуганного человека.

— Вместо пролога позволю себе поинтересоваться, — без улыбки начал Лэнс Макиока, — говорит ли вам что-нибудь имя Слепой Джо Энгрессиа? Или, может быть, Джойбабл, Пузырек Радости? Ныне покойный.

Брат отрицательно покачал головой.

— В 1957 году, — начал свой рассказ Макиока, — один семилетний слепой американский мальчик случайно обнаружил, что, если определенным образом на определенных частотах свистеть в телефонную трубку, можно взломать телефонную сеть. Если не ошибаюсь, надо начать с четверти ми первой октавы на частоте 2637,02 герц. Так возникло новое явление, известное как телефонный фрикинг, очень тесно связанное с возникновением того, что впоследствии назовут компьютерным хакингом; на каком-то этапе в сообщество телефонных фрикеров входило множество знаменитостей вроде компьютерного воротилы Стива Джобса. Мальчик Энгрессиа вырос и стал для этих людей настоящей леген-

дой. Как бы там ни было, сэр, лет, наверное, в девятнадцать он угодил за решетку и завязал с фрикингом. Его дальнейшая жизнь не сопряжена с особым успехом. В какой-то момент он официально сменил имя на Джойбабл и заявил, что ему пять лет и что до конца своей жизни он намерен оставаться в пятилетием возрасте. Он умер в 2007 году в пятьдесят восемь лет, или в пять, кому как нравится. Сэр, я рассказал вам о нем. Вот почему мы, то есть, так сказать, уполномоченные специальные службы, хотели, чтобы Слепой Джо участвовал в нашей борьбе с хакингом по принципу “ловить воров руками других воров”. Как Кэри Грант в старом фильме Хичкока. У нас поговаривают, что он какое-то время работал на нас, а потом соскочил. Если бы он на самом деле согласился, до самой смерти у него были бы стабильные доходы, медицинская страховка и пенсия. Но нет. Каждый сам делает свой выбор.

— Вы ведь пришли не затем, чтобы рассказать мне эту историю, — заметил Брат.

— Нет, сэр. Это что-то вроде зачина. Вы поймете, в чем здесь мораль, когда узнаете продолжение.

— Я ни разу не хакер — ни телефонный, ни компьютерный, никакой. Чисто для информации. В отличие, как очевидно, от вас, — добавил Брат,

указывая на свой аймак.

— Вы что-нибудь слышали о тайной хакерской организации, известной как “Легион”? — спросил Макиока, проигнорировав выпад Брата.

В голове у Брата что-то щелкнуло.

— Это что-то вроде “Анонима”?

— По нашим данным “Аноним” дышит на ладан, — сообщил Лэнс Макиока. — Его место должен был бы занять “Легион”, если бы не наши грамотные действия, *мы обрушили свой огромный кулак прямо им на темечко.*

Он проговорил это с театральным пафосом, для наглядности ударив сжатой в кулак правой рукой в ладонь левой, в этот момент маска безупречной любезности на секунду съехала, показав лицо человека действия. Брат непроизвольно подумал о Джеймсе Бонде.

— Я по-прежнему не понимаю, какое отношение все это имеет ко мне, — заявил он.

Лэнс Макиока медленно склонил голову — он был согласен, что пришло время сказать самое важное.

— Глава “Легиона” разместил на ютьюбе несколько видеообращений, в которых угрожает рядом мощных кибератак. Во всех роликах он использует устройство для изменения голоса и

появляется в маске, и мы установили, что такие маски выпустили в 2002 году к возобновлению на Бродвее постановки “Человека из Ла-Манчи”.

— Он носит маску Дон Кихота? Это несколько странно, но я так и не понимаю, при чем тут я. Дон Кихот известен миру уже, сколько там, четыреста лет?

— Он использует псевдоним Кихду. Это имя вам что-то говорит?

— Нет. Или да. В 1997 году родился мой сын.

— Вынужден с прискорбием сообщить вам, — продолжал Лэнс Макиока, — что за маской *Человека из Ла-Манчи* скрывается ваш сын. Ваш пропавший сын, насколько мне известно.

— Боже! — проговорил Брат.

— Ваш сын, с которым вы в последнее время, по крайней мере предположительно, не поддерживаете связи, сейчас живет под именем Марсель Дюшан.

— Он на самом деле выбрал такое имя?

— Видите ли, сэр, как оказалось, яблочко упало не так уж далеко от яблоньки.

Брат молчал.

— Расскажите мне историю до конца, — попросил он наконец. Похоже, Лэнс Макиока не торопился это сделать.

— Я читал ваши книги, сэр, включая и ту, над которой вы сейчас работаете, — сказал он. — Я, конечно, не специалист, но, насколько я понял, вы говорите читателям, что “иррациональная”, даже “абсурдная” — наиболее точные определения для описания реальной жизни. Любопытный посыл, хотя в некоторых моментах нужны усилия, чтобы в него поверить. Этот воображаемый ребенок, например Санчо. Что навело вас на мысль придумать такое?

— Подозреваю, вы сейчас сами ответите на свой вопрос, — заметил резко помрачневший Брат.

— Если образ старого придурка списан с вас, — продолжал Лэнс Макиока, — я не хочу вас обидеть, сэр, просто пытаюсь понять ход ваших мыслей, отсюда можно заключить, ведь и правда можно, что — как Кишот таскает с собой фантомного Санчо — вы на самом деле общаетесь со своим якобы пропавшим сыном. Который, как я говорил, пользуется очень похожей на вашу иконографией.

— Отсюда нельзя ничего такого заключить, — возразил Брат. — Это совпадение.

— Конечно, конечно, спасибо, что разъяснили. Сами понимаете, того, кто вынужден делать выводы, можно простить за такой вывод. В большей степени я озадачен фигурой возлюбленной ста-

рого джентльмена. В вашей книге. Кто мог быть ее прототипом?

— У нее не было прототипов.

— В вашей жизни нет возлюбленной?

— Это допрос? Вы меня в чем-то подозреваете? Может, мне лучше позвонить адвокату. Вы же позволите, я надеюсь? Это же, как вы сами заметили, Америка.

— Сэр, прошу вас, будьте уверены, мне неизвестно, чтобы в настоящее время в отношении вас имелись какие-либо подозрения или велось расследование. Это всего лишь дружеская беседа.

— В таком случае потрудитесь рассказать мне то, ради чего пришли.

— Но в вашей жизни есть женщина, о которой вы постоянно думаете, я прав? И эта женщина, если моя догадка верна, в настоящее время проживает за океаном.

— Зачем задавать мне вопросы, ответы на которые вы знаете?

— Потерянный сын и потерянная женщина, — рассуждал Лэнс Макиока. — Двое в одной семье. Вы сами не задавались вопросом, почему близкие вам люди так часто оказываются для вас потерянными? Конечно, задавались. Вы же писатель, наверняка гордитесь умением анализировать

жизнь. Вы явно знаете афоризм Сократа: неосмысленная жизнь не стоит того, чтобы жить.

— Вы явились сюда, чтобы меня оскорблять?

— Ни в коем случае, сэр! — Лэнс Макиока сменил тон на заискивающий. — Я пришел, чтобы рассказать вам историю.

— Но до сих пор так этого и не сделали.

— Потерянная женщина за океаном, — произнес Лэнс Макиока, словно пытаясь что-то вспомнить. — Как много вы знаете о ее нынешнем состоянии?

— Что вы хотите этим сказать? Какое у нее состояние?

— Мне следовало сказать "ситуации", — поправил себя Лэнс Макиока, — о ее нынешней ситуации.

— Меньше, чем вы, очевидно. Вы хотели рассказать мне историю о ней?

— И о вашем сыне, Марселе Дюшане. Вы уверены, что они не общаются?

Брат не ответил. Лэнс Макиока кивнул, медленно поднялся и сложил руки на животе, как примерный ученик.

— Рассказать историю профессиональному писателю, — заявил Лэнс Макиока, — это вызов, сэр. Даже как-то неловко. Позвольте мне немного

собраться с мыслями.

В городе Мумбаи (население 21300000 чел.), в местечке Растом Баг района Бикулла, напротив больницы Масина, в огромном с высокими потолками *зале* старого ветшающего парсийского особняка, за медленным упадком которого мрачно наблюдают многочисленные баньяны, двое известных фотографов установили ни больше ни меньше кабину настоящего “боинга-747”, вокруг которой расставили огромное количество новейшего оборудования для симуляции полетов и огромных экранов, на которые можно было вывести изображения многих международных аэропортов, благодаря чему они сами и их гости под руководством одного из друзей, самого настоящего пилота реактивных лайнеров, могли отрабатывать взлет и посадку самолета. Эта странная забава стала популярна в их кругу, и слух о ней дошел аж до американского посольства в Дели; посольские лбы нахмурились, посольские пальцы зачесали посольские головы, в результате чего в один прекрасный день в дверях старого ветшающего парсийского особняка возник некий мужчина, который настойчиво хотел побеседовать с хозяевами — косая черта — жильцами данного дома, это был японо-американский

джентльмен в синем шелковом костюме, крупный мужчина не ниже ста девяноста пяти — ста девяноста семи сантиметров ростом, который весил, скажем, килограммов сто двадцать, а то и больше. Двум фотографам он представился как Трип Мизогучи и от имени посла США любезно попросил их ответить на несколько вопросов, на что они, сразу сообразив, что имеют дело с разведкой США, тут же согласились.

Они на собственные средства приобрели кабину списанного “боинга-747” и установили ее в своем доме, это верно?

Совершенно верно.

Они также приобрели и установили компьютерное обеспечение и вспомогательное оборудование, необходимые для создания симулятора полета, это верно?

Совершенно верно.

Данный тренажер использовался ими и их друзьями исключительно в развлекательных целях, это верно?

Совершенно верно.

Одна из вечеринок с использованием данного тренажера должна состояться сегодня вечером, это верно?

Совершенно верно.

Не будут ли они возражать, если он, Трип Мизогучи, также посетит эту вечеринку?

Совершенно не будут. Они от всей души приглашают его прийти.

Отдают ли они себе отчет в том, что после того, как несколько лет назад самолеты протаранили башни-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, из-за их дикого и дорогостоящего частного развлечения некоторые люди могут оказаться под серьезным подозрением, и что, если будет доказано, что эти люди имели злой умысел, другие люди могут *обрушить свой чертов огромный кулак прямо им на темечко?* — Очень разумно. Да, они все поняли совершенно правильно.

После того как мистер Трип Мизогучи ушел, пообещав вернуться к условленному часу вечером, двое фотографов — чьи мобильные телефоны, надо заметить, стояли на прослушке у спецслужб — обзвонили сорок самых красивых супермоделей Мумбаи, умоляя: пожалуйста, приходите к нам сегодня вечером, нам нужно, чтобы вы очаровали одного человека. Когда Трип Мизогучи вернулся, в зале звучала музыка, рекой лились напитки, и сорок самых красивых супермоделей Мумбаи наперебой рассказывали ему, как им

нравятся мужчины таких внушительных размеров, как им нравится его костюм, его платок в кармашке, его галстук “Эрмес”, его квадратная челюсть, его улыбка. В конце вечера Трип Мизогучи дружески похлопал фотографов по спинам: “Ребята, вы определенно знаете толк в вечеринках! Сообщите мне, когда еще состоится что-то подобное. Я приеду сюда из Дели. И ни о чем не волнуйтесь. Я вижу, джентльмены, что вы исключительно порядочные люди. Мы не доставим вам неприятностей”. С этими словами он ушел, и ни двое фотографов, ни сорок самых красивых супермоделей Мумбаи не заметили, что в какой-то момент тем вечером Трип Мизогучи успел перекинуться парой слов с одним из гостей, высоким худым занудой в очках, недавно приехавшим в Мумбаи; двое фотографов познакомились с ним в ночном клубе и пригласили сюда, чтобы он смог завести себе друзей. Как звали этого юношу? Двое фотографов так и не смогли вспомнить. Его звали как какого-то известного художника. Пикабиа или что-то вроде того. Однако юному Пикабиа, возможно, не понравилась вечеринка, а Трипа Мизогучи, возможно, перевели из Индии. Так или иначе, ни один из них больше не показывался на *soiree,* которые устраивали художники. По

крайней мере, Трип Мизогучи оказался человеком слова. Дальнейших выяснений по поводу симулятора полетов не последовало.

— Я должен был убедиться, что этот человек — объект разработки, которого мы разыскиваем, — сообщил Лэнс Макиока Брату, — мистер Марсель Дюшан был точно идентифицирован мной как человек, которого мы ранее опознали под ником Кихду. Все было сделано исключительно ради этого. В гробу мы видали их симулятор полетов. Он был предлогом, чтобы попасть туда. Как только я идентифицировал Марселя, заработала вся система. Мы взяли его чуть погодя той же ночью.

— Объект разработки, — повторил за ним Брат, — взяли.

— Совершенно верно, — подтвердил Лэнс Макиока.

— Мой сын жив? Вы его били?

— Он в добром здравии.

— И еще. Вы. Как вас зовут на самом деле — Стив Саянара? Рики Фудзияма? Рок Мисима? Кто вы, в конце концов, такой?

— Я слышал, — проговорил Лэнс Макиока, — что в свое время ваша матушка, обеспокоенная вашей скрытностью, задавала вам тот же вопрос.

— Вы много чего слышали, — заметил Брат. — И нет смысла спрашивать, где, как и от кого.

— Я хотел продемонстрировать вам свое доверие, — сказал Лэнс Макиока. — И потому пришел к вам сегодня вечером под своим настоящим именем. Могу показать паспорт, сэр, если хотите.

— Уверен, у вас их много.

Лэнс Макиока промолчал.

— Что вы делали после того, как "взяли", — требовал от него ответов Брат, — ваш "объект разработки"? Моего сына? Это было в чужой стране! Что сказали власти Индии о том, что американцы похищают людей на их территории?

— У нас не было причин беспокоить индийские власти, сэр, — разъяснил Лэнс Макиока. — Марсель Дюшан — гражданин США, он наш. Мы поместили его в секретный изолятор временного содержания.

— В Индии?

— Нет, в США.

— Боже мой, — воскликнул Брат, — это же моя седьмая книга.

— "Обратный обмен", — подтвердил Лэнс Макиока, чуть не хлопая в ладоши от радости. — Я надеялся, что вы заметите схожесть. Все наши фанатеют от ваших книг.

В своей седьмой книге Брат описал сценарий, как американские спецслужбы выманивают объект своей разработки из надежного укрытия за границу, в нейтральную страну, чтобы арестовать там и доставить в США для допроса.

— Если я располагаю правильными данными, это самая популярная ваша книга, — заявил Лэнс Макиока. — Я видел статистику продаж. Впечатляющие цифры. Для вас.

— История, которую вы мне тут рассказали, — решил уточнить Брат, — как много в ней выдуманного?

— Отличная история, — заверил Макиока. — Вы ее написали.

— Но у вас мой сын. И теперь вы чего-то от меня хотите.

— Здесь я снова должен вспомнить Слепого Джо, — сказал Лэнс Макиока. — Мы хотим, чтобы вы побеседовали с Марселем Дюшаном и уговорили его сменить сторону. Это все, чего мы хотим, как и с Джо. Мы предлагаем ему сценарий “браконьер становится егерем”. Сценарий! Это слово используют века с четырнадцатого, я полагаю. Если он примет наше предложение, мы до конца жизни обеспечим ему стабильный доход, медицинскую страховку и пенсию.

— Почему он станет меня слушать? Несколько лет мы даже не разговаривали.

— Используя вас в качестве посланника, мы сыграем на факторе неожиданности. Он никак не представляет себе такого, а значит, будет сразу выбит из колеи. Дальше все зависит от вас. Лично я предполагаю, что он носит в себе какое-то количество гнева, направленного на общество, конечно, коррумпированность системы, воротилы-толстосумы, вертикаль власти, это без сомнения. Но в основном его гнев направлен на вас и, возможно, также на мать, но значительно меньше. Ему понадобится выплеснуть этот гнев. Ваше появление, как я уже сказал, застанет его врасплох и поможет выплеснуть из себя этот поток. Вы справитесь с этим. Вы его отец. Вы хотите, чтобы он вернулся в вашу жизнь, а значит, позволите ему высказать все, что он захочет. Когда он все из себя выплеснет, будет готов выслушать от вас наше сообщение. Сообщение для него следующее: он сотрудничает с нами, приносит пользу своей стране и взамен получает наше покровительство. Альтернативный вариант: ему будут предъявлены обвинения в кибертерроризме, и мы позаботимся о том, чтобы *весь остаток своей гребаной жизни* он провел в

тюрьме в Гуантанамо.

Снова этот внезапный климактерический припадок и удар огромного кулака в ладонь. Агент носил дорогой костюм и обладал изысканными манерами, но под всем этим, под этой дорогой оберткой, был самым страшным человеком, которого Брат встречал в своей жизни.

Придуманный Братом мир воплотился в реальность. Возле дома их ждал черный “кадиллак эскалейд”. Лэнс Макиока распахнул перед ним дверь — заднюю, со стороны пассажира — и помог устроиться на сиденье. От него в деликатных выражениях потребовали надеть повязку на глаза, на что Брат, за неимением выбора, согласился. Будь он настоящим шпионом, рассуждал Брат, то даже с завязанными глазами смог бы по движению машины хотя бы приблизительно определить, куда его везут, к примеру, на восток по шоссе 495 или мимо стадиона на север вглубь страны. Но он даже представления об этом не имел. С повязкой на глазах он испытывал головокружение из-за того, что реальное и вымышленное перемешалось, параноидальное и реальное восприятие мира слились в одно. Даже Сын, с которым ему в скором времени предстояло встретиться, представлялся своего

рода вымыслом. Маска Человека из Ла-Манчи! Словно Дарт Вейдер из лавки ширпотреба сбежал из истории Брата и перешел на темную сторону. Жизнь под двойным псевдонимом — Кишду, Марсель Дюшан. Его Сын по собственной воле стал придуманным персонажем — два в одном, если угодно. Вот и он сам сначала привел Санчо в этот мир, а после Санчо захотел стать *реальным,* жить *настоящей жизнью.* Эти двойные перерождения — эхо друг друга, в этом не может быть сомнений. Интересно, если бы Брат сказал при встрече Сыну: я так сильно скучал по тебе, что придумал выжившего из ума старика, который чудесным образом создал себе сына, которого у него никогда не было, как бы отреагировал Сын? Любит ли он его до сих пор хоть немного, поможет ли это ему встретить отца с любовью? Есть ли у них хоть малейший шанс на воссоединение? Отчуждения, воссоединения… снова шаткий союз реального и воображаемого. Кто-то посторонний, прочти он его записи, на каком-то этапе решил бы, что вымышлены в них все, что Брат, Сестра и Сын — такие же художественные образы, как Кишот, Салма и Санчо. Что жизнь Автора — такой же вымысел, как и его книга.

Они ехали два часа или какое-то другое время,

которое показалось Брату двумя часами, и все это время японо-американский джентльмен вкрадчивым голосом вводил его в курс дела. Группа кибергениев была создана ранее и сейчас должна была быть усилена, чтобы противостоять возрастающим по мощности кибератакам из России и Северной Кореи с прокси-серверов любой сложности — от давнего хищения персональных данных, как у организации *CarderPlanet* до полномасштабных взломов со стороны *Guccifer* 2.0. В настоящее время группу, известную в конторе как подразделение "Муравейник", возглавляет гений-хакер из Болгарии, который два десятка лет назад перешел на сторону ФБР и помогал им готовить ответный удар. Он называет себя Христо Димитаров, но это *nom de guerre*, кличка, составленная из имен двух легендарных болгарских футболистов, Христо Стоичкова и Димитара Бербатова. "Муравейник" создавался медленно, но добротно, практически все его сотрудники в прошлом были хакерами, перешедшими на другую сторону.

— Они понимают, — вещал японо-американский джентльмен, — что это Третья мировая война, и будущее свободного мира, независимые социальные медиа, честные выборы, факты и

право, демократия и свобода — то, как мы это понимаем, — зависят от того, кто выйдет из нее победителем. Скажите это своему сыну. Подозреваю, что он патриот. Пока заблудшая овца, но под маской он патриот. Я заметил, что он решил спрятаться за образом героя, имя которого стало нарицательным, мы же говорим “как Кихот”. Он идеалист. Сейчас он сражается не с теми, можно сказать, воюет с ветряными мельницами, но его можно вернуть. Вокруг полно настоящих великанов, которым он должен дать бой.

Кибервойна — это война, в которой ложь атакует правду. Это загрязнение реальности нереальностью, фактов — вымыслом. Это эрозия и обесценивание эмпирического разума с последующей заменой на старые страхи и предрассудки. Чем это отличается от того, чем занимается он сам, спрашивал себя Брат, чем это отличается от придуманных им произведений, в ловушку которых он сейчас угодил? Кроме того, что он не пытается разрушить западную цивилизацию, уж простите. Не слишком большое отличие. И он никому, кроме себя самого, не создает трудностей.

Когда повязку с глаз сняли, Брат увидел, что находится внутри самого обыкновенного приземистого строения, окруженного густо заросшими

лесом холмами. Эта современная архитектура сбивала с толку. В такой местности он бы скорее ожидал увидеть деревянную избушку с черепичной крышей. А эта конструкция из стекла и бетона не имеет привязки к месту, она может стоять где угодно. В этом отношении этот дом напоминает его самого, подумал Брат. Он тоже не имеет привязки к месту. Японо-американский джентльмен проводил его в уютно обставленную гостиную с диванами и креслами с цветочной обивкой. Здесь были также бильярдный стол, приспособление для метания дротиков, шахматы и нарды. Брат не увидел бассейна, но подумал, что он точно оборудован где-то неподалеку. На тюрьму не похоже, сказал он агенту в синем костюме.

— Разумеется, нет, — ответил тот. — Мы здесь, чтобы подружиться.

Дверь открылась, и в комнату вошел Сын. Увидев сидевшего в ней отца, он весь ощетинился.

— Они и тебя заграбастали, — сказал он, и это не было вопросом.

— Нет, — ответил Брат. — Я нахожусь здесь по доброй воле.

— Даже не сомневаюсь, — произнес Сын. — Вижу, ты уже знаком с господином Трипом Миногучи. Он апологет доброй воли.

— Трип назвался мне Лэнсом Макиокой, — сообщил Брат.

Тут в разговор вмешался японо-американский джентльмен.

— Предлагаю покончить с этим раз и навсегда — заявил он. — Вот мой пропуск в Лэнгли. Как вы знаете, там не указывают псевдонимы. Вот мое личное имя. Агент Кайл Кагемуся.

— Снова демонстрируете нам свое доверие? — поинтересовался Брат.

— Именно так.

— Один черт, — заявил Сын.

— Джентльмены, оставлю вас вдвоем, чтобы вы могли обо всем поговорить, — откланялся новоявленный агент Кайл Кагемуся. — Уверен, вам многое предстоит наверстать. Добро пожаловать в "Муравейник", Кихду. Мы ждем тебя, добро пожаловать на борт.

— Как ты вообще здесь оказался? — спросил Сын. — Ты даже не знаешь, кто я! Ты никогда про меня ничего не знал!

— Ты прав, — ответил Брат. — Мы никогда не были настоящей семьей, правда? Но есть кое-что, чего ты не знаешь о том, что значит быть родителем. А это значит быть рядом всегда, когда тебе это нужно.

— Просто безумие, что ты здесь! — заявил Сын. — Ты так глубоко увяз во всем этом, что даже не понимаешь, насколько глубоко.

— Мы оба, — ответил Брат.

Агент Кагемуся оказался прав. Поначалу слова не шли, но довольно скоро хлынули потоком, как из прорванной водопроводной трубы. Одним из главных обвинений Сына в адрес отца была принадлежность к великой индийской диаспоре. Сын ездил в Индию, чтобы найти свою идентичность. Только индийцы, живущие в Индии, могут претендовать на аутентичность. Диаспора — сборище фальшивых индийцев, людей, чьи корни так давно вырваны из индийской почвы, что их души умирают от жажды; они не знают, на каком языке говорить и каких богов почитать, и жадно скупают индийское искусство и в рамочках развешивают свою идентичность по стенам (мог ли парень догадываться, что почти слово в слово повторяет мысли Брата о собственном отчиме?). Это люди, продолжал он, которые летают в Индию на пару недель каждый Новый год и еще на несколько свадеб, где объедаются сладостями, отплясывают в неоновом свете ночи, а потом чувствуют, что до краев наполнили Индией свои топливные баки и могут возвращаться домой,

чтобы обманывать всех еще полгода. Сын выучил индийское выражение “четыреста двадцать”, которое никак не связано с курением травы, а обозначает нечто поддельное, сфальсифицированное. *Чарсобис,* произносил он с выраженным акцентом и ожесточением.

— Вы все чарсобис. И кстати, никому не нравятся твои книги.

— Если систему нельзя изменить, ее следует уничтожить, — ответил Брат.

На другой день Сын неожиданно сник и зарыдал, тут же снова превратившись в очень молодого человека; все маски были сброшены. Он позволил отцу себя обнять.

— Мы чуть этого не сделали, — всхлипывал он, — чуть не сделали.

Брат начал говорить ему про “Муравейник”, борьбу с реальным врагом и служение высшему благу. Это не заняло много времени. Всего несколько дней. Сын был хороший мальчик. Да, он был *как Кихот.* Он быстро понял, что ему передали. И не хотел в тюрьму.

Расставаясь *с* Сыном, Брат знал, что не скоро увидит его. Теперь его это не пугало. Между ними все наладилось. Уезжая, он решился задать последний вопрос.

— Да, кстати, почему все-таки Марсель Дюшан?

Сын улыбнулся.

— Думаю, это мой способ сказать: я люблю тебя, папа.

Брат повернулся и пошел к выходу, окрыленный, но сын окликнул:

— Пап!

— Да?

— Ты только маме не говори.

Снова повязка на глаза и черный “эскалейд”. По пути в город агент Кагемуся делился с Братом своими последними мыслями.

— Благодарю за службу! — начал он. — Буду откровенен с вами: на данный момент вам известно много, можно даже сказать, слишком много. Но мы хорошие ребята. Не устраиваем наезды грузовиков на пешеходов. Однако мы за ними следим. Поэтому мы будем следить за вами. Мы в вашем телефоне, в вашем компьютере, в каждом звонке, каждом файле. Даже не пытайтесь спрятаться от нас. Мы не относимся к такому по-доброму. Мы благодарны вам за помощь и просим хранить молчание. Пожалуйста, не разочаруйте нас, начав говорить. Мы не выносим разочарований.

— За неосторожную болтовню расплачиваются

жизнью, — ответил Брат. — Приятно слышать, что вы хорошие ребята.

— Все правильно, — сказал агент Кагемуся. — Вы умный человек.

С его глаз сняли повязку, и он увидел, что снова находится у своего дома.

— Позволите последний вопрос, — осведомился Брат. — Я в некотором роде фанат старого кино.

— Слушаю, сэр. Сам люблю смотреть старые фильмы.

— Отлично. “Кагемуся”. Я видел этот фильм. Это значит “тень воина”.

Агент никак не отреагировал, но затемненные окна “эска-лейда” начали закрываться.

— Благодарю, — сказал Брат, — за очередной жест, призванный установить доверие.

Глава пятнадцатая, касательно Сестры и Того, что нельзя простить

Ресторан, расположенный под двухэтажной квартирой Сестры в Ноттинг-Хилле, назывался “Санчо” в честь Игнатиуса Санчо, “Необычного негра”, который родился на работорговом судне (предположительно) в 1729 году, беглого раба, впоследствии получившего в Англии свободу; этот Санчо служил английским милордам, а не скитался со странствующими рыцарями, он был композитором, драматургом, полемистом, плодовитым газетным корреспондентом, автором “Теории музыки”, агрономом, первым африканцем, принявшим участие в выборах в Британии, и — наряду с Оттоба Кугоано и Олауда Эквиано — одним из первых историков британского рабовладения и одновременно ярым борцом против

него; он позировал Гейнсборо и дружил с Лоуренсом Стерном и регулярно питался цыпленком по-ямайски, либо соленой рыбой и пивом “Красная лента”, коронными блюдами названного в его честь ямайского заведения (хотя мог пробовать африканское каллалу). По всей вероятности, думала Сестра, он едва ли одобрил бы и громкую танцевальную музыку, которая с определенного момента орала в подвале под заведением, хозяева которого недавно решили развиваться в русле ночного клуба и наплевать на всех спящих по соседству детей. Люди начали добирать на улице, а пьяные разборки продолжались до трех часов утра. Трудно представить, что Игнатиус Санчо был убежденным фанатом диско. В конце концов, он был человеком, принявшим сторону англичан и не поддержавшим Американскую революцию. Консервативным человеком.

Ассоциация жителей района обратилась к Сестре за помощью. Она согласилась стать представителем группы активистов и провела несколько встреч *с* хозяевами заведения, в ответ получив лишь общие фразы. Сестра предлагала рестораторам мировые соглашения, оговаривавшие уровень шума в децибелах и сокращенное время работы ночного клуба. Она обращалась

в местные органы самоуправления с просьбой вмешаться и расставить все по местам, а затем и в полицию с просьбой выдать соответствующие предписания. Она указывала на то, что “Санчо” имеет лицензию как ресторан, а не ночной клуб, открытие которого должно расцениваться как прямое нарушение юридических обязательств с его стороны. Только после того, как все эти попытки не увенчались успехом, Сестра с тяжелым сердцем согласилась подать на “Санчо” и его учредителей в суд.

Когда началось судебное разбирательство, владельцы ресторана обвинили ее в расизме.

Социальные сети не имеют памяти. Скандал, происходящий сегодня, ценен сам по себе. Словно бы Сестра не боролась с расизмом всю свою жизнь. Разные люди, косившие под лидеров своих общин, хулили ее, утверждая, что громкая музыка по ночам — неотъемлемая составляющая афро-карибской культуры и любое противостояние ей должно расцениваться как предвзятое отношение к ее представителям, словно не замечая, что подавляющее большинство молодых ночных выпивох и выпендрежников-драчунов были богатеями, притом совершенно белыми. Кто-то открыл страницу на фейсбуке, призван-

ную не допустить присуждения ей пожизненного пэрства — на тот момент она была баронессой — и не позволить сохранить по слухам принадлежавшие ей лидирующие позиции среди кандидатов на вот-вот освобождающийся пост спикера Верхней палаты парламента. Только за первый день эту петицию подписало 113 686 человек. Она начала получать письма от хейтеров и даже прямые угрозы. Разумеется, это не осталось без политических последствий. И без того хрупкая коалиция левых и правых, вознамерившаяся посадить ее на мешок с шерстью — рабочее место всех спикеров Верхней палаты начиная со времен Эдуарда III, — дрогнула и развалилась. В британской манере ей дали понять, что имеет место некоторое смущение из-за выдвинутых против нее очевидно голословных (!) и чрезвычайно несправедливых (!) обвинений — по причине которых некоторые люди могут подумать что-то не то. Она почти мгновенно поняла, как реагировать. Она позвонила своей приятельнице баронессе и заявила, что снимает свою кандидатуру: “Я благодарю тебя за поддержку, Аретта, но не хочу, чтобы из-за меня кто-то думал что-то не то. Не то чтобы я до смерти хотела сесть на этот мешок”.

Ткацкий станок ее жизни сломан, думала она,

станок, на котором она все эти годы из старых ниток ткала полотно своей жизни. Работа, друзья, здоровье, дочь, семья, любовь. И конечно! Диаспора. Бога ради, диаспора! Раса, история, борьба и воспоминания. Да и еще раз да всему перечисленному. Все это — основа полотна. Можно соткать самое лучшее полотно, его можно сделать, когда, с одной стороны, обладаешь такими навыками, а с другой, хочется надеяться, человечностью — тем, чего не было у Арахны, когда она бросила вызов Афине и оскорбила богов. (Заметим, кстати, что, если вытканное Арахной полотно, изображавшее сцены унижения богами людей, в особенности Зевса, имевшего привычку брать силой земных женщин, на самом деле превосходило красотой полотно Афины, Сестра всеми силами поддержала бы Арахну, и мстительная Афина, обратившая ее в паука, даже не появилась бы в этой истории.) Что ж, не только ее жизнь развалилась на куски. Увы, мы живем в мире, где все прерывается. То, что было вчера, не имеет уже никакого смысла и не может помочь тебе построить завтра. Жизнь стала исчезающей чередой фотоснимков, сегодня их запостили, завтра удалили. Все мы нынче люди без истории. Характер, текст, история — все это умерло. Сохранилась лишь грубая пародия на

нашу прежнюю сущность, и именно по ней о нас судят. Грустно дожить до момента, когда глубина осознанно выбранной тобой в целом мире культуры сводится лишь к ее внешним проявлениям.

На помощь Сестре пришел закон, как это случалось обычно, и, как она верила, это должно быть. В стенах заштатного зала заседаний, в котором слушалось плевое, по сути, дело о нарушении тишины в ночное время, бесспорно, сохранились прежние ценности. Там присутствовали доказательства. Имели место факты — совсем не то что беспочвенные ответные обвинения. Там была правда. Я хочу жить и умереть здесь, подумала она. Это мой дом. Она выиграла дело с легкостью. Суд обязал владельцев ресторана принести публичные извинения за нарушение условий действующей лицензии и порочащую честь клевету в адрес Сестры. В одну ночь армия преследовавших ее троллей исчезла, и культура, не имеющая памяти — все культуры стали теперь такими, — мгновенно забыла, как травили невинную женщину, и пошла вперед. На улице стало тихо. Любители ночных развлечений ушли в другое место мешать другим людям, тревожить сон других детей. Все, что было, прошло; началась обычная жизнь. Сестра привыкла получать

удары в суде, она сказала себе, что и эти синяки со временем пройдут.

Только сейчас, когда дым на поле брани рассеялся и армии отступили, она увидела, что ее муж и дочь по-настоящему пострадали во время этого конфликта. Годфри Саймонс восседал на судейской скамье Верховного суда, где перед его глазами проходил весь мир, которому он выносил свои решения, а после приходил домой, облачался в длинное платье, выпивал бокал красного “Бандоль” и становился Джеком, ее Джеком. Тот факт, что его жену довольно долго поливали грязью, внушил ему ярость, справиться *с* которой он был не в силах.

— Это нельзя простить, Джек, — убеждал он ее. — Мы движемся обратно к охлократии. К суду Линча, к забиванию фруктами на складах, к сожжению на костре.

— Ну-ну, Джек, довольно, — не соглашалась она. — Так ты договоришься до охоты на ведьм. В ночь перед процессом они крутили одну песню. Уверена, в твоей комнате тоже было слышно. Я не расслышала точно, но мне кажется, там пели “я пошел против закона, но закон победил”. Была ли вообще это песня? Это же ровно то, что произошло. Закон победил.

— Произошло не только это. Еще и то, что они сделали с тобой. Такое нельзя простить!

Их Дочь, девушка слегка за двадцать, восходящая звезда фэшн-индустрии, владелица собственного шоу-рума — косая черта — ателье в бывших гаражах неподалеку, среди клиентов которого становилось все больше блестящих, худых и очень востребованных фотомоделей, готовых ждать в очереди, чтобы быть одетыми ею, присутствовавшая при этом разговоре, вмешалась.

— Есть такая песня, — заявила она. — А извинений тому, что произошло *с* тобой, нет. Я тоже никогда этого не прощу.

— Вам обоим надо успокоиться, — увещевала Сестра. — Я буду жить дальше.

Она полностью потеряла интерес к должности в Палате лордов, несмотря на новые попытки убедить ее, сопровождавшиеся выражением сочувствия и извинениями, совершенно — она это видела — неискренними и отлично просчитанными, как и любые другие политические извинения во все времена. На самом деле Сестра испытывала облегчение от того, что ей не придется взваливать на себя эту новую и непростую роль, в то время как существовала необходимость обратить внимание на некоторые факты

ее частной жизни. “Некоторые факты ее частной жизни”. Ха! Она стала большей британкой, чем сами британки. Сейчас не время для эвфемизмов и иносказаний. Ей нужно решать вопрос со здоровьем. С тем, говоря коротко, чтобы прожить еще максимально долго, оставаясь при этом в состоянии играть любые роли в любых делах. Говоря без экивоков, с переходящей в вероятность возможностью скорой смерти.

В прошлом она уже победила рак, который должен был ее убить. Когда она была довольно молода и, как утверждали окружающие, весьма привлекательна, у нее диагностировали четвертую стадию рака груди с начавшимся поражением лимфоузлов. Несмотря на крайне неутешительный прогноз для пациентов в ее состоянии, она выжила. Двойная мастэктомия была не единственным нанесенным ей увечьем. Лечение требовало удалить часть подмышечной ткани и несколько мышц грудной клетки и, плюс к этому, предполагало очень агрессивную химиотерапию. Несмотря на то что, по словам врачей, лечение было полностью успешным и она достигла устойчивой ремиссии, Сестра понимала, что после такого ни один мужчина не испытает к ней желания и остаток жизни ей предстоит провести

в полном одиночестве, в состоянии устойчивой ремиссии по отношению как к смерти, так и к жизни; приговор к смерти заменили на приговор к жизни, ее удел — одиночество и чувство вины, присущее всем раковым больным, вины за то, что она сама пустила в свою жизнь болезнь, не единожды совершив в ней неправильный выбор. Возможно, Судьба наказывает ее за то, как она обошлась с пожилым Художником с Печальным Лицом: как утверждают некоторые злые языки, их разрыв свел его в могилу. А потом она встретила Джека, который полюбил ее, несмотря ни на что. За этим последовали многочисленные чудеса: любовь, семья, блестящая карьера, личное счастье. Появление на свет здорового ребенка, Дочери, было самым большим чудом. Сестра считала, что после химиотерапии стерильна и не сможет забеременеть, но ее тело решило иначе.

Сестра боялась, что теперь, когда она уже не молода, болезнь вернулась. Почти каждое утро она просыпалась с ощущением панического ужаса. Она уговаривала себя не дурить, у нее нет симптомов, все хорошо. Потом говорила себе: если волнуешься, пройди полное обследование. Но обследоваться она боялась. Тяжба с “Санчо” позволила ей отвлечься, практически

выдохнуть эмоционально. И вот теперь, когда все закончилось, она снова начала слышать, что нашептывают ей сидящие на плечах ангелы. *С тобой все в порядке,* шептал тот, что сидит на левом плече. *Пойди и проверься,* твердил тот, что на правом. Сестра не стала слушать никого из них, она ходила на работу, возвращалась домой, по дороге заскакивая в шоу-рум к Дочери, чтобы полюбоваться красотой, которую ее девочка творила собственными руками, и поболтать о том, как прошел день, вместе с Джеком, облаченным в красное, или зеленое, или синее платье, выпивала бокал вина и убеждала себя, что это лучшие дни в ее жизни. Но она продолжала чувствовать, что она здесь: темная тень в ее крови.

Я не умираю, говорила она. И *буду ли я жить? Она* надеялась, что не была слепа и опасно самонадеянна. Возможно, следовало скрещивать наудачу пальцы, не прислушиваясь к словам ангела смерти? Ей несколько раз снилась Немезида на запряженной грифонами колеснице, размахивающая карающей плетью.

Было еще одно обстоятельство, никогда полностью не оставлявшее ее. Брат. Удар в ухо, обвинения, угрозы. Его имя приходило ей на ум где угодно, как и то, что нельзя простить, если

это на самом нельзя простить и — косая черта — или она не хочет прощать. И вот теперь, когда Дочь и Джек, обсуждая другой случай, говорили, что это нельзя простить, ее мысли улетели в прошлое — опять к потерянному брату, с которым, как считает ее Дочь, такая воинственная и бескомпромиссная сейчас в своем гневе на то, как поступили с ее матерью, ей следует наконец помириться. Дочь даже купила “Обратный обмен”, один из его романов в мягкой обложке (сильно не потратилась, купила в “Старой книге” у Ноттинг-Хилл-гейт), и уговаривала Сестру прочесть его: “Эти агенты ЦРУ едут в неназванную страну на Востоке — может, в Пакистан? — чтобы похитить человека. Непонятно: то ли он невиновен, то ли это сын Усамы бен Ладена или какого-то другого террориста. Ты не поймешь этого до последней страницы. Очень современно. Сто процентов тебе нужно прочесть”.

То, что она его сестра, казалось ей еще одним пожизненным приговором.

В тот день, когда Сестра узнала плохую новость, ее Дочь пыталась представить себя в виде маски. В показе ее новой коллекции, думала она, будут участвовать модели в различных масках: анималистических — олених *с* ветвистыми рогами,

львиц, свирепо рычащих медведиц, — карибских, сплошь в перьях и блестках, расписанных вручную масках комедии дель арте — Арлекино, Панталоне, капитана Скарамуччи, — мужские маски, трансформированные и освоенные самыми высокими и самыми красивыми девушками, каких она только сможет нанять… Если прямо мимо вашего ателье лежит маршрут карнавала, трудно не заболеть масками. Кто-то дал ей диск с перезаписанной с видеокассеты старой, годов восьмидесятых, постановкой “Орестеи” Эсхила в Национальном театре, все актеры в которой выходят на сцену в масках. Просмотр четырех с половиной часов античной трилогии убедил ее в том, о чем она слышала раньше, но не понимала: маски работают. Маски становились людьми, они оказались способны передать истинно трагические эмоции. Маски были живыми. Такого же эффекта ей хотелось достичь во время своего двадцатиминутного показа. Что невозможно, но именно невозможное как раз и стоит пытаться совершать. Дочь рисовала маски для самой себя. Какой же может быть маска, которой захочет стать она, маска, которая станет ею?

— Посмотри-ка вот это, — попросила ее помощница Орнелла. *Вот это* оказалось несколькими

роликами на ютьюбе; первые видео были выложены группой хакеров “Аноним”, члены которой, мужчины (и женщины?), появлялись на экране в масках Гая Фокса из оригинальной версии фильма братьев Вачовски “V значит вендетта”. Второе видео принадлежало конкурирующей *с ними* хакерской группе “Легион”, это была обращенная в камеру речь человека, использующего устройство для изменения голоса и маску Дон Кихота из какого-то времени назад возобновленной на Бродвее старой постановки “Человека из Ла-Манчи”.

— В них обоих так много смыслов, — сказала Дочь. — Наверное, нам стоит попытаться связаться с ними. Я уж сумею одеть их покруче.

— Мне кажется, я слышала, что “Легион” распался, — сообщила Орнелла. — А “Аноним” теперь снимает тупые ролики про инопланетян, которые прилетают на Землю, уже прилетели и живут среди нас.

— Черт, они проникли внутрь нас и похитили нашу оболочку, — сказала Дочь, а затем провыла голосом Далека: — Мы и есть пришельцы, которых вы ищете!

На самом деле она уже довольно давно скрывалась за чем-то наподобие маски, изображая легкость и веселье, чтобы не показать никому

горечи и страха, переполнявших ее на самом деле. Не так давно она пережила расставание с возлюбленным и разрыв с бизнес-партнером в одном лице, человеком значительно старше нее, польским аристократом и талантливым предпринимателем, чье пристрастие к кокаину стало огромной проблемой. Теперь Дочь была одинока и остро нуждалась в партнере, который помог бы ей с коммерческой стороной ее предприятия; она старалась справляться со всем сама, немного паниковала из-за этого и пестовала свою тоску, понимая, что находится очень близко к опасной черте. Да, думала она, маска мне ни к чему. Я уже собственная маска во плоти.

— Пойду подышу воздухом, — обратилась она к Орнелле. — Я ненадолго. Присмотри тут за всем.

Дочь прошлась мимо домов, украшенных лепниной, белой или затейливо раскрашенной, прошла мимо церкви, уничтоженной бомбой во время лондонского блица и восстановленной после войны, и оказалась перед родительской квартирой, в которой в этот час никого не должно было быть. Мать и судья должны быть на работе, а домработница уже должна уйти домой. У нее был ключ, и она вошла в здание мимо дюжих охранников “Санчо”, бросавших на нее недру-

жественные взгляды. Неудивительно, что они затаили обиду после недавнего судебного разбирательства. Никак не отреагировав на их грязные взгляды, она поднялась наверх.

Впоследствии Дочь клятвенно заверяла, что совершенно не собиралась делать того, что сделала, зайдя в квартиру, она просто хотела какое-то время побыть в тишине, подальше от гнетущей атмосферы на работе. Вполне возможно, что так оно и есть. В какой-то момент Дочь зашла в кабинет на втором этаже, где работала Сестра, когда была дома, села за ее компьютер, разблокировала его — пароль она знала — и от имени матери написала письмо своему дяде в Нью-Йорк.

Кто-то из нас должен сделать первый шаг, а ты, возможно, слишком неуверен в том, как другая сторона воспримет твою инициативу, или слишком погряз в делах, или просто не хочешь возобновлять наши столь давно прервавшиеся отношения, поэтому первый шаг сделаю я, мой ход в старой описательной нотации: 1. P-K 4.

Отправить.

Едва она отправила письмо, на нее нахлынула волна сладкого ужаса. Начало чему она положила? Что подумает мама? Как отреагирует дядя,

который, естественно, решит, что ему написала Сестра, а не ее решившая влезть не в свое дело Дочь? Ответит ли он, или ее риск, этот дикий, запретный, переходящий любые границы поступок, окажется напрасным? Неужели она сделала неверный ход?

Ну вот, я снова прячусь за маской, думала Дочь. Она неподвижно сидела, не отрывая глаз от монитора, час, девяносто минут, два часа. Скоро Сестра и судья будут дома. Ей стоит выключить компьютер, а потом, спустя какое-то время, рассказать все маме. Или дождаться ее здесь и взглянуть неприятностям прямо в лицо.

Дзинь!

Новое входящее сообщение. Он ответил. Ее сердце замерло.

1. *.Р-К4.*

Это был ее ход.

В замке повернулся ключ. Дочь вскочила и выбежала из комнаты — в прихожей этажом ниже с каким-то листком в руках стояла вернувшаяся домой мать, она смотрела прямо на Дочь, и на ее лице было какое-то новое, незнакомое выражение. Она все знает, решила Дочь. Как это возможно? Не знаю, а она знает, и она просто в

бешенстве.

— Спускайся, — позвала ее мать. — Мне нужно кое-что тебе сказать.

— Я должна тебе кое в чем признаться, — ответила Дочь.

— Спускайся, — повторила мать. — Будешь первой.

Итак, Дочь говорила первой, когда она рассказала о шахматных ходах, Сестра вдруг потеряла присущее ей железное самообладание и разрыдалась. О ее стоицизме ходили легенды. Эти мощные, сотрясающие тело рыдания шокировали Дочь, еще более усилив в ней чувство вины, и вскоре она плакала вместе с матерью. Через пару минут Сестра сделала несколько глубоких вдохов и, улыбаясь сквозь душащие ее с новой силой слезы, сумела выговорить:

— Родная, ты даже не представляешь, почему я плачу

На самом деле Сестра мгновенно почувствовала себя счастливой, узнав про Брата, тут же решила, что непременно ответит, и даже определилась со следующим ходом в шахматной партии. Поступок Дочери указал ей дорогу в новую жизнь, заставил поверить в то, что все еще можно исправить. Это случилось в тот самый день, когда ее

обычный анализ крови показал далеко не обычный результат. Она была права насчет темной тени в своей крови. Радостное известие о том, что в ее историю снова вошел Брат, и смертельно опасный диагноз, который, весьма вероятно, станет концом этой истории, — такого контраста она просто не могла выдержать. Она протянула Дочери листок; по мере того как та вчитывалась в его содержание, ее слезы высыхали, уступая место лихорадочному блеску страха и решимости. Ей казалось, что между ними прямо на дубовом паркете прихожей разверзлась могила, из зияющей бездны которой вынырнула рука и схватила ее мать за щиколотку.

— Не переживай. Это совершенно не значит, что я умру завтра, — сказала Сестра. — Существует лечение. Иногда оно даже позволяет людям прожить все отпущенное им время. Я считаю: что мне мешает оказаться одной из таких людей?

Ни одна из женщин не заметила, как вернулся домой судья. Он подошел к Дочери и забрал у нее из рук листок.

— Если ты умрешь, Джек, — обратился он к жене, — это будет самая непростительная вещь из всех, что есть на свете.

Сестра уже выглядела спокойной, ей удалось

взять себя в руки. Она откупорила бутылку хорошего бордо.

— Эту болезнь считают болезнью белой расы, — рассуждала Сестра с бокалом в руке. — А также людей, против которых использовали “Агент Орандж” или другое оружие массового поражения. Еще она передается по наследству, но это не мой случай. Как будто она случайно поселилась не в том теле, но она здесь, в моей крови, в этом нет сомнений, и, как вы видите, еще и в костном мозге. Лейкоциты очень высокие. Ошибка в клеточной ДНК кроветворной системы. Ошибка в ДНК! Как будто ты машина, собранная в пятницу вечером. Рабочие, которые меня собирали, хотели домой на уикенд, торопились и схалтурили. Но я же всю свою жизнь была чертовски здоровым человеком. Люди восхищались, какое крепкое у меня здоровье. А я им обычно отвечала: “Крепкое здоровье есть у нас до тех пор, пока однажды доктор не сообщит, что у нас его нет”.

— Есть один врач в Америке, — сообщила Дочь, подняв глаза от телефона. — Индиец. Темнокожий. Ему нет равных в этой области. Даже стадии болезни названы в его честь. Вот больница, в которой он работает. Могу позвонить и записать тебя.

— Лучше Лондон, — возразила Сестра. — Здесь можно получать такое же лечение. И не надо лететь через океан.

— Звони, — велел Дочери судья.

Как он мгновенно постарел, подумала Дочь. Эта новость вышибла из него часть жизни. Возможно, их обоих скоро не станет, возможно, это сведет в могилу их обоих. Возможно, они повторят историю Ма и Па, бабушки и дедушки, которых она никогда не видела. Ма умерла, а Па не смог пережить этого и тоже умер на следующий день.

Следующей, до кого дотянется эта рука, будет она сама.

— Прошу прощения у вас обоих, — сказала Сестра, — но мне нужно отправить электронную почту.

Сев за стол, она глубоко вздохнула и отправила Брату следующий ход: 2. *Р-КВ4.*

На этот раз ответ пришел очень быстро: 2. . *РхР.* Он принял от нее пешку, которой она жертвовала. Тоска исчезла, и Сестра улыбнулась.

Ты помнишь? написала она.

Гамбит Альгайера и Кизерицкого, ответил он. *Он тебе всегда нравился. Хочу сказать тебе кое-что о шахматах. Это как ездить на велосипеде? Невозможно открутить назад.*

Теперь проверим, как много ты помнишь, написала она. 3. *N-KB3.*

. P-KN4. Ну что, я молодец?

4. P-KR4.

4.... P-N_5.

5. N-K_5.

Вот здесь, написал он, *начинается моя головная боль. Поиграем во что-нибудь еще? Во что ты хочешь?*

Здравствуй.

Здравствуй, Брат.

Часть III

Глава шестнадцатая
Женщина-Трамплин рассказывает Санчо и Кишоту Историю о Предательстве, и Дорога оказывается открыта

Время, эта камера смерти, наполненная ужасом, стены которой все сильнее и сильнее сжимают своего несчастного обитателя, пока не расплющат совсем, выдавив из него дух, начало смыкаться вокруг Кишота, когда он смотрел на дом своей сводной сестры. В груди что-то давило и скребло, болело, словно Костлявая с косой собственноручно делала ему массаж. Как поэтично будет, подумал он, рухнуть мертвым у нее на пороге, положить свою жизнь на ее алтарь, искупить этим все прошлые ошибки. *“Гулд индастрис”* (писал Брат, поселивший Женщину-Трамплин в доме своей мечты) *на углу Гринич и Бич, столетнее здание, в котором сначала размещалась типо-*

графия, а после производили стальную проволоку, оно возвышалось над соседними домами с явным высокомерием, ведь могло гордиться не только славным индустриальным прошлым, но и настоящим с заоблачной ценой две тысячи долларов за квадратный фут. Женщине-Трамплину принадлежало целых пять тысяч таких квадратных футов с высоченными потолками и деревянными балками перекрытий на самом верху, в пентхаусе. Приставленный ко входу в здание швейцар в ливрее смотрел на Санчо и Кишота с явным подозрением. Эта парочка — Кишот, который явно мерз в поношенном деловом костюме, и Санчо в рваных джинсах и требующем чистки кашемировом пальто — не производила нужного впечатления. Они взирали друг на друга в молчаливом противостоянии, Кишот и швейцар, поистрепавшееся достоинство странника против облаченной в униформу усмешки лакея. Затем в холле началась какая-то суматоха, и женщина с непослушными черными — черными как смоль, какие наши годы! — волосами, путаясь в одежде и размахивая руками, выскочила из здания и приветственно раскинула руки. Это была Женщина-Трамплин. Она была высокой, даже, можно сказать, долговязой, с вытянутым худым лицом, и

если бы не длинные волосы и массивные серьги в виде колец в ушах, подумал Кишот, то выглядела бы как мое отражение в зеркале.

Женщина-Трамплин положила руки Кишоту на плечи и притянула его к себе, чтобы поцеловать. После чего задала ему, как показалось Санчо, очень странный вопрос:

— Что ты помнишь?

От неожиданности Кишот опешил.

— Кое-что помню, — словно оправдываясь, начал он, — помню, как мы лазали с папой по скалам в Скэндал-пойнт в Шимле и искали в углублениях маленьких крабиков. Помню спальный вагон в почтовом экспрессе до Дели, я спал на верхней полке, папа на нижней. И огромный металлический ящик с цельным куском льда, который папа поставил в купе, чтобы нам не было жарко. Помню деревянное колесо обозрения, такое маленькое, всего четыре места, которое он арендовал на целый день в мой день рождения. *Чаракх-чу.*

На его лице появилась скорбь. Он резко поднес руку ко лбу, словно почувствовав острую боль.

— Тебя тогда с нами не было. Тебя еще вообще не было. Ты ничего этого не знаешь.

— Значит, ты ничего не помнишь, — резюми-

ровала она, — *про нас.*

— Я лучше помню то, что было давным-давно, — признался он, — еще тогда, когда всего этого не было, до его второй свадьбы, до тебя. А все что было после… только кусками.

— Ну, а ты, — Женщина-Трамплин обратилась к Санчо, окидывая его тяжелым взглядом, — ты для меня пока загадка. Надо будет обязательно все про тебя разузнать.

Санчо удивило, как много в пентхаусе Женщины-Трамплина было религиозной атрибутики. Вход охраняли два бронзовых, покрытых патиной полубога-центуриона размером с бультерьера, у них были человеческие головы, звериные тела и львиные лапы с коровьими копытами. Сразу за дверью возвышалась шестифутовая львиноподобная фигура *с* лицом демона. Это был *Яли,* бог, защищающий порог дома от проникновения зла. Когда-то он стоял перед входом во дворец правителя на Малабарском побережье, и все входящие и выходящие, желающие хорошо выполнить свою работу подданные и отправляющиеся на войну царевичи, просили у него благословения. Было здесь и современное изображение Будды, который спал, накрытый белым куском материи под черным деревом на красной земле. Это

было дерево просветления, предусмотрительно снабженное тянущимся к розетке синим электрическим шнуром. Он не был включен в розетку. Просветление еще явно не наступило.

Женщина-Трамплин сама ответила на вопрос, который Санчо так и не решился ей задать, не зная, как это сделать.

— Я совершенно не религиозна, нет. Я нахожу эти вещи прекрасными, сильными, даже живыми. К тому же женщины, с которыми мы работаем, бедные женщины, которых мы поднимаем, потому что сами они подняться не могут, все эти женщины во что-то верят, и мне иногда кажется, что благодаря этому их жизнь оказывается гораздо богаче, чем моя.

— Отец говорит, что у иммигрантов вроде нас с вами всегда есть проблемы с идентичностью, и чтобы хоть как-то разрешить их, они скупают предметы искусства и развешивают у себя по стенам идентичность в рамочках.

— Я так не думаю, — возразил перепуганный Кишот, — и никогда ничего подобного не говорил. Где ты только откопал эту спорную мысль?

— Сам не пойму, — согласился до крайности озадаченный Санчо, — такое чувство, что есть что-то еще, что кто-то другой вложил эту мысль

мне в голову.

— Что ж, — заявила Женщина-Трамплин, — давайте начинать. Я открою вино.

Барная стойка представляла собой длинное изящно украшенное резьбой бревно темного тика, над которым висело изображение четырех обритых налысо женщин в белых сари; они сидели в комнате, пол которой был застелен дорогим ковром *с* изображениями сцен семейной жизни — можно было рассмотреть семейный автомобиль, домашнего кота и мертвое тело мужа, все в миниатюре. Лица всех четырех женщин полностью повторяли лицо Женщины-Трамплина. Белый — цвет траура, а на ковре лежал мертвый мужчина. Женщина-Трамплин снова ответила Санчо на незаданный вопрос.

— Да, я все организовала и провела, когда умер наш отец. Наш общий отец, его и мой. Я четырежды оплакала его — на севере, юге, востоке и западе, в прошлом, настоящем, будущем и вне земного времени. Не думай, что понимаешь меня, потому что две минуты смотришь на это. Ты представления не имеешь, кто я такая.

Санчо попытался успокоить ее.

— Ну что вы, просто красивые вещи. Я не имел в виду ничего такого.

— Проехали, — согласилась она, — я тоже представления не имею, кто ты такой. *Твое здоровье.*

Именно так по телевизору показывают воссоединение семей, подумал Санчо. Люди хотят уколоть друг друга побольнее, поддеть, но в конце эпизода происходит нечто вроде взрыва, и вот уже все обнимаются, рыдают и говорят, как сильно любят друг друга. И вот теперь он участвует в подобном эпизоде. Он знал, как следует играть отведенную ему роль.

В доме сестры Кишот сделался тихим, отрешенным и почти незаметным, он как будто мерцал — то исчезал, то снова появлялся, точно призрак. Он и выглядел крайне потерянным, словно не решил для себя, имеет ли право находиться здесь, и совершенно не понимал, что нужно делать, чтобы осуществить то, ради чего он пришел, — восстановить мир и гармонию в семье. Чем дольше говорила Женщина-Трамплин, тем больше казалось, что в комнате присутствуют сразу два Кишота, версия из прошлого и теперешний человек, прежний Кишот постепенно заслонял собой нынешнего, из-за чего тот выглядел все более размыто; эти два Кишота были настолько разными, что настоящего Кишота можно было рассмотреть в комнате с трудом, ведь он сам был

не в состоянии перестать ощущать себя тем, кем уже не был. Сначала он стоял у застекленных дверей террасы и наблюдал, как волшебство ночи постепенно окутывает прекрасные и ужасные днем улицы. Когда стемнело, Кишот вернулся в комнату, уселся на табурет в дальнем углу и по большей части молчал.

— Я расскажу тебе все, — начала Женщина-Трамплин, обращаясь к Санчо, — расскажу то, что он забыл или утверждает, что забыл, и все, о чем он утверждает, что не помнит, кто с кем так поступил, он со мной или я с ним, или как там еще. Я сделаю это, потому что ты теперь член нашей семьи — по крайней мере, он так говорит, — пусть даже он не скажет мне ни слова о том, как и почему ты появился на свет и что случилось с твоей матерью. Мы дойдем и до этого. Не знаю, что он рассказал тебе про нас, но уверена, в его рассказе есть большие лакуны.

Так оно и есть, согласился Санчо.

— Он сказал, что ужасно поступил с вами, — ответил юноша, — но хочет все исправить. По крайней мере он думает, что случилось именно это.

— Подозреваю, он говорит о деньгах, — предположила Женщина-Трамплин, презрительно

махнув рукой, — но это еще мелочи. Основное же состоит в том, что он никогда не заботился о чувствах других. И даже не думал отвечать, когда разбивал кому-то сердце. И что же, теперь он правда заделался мистиком? Семь долин ведут к совершенству, и мы уже в пятой? И все из-за женщины, которую ни разу в жизни не видел? Просто потрясающе, правда. Вознестись над реальностью на облако из чуши. К тому же в погоне за мечтой. Да он может носить футболку с надписью: *“Я не способен жить реальной жизнью. Я не способен любить.*

В этот момент Кишот повернулся к ним лицом. Он по-прежнему молчал. Он выглядел как человек, готовый впервые в жизни выслушать некую странную историю. Он сложил руки на коленях и приготовился слушать сестру.

— Давным-давно, — начала Женщина-Трамплин свой рассказ, — он был очарователен и эгоистичен. Посмотри на него сейчас и увидишь костлявое пугало, кожа да кости. Он считает, что совершает странствие во имя любви, но ты знаешь лучше, ты понимаешь, что ждет его в конце пути. Хотя откуда я могу знать, что ты видишь? Может, ты считаешь себя верным оруженосцем благородного рыцаря.

— Честно говоря, — решил Санчо встать на защиту Кишота, — у него и сейчас обезоруживающая улыбка и безупречные старомодные манеры. И со мной он совершенно не эгоистичен.

— Ты предан ему. Понятно, — ответила Женщина-Трамплин. — Это хорошо, но тогда последующее расстроит тебя, поскольку я вынуждена буду рассказать о вероломстве, даже предательстве. Ты точно хочешь все это услышать? Хотя какая разница. Я здесь, чтобы познакомить твоего отца с его забытым прошлым.

— Дело в том, что я уже давно должна была быть мертва. С этого и начнем. Я должна была умереть, но мое тело решило иначе. Мне пришлось столкнуться с последствиями этого решения. Смириться с ними, и рак в моей груди был уничтожен. Последствия включали двойную мастэктомию, удаление части подмышечной ткани и нескольких мышц грудной клетки. И химиотерапию. Когда пройдешь через все это, больше не думаешь о себе как о чем-то живом. Считаешь себя тем, кому повезло не умереть. Именно этим я и являюсь с тех пор: той, кому повезло не умереть, той, кто переживает последствия своего спасения. Ты больше не думаешь, что у тебя есть пол или сексуальность. Ты считаешь себя той,

что не умерла, продолжаешь жить, не имея на то ни малейшей причины. Тому, кто находится в этом состоянии принятия последствий, очень нужны простые вещи, поддержка и любовь. Твой отец не смог дать мне ни того, ни другого.

— Он тогда был кем-то вроде журналиста-фрилансера, — Женщина-Трамплин снова обращалась к Санчо, — занимался расследованиями. Он предпочитал такие слова. Специалист по разведке. По крайней мере в своих собственных глазах. Не думаю, что он был хорошим специалистом в этом. Но он всегда хорошо говорил. Он говорил, что докапывается до мрачной истинной реальности этого мира, сокрытой так глубоко, что большинство из нас даже не подозревают о ее существовании и всю свою жизнь проводят среди приятных выдумок. Женщины — их было предостаточно — слушали, развесив уши. А через какое-то время переставали замечать его и уходили своей дорогой. Возможно, то, что от него осталось, верит, что эта телевизионная Салма тоже станет его слушать.

Люди называли его параноиком, и он соглашался с таким определением. У него была целая теория паранойи. Вряд ли он сейчас это помнит. Он говорил, что паранойю следует рассматривать

как явление по сути позитивное, ведь параноик верит, что у всего происходящего в мире есть причина, что у жизни есть смысл, пусть и скрытый. Он никогда не говорил с тобой об этом? Да, видимо, эту часть себя он тоже утратил, как и многие другие. Явление, противоположное паранойе, утверждал он тогда, — энтропия, и оно по сути трагично, поскольку считает нашу Вселенную абсурдной. Говорил он очень красиво. Писал, правда, хуже. Ему приходилось по-прежнему ютиться в маленькой квартирке в Кипс-Бэй. Ая к тому моменту как раз заработала свои громадные деньги, и между нами сразу встала зависть. Он редко заходил ко мне в эту квартиру, потому что завидовал, что я живу здесь. Это было так глупо! Завидовать мне тогда было совершенно не в чем. Искалеченное тело, химиотерапия, трансформация в бесполое не умершее существо, эдакого трикстера, которого выпустила из лап обманщица-смерть. Я бы еще поняла, если бы он завидовал моей удаче, но он завидовал моей квартире. Вот таким он был мне братом. Сводным, конечно. Полубратом. Он не был мне братом даже на нашу кровную половину.

Я всегда помогала ему подняться, когда его бросала очередная женщина. А они его постоян-

но бросали. Когда поток красноречия иссякал, женщины видели, что мужчины-то рядом и нет, раскланивались и были таковы. Ему не с кем было строить реальные отношения. Однако казалось, что все, что заботило его тогда, — найти новую кратковременную связь. Следующее нереальное. А когда ему делали ручкой, он бежал ко мне. Он приходил к своей Женщине-Трамплину, чтобы оттолкнуться от нее и взлететь; я, конечно, сама виновата, все время утешала его вместо того, чтобы сказать: эй ты, сволочь, неужели не видно, кому из нас сейчас нужны поддержка и толчок? Я должна была так ему сказать, но не сказала. Поднимать других, быть им опорой для прыжка — это мое. Так что я не жалуюсь… Песня, благодаря которой он придумал мое прозвище, появилась в год, когда я заболела… Он зреет, гнев. Копится кучами, как мусор на улицах Нью-Йорка. А потом происходит что-то, и он вырывается наружу, и не дай бог никому попасться на пути этой лавины.

Солнце скрывалось в водах Гудзона, и все трое в молчании наблюдали с террасы квартиры, как оно исчезает, как яркий свет растворяется в водном мраке, словно мечта, которую забыли. Женщина-Трамплин была, напротив, неугасима,

она пылала огнем и ничего не забыла; все, что накопилось у нее внутри за долгие годы разлуки, сияло, как второе солнце, которое даже не собиралось садиться, по крайней мере до того, пока не будет решено их жаркое дело.

— Предательская слепота, — произнесла она, и было трудно понять, к кому она обращается на этот раз — к Кишоту, к Санчо или к планете Венера, ярко горящей на ночном небе, — жертвы предательства всегда пытаются внушить себе, что их не предавали. Например, в случае с сексуальной изменой, но подозреваю, в других случаях тоже. В бизнесе, в политике, в дружбе. Мы все горазды обманывать себя, потому что очень хотим продолжать верить тем, кому верили. Но так поступают не только жертвы. Предатели тоже уговаривают себя, что никого не обманывают. В самый момент предательства они убеждают себя, что поступают хорошо, что действуют в интересах тех, кого обманывают или в угоду какой-то высшей цели. Они спасают нас от нас самих или, как Брут со своей шайкой, спасают Рим от Цезаря. Они ни в чем не виноваты, они хорошие или, по крайней мере, не такие уж и плохие.

— Так что он сделал? — не выдержал Санчо. — Я про отца, не про Брута.

Женщина-Трамплин обняла себя за плечи скрещенными руками и глубоко вдохнула, словно не хотела раньше времени выпускать наружу бушевавшую внутри бурю.

Необходимо, сказала она, сначала в качестве преамбулы рассказать Санчо кое-что о проблеме южноазиатских мужчин. Видимо, Санчо пока не особо сталкивался *с* этим?

Нет, про такое она не думала.

Она не станет утомлять его статистикой. Но просит поверить ей на слово: в ее работе, в микрокредитовании малообеспеченных женщин с целью дать им возможность начать свое дело и стать финансово независимыми ей не приходилось сталкиваться с тем, что таких женщин поддерживали их мужчины. В своей работе она и ее сотрудники руководствуются так называемыми шестнадцатью принципами Грэмин-бэнка, среди них есть и такие — к примеру, одиннадцатый: “Мы не будем брать никакого приданого на свадьбах наших сыновей и не будем давать никакого приданого на свадьбах наших дочерей”, — которые не приветствуются патриархальным обществом. Сексуальное насилие имеет место везде, по отношению к любой южноазиатской женщине, решившей самостоятельно

строить свою жизнь и расширить границы своей свободы.

Ее организация предоставляет женщинам микрокредиты без каких-либо гарантий. Их работа строится исключительно на доверии между заемщиком и банком. Он и сам может догадаться, не правда ли, что там, где доверие оказывается такой же твердой валютой, как денежные купюры, предательство оказывается главной болевой точкой.

Тут Санчо перебил ее, чтобы сообщить, что Кишот рассказывал ему о том, чем она занимается, причем довольно много. Для Женщины-Трамплина это стало полной неожиданностью.

— Значит, это он помнит, — сказала она. — Вот уж не ожидала.

— Это как-то связано с тем, что он называет Внутренним Событием?

— Да.

— Так что ж это все-таки за Внутреннее Событие?

— Расскажу, когда дойдем до этого. Всему свое время.

— Я написала статью, — продолжила она свой рассказ, — в “Нью-Йорк тайме”. О своей работе. Я тогда была полностью опустошена своей личной

битвой и — признаю — выразила в статье свое отчаянье из-за того, как многими способами, в большом и в малом, южноазиатские мужчины не дают своим женщинам развиваться, как много сложностей нам приходится преодолевать из-за их явно устаревших взглядов на жизнь, о каких вещах приходится договариваться. Поначалу мою статью приняли хорошо, ее перепечатали многие издания, в том числе и в Южной Азии. Какое-то время я была счастлива от того, как ее восприняли. И вот тут началось безумие. Люди — мужчины из Южной Азии — начали присылать мне оскорбления. Мужененавистница, лесбиянка и проч., и проч. Я получала угрозы, мне подробно описывали, что будут делать с моим телом, пока я жива и после смерти, мне обещали, что я буду гореть в аду, но самое страшное — в этих письмах угрожали женщинам, которые рискнут обратиться в нашу организацию. По-настоящему шокировало меня другое — против меня ополчились и старшие, самые уважаемые члены диаспоры здесь, в Америке. В первую очередь религиозные деятели, но также и лидеры бизнес-сообщества, те самые, что раньше поддерживали мои начинания и сотрудничали с нами. От меня требовали, чтобы я принесла

публичные извинения всем мужчинам Индии, Пакистана, Бангладеш и Шри-Ланки, а также всей южноиндийской диаспоры. В какой-то момент мне казалось, что все, что я выстраивала годами, рухнет за одну ночь. Что я победила страшный недуг только затем, чтобы умереть от другой, даже более страшной болезни. Болезни, с которой мы только начинаем знакомиться.

Речь идет об ответном ударе.

Меня спасло то, когда это случилось. До г. э., так сказать, до гугл-эры. В мире до рождения монстра, которым стал интернет, до начала эпохи электронно тиражируемой истерии, в мире, где слова еще не стали бомбами, способными насмерть взорвать тех, кто их произносит, а для формирования общественного осуждения достаточно нескольких подобных взрывов. Теперь, в гугл-эру, г. э., миром правит тупая толпа, которой, в свою очередь, управляют смартфоны. Тогда же самым высокотехнологичным гаджетом оставался факсовый аппарат. Старые технологии сохранили мне бизнес и жизнь. Тогда они были слишком медленными, чтобы убивать. Гневное улюлюканье вокруг меня росло, но очень медленно. Я билась в предсмертной агонии, но, к счастью, эта агония тоже была слишком медленной, и мне

хватило времени организовать свою защиту и выстроить противостояние. Лучше всего было то, что женщины, которым мы когда-то поверили и дали деньги без всяких гарантий на возврат, теперь верили нам. Вера спасла меня так же, как и их. Наша организация выстояла. Я выстояла. Не выстояла только разразившаяся вокруг нас буря.

Я думала, что могу доверять твоему отцу, своему брату, пусть и сводному, так сказать, полубрату, но он предал мое доверие. Тогда мне казалось, что это нельзя простить.

— Он не был на вашей стороне, — понял Санчо.

Предположить это было довольно легко.

— Уж не знаю, на какую половину он мне брат, — продолжила Женщина-Трамплин, пытаясь успокоиться, — но *с* этой половиной явно что-то не так. Он сказал, что я должна была это предвидеть. Сказал, чего еще я ожидала. Сказал, не сделала ли я этого специально, чтобы спровоцировать их, привлечь к себе внимание или что там еще. Сказал, что я сама виновата. Кто-то прислал мне на адрес “Нью-Йорк тайме” отрезанную свиную голову, мне позвонили из редакции и предложили, если я захочу, отправить ее с курьером. Во всем этом виновата я одна.

— Случая со свиной головой я не помню, —

очень тихо вступил в разговор Кишот, — а все твои обвинения относятся к человеку, которого давным-давно нет на свете.

Тут Женщина-Трамплин захотела поведать Санчо, как конец их отношений с Кишотом связан с гораздо более глобальной катастрофой, концом света.

Едва эта объемная тема была представлена, Санчо встрепенулся.

— Одну минуточку. Мы только что говорили об отрезанных свиных головах. Какое отношение они имеют к концу света?

— Никакого, я сменила тему, — пояснила Женщина-Трамплин, — пришло время упомянуть Ивела Сента.

— Ивела Сента? — не поверил Санчо своим ушам.

— Да.

— Какого Ивела Сента? Этого миллионера от науки?

— Насколько мне известно, в мире только один Ивел Сент.

— Вау!

В квартире было темно, но никто не зажигал свет. Все трое сидели на некотором расстоянии друг от друга, окутанные мраком. Затем из тем-

ноты раздался голос Кишота:

— Я видел его.

— Когда? — не поверила своим ушам Женщина-Трамплин. — Где? Как это возможно?

— По телевизору, — просто объяснил Кишот. — Он рассказывал, что наука сейчас доказывает ровно то, что я уже знаю. Обещал представить научные доказательства, когда придет подходящее время.

— Ты знаешь, что скоро случится конец света?

— Он прочел какой-то научно-фантастический рассказ, — пояснил Санчо, — и решил отправиться в странствие. Когда он воссоединится со своей Возлюбленной, Вселенная достигнет цели своего существования и потому придет к своему завершению.

— И что же, он чувствует, что все нормально? — поинтересовалась Женщина-Трамплин.

— Вы же сами его знаете, — ответил Санчо. — Кто знает, что он чувствует.

— Я познакомилась с этим странным красивым юношей, Ивелом, — начала Женщина-Трамплин свой рассказ, — на вечеринке для богатых в одном из этих их клубов — “Лотосе”, “Мумбе”, “Бунгало” или “Скажи, что тебе нравится”, уже не помню. Я не любила подобных вечеринок,

мужчины в красных подтяжках заказывают “Кристал” и размахивают перед женщинами деньгами, словно это их самый неотразимый сексуальный орган, но порой мне приходилось там бывать из-за своего недавно начатого проекта микрокредитования. Кто-то из друзей сказал, что мне нужно познакомиться с одним молодым физиком, который вот-вот станет миллиардером, и подвел к нему через толпу. Я ожидала увидеть некое клише, маленького тощего темнокожего зануду-очкарика, классический типаж индийца, заколачивающего в США огромные деньги на новых технологиях, и была удивлена, когда меня подвели к одетому в явно сшитый на заказ костюм человеку с внешностью кинозвезды, блестящей улыбкой и вкрадчивыми манерами, сумасшедшему ученому, наряженному франтом. Он всегда был во всеоружии, таким способом он всегда давал людям понять, с кем они имеют дело. Он сказал: “Буду рад, если вы присядете и выпьете со мной”. Меня зацепило его имя. *Злобный Сент.* У тебя самое подходящее для этого мира имя, подумала я, но сдержалась и не сказала этого вслух. Наверное, ему приходилось регулярно выслушивать подобные шутки. Он сам выбрал себе это имя. Аввал Сант, его настоящее индийское имя

было весьма неплохим, но он отказался от него. Это должно было стать для меня звоночком, что с ним не все ладно. Мне следовало обратить на это внимание.

Он на несколько лет моложе меня, а вел себя, как будто еще младше, держался напыщенно, неловко, но при этом дерзко, пребывая в полной уверенности, что он гений. У нас нет с ним ничего общего, кроме отношения к деньгам, подумала я. В финансовых вопросах я как раз переходила на другую сторону — раньше я думала о том, как лучше заработать, теперь меня заботило, как лучше отдать. Он по-прежнему интересовался астрономическими заработками, но тоже думал о чем-то гораздо большем. Деньги являются средством, а не целью, в этом мы сходились.

Мне понравилась первая же фраза, которую он произнес, когда я подсела к нему. “Прошу меня простить, но я не веду светских бесед”. Звучит забавно, но он произнес это так четко, с таким нажимом, искренней убежденностью и энергией, что его слова прозвучали еще забавнее, сделав его еще интереснее. И он стал говорить о себе, что вполне обычно для людей при деньгах. Но они, как правило, начинают рассказывать тебе о своих активах, о своих самолетах, о своих

яхтах, о своих бла-бла-бла, что для меня всегда служило сигналом для скорейшего завершения общения. А этот Ивел стал рассказывать мне, как он увлечен природой реальности, о размытости и изменчивости этого понятия, и это также было мне интересно. Он размышлял о параллельных вселенных уже тогда. Потом он начал рассказывать о своем увлечении научной фантастикой, называл незнакомые для меня имена писателей из прошлого — я запомнила Саймака, Блиша, Корнблата, Спрэга де Кэмпа, — тут я заскучала и решила уйти, и вот тогда он сделал нечто совершенно отвратительное. Схватил меня за запястье, взглянул на меня, как мне показалось, с настоящей злобой и прошипел: “Ты не можешь уйти”. Я сбросила его руку. Тайная злоба у меня внутри была гораздо больше его злобы, я показала ему лишь ее маленький отблеск. “Тебе следует научиться себя вести, — сказала я ему, — обязательно сообщи мне, если это случится”. И ушла. Подойдя к двери, оглянулась и посмотрела на него еще раз. Казалось, он был глубоко погружен в свои мысли, в себя. На самом деле он наблюдал за мной. Позднее он признался: “Если бы ты не оглянулась тогда, я бы никогда не заговорил с тобой снова. Но ты оглянулась. Это было очень

важно”. Так может рассуждать, подумала я, только крайне самовлюбленный человек. Но и это было тоже интересно.

Я была уверена, что ни один мужчина не сочтет меня привлекательной после того, что сотворили с моим телом, и смирилась с этим. Да, это было причиной моей тайной злобы. Во мне было так много злобы на то, что со мной случилось. Я научилась прятать ее очень глубоко, так, что она не могла прорваться наружу, пока я не решу выпустить ее. Теперь она работает на меня, говорила я себе. Я говорила себе много всего: что я занимаюсь делом, которое люблю, что у меня есть верные друзья, богатая удобная жизнь, что я победила смерть. Такая прекрасная картинка, мужчина мне просто не нужен, ведь он не сможет ничего в ней улучшить. Этими позитивными мыслями я удерживала злобу в ее склепе. Но она жила во мне, словно я не могла без нее. Она во мне до сих пор.

Я жила внутри стеклянного кокона, в который, совершенно не задумываясь о том, какой вред может нанести, Ивел Сент ворвался и начал говорить о конце света. На следующее утро после того, как он схватил меня за руку, он стоял перед моим домом с букетом в руках и набирал

номер моего мобильного. Я не оставляла ему номер телефона, не говорила, где живу, но он был здесь. Предприимчивый. Решительный. Готовый просить прощения. Настойчивый. Я пригласила его подняться в квартиру, и произошло то, что произошло. Нет, я говорю неправильно. Все было медленно. Мысль о том, чтобы раздеться для мужчины, вселяла в меня ужас. Мысль о том, что он дотронется до меня. Он сказал: “Я никуда не спешу. Конец света наступит не так быстро”. *“Что?* — спросила я его. — *Что?”* И он изложил мне свою излюбленную теорию, на которую сейчас потратил миллиарды. Космос распадается, как осыпается краска со старого холста или разрушился Египет. В пространстве-времени появляются дыры, Ничто одержит победу над Всем. И свой великий план. Он уже работает над этим, он создал научную корпорацию, нанял самых лучших ученых со всего мира и начал разработки, он даже придумал своему детищу имя.

Тогда я впервые услышала про NEXT. *Neighbor Earth Xchange Technology.* Технология перемещения на соседнюю Землю. Он рассказывал: “Как только я сумею построить устройства для транспортировки, мы все будем спасены, будем в безопасности. Пока я даже не представляю себе,

на что эти устройства могут быть похожи. Люди обычно думают про *космические корабли,* но, скорее всего, ворота на соседние Земли будут выглядеть именно *как ворота.* Или порталы, как это называют в научной фантастике. Заходишь в подобие телефонной будки, а выходишь уже в другое измерение. Я думаю про шкаф, ведуший в Нарнию. Предполагаю, что ТП, Технология Перемещения, будет именно такой. Мы все зайдем в шкаф, а на выходе нас будет встречать под фонарем добрый лев. Тебя, меня, все человечество! Отправиться туда смогут все. Мы станем людьми будущего, поколением NEXT". Когда он говорил, порой напоминал проповедника из Гайаны или Пуны. Порой казался безумцем. Но все видели, как он страстен, как убежден в том, что говорит, как великолепен. И он не вел светских бесед. Когда он наконец решил обсудить наши отношения, он был неожиданно прямолинеен.

Чтобы произвести на меня впечатление, он пригласил меня не куда-нибудь, а в планетарий, на публичную дискуссию "Космос на продажу", в которой был заявлен как один из участников. Вместе *с* ним в дискуссии участвовало четверо белых мужчин в серых костюмах. Ивел же был в золотом жилете, украшенном вышивкой в виде

всех планет солнечной системы, как звезда в окружении звезд. Четверо белых мужчин рассказывали об освоении космоса бизнесом. Они построят грузовые летательные аппараты, отвечающие потребностям НАСА, отправят роботов на астероиды, чтобы добывать там полезные ископаемые, будут отправлять богатых людей на космические уикенды. Совершенно не стесняясь, они делились своими надеждами в ближайшее время стать первыми в истории триллионерами. Когда Ивелу дали слово, он заявил им, что зацикленность на космосе не позволяет им увидеть пространственно-временной кризис. Он говорил о грядущем распаде Вселенной и необходимости искать убежища на одной или нескольких параллельных Землях. Единственные технологические разработки, которые имеют сейчас смысл, с жаром говорил он, это изучение возможности перемещения между измерениями. “Марс остался в двадцатом веке. Соседние Земли — единственное, о чем стоит думать”. Белые мужчины в серых костюмах смотрели на темнокожего человека в золотом жилете со всем снисхождением, на которое только способно их племя, и смеялись над ним. “Как долго нам всем осталось? — обратился один из них к Ивелу. —

Успеете ли вы вовремя подготовить нам путь к спасению?" Ивел ответил ему очень серьезно: "Я вижу, что вы мне не верите, но очень скоро знаки Великой Нестабильности заставят вас изменить точку зрения. Нам осталось недолго, это факт, но, возможно, достаточно. Я работаю день и ночь, одновременно над поисками соседних планет Земля и разработкой транспорта, способного нас туда доставить. Должен сказать, мы совсем не далеко от небывалого научного прорыва".

К концу дискуссии глаза Ивела лихорадочно блестели, он был во власти сильнейшего возбуждения; таким я его еще не видела. Да он уличный боец, подумала я, какой удивительный гибрид — снаружи помесь Рока Хадсона с Шахрукх Ханом, и в этой оболочке прячется Стивен Хокинг. Ему по-настоящему нравится идти против людей вроде этих, в серых костюмах, морочить им голову. Нравится спорить с теми, кто считает себя невероятно современным, и доказывать, что на самом деле их идеи безбожно устарели. Мне нравилось наблюдать за этим.

После дебатов Ивел пригласил меня на ужин и в ходе одной из наших несветских бесед своеобразно признался мне в любви. Одним из принципиальных положений, на которых ба-

зируется технология NEXT, сказал он, является утверждение, что тело и, называй это как угодно — душа, личностное начало, самость, дух, *dasIch*, призрак в машине, — неотделимы друг от друга, но при этом не тождественны, а потому, если они научатся перемещать через очень сложные экзистенциальные границы тела, это не значит, что Нечто внутри тела (Стивен Хокинг внутри телезвезды, подумалось мне) автоматически переместится тоже. Технологии NEXT, другими словами, приходится всерьез считаться с потребностями души.

А потом он сказал: “Меня привлекает внутреннее содержание, а не внешняя оболочка. То, что видит, а не глаз, посредством которого видят. Невидимка в кресле пилота, а не мотор или корпус машины. Нечто у тебя внутри притягивает меня к тебе”.

Я ответила: “То есть ты говоришь мне, что тебе отвратительно мое тело, но привлекает моя душа? Я почти совсем не верю в существование души”. Он ответил: “Ты приняла за оскорбление то, что я считал комплиментом. А насчет этого Нечто, ты еще убедишься, что я прав и оно действительно существует”. Потом он взял меня за руку, совсем не так, как схватил мое запястье

в ночь нашего знакомства. И вот уже в своей странно-эмоциональной манере он говорит мне слова, которые, как я считала, я больше никогда не услышу.

Казалось, что Кишот потерял интерес к рассказу Женщины-Трамплина, он отошел в дальний угол комнаты к большому телевизору на стене и отыскал пульт.

— Скоро начнется “Салма”, — пробормотал он сам себе.

В один миг Женщина-Трамплин подскочила к нему и вырвала из рук пульт.

— Сейчас будет самой интересное, — заверила она. — Твой выход.

Она говорила спокойно, но в ее словах Санчо расслышал гневные нотки. Внутри у нее вулкан, подумал он. Кто знает, извержение может случиться еще до наступления утра.

— С тех пор мы были вместе, Ивел и я, — продолжила Женщина-Трамплин свой рассказ; она по-прежнему обращалась к Санчо. — Он был высокомерен, зациклен на себе и работал круглыми сутками, иногда по несколько дней без перерыва, так что все, что он мог, когда мы наконец виделись, — спать; таким уж он был, и мне это нравилось, ну или скорее нравилось, чем не

нравилось, а если быть совсем честной, я испытывала к нему, совсем чуть-чуть, благодарность.

— А потом он что-то натворил, — предположил Санчо, кивком головы указав на Кишота.

— Потом они встретились, — сообщила Женщина-Трамплин, — мой брат — эксперт по разведке и мой любовник-гений. Я даже приготовила по этому поводу ужин.

— Сегодня он будет гостем в “Салме”, — неожиданно вступил в разговор Кишот.

— Кто? — уточнила Женщина-Трамплин.

— Твой парень, — ответил он, — мистер Ивел Сент. Через пятнадцать минут начнется.

— Откуда ты знаешь?

— Имею привычку интересоваться программой передач, — заявил Кишот, — в особенности программой моей прекрасной возлюбленной.

— Что ж, уложимся в пятнадцать минут, — подытожила Женщина-Трамплин.

— На ужин было филе миньон с обжаренной брюссельской капустой, и он, бракованный на всю половину полубрат, слишком быстро выпил слишком много красного сухого и тут же решил, что ему прямо сейчас позарез надо узнать все-все-все о моем парне-гении. То, что проблемы, которые решает Ивел, просто выше его понима-

ния, его не смутило. Он держался агрессивно, даже заносчиво.

“Так вы верите, что существуют другие измерения, и чтобы попасть туда, нам достаточно проскользнуть в узкую щелку приоткрытой двери? Что такое реально?”

Естественно, мой любовник-гений стал отвечать ему с пафосом.

“С наукой не поспоришь. Несколько высокочувствительных зондов третьего поколения, которые мы запустили, начали улавливать отзвуки существования соседних планет Земля, точно так же, как радиосенсоры начинают улавливать эхо Большого взрыва. Сейчас в работе зонды четвертого поколения, с их помощью мы рассчитываем уточнить данные и начать прокладывать путь через Нестабильность в царство Многообразия”.

Бла-бла-бла.

Твой отец никогда не отличался технической подкованностью и решил сменить тему.

“Так вы верите в конец света? — начал он, не скрывая насмешки. — Верите, несмотря на то, что психи регулярно с незапамятных времен заявляют о том, что конец света близко, а он так и не наступает?”

Если в этом мире существует что-то, что может действовать на физика-миллиардера, как красная тряпка на быка, так это журналист, ставящий под сомнение результаты научных исследований, так что…

“Слово “психи”, сэр, звучит слишком резко, в особенности от человека, который не сумеет разглядеть пятно на пространственно-временной материи, даже если ему ткнут в него указкой”.

Это было объявлением войны. Я должна была как-то всех успокоить.

“Послушай, — попросила я, — почему бы тебе не рассказать Ивелу, над чем ты сейчас работаешь”.

“Хакеры, — ответил он, — компьютерные хакеры. Они могут стать для мира серьезной проблемой. На самом деле, они уже серьезная проблема”.

И вот тут началось самое плохое. Кто бы сомневался: Ивел начал беззастенчиво хвалить себя.

“Мы используем лучшую в мире систему шифрования, — заявил он, — у нас настолько продвинутая защита, что пигмеи, о которых вы рассказываете, начнут рыдать, едва столкнувшись *с* ней”.

Тут любой брат, полубрат, недобрат на всю

половину задумался бы: это любимый человек моей сестры, остановись, не провоцируй его, ты не должен сводить все к тому у-кого-из-нас-член-больше, но ровно это и произошло.

“Я лично знаю людей, способных взломать вашу систему защиты за пятнадцать, максимум двадцать минут, и тогда все секреты этой вашей, как там ее, системы NEXT, спасающей мир посредством перемещения в Нарнию, или Средиземье, или в сказку на выбор, будут продаваться на каждом углу, если, конечно, найдется какой-нибудь сумасшедший, который решит потягаться с вами и заплатит за них”.

Он не должен был говорить “сумасшедший”. Не должен был говорить “сказка”. Он не должен был угрожать. Не должен был произнести ни одного гребаного слова. Просто не открывать своего большого рта и дать мне дальше общаться с моим гением. Да он не должен был делать сотню вещей, и сделал всю сотню!

Гений же принял бой.

“Угрожать мне — очень плохая идея, — ледяным тоном заявил Ивел, — это плохо заканчивается для тех, кто пробует. Дальнейшую беседу считаю бесполезной”.

Мне он сказал: “Это твой брат. Вот как он ведет

себя со мной. Это проблема”.

“Полубрат, — я пыталась обратить все в шутку, но Ивел встал и решительно направился к двери. — Не будь ребенком, — просила я, — сядь, мы все уладим”.

Наверное, я не должна была говорить “ребенок”. Определенно не должна. Но он уходил, и я была в панике. Я и сама была не на высоте тогда, признаю. И мистер Сент больше никогда мне не позвонил.

“Пусть идет, — заявил твой отец, — он напыщенный нарцисс, который живет в своем безумном мире. Ты не можешь прожить с таким всю жизнь. Ты не сможешь оставаться с ним и пяти минут”.

Он думал, что сделал мне одолжение. Думал, он молодец. А я осталась с разбитым сердцем. Ивел навсегда исчез из моей жизни, и на этом, мой милый мальчик, для меня навсегда закончились любые романтические отношения. И вот мы снова возвращаемся к тому, с чего я начала: слепота предателя, не осознающего своего предательства. Твой отец предал меня и даже не заметил этого. Пока я ему не сказала. Причем сказала в довольно ясных выражениях. С тех пор мы не общались.

— Мне очень трудно просить прощения за то,

чего я даже не помню, — спокойно проговорил Кишот.

— Вот что при этом любопытно: все же ты здесь именно для того, чтобы просить прощения, — напомнила Женщина-Трамплин.

— И это стало тем, что нельзя простить, номер два? — поинтересовался Санчо.

Вместо ответа Женщина-Трамплин залпом осушила свой бокал и налила новый.

— И что за Внутреннее Событие? — не унимался Санчо. — Я хочу знать все!

— Начинается, — перебил его Кишот. — Пора включать телевизор.

Позднее, когда разразившийся на съемках грандиозный скандал стал достоянием широкой общественности, некоторые люди утверждали, что уже по тому, в каком виде она появилась в студии перед интервью с Ивелом Сентом, можно было понять, что с ней что-то всерьез не так. Она выглядела как женщина, всю ночь собственными руками тушившая пожар в своей квартире и вынужденная убежать на работу до того, как пламя полностью погасло, — усталая, потерянная, напрочь утратившая свою обычную миру манеру общения. Техномиллиардер, напротив, был полон энергии и задора, точно скакал на мя-

че-антистрессе. Ему не терпелось поведать миру сразу несколько важных вещей.

Представив гостя, Салма продолжила в нетипичной для себя грубой манере.

— Вся эта история с концом света, доктор Ивел… — начала она, но Ивел Сент перебил ее.

— Пожалуйста, не называйте меня доктор Ивел. Это звучит двусмысленно, как Доктор Зло.

— Доктор Сент, — Салма продолжила без всяких извинений, — я хотела спросить: неужели вы не видите, что всем на свете — особое облегчение, я убеждена, испытают ваши акционеры — станет легче жить, если вы перестанете педалировать эту весьма нереалистичную идею?

— Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что многие пока находятся в стадии отрицания, — начал Сент.

— Очень многие, — перебила его Салма, — я бы сказала, девяносто девять процентов людей.

— От того, что девяносто девять процентов людей думали, что Земля плоская, — заявил Сент, — она не стала плоской. Чтобы оставаться круглой, ей не нужно, чтобы люди верили, что она круглая. Сейчас эти девяносто девять процентов устраивают пикник на железнодорожных путях. Этот факт еще не означает отсутствие

движущегося по этим путям поезда, причем движущегося довольно быстро. Поезду не нужно, чтобы люди верили в то, что он приближается, он просто приближается.

— Ивел, то, что вы тут рассказываете, — это что-то вроде теории, это предмет для споров, или вы располагаете какими-то доказательствами?

— Я пришел сегодня сюда, — сказал Ивел Сент, — чтобы сделать два важных заявления. Первое состоит в том, что Корпорация Сента завтра опубликует отчет, который будет содержать все необходимые вам или кому-либо еще доказательства. Это уже происходит. Наша Вселенная стирается по краям. Она распадается на части. Мы должны признать это и начать действовать.

— Даже если вы правы, это произойдет через сколько там — тысячи, миллионы лет? Значит, у человечества есть более серьезные проблемы, которые нужно решать прямо сейчас, вы согласны? Бережное использование ресурсов, например?

— Я не уверен, что речь идет о столь далеком будущем, — ответил Сент, — некоторые построенные нами модели развиваются по тревожному сценарию, указывая на возможность развития этого процесса с ускоренной прогрессией.

— Насколько ускоренной, Ивел? Это случится

при нашей жизни?

— Я не могу ответить на этот вопрос. Это один из возможных вариантов. Мы не можем сказать, какая из моделей обладает наивысшей степенью вероятности.

— Итак, вы здесь, на национальном телеканале, в высокорейтинговой передаче, заявляете всем, кто смотрит нашу выходящую в прайм-тайм программу, что конец света может наступить при их жизни. Ивел, вы правда не понимаете, что делать подобные заявления для человека вашего уровня и ваших возможностей означает тупо сеять панику? Вы пугаете людей без всякого — с высочайшей долей вероятности — повода. Это просто безответственно!

— Во-первых, — ответил Сент, — я говорю правду. Правда есть правда, и она должна быть услышана, какой бы неудобной она ни казалась. Я не сомневаюсь, что, когда наши исследования станут известны, никто не будет оспаривать наши выводы. Во-вторых, как я сказал вначале, у меня есть два важных заявления. Прежде я любил говорить, что всему свое время. Теперь это время пришло.

— Даже боюсь расспрашивать, — прокомментировала Салма.

Ивел Сент поднялся со своего места.

— Это хорошая новость, Салма. Потрясающая новость. Я пришел сообщить, что местоположение первой из соседних планет Земля было точно идентифицировано и что системы NEXT разработаны и функционируют. Услышь же меня, мир! Нам открывается Дорога!

— Мы непременно вернемся к разговору *с* Ивелом Сентом, — обратилась потрясенная мисс Салма Р. к публике, — после этих заявлений.

— Нам открывается Дорога! — ликовал Кишот, пока шел рекламный блок. — Он сказал это по телевизору, чтобы все услышали. Путь открыт!

— Ты, похоже, веришь всему, что слышишь по телевизору, — заметил Санчо, — но у этого парня начисто съехала крыша. И я не уверен, что он говорит о той же дороге, что и ты.

— Она была там, прямо рядом с ним! — ответил Кишот. — Ты сам слышал, что он сказал. Нам открывается Дорога. Некоторые слова обладают огромной властью. Когда они произнесены, события выстраиваются в соответствии с ними.

— А я было и позабыл, — не стал спорить Санчо, — что ты такой же сумасшедший, как и тот парень на шоу.

После рекламы Салма попросила Ивела Сента

прокомментировать его сенсационные заявления.

— Вы же понимаете, не можете не понимать, что для большинства наших зрителей все эти ваши порталы — не более чем декорации к “Звездному пути”? Помните “Телепортируй меня, Скотти”? Как вы можете знать, что эти ваши приспособления работают и не представляют опасности, как вы можете знать, что другие планеты Земля существуют? Вы готовы разрешить снять их на камеру? Не могу поверить, что говорю это сейчас всерьез, честное слово. Вы уверены, что все это не какой-нибудь пранк? Просто мультимиллиардер, ученый и глава крупной корпорации не может так себя вести. Это пугает акционеров.

— Бедняжка совершенно выбита из колеи, — печально заявил Кишот, пристально следивший за Салмой, — она выглядит потрясенной. У нее ужас в глазах. Ее пугает идея крошащегося космоса. Это потому, что невозможно встретить конец всего, если в твоей жизни нет любви. Если любовь есть, конец света становится просто своего рода экзальтацией, наивысшей точкой.

— Тихо! — прервал его Санчо, — я хочу послушать про собачку!

— … шоколадный лабрадор по кличке Шрёдингер, — рассказывал в шоу Ивел Сент, — мы назвали его в честь великого физика Эрвина Шрёдингера и его “парадокса кота”.

— Какого кота? С ним что-то случилось? — невпопад спросила все еще не владеющая собой Салма.

— Суть парадокса кота Шрёдингера состоит в том, что кот может быть живым и мертвым одновременно.

— Бедный котик, — расстроилась Салма.

— Мы никак не можем позволить этому парадоксу работать в отношении перемещающихся посредством нашего портала людей. Они не могут быть парадоксально живы и мертвы одновременно, они должны быть непарадоксально живы, — продолжил Сент. — Итак, нам удалось послать нашего пса Шрёдингера к параллельной Земле и вернуть обратно целым и невредимым, чтобы убедиться, что псы гораздо менее парадоксальные существа, чем коты. Мы использовали собаку, поскольку это более надежное животное. Коты не всегда делают то, о чем их просят. К тому же мы надели на него максимально длинный поводок, чтобы, если что-то произойдет, вытащить его обратно в наш мир. Мы отправили его через

портал NEXT, сделав первым в истории нашего космоса живым существом, перемещавшимся в пространстве между измерениями. Шрёдингер зашел туда, а затем вернулся обратно. Успешный эксперимент. На сто процентов. В настоящий момент мы планируем серию подобных экспериментов. Мы также дали имя своему порталу, мы назвали его “Мэйфлауэр”.

— Как чувствует себя Шрёдингер?

— Он в полном порядке. Жив, здоров, с хорошим аппетитом и в прекрасной физической форме. Это отличный пес.

— Вы наверняка снимали это на камеру. Готовы ли вы передать эти записи нам, чтобы все люди смогли их увидеть?

— Когда придет время, — ответил Ивел Сент. — Сейчас мы работаем совместно с Белым домом. Речь идет о прорыве в науке, открытии общенационального значения. Более того, общемирового значения. Мы должны соблюдать крайнюю осторожность. Некоторые страны уже рассчитывают получить технологию NEXT, чтобы высылать в параллельные измерения неугодных людей. Соседняя планета Земля — не тюремная колония. Это не Австралия. Мы также располагаем серьезными свидетельствами того, что русские

регулярно пытаются взломать системы Корпорации Сента. Только представьте, что подумают о нас на соседней Земле, если первыми представителями нашей цивилизации, с которыми им придется иметь дело, станут русские? Прошу прощения, если выразился грубо. Я патриот. Я хочу, чтобы Америка занимала лидирующие позиции на пути в будущее, несущее гибель всему человечеству. У нашей Америки есть очевидное преимущество. Это технические гении из Южной Азии, таланты, которых я собрал в одном месте и прилагаю все усилия, чтобы их светлые головы позволили нам занять место у руля, сохраняя на самом высоком уровне как творческое мышление, так и защиту. С американцами все будет в порядке. Мозги русских работают не так хорошо, как у темнокожих. Я опять сказал что-то неправильное? Тогда прошу прощения. Я, похоже, слишком увлекся.

— Возвращайтесь к нам поскорее, — попросила Сента Салма, завершая программу, — и приводите с собой вашего пса Шрёдингера. Уверена, у вашей собачки есть что нам рассказать.

— Выглядит она неважно, — заявил Кишот, — но уже очень скоро мне будет видна Дорога, и мы будем вместе.

— Он всегда такой, — пожаловался Санчо Женщине-Трамплину, — вечно несет что-то подобное.

— Настало время рассказать о Внутреннем Событии, — ответила она.

В районе Кипс-Бэй, что означает “залив Кипа”, давным-давно нет никакого залива, спасибо мелиорации прибрежной полосы, забыто и имя старого Якоба Хендриксена Кипа, чей дом стоял на месте, где ныне Тридцать пятая пересекается со Второй. Поговорите *с* завсегдатаями большого кинотеатра в южной части района, и вы узнаете, что они помнят множество выдуманных сражений между людьми и охраняющими их супергероями, с одной стороны, и различными космическими монстрами, суперзлодеями, барлогами и орками — с другой, но очень немногие смогут вам хоть что-то рассказать про реальную высадку в Кипс-Бэй 1776 года, одно из первых сражений войны за независимость, когда американские ополченцы улепетывали от британцев, а Вашингтон вскричал в возмущении: “И это люди, с которыми я должен защищать Америку?” История о Мэри Линдли Мюррей, гранд-даме, которой принадлежала ферма Ингленберг — место, где она находилась, сейчас называют горой Мюр-

рей, — Мэри Мюррей задержала наступление британцев, пригласив их генерала Хоу отведать пирога с вином, и тем самым позволила остаткам повстанческих войск Патнэма закончить отступление… Отложим эту историю до другого раза. Мы все бродим среди теней своего прошлого, забывая свою историю, а значит, ничего не зная и про себя самих.

Прямо как нынешний Кишот. Пылкий влюбленный, алчущий прощения, он сидел в темной гостиной своей полусестры, а вокруг носились вызванные ее ворожбой призраки, одним из которых был тот, кем он сам был когда-то. Они заказали китайскую еду и накрыли на стол, но Кишот не мог есть, он чувствовал, что теряется в сгущающейся тьме, дополненной печалью давно минувших дней. Почему он был таким, почему им владели зависть, подлость, дух соперничества и грубость? Он не мог сказать. У него больше не было доступа к той части своего я. Причиной этому стало то, что случилось однажды ночью в Кипс-Бэй много лет назад.

На самом деле его квартира не была уж такой плохой. Там были высокие потолки, тихие соседи, и в ней у него получалось довольно много работать. В описываемую же ночь она чуть не

стала его могилой. Ему снился кошмар, во сне он как будто проснулся в собственной спальне и увидел в ногах кровати неясный силуэт, который смотрел прямо на него, но ничего не говорил. Во сне он понял, что его непрошеный гость — это и он сам, точнее, его тень, и сама Смерть. От ужаса он проснулся. Было три часа утра. Он сел в кровати, включил ночник и долго не мог унять сердцебиение. В комнате, конечно же, никого не было, и чтобы успокоиться, он выпил воды и встал, чтобы сходить в туалет. Тогда-то и произошло Внутреннее Событие. Это было что-то вроде взрыва в голове, где-то между ушами. Он потерял равновесие, рухнул на пол и отключился. Когда через какое-то время к нему вернулось сознание — прошли минуты или годы, он не мог этого сказать, — он первым делом удивился, что не умер. Через какое-то время к нему пришло новое осознание: он больше не может двигаться. Его мобильный лежал на тумбочке у кровати, там же где стоял стационарный аппарат, которым он, из некоторой старомодности, тоже продолжал пользоваться, а он валялся на полу спиной к ним. И значит, был абсолютно беспомощен.

Ему понадобилось два дня, чтобы развернуться и доползти до тумбочки. Весь следующий день

и ночь он пытался как-то раскачать тумбочку, чтобы один из аппаратов оказался рядом с ним на полу. Только на четвертый день ему удалось уронить мобильник, и он начал пытаться звонить.

— Кому он позвонил? — хотел знать Санчо.

— Мне, — ответила Женщина-Трамплин. — Кому еще ему было звонить.

Его звонок наконец прошел, она подняла трубку, но он не смог произнести не звука. Он лежал на полу спальни с телефоном возле уха, а ее голос в трубке яростно кричал: “Алло!”

Поняв, что что-то случилось, Женщина-Трамплин пулей примчалась к брату, отыскала управляющего домом и заставила его своим ключом открыть квартиру, где нашла распростертое на полу тело и тут же вызвала скорую помощь. Он выжил. Ему всегда везло. Это Америка — после случившегося удара ему требовалось долгое и бережное лечение, его покрыла медицинская страховка с работы, на которую он, выиграв конкурс, устроился совсем недавно, — должность ассистента-профессора в школе журналистики в центре города предполагала самую лучшую медицинскую страховку. За лечением последовал долгий период реабилитации, и через пару лет он, так сказать, полностью вернулся в рабочее со-

стояние, разве что говорил заметно медленнее да приволакивал правую ногу. Однако человек, переживший Внутреннее Событие, был уже совсем не тот, что прежде. Периодически он страдал от отстроченных последствий. В любой момент без причины начинал плакать. Его мучали тревога, депрессия, страхи. За этими внешними изменениями скрывалось другое, более глубинное. У него были обширные провалы в памяти, и они никак не проходили. Он стал более замкнутым, молчаливым, каким-то совершенно потерянным. Ни профессора, ни журналиста больше не было.

На физическом уровне это было чудесное выздоровление. Но наиболее устойчивый ущерб был нанесен не телу, а личности. Он не вернулся в университет, благодаря которому сумел оплатить столь нужное ему лечение. Отдалился от коллег, старых и новых, и друзей, новых и старых, и весь ушел в себя — в такие глубины, куда никто не мог последовать за ним. Долгое время он ни с кем не разговаривал и дни напролет смотрел телевизор, сидя с прямой спиной и сложенными на коленях руками на краешке кровати. Тогда он и начал вести беседы с экранными персонажами и терять связь с реальностью. Было ясно, что он стал чувствовать себя чужим в большом городе. Его

многоликость, проникновение всего во все, какофония нарративов, бесконечные трансформации, фабрика грез, превратившаяся в бесконечную грезу о себе — все это выбивало его из колеи. Лакуны в сознании можно немного залечить, избавившись от своей прошлой жизни, а также при помощи телевидения, уход в мир которого — еще один способ затуманить свое сознание. В тот день, когда он заявил Женщине-Трамплину, что уезжает из города — что он связался с их занимающимся фармацевтическим бизнесом кузеном, доктором Смайлом, и попросил взять его на работу в качестве менеджера по продажам где-нибудь подальше от Нью-Йорка, — он также впервые заявил о том, что имеет к ней финансовые претензии. И это стало третьим из того, что нельзя простить.

То, что он обвинил ее в краже его денег, было отвратительно. Однако то, что он поступил так после последних двух лет, было куда отвратительнее. А самым отвратительным было вот что: он проигнорировал тот факт, что все это время она решала его финансовые вопросы, заботилась, чтобы его деньги приносили доход. Последней каплей стало обвинение в подделке завещания, в том, что она переписала его в свою пользу.

— Он всегда был мне братом лишь на бракованную половину, — рассказывала Женщина-Трамплин Санчо, — но только после этого поступка я поняла, что должна выкинуть его из своей жизни точно так же, как он выкидывал практически все из своей. Он был болен, я видела это, был не в себе, я сочувствовала ему, но выносить его дальше стало невозможно. Будь мы супругами, мы бы непременно развелись. То, что произошло с нами, тоже было своего рода разводом. Когда он уехал из города и стал разъезжать по глубинке, втюхивать докторам свои пилюли, я подумала: ладно, пусть все идет своим чередом, пусть он будет таким, каков он есть, и занимается тем, что считает нужным, — быть может, так он найдет свой путь. Попробуешь догадаться еще кое о чем? Денег у него по-прежнему вполне достаточно. Я к тому, что вам, ребята, совершенно незачем мыкаться в мотеле “Блю-йоркер”. Если захочет, он вполне может снять квартиру. До этого вы оба можете пожить у меня. За мной закреплено место в подземном гараже, но машины у меня нет, так что он может пристроить там свою колымагу.

Женщина-Трамплин впервые взглянула на Кишота:

— Ты согласен?

Кишот поднялся на ноги и прочистил горло.

— Прежде всего я должен кое-что тебе сказать, — заговорил он весьма высокопарно, — прости мне, сестра моя, все обиды, что я помню, и все, что я забыл, те, за которые я несу ответственность, и те, что были нанесены человеком, которого больше нет. Мое состояние чем-то напоминает то, как твой мистер Сент описывал состояние Вселенной, только в миниатюре: космос с огромными зияющими дырами, в которых ничего нет. Я стираюсь по краям и не знаю, удастся ли мне выжить. Потому я прошу, чтобы все обиды, те, о которых я знаю, и те, о которых нет, были прощены мне до того, как наши пути придут к своему завершению, ради этого я готов совершить все, что ты мне скажешь, дабы искупить свои грехи — те, что совершил я, и те, что уже не принадлежат мне, ведь они покинули меня и исчезли. Чтобы исправить это, я проехал через всю Америку, ибо только когда я достигну гармонии, мне будет указана дорога к Возлюбленной, она пролегает намного выше нашего мира со всеми его горестями.

Произнеся свою речь, он медленно, заметно хромая, двинулся к Женщине-Трамплину и, подойдя к ней вплотную, неожиданно упал на

колени, зажав в ладони край ее платья.

— Прости меня, — повторил он, склоняя голову, — прости и освободи меня и себя заодно.

Время в комнате остановилось. Санчо казалось, что снаружи проходят недели, месяцы, годы, десятки, может, даже сотни лет. Солнце садилось и вставало, луна появлялась и гасла, времена года сменяли друг друга. Сильные мира сего, мужчины и женщины, поднимались и падали, мир менялся; их объяло будущее, а они по-прежнему были там — никому не нужные реликты давно забытой эпохи, навеки затерявшиеся в собственных лабиринтах любви и боли. Вдруг Женщина-Трамплин едва слышно вздохнула и слегка пошевелила рукой, она неуверенно подняла ее и положила на голову коленопреклоненного Кишота.

— Да, — сказала она, вновь запуская стрелки часов. — У нас осталось мало времени, — сказала она, — гораздо меньше, чем мы упустили. В этом ты прав. Есть также нюансы, связанные с моим здоровьем. Не будем обсуждать их сейчас. Просто решим, что пришло время оставить все недоразумения в прошлом. Кстати, об Ивеле Сенте — сейчас его все знают как завзятого ловеласа, так что ты был прав, я не могла бы прожить с таким всю жизнь. Но это не значит, что он неправ

по поводу грядущего конца света. Что прав, впрочем, тоже.

— Теперь, достигнув гармонии, — снова начал о своем Кишот, — мы вошли в шестую долину, Долину Изумления, где берет свое начало истинная любовь, способная привести всех нас к счастливому завершению, которого мы все желаем.

— Ну, все понятно, — отозвалась Женщина-Трамплин, — ты теперь у нас тоже из этих, переставших ждать Мессию. В таком случае я простила тебя только из-за грядущего конца света.

— Аллилуйя! — закричал Кишот. — Теперь, когда я прощен, мне остается лишь спасти свою Возлюбленную и помочь ей пройти со мной в седьмую долину, ту, что лежит за пределами времени и пространства, — достигшим ее уже все равно, что происходит в нашем мире, они вкушают вечное блаженство на прекрасных лугах.

— Елисейские поля! Поистине благородная цель, — Женщина-Трамплин отпустила свою колкость с бесстрастным лицом. — Ты сказал “мне лишь остается”. Похоже, ты недооцениваешь, с какими трудностями можешь столкнуться.

— Ты все сама увидишь, — ликуя, кричал Кишот. — Совсем скоро любые препятствия будут устранены, и наступит счастливое время.

И правда: уже следующим утром, в восемь ноль-ноль, Кишоту пришло сообщение с тайного номера двоюродного брата и бывшего работодателя; доктор Смайл просил его о встрече. Дорога к Возлюбленной была открыта.

Глава семнадцатая, в которой Сестра завершает Семейную Историю и свою собственную Игру

“Города похожи на двери. Они либо открыты, либо закрыты. Лондон изо всех сил заехал ему дверью по морде, сделал все, чтобы он не вошел внутрь. Нью-Йорк же гостеприимно распахнулся перед ним, приглашая войти”. Мрачное начало “Обратного обмена”, одного из романов Брата, вспомнилось ему в день перелета между нью-йоркским аэропортом Кеннеди и лондонским Хитроу. Если подумать, эта мысль больше не кажется ему верной, по крайней мере в том, что касается Нью-Йорка, раздираемого ныне расизмом и прочей нетерпимостью. Секретному агенту в его книге также следует пересмотреть свои позиции. Представление о Лондоне (население 8136000 чел.) как о месте для избранных, пропуск

в которое имеют лишь члены элитных клубов, а простым смертным вход заказан, также, видимо, устарело. Он не был там много лет. Все закрытые лондонские клубы нынче скупили иностранцы, и заявки для вступления в них вынуждены подавать уже коренные англичане. В то же время здесь размахивает флагами — Понаехали тут! Валите обратно, вам здесь не рады! Англия для англичан! — белый популизм, он, словно восставший из могилы призрак имперского прошлого, бродит по Британии, отравляя и без того непростую жизнь нынешней второстепенной-заурядной-нации. Тогда чума на оба ваши дома, решил Брат, и заказал еще одну, третью, водку с содовой; его дневной лимит уже был превышен на порцию, но сегодня ему это было нужно.

(В последний раз он летал на самолете довольно давно. Брат поделился с Кишотом своим собственным ночным кошмаром, сном, в котором он сначала падает с небес на землю, а затем тонет. Страх Кишота перед полетами был страхом Брата. В тех редких случаях, когда не было выбора и приходилось садиться в самолет, он накачивался ксанаксом и так переживал полет. На этот раз он предпочел ксанаксу водку. Пока что она работала исправно.)

После воссоединения со своим потерянным ребенком он постоянно размышлял о том, что развалившиеся семьи — включая его собственную развалившуюся семью — своего рода аллегории, предвестники более глобального распада, а попытки искать любовь и исцеление — странствие, которое совершаем мы все, а не один безумец Кишот.

Брат создал в телефоне новую заметку: *не забыть также развить любовную линию Санчо.* Она стала последней в списке, который он начал создавать, как только самолет взлетел. *Не забыть видения Санчо — реальность становится все более фантасмагорической. Не забыть про ключ Кишота. Что он открывает? Что может быть внутри?* И еще одна: *Кишот звучит как "ки" и "шот", key shot* — небольшая порция *(shot)* кокаина либо героина, которую отмеряют с помощью ключа *(key).* Брат не знал, пригодится ли это наблюдение в истории его Кишота. Возможно, ему в ней не найдется места. Какое-то время оно будет оставаться заметкой, а потом он вовсе удалит его.

Внезапно самолет начал стремительно терять высоту, он несся вниз, как один из шаров, которые Галилей представлял летящими *с* Пи-

занской башни, как рушащийся в шахту лифт, как падающее человеческое тело. Стакан с водкой начал скользить, но Брат успел схватить его. Над головами пассажиров появились оранжевые кислородные маски. Пилот быстро обращался к пассажирам через систему связи, стараясь одновременно успокоить их и рассказать, что делать в чрезвычайной ситуации. В настоящее время нет необходимости надевать кислородные маски. Оставайтесь на своих местах *с* застегнутыми ремнями безопасности. Это нечто большее, чем *турбулентность*, но пилот полностью контролирует ситуацию, во всяком случае на этом настаивал голос сверху — звучал он, правда, не очень уверенно. “Боинг 747” накренило, затрясло и резко бросило сначала в одну, потом в другую сторону, словно он двигался по гигантской трассе для слалома. Многими пассажирами овладела паника. Слышались крики и плач. Еще звуки, сопровождающие рвоту. Брат, чей ночной кошмар сбывался наяву, всю жизнь уверенный, что самолеты слишком громоздки, чтобы летать, и одновременно слишком хрупки, чтобы противостоять безграничной мощи стихии, с интересом отметил про себя, что сохраняет спокойствие. Он продолжал потягивать водку. Может ли быть,

что он излечился, что его иррациональный страх перед полетами исчез ровно в тот момент, когда пришло время пугаться по-настоящему? Я пишу о конце света, думал он, то есть на самом деле воображаю и описываю смерть. Свою собственную, замаскированную под чью-то еще. Частное тиражируется в масштабах универсального. Я так долго думал об этом, что даже не удивлен. Он поднял стакан и приветственно кивнул ангелу смерти, чья гигантская фигура в черном балахоне, с лысым черепом в складках капюшона виднелась на горизонте — он зажал их самолет в руке и тряс его. Ангел смерти любезно раскланялся с ним в ответ и выпустил самолет из своих рук. “Боинг” тряхнуло в последний раз, и он снова лег на курс.

После этого полет проходил штатно, а пассажирами овладело чувство полуистерического единения. Бортпроводники разносили бесплатное шампанское даже пассажирам эко-номкласса. Брат подозревал, что некоторые пассажиры на высоте мили над землей занимались случайным сексом с незнакомцами в туалетах. Вокруг все больше происходил некий рок-н-ролл. Брат же оставался верен себе: он не спеша допил водку и продолжил размышлять о смерти. Можно ска-

зать, что до сегодняшнего дня он строил вокруг нее свою писательскую карьеру. Ему всегда казалось, что до тех пор, пока один (или несколько) персонажей не начнет ненавидеть другого (или нескольких) настолько сильно, чтобы убить, повествование остается плоским, ненастоящим. Тексты остаются мертвы, если в них нет убийств. Он знал, что другие писатели могут сделать шедевр из сцены чаепития (взять хотя бы Безумного Шляпника у Кэрролла), совместных обедов (миссис Дэллоуэй у Вирджинии Вулф), а если ты джойсовский Леопольд Блум, из целого дня, проведенного в мотаниях по городу в то время, пока твоя жена изменяет тебе дома с другим, но Брату помогала только кровь. Наш век — век крови, а не чая, говорил он себе (а порой и другим).

И вот теперь он летит через океан, чтобы оказаться у смертного одра — или чего-то, что вот-вот может стать смертным одром — тяжело больной женщины, и надеется, что прибудет не слишком поздно для финальной сцены примирения. Сестра была в кулаке у ангела смерти, который никак не согласится выпустить ее. Очень многих, напоминал он себе, в конце жизни ждет смерть, которая есть не преступление, но величайшая из тайн, раскрыть которую каждому предстоит

в одиночку.

Тайна — наилучшая аналогия как человеческой жизни, так и человеческой смерти. Люди — тайны для других людей и для самих себя. Какой-нибудь нелепый случай может пробудить их ото сна и заставить совершать такие поступки, на которые, как им казалось, они прежде были не способны. Мы ровным счетом ничего не знаем ни о себе, ни о людях вокруг, размышлял Брат. Симпатичная соседка может оказаться убийцей, нанесшей своей матери сорок ударов топором. А немногословный улыбчивый бородач, живущий наверху, — террористом, направившим свой грузовик прямо в гуляющую в центре города толпу ни в чем не повинных людей. Смерть дарует нам ясность, на миг озаряет она нашу жизнь своим безжалостным светом, и мы видим все.

Смерть Дон Кихота для всех нас ознаменовала конец глупого, но прекрасного юродства, чистого благородства, того, чему нет места в нашем мире, тому, что также можно назвать словом “человечность”. Странный человек, смешно утративший связь с миром, упрямо не желавший наладить связь со временем и бесспорно потерявший связь *с* собственным разумом, в момент своей смерти открывается нам как тот, кого стоило беречь

больше всего, по ком стоит плакать горше всего. *Помнить об этом. Это должно определять все.*

Брат поднял шторку иллюминатора, чтобы взглянуть в более не опасное небо. В поле его обзора заплясали черные точки. Он видел мушки перед глазами уже довольно давно, но сейчас, похоже, стало хуже. Иногда он чувствовал, будто мушки группируются в уголке его глаза, отчего все выглядит так, будто наша Вселенная стирается по краям. Словно фрагменты безвоздушного пространства замещают собою ткань того, чем это раньше было.

Брат закрыл шторку иллюминатора. Все мы — заблудшие странники, размышлял он. Мы убили и съели быков Гелиоса, мы навлекли на себя ярость всех олимпийских богов. Он закрыл глаза. В Лондоне его ждет Сестра. Вот что сейчас важно. Смерть, Кишот, да и все прочее может подождать. И четвертая водка пришлась бы очень кстати.

(РАНЕЕ)

— Привет.

— Привет, Брат.

— Просто отличная идея — созвониться и поговорить до встречи для того, чтобы снова узнать друг друга. Столько времени прошло…

— Да, идея хорошая.

— Мы можем созвониться с видео в скайпе, фейстайме или вотсаппе, если хочешь. Или в *Signal,* если ты по каким-то причинам не хочешь, чтобы твои сообщения шифровались.

— Нет.

— Что нет? Ты против шифрования?

— Я против видео в скайпе, фейстайме, вотсаппе и *Signal.*

— Почему так? Мне просто интересно.

— Не хочу одеваться для тебя. Я сделаю фотографию и пришлю ее тебе, когда буду в форме. Пока я не готова.

Брат не сказал ей, что искал о ней информацию в гугле.

— Тебе ни к чему особенно одеваться.

— Мне лучше по телефону.

— Хочешь, я пришлю тебе свою фотографию?

— Не сейчас.

Значит, она тоже искала его в гугле.

— Ладно. Итак, кто будет первым? Если хочешь…

— Ты первый.

— Я надеялся, ты этого не скажешь.

— Ты первый.

— Что ж. Тогда я должен начать с извинений.

— Это единственное правильное и достойное

начало.

Больше всего его коробила ее манера говорить. Она прожила в Британии всю жизнь, он понимал это, так что нет ничего удивительного, что она говорит, как британка, но говорить, как чертова королева, совсем необязательно. У нас вы Британии нынче все дажжи да дажжи. Нэпрэмэнно поситите Британский музэй, мой друг. Шла Саша по шоссе. В булошную? Разумээтся, на такси! Ыскрэннее рада снова тэбя слышшать, Брат. Боже, храни королэву. Корабли лавировали-лавировали. Идынственное правильное и дастойное начало. Наполовину Лиззи из фильма ужасов, наполовину "Моя прекрасная леди". Прежде так разговаривали только белые женщины.

Однако в ее телефонном голосе Брат уловил кое-что еще, чего нельзя было скрыть даже за четкой артикуляцией гласных: он звучал неуверенно, порой заметно дрожал, что (или так только казалось Брату) она изо всех сил старалась от него скрыть.

— Ты себя нормально чувствуешь? — спросил он ее.

— Ты меняешь тему. Не надо.

Тогда Брат извинился. Он думал о Кишоте — сначала церемонно поднявшемся на ноги для

этого разговора, потом коленопреклоненном, сжимающим в руках край платья Женщины-Трамплина. Вообще-то Брат был совершенно не склонен к самоуничижению, но если бы они разговаривали в режиме видеоконференции, он тоже непременно встал бы. Он пытался подбирать такие же высокопарные выражения, как его герой, как только мог, демонстрировал голосом глубину и искренность своего раскаяния. Когда он закончил говорить, его сердце выпрыгивало из груди, и он едва мог дышать — немолодой переволновавшийся мужчина, что с этим делать. Ему пора начать серьезно думать о том, что он ест, и привести себя в форму, сказал он себе далеко не в первый раз. Дуглас Адамс, создавший замечательную серию книг “Автостопом по Галактике”, умер после тренировки в спортивном зале; он жил в Калифорнии, где все — по неписаным законам штата — просто обязаны ходить в зал и почитают красивое тело, ибо оно — воплощение сразу всех богов здоровья, имена которых открываются лишь тем, кто строгим вегетарианством и полным отказом от глютена сумел добиться полного очищения. Здесь служат Фуфлунсу, этрусскому богу растительности, плодородия и счастья, Эгле, греческой богине здоровья и блеска, Максимону,

герою и божеству здоровья народов майя, а также персидской Хаоме и греческой Панацее, богине исцеления. С тех пор как Брат прочел о смерти Адамса, он тут же, отчасти в шутку, отчасти всерьез, в качестве самозащиты, начал говорить всем, что тренировок следует избегать потому, что от них умирают. Только не надо паники. Съешьте лучше немного жареной картошки.

И вот пожалуйста: все, что он сделал — сказал сестре по телефону, как ему стыдно за свои прошлые поступки, а он уже задыхается и не владеет собой. Ангел смерти покружил над ним, но улетел восвояси. (Позже, когда ангел смерти отпустил самолет, в котором он летел над океаном, Брат подумал, две жизни я уже израсходовал, а ведь я ни разу не кошка.)

Его сбивчивые мысли о смерти и равноденствии заполнили паузу после того, как он закончил свои извинения, а Сестра еще не начала говорить после затяжного молчания. Она взвешивала каждое слово, словно выступала в суде.

— Раскаяние и прощение — две вещи, неразрывно друг с другом связанные, — начала она, — но связь эта не причинно-следственная. Их связь определяют действия. Субъект деяния решает, испытывает либо не испытывает он раскаяние,

достаточное либо недостаточное для того, чтобы решиться либо не решиться принести извинения, в надежде на возможное возмещение. Объект же деяния решает, готова она либо нет оставить действия противоположной стороны в прошлом и двигаться дальше, говоря иными словами, простить. Решение объекта деяния никак не зависит от решения субъекта деяния. Последний может искренне раскаиваться и от души просить прощения, но остаться непрощенным, если объект деяния готов его простить. Возможна и обратная ситуация, человек может не раскаиваться и не просить прощения, но оказаться прощенным, если тот, кому он нанес обиду, решил оставить все обиды в прошлом. Ты принес мне свои извинения. Это было твое решение, и оно остается таковым. Я допускаю, что твои извинения были искренними. Теперь уже мне решать, смогу я либо нет простить тебе все то, что ты сделал. Возможно, я уже приняла это решение. А возможно, не приму никогда.

— Как хорошо, когда в семье есть хоть один юрист, — не сдержался Брат. — Па и Ма очень бы тобой гордились.

Такими были их первые шаги. Тот, кто жертвует в шахматах своей фигурой, думал Брат,

преследует цель закрепиться в центре и получить максимально возможное позиционное преимущество. Он начал с жертвы, принес ей искренние извинения, но так и не понял, привел ли этот его шаг хоть к какому-то преимуществу. В своих последующих беседах они ходили каждый по своему кругу: Брат все глубже уходил в самобичевание, Сестра же вела осторожную, взвешенную игру, придерживаясь тактики защиты и неспешного темпа. Они пытались вспоминать детство, но это тоже получалось не очень хорошо. Их прошлое — мирно почившая мать, наложивший на себя руки отец с пустым пузырьком от лекарства на прикроватной тумбочке, роман Сестры с Художником с Печальным Лицом, пощечина — все их воспоминания были слишком зыбкой почвой, на которой каждый из них мог совершить неверный шаг и рухнуть туда, откуда очень сложно будет подняться. Несколько попыток поговорить о прошлом свелись к обмену странными банальностями:

— Ты все еще любишь петь?

— Только в душе.

— Какая жалость. Больше никакого Твити Пая?

— Считай, мой язык съела кошка.

После нескольких неловких ситуаций они

стали избегать воспоминаний по обоюдному молчаливому согласию.

Брат быстро отказался от метафоры с шахматами. Шахматы — игра военная, а он стремился к миру. Шахматная партия заканчивается, когда ты убиваешь короля, и победитель в ней только один. Брат не пытался выиграть. Он пытался вернуть нечто давным-давно утраченное.

Они выяснили, что разговоры о настоящем даются им гораздо легче. Сначала сдержанно, но затем все более и более эмоционально Сестра рассказывала Брату о своей борьбе против расовой дискриминации и о благотворительной адвокатской практике.

— Думаю, как раз сейчас я созрела оставить эту работу в прошлом. — Впервые за все их разговоры она продемонстрировала собственную слабость. — Это вовсе не значит, что я готова дать этим сволочам победить и спокойно смотреть, как наш цивилизованный мир превращается в дикие джунгли, в которых правит лишь один закон, закон джунглей, но мне все чаще кажется, что так и есть. У меня создается ощущение, что каждое утро я должна вставать и биться головой об стену. Я занимаюсь этим пару десятков лет, так что пришло мое время поберечь голову. Время

уступить место у стены более молодым головам. Пришел их черед.

Не все проблемы ее клиентов имели расовую природу. Некоторые дела были связаны с капиталистической экономикой — к примеру, многие проживающие в Лондоне выходцы из Бангладеш работают в ресторанах, и их работодатели, также выходцы из Бангладеш, отказывают им в самых элементарных трудовых правах. К ней обращались и по идеологическим вопросам.

— Черт подери, как они не могут понять, что я не борюсь за право женщин носить покрывало, хиджаб, никаб и что они там еще носят, — возмущалась Сестра. — А эти молоденькие дурочки нынче считают, что покрывало на лице говорит об их идентичности. Я пытаюсь им объяснить, что они стали жертвами того, что немодный ныне философ Карл Маркс называл ложным сознанием. Почти нигде в мире женщины не закрывают лицо по собственному выбору. Мужчины принуждают женщин оставаться безликими. И эти девочки на Западе своим так называемым свободным выбором только поддерживают притеснения, которые их сестры переживают в тех частях мира, где нет никакого свободного выбора. Когда я говорю им об этом, с ними случается настоящий шок. Они

отвечают, что я говорю оскорбительные вещи. А я говорю, что чувствую то же самое, когда вижу их закрытые лица. Такая работа опустошает. Я больше не могу держать себя в руках, пора мне остановиться.

Во время их бесед Сестра ни разу не упомянула о другой, гораздо более серьезной причине, заставляющей ее понемногу отходить от дел, — о плохом состоянии здоровья, новой, такой несправедливой атаке карциномы, хронического лимфоцитарного лейкоза, ХЛЛ, на тело, уже однажды одержавшее пиррову победу над раком. Она все еще не чувствовала, что готова разделить эту новость с Братом, что он имеет право знать это. Вместо этого она с гордостью рассказывала ему об успехах дочери в модной индустрии. Пространно говорила о своем муже “Джеке”, судье и милейшем человеке, и даже, в качестве демонстрации растущего доверия, сообщила Брату об обыкновении мужа носить дома женские наряды.

— Наши друзья понимают, хотя, похоже, больше никто в современном мире не в состоянии такое понять, что это обыкновение не имеет ничего общего *с* сексуальностью. Просто такие предпочтения в моде. По крайней мере, в нашем тесном дружеском кругу людям по-прежнему

позволяют невинные слабости.

Ее голос опять показался Брату усталым, он попытался убедить себя, что это вызвано постоянной досадой на собственную несовременность, невозможностью разделять новомодные прогрессивные взгляды. Противостояние правых и левых осталось в прошлом, и такой человек, как Сестра, которую на протяжении всей ее карьеры ассоциировали с левыми, может теряться в этой новой риторике, чувствовать себя ненужной. Пришло время другим биться головой о стену.

Он так и не смог убедить себя в этом. С Сестрой происходило что-то очень плохое, он слышал это в ее голосе во время каждого разговора, но понимал, что она еще недостаточно доверяет ему, чтобы поделиться.

Он рассказал ей о Кишоте, о том, что его герой — стареющий телевизионный фанатик, влюбившийся в незнакомую женщину. Сестра хохотала.

— Приятно слышать, что ты не утратил способность смеяться над собой, — сказала она.

Брат тут же начал возражать ей привычными писательскими фразами — это не я, а полностью выдуманный персонаж и т. д., — но она остановила его.

— Пожалуйста, не надо, — попросила Сест-

ра. — Я хочу думать, что ты можешь смеяться над собой. Это поможет мне полюбить тебя чуточку больше.

Он не стал рассказывать ей о Женщине-Трамплине и о том, что он наградил выдуманную полусестру Кишота ее заболеванием и провел по тем же кругам медицинского ада, что когда-то прошла она. С подобными признаниями лучше повременить. Возможно, сильно. Брат был почти уверен, что Сестре будет трудно воспринять это.

(“Если в семье родился писатель, конец семье”, — сказал когда-то Чеслав Милош.)

Они искали новую дорогу друг к другу. Однажды они поговорили очень зло, всем известный взрывной темперамент Сестры явил, быть может, в последний раз, свою полную разрушительную силу, но даже эта вспышка ярости, размышлял потом Брат, была вызвана живущей в Сестре любовью: она злилась на Брата за слишком долгое молчание, за годы, понадобившиеся ему, чтобы решиться на воссоединение, ведь на все это время он украл у нее семью. Его появление с намерением восстановить разорванные семейные связи она считала крайне запоздалым, и в сердцах назвала его человеком, не способным любить, в принципе не способным чувствовать, и

вообще — четко артикулировала она в своей манере “немного Элиза Дулитл, немного Елизавета Вторая” — *полным засранцем.* — Ты вообще понимаешь — если ты в принципе способен понимать чьи-то чувства, — что значит представлять себе, что у тебя есть старший брат, которому ты можешь доверять, на которого, если надо, можешь опереться? Не переживай, вопрос риторический, ответ мне давно известен. Разумеется, ты и близко на такое не способен, ты был слишком занят своими шатаньями по чертову Нью-Йорку и фантазиями об этих треклятых шпионах. А знаешь, кем на самом деле был Джеймс Бонд? Специалистом по птицам Ямайки, чье имя Ян Флеминг украл для своего агента 007. Черт возьми, по-моему, отличная характеристика для тебя самого. Секретный агент — точнее, тот кто пишет о секретных агентах — на деле оказался всего лишь отличным орнитологом. А что вы можете сказать о нем как о человеке? Как человек он не так хорош.

Сестра сделала небольшую паузу и прочистила горло. За этим последовала обличительная ария Леоноры из бетховенского “Фиделио” (“*Abscheulicher!.. ”* — “Мерзавец! Куда ты спешишь…”) Он бессердечный монстр, сообщила

она ему; неужели он действительно такой *урод и* не способен понять, как коротка на самом деле человеческая жизнь и что недодать кому-то заслуженной любви — преступление против самой жизни! Да нет, именно что не способен, это выше понимания монстров, *уроды* такого не понимают, они копошатся в своей грязи и поднимаются только, чтобы убить прекрасное или то, что при должном обращении способно превратиться в прекрасное. Они никогда не были особенно близки, кричала Сестра, но если бы он выразил хоть малейшее желание стать с ней ближе, она бы с распростертыми объятьями бежала к нему навстречу! Но вместо этого он несправедливо обвинил ее в финансовом преступлении, вместо этого была пощечина, вместо этого были все эти годы, что он пропадал черт-те где, гордый и без тени раскаянья — это нельзя простить. Но несмотря на все это, она иногда — да нет, часто! — говорила себе: Ты сможешь! Сможешь простить непростительное, сможешь преодолеть непреодолимое, пусть он только придет, склонит голову у меня на пороге и скажет, что наконец-то, через много лет, прожитых в ослеплении собственным идиотизмом, я понял, как дурно поступил, понял, как больно тебе было потому,

что я был несправедлив, теперь я вижу правду, и правда в том, что я виноват и что я полный засранец, и сейчас, стоя на твоем пороге со склоненной головой, этот засранец просит у тебя прощения. Это все, что ему надо было сказать и сделать. И вот теперь он на самом деле делает и говорит это, но слишком поздно, он слишком долго упивался своим идиотизмом, чтобы ее злость на него вот так взяла и прошла. Ему лучше просто повесить трубку и отвалить, никогда больше не слышать ее голоса, пусть между ними навсегда будет тишина, потому что она привыкла к этой тишине, а для примирения слишком поздно. — Нет. — Ей бы все же не хотелось заканчивать общение на такой ноте. — Он может перезвонить ей завтра. Сегодня она уже достаточно сказала.

Вот так вот.

Выдав свою тираду, Сестра осталась совершенно без сил.

— Мне пора, — просто сказала она и повесила трубку.

Брату казалось, что гнев забрал у нее все силы до капли — все *оставшиеся* силы — и после их разговора ей непременно станет плохо. После этого разговора он долго молча сидел, погруженный в свои мысли. Он пытался не позволить Тени

стать реальной. Но он все больше убеждался в том, что Сестра серьезно больна.

Несколько дней после этого взрыва звонков не было. Когда Сестра наконец позвонила ему, то разговаривала тише и спокойнее. Она начала расспрашивать Брата о его романе, и тот, к собственному изумлению, с удовольствием стал делать то, чего никогда не делал, — рассказывать ей о своей незаконченной работе. Особо суеверным человеком он не был, но в одну примету верил твердо: не позволяй словам о работе сорваться с языка, или ты никогда не напишешь их своей рукой. Но сейчас он с готовностью отвечал на вопросы Сестры, вдохновленный ее интересом к тому, что он скажет. Он признался, что своим романом хочет бросить вызов вымораживающей людям мозги современной мусорной культуре, как когда-то Сервантес пошел войной на мусорную культуру своего времени. Рассказал, что старается также написать о невозможном, о всепоглощающей любви, об отцах и детях, о ссорах сестер и братьев и — да — о том, что нельзя простить; об индийских мигрантах, о расизме, с которым они сталкиваются, и о том, как они обманывают друг друга; о кибершпионах, много о научной фантастике, взаимопроникновении

выдуманной и “реальной” реальности, смерти автора и конце света. И что он хочет привнести в роман черты пародии, сатиры и пастиша.

Что ж, не слишком амбициозно, заметила она.

А еще о зависимости от опиоидов, добавил он.

Тут оборона Сестры рухнула. Рассказывая о разразившейся в США опиоидной эпидемии и махинациях на лекарственном рынке, Брат почувствовал, что Сестра слушает очень внимательно, а когда говорил об одном из своих героев, докторе Смайле, хитром дельце-производителе фентанилсодержащего спрея, и его беспринципном желании, чтобы его продукт попал в руки людей, в нем не нуждающихся, во всяком случае по медицинским показаниям, она слушала, затаив дыхание. Когда Брат закончил, она приняла твердое решение.

— Я должна рассказать тебе кое-что о своем состоянии, — сказала Сестра, и Брат на миг очень явственно вспомнил свою встречу с человеком, называвшим себя, среди прочих имен, Лэнсом Макиокой. *“Потерянная женщина за океаном,* — не так давно спрашивал он Брата, — *как много вы знаете о ее нынешнем состоянии?”,* а когда Брат решил уточнить, что именно он хочет у него узнать, выкрутился: *“Мне следовало сказать*

«ситуации», о ее нынешней ситуации”. И вот опять это тревожное слово.

— О твоем состоянии, — повторил Брат, и Сестра рассказала ему все.

Она связывалась с одним врачом в Америке, темнокожим, он лучший в этой области, но сразу честно сказала ему, что не готова лететь через океан, чтобы провести пациенткой в американской клинике — сколько? полгода? весь остаток жизни? пока деньги не закончатся? Он изучил ее случай, был вдумчив, добр, он все понял и посоветовал “очень хорошего специалиста” в Лондоне. Это непредсказуемая болезнь. Известны случаи, когда при правильно подобранном лечении пациенты живут еще многие годы. В других случаях болезнь, как ни жаль, развивается стремительно.

— Это мой случай, — прямо заявила она, — прогноз у меня плохой.

— Насколько плохой?

— Плохой.

— Понял.

— Больше всего я боюсь, — призналась она ему, — боли. Говорят, у женщин болевой порог значительно выше, чем у мужчин. Говорят, это потому, что нам приходится рожать. А я говорю,

это потому, что у большинства женщин вообще все выше, чем у большинства мужчин. Я подняла это знамя и тут же вынуждена признаться, что я — не одна из этих героинь. Я боюсь боли. Той, последней — как сейчас ее сейчас называют? Прорывной боли.

— Прости, мне так жаль, — сказал он в ответ.

— Ты в этом не виноват, — ответила она. — Но раз уж так случилось, кое в чем ты, возможно, сможешь помочь.

— Сделаю все что угодно.

— Этот твой выдуманный персонаж, доктор Смайл, — спросила она, — и этот выдуманный спрей *InSmile™?* У них есть реальные прототипы? Я просто думаю, ты мог слышать о каких-то врачах вроде него или даже — было бы здорово — знаком с ними. И знаешь похожий препарат или препараты, если они есть.

Брат долго молчал в ответ.

— Я поняла тебя. К чему тогда говорить “все что угодно”? — не выдержала Сестра.

— Сублингвальные фентанилсодержащие спреи есть на реальном рынке, — Брат тщательно подбирал слова, — и прорывные боли — он едва удержался, чтобы не сказать “у *онкологических больных в терминальной стадии* ”, — прямое

показание к их применению. Уверен, что твой британский врач знает, что есть на британском рынке, и пропишет то, что лучше всего подойдет в твоем случае.

— Ты что, не слышал о британских врачах? — возразила она. — Они никогда не выписывают пациентам то, что может им помочь. Они считают, что лекарства вредят больным людям.

— Но я уверен, что в твоем случае, когда прогноз…

— Да или нет? — настаивала Сестра. — Ты сможешь достать мне лекарство? У тебя есть знакомые?

Брат снова долго не отвечал.

И наконец:

— Да, — сказал он. — У меня есть знакомые.

— Сделай это для меня, — попросила Сестра. — Как только достанешь, срезу же садись в самолет и прилетай.

— Только хочу предупредить, ты — известный адвокат, твой муж — судья, а это — на грани закона. На самом деле за гранью.

— Просто сделай это для меня, — повторила она.

— Хорошо, — ответил он.

— И приезжай поскорее.

— Что значит поскорее?

— Как только достанешь, прыгай в самолет и прилетай.

Во всех аэропортах зоны таможенного досмотра устроены так, чтобы даже невиновный почувствовал, что в чем-то виновен. НЕТ ТОВАРОВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ДЕКЛАРИРОВАНИЮ. Эту табличку можно смело заменить на: ПРОХОД ТОЛЬКО ДЛЯ МЕРТВЫХ. Брат не сомневался, что его остановят для досмотра и обнаружат запрещенное к перевозке вещество, право на приобретение которого он никак не сможет доказать, — идиотская ситуация, которая может закончиться для него весьма плачевно. Однако в драме, участвовать в которой он согласился по собственной воле, ему была отведена лишь второстепенная роль, а потому он беспрепятственно прошел в зал прилета, где ему ничего не угрожало.

В кэбе Брат попросил водителя “поддать воздуха”. Таксист не понял, чего он хочет. Пришлось сказать “включить кондиционер”. Кэбмен сказал, что кондиционер не работает, прости, дружище, ты можешь открыть окно. Через открытое окно в салон попадал лишь поток горячего воздуха. Лондон страдал от жары — настоящее пекло, как выразился кэбмен. “Аномальная жара” и “Лон-

дон”, то, что эти слова стоят рядом, подумал Брат, очевидный оксюморон, как “затяжные дожди” и “Лос-Анджелес”. И все же так оно и было — почти девять вечера, а температура еще далеко за восемьдесят, сколько это по Цельсию? Тридцать? Тридцать пять? Поди разберись. Невозможно понять британцев и системы, которыми они пользуются. Расстояние на дорожных знаках указывают в милях, а вес на медицинских весах — в килограммах. В супермаркетах и пабах тебе продают молоко и пиво пинтами, а бензин на заправочной станции — литрами. Атлеты измеряют преодоленное расстояние равными полутора километрам “метрическими милями”, а длина крикетного поля должна равняться двадцати двум ярдам. В бухгалтерском учете используются десятичные дроби, но в остальном малые части считают как бог на душу положит, так что даже Евросоюз давным-давно отказался от идеи принудить британцев привести принятую в стране систему мер и весов к единому стандарту — вот вам ранний звоночек: британцам претит идея быть во всем европейцами.

Для Брата было своего рода облегчением оказаться посреди кризиса, переживаемого другим народом, на время оставив позади американский

кризис. Дома он вовсе не слушал новостей и старался избегать социальных сетей, чтобы насколько возможно оградить себя от ежедневного потока чуши. У него была книга, которую он писал, кризис, который переживал, кризис Сестры, и это все, с чем он мог справляться на данный момент. Гибель западной цивилизации вполне может подождать до лучших времен.

Брат поднял взгляд на ночное лондонское небо, и вновь испытал иллюзию, будто оно усеяно дырами. Снова провалы в зрении, дыры в ничто. Это уже не было похоже на привычные мушки перед глазами. Либо у него начинается отслоение сетчатки, либо распад космоса, предсказанный его героем Ивелом Сентом, начинается не только в выдуманном, но и в реальном мире. Это абсурд, разозлился на себя Брат. Подобное не может происходить на самом деле. Я все это придумал. Брат создал в телефоне новую заметку — напоминание по возвращении из Лондона посетить офтальмолога.

Он позвонил Сестре на мобильный. Ему ответил незнакомый женский голос.

Это была Дочь.

— Мама сейчас отдыхает, — сказала она. — Но мы все очень ждем вас. Комната для вас готова. А

еще я хотела вам сказать, — девушка продолжила после небольшой паузы, — что очень хочу с вами познакомиться, мне кажется, я хотела этого всю жизнь, и должна вам признаться, что первый мейл с маминого компьютера написала вам я. Пешка ез на ед. Это был мой ход.

— Значит, я навсегда у тебя в долгу, — ответил Брат. — Я уже скоро буду у вас.

— Мне нужно вас предупредить, — девушка перешла на шепот, — мой папа с большим трудом прощает тех, кто причинил боль моей маме. Она тоже взвивается, как фурия, стоит кому-то высказать в его адрес какую-то критику. Они всегда были такими, настоящими защитниками друг для друга. Я просто хочу сказать, что папа может быть довольно холоден с вами, когда вы приедете. Он справится с этим, я уверена, особенно теперь, когда вы с мамой почти все наладили.

— Спасибо за предупреждение, — поблагодарил Брат.

Брат помнил этот район со студенческих времен; тогда у него были длинные волосы и усы на манер Эмилиано Сапаты, и он предпочитал яркие фиолетовые рубашки и красные вельветовые клеши с бахромой. Тогда на улице, где по выходным работает знаменитый рынок, был магазинчик

для наркоманов, который все называли “Магазин собак”, его владельцы зачем-то разметили над дверью, рядом с вывеской, слепок гигантского человеческого носа. Брат прочел где-то, что в старые времена бедняки с этой улицы воровали у богатых соседей собак, обучали их откликаться на новые имена, а затем на этой же улице продавали обратно прежним хозяевам. Однажды Брат зашел в “Магазин собак” и поинтересовался, не эта ли история стоит за его названием, но был встречен типичным для хиппи пустым взглядом: “Нет, парень. Просто такое название, парень”. Ужасно, подумал он. Уже тогда, полвека назад, наша культура начинала страдать потерей памяти, словно после лоботомии, оторванностью от собственной истории. Как после лоботомии. Оставь прошлое мертвым. Расслабься, живи сегодняшним днем и плыви по течению.

Ресторан, над которым располагалась квартира Сестры, назывался “Санчо”. Порой Брату казалось, что весь мир не более чем отражение его незаконченной книги.

Он нажал на кнопку звонка, и дверь почти сразу распахнулась. Судья Годфри Саймонс в расстегнутой на вороте белой рубашке и домашних брюках приветствовал его с верхней ступени

лестницы. Его приветствие, как и предупреждала Дочь, было отнюдь не теплым.

— Только посмотрите, кого к нам занесло через столько лет, — начал судья. — Вам самому эта ситуация не кажется дикой, нет? Заявиться к нам в такой момент, не прислав за все предшествующие годы даже поздравительной открытки! Вас правда ничего не смущает?

Из-за его спины высунулась Дочь.

— Папа, хватит, — она тут же приветствовала Брата. — Мы очень рады, что вы приехали. На самом деле папа гораздо лучше воспитан, чем кажется.

Затем она вновь обратилась к отцу.

— Прошу тебя, папа.

Тот вздохнул — уже миролюбиво — и отошел в сторону. Брат поднялся по лестнице и зашел в квартиру.

Когда он представлял себе Сестру на другом конце провода во время их телефонных разговоров, то был явно под воздействием ее британской манеры говорить. Она всегда являлась ему одетой, как королева — в костюмах из тяжелой ткани с богатым цветочным принтом, больше подходившей для обивки мебели или изготовления занавесок, и потому скорее походила в его

воображении на предмет мебели. Иногда он даже позволял себе недобрые мысленные шалости и воображал ее с тиарой на голове в бальном платье с фижмами и рукавами в виде воланов, которые видел в цикле программ “Театральные шедевры” об эпохе Тюдоров. Из-за этих царственно-мебельных фантазий он оказался совершенно не готов увидеть Сестру такой, какой она была на самом деле — скажем прямо, тяжело больной женщиной. Она лежала в своей кровати на втором этаже и не могла спуститься на первый, чтобы поприветствовать его, да и ни за чем другим, как он вскоре понял. Она сильно похудела и была уже не в силах самостоятельно мыться или отправлять телесные нужды. Болезнь стала для нее ежедневным унижением, которое она переносила безропотно. Только ее голос был по-прежнему сильным.

— Моя болезнь, ХЛЛ, может давать разные осложнения, — тут же сообщила она Брату после коротких объятий. — Самые безобидные из них — инфекции верхних и нижних дыхательных путей. Я страдаю обеими. К сожалению, это совсем не самое плохое. Может отказать иммунная система. Вместо того чтобы атаковать болезнь, иммунные клетки начинают уничтожать крас-

ные кровяные тела — это как если бы адвокат вдруг взял и начал поддерживать обвинение. Такое случается нечасто, но именно это со мной и происходит.

— Мне очень жаль, — произнес Брат избитую фразу, к которой люди прибегают, когда у них не остается других слов.

— О, это только начало. У больных ХЛЛ возрастает риск развития других видов рака, чаще всего меланомы и рака легких, — да, я думаю, ты уже понял: у меня затемнения в обоих легких. Но и это не самое плохое. Так сказать, серебряная медаль. Золото достается все тому же хроническому лимфоцитарному лейкозу. Крайне редко он может перерождаться в гораздо более агрессивный вид рака, диффузную В-крупноклеточную лимфому. Онкологи называют это синдромом Рихтера, возможно, потому, что по своей магнитуде он схож с землетрясением. Мы, умирающие, относимся к нему с позиций просто-забудь-об-этом. Сейчас у меня этот диагноз. Добро пожаловать в Лондон.

Сестра была подключена к аппарату, который судья прозвал “устройством Хита Робинсона”. Брат не мог вспомнить, кто такой Хит Робинсон. Однако паутина из трубок и колбочек, призванных делать за человека то, что раньше делало его

собственное отказывающее тело, красноречиво иллюстрировала, что имел в виду судья.

— Верно, — согласился Брат. — Машина Руба Голдберга.

— Только ваших американцев нам здесь не хватало. Нет уж, спасибо, — по-прежнему не очень любезно отозвался судья. — Хит Робинсон вполне неплохо справляется.

Спорить около кровати умирающей было неправильно, но Брат все же не удержался, чтобы не начать новый раунд.

— Есть ведь еще и Винт Разболтай.

Лицо судьи побагровело.

— Джек, будь лапочкой, — попросила Сестра.

Неодобрительно кивнув, судья направился к выходу.

— Оставлю вас решать ваши общие дела или что там вас еще связывает, — сказал он. — Я буду внизу.

Дочь вышла из спальни вслед за ним. Брат и Сестра остались вдвоем.

— Ну и как я тебе, — поинтересовалась Сестра, — ужасно худая, да?

Она на дому получала помощь, которую обычно оказывают пациентам в хосписе. В течение дня здесь бывало множество людей. Врачи, медсест-

ры, платные сиделки, психологи, друзья. Вечером с ней оставались только близкие. Дочь проводила здесь почти каждую ночь. Они с судьей посменно дежурили у ее постели по ночам.

— Они оба совершенно вымотаны, — сообщила Сестра. — Поэтому Джек такой раздражительный. Ему очень важно высыпаться.

— Отлично его понимаю, — поддержал ее Брат. — Я сам такой.

— Уже совсем недолго осталось, — заявила Сестра, научившаяся виртуозно распознавать признаки приближающейся смерти. — Несколько раз проснуться, несколько уснуть, — продолжала она. — Я теперь неизвестно когда засыпаю и просыпаюсь в самое неожиданное время, это признак. Я почти не хочу есть и пить, это другой признак, а я всегда ценила вкусную еду и хорошее вино. Кишечник работает редко и плохо, это тоже признак, но поскольку я вынуждена просить кого-то помочь мне *с* мытьем, чем реже это случается, тем лучше. Давление скачет, иногда мне кажется, что сердце выскакивает из груди, иногда мне трудно дышать. Это еще не слишком для тебя? Что-то ты бледный, нет? Отлично, тогда продолжим. Еще, прошу прощения, недержание. У меня тут подстелена клееночка, словно я сно-

ва младенец, — можешь себе представить, как меня *это* радует. И перепады температуры. Я то обливаюсь потом, то замерзаю как ледышка. Этот список можно продолжать еще долго. Тело цепляется за жизнь до самого конца. Для смерти мы все девственники и делаем все, чтобы смерти было непросто сорвать наш цветок.

— Еще один признак. Боли усиливаются.

— Тебе капают морфий? — спросил Брат, и Сестра кивнула в ответ.

— Я уже полюбила морфий, — призналась Сестра. — И очень надеюсь, что ты привез мне кое-что лучше морфия. Ты ведь привез?

— Привез, — сообщил Брат. — Но я не хочу просто класть это рядом с твоей кроватью, потому что при самостоятельном использовании риск передозировки очень велик. Доза в десять микрограмм должна дать тебе час облегчения, но к ней можно прибегать только тогда, когда морфий не способен заглушить боль, есть также строгие ограничения по количеству доз в день.

— И что же, если я нарушу правила, это убьет меня? — Ей было трудно смеяться: смех перешел в неконтролируемый кашель с мокротой и кровью.

— Хочу напомнить тебе то, что ты мне только

что сказала, — попросил ее Брат. — Сделай так, чтобы твой цветок она не смогла сорвать с легкостью.

— Отдай спреи Джеку, — от усталости Сестра едва могла говорить. — Пусть Джек отвечает за это.

В ту ночь Лондон был полон шума, доносящихся из темноты всхлипов боли, криков злобы и пьяного разгула, как на шабаше ведьм. Брат без сна лежал на раскладном диване в переделанном под его спальню рабочем кабинете Сестры и прислушивался к этому шуму. Судья и Дочь спали по очереди и ходили к Сестре, чтобы выполнить то, что необходимо. Воздух вокруг был прозрачным, но Брату казалось, что он блуждает в тумане и никак не может найти дорогу домой. Завершил ли он то, ради чего сюда приехал? Надо ли ему уезжать? А если остаться, чем он может быть ей полезен в ее последние дни? Окружавший его туман стал совсем густым, и Брат заснул.

— Расскажи мне историю, — попросила его Сестра на следующее утро. — Расскажи, как мы играли в прятки возле туфельки старой дамы в Камала-Неру-парке на Малабарском холме и залезали внутрь. Расскажи о воскресных утренних джазовых джем-сейшенах в Колабе, как мы слушали саксофон Криса Перри и пение Лорны

Кордейро, а потом нас везли в Черчгейт поесть в “Гейлорде” котлет по-киевски. Расскажи, как на Рождество мы поехали в Гоа и святой Франциск Ксаверий восстал из гроба в базилике Бон-Жэзуш и благословил нас. Расскажи о парке Спайс-Маунтинс в Керале и о слонах в парке Перияр. Расскажи, как мы слепили своего первого и последнего снеговика в горах Кашмирской долины в Байсаране. Расскажи, как мы стояли на самом краю мыса Каньякумари, а волны, набегавшие справа, слева и спереди, сливались воедино прямо у наших ног, захлестывали нас, и мы были совершенно счастливы. Расскажи, как ездили в Калькутту в гости к родным Сатьяджита Рая и они показывали нам тетрадки, в которых он готовил свои фильмы — слева картинки, справа реплики. Расскажи, как однажды ночью я взяла топор и раздолбала родительскую радиолу “Телефункен”, и Ма и Па не могли больше танцевать друг с другом. Расскажи, как мы, ты и я, совершили серию убийств по всей Индии и бегали от полиции, пока они не выследили наш старый “кадиллак” и не изрешетили его пулями, и мы умерли ровно так, как хотели, потому что очень важно самому выбирать свою смерть. Расскажи мне что-нибудь. Расскажи мне все. У меня не так много времени.

Брат понял, что Сестра хочет, чтобы он описал ей ее мечты, а не реальные события, и вместо этого начал рассказывать свои собственные, иными словами, стал пересказывать свою книгу. Поначалу Сестра постоянно перебивала его.

— Это совсем не так интересно, как то, о чем я прошу тебя рассказать. Как мы сбежали из квартиры в Суна-Махал и ограбили банк.

Или:

— Мне кажется, тебе пора остановиться и начать рассказывать про ту ночь, когда мы вылетели из окна спальни и стали летать по району Вестфилд-эстейт и заглядывать в окна к взрослым, наблюдая, как они занимаются любовью, спят или ссорятся; или все сразу в произвольном порядке.

Когда Брат перешел к описанию детства “мисс Салмы Р.” и рассказал о том дне, когда дедушка схватил ее за запястья и поцеловал в губы, Сестра стала слушать его очень внимательно. Ближе к концу истории она снова перебила его.

— Такого не может быть, — сказала она.

— Это художественный вымысел, — ответил озадаченный ее реакцией Брат.

— Мы никогда тебе об этом не говорили. Не будем ему этого говорить, решили мы, чтобы не

расстраивать.

— Кто это “мы”?

— Я и Ма.

— Чего “этого”?

— Тебе рассказал кто-то чужой? Как еще ты мог узнать? Или он сам тебе рассказал?

— Кто “он”?

— Так ты и вправду не знаешь.

— Вообще не понимаю, о чем ты говоришь.

— Не знаешь, но придумал это, оставаясь в неведении.

— Мне кажется, тебе пора все мне рассказать. Что-то произошло между тобой и дедушкой? Такое вообще возможно?

— Это был не дедушка.

— Тогда кто?

— А как ты думаешь, почему Ма ушла от Па и переехала в Суна-Махал? Мне тогда было пять.

— О! — сказал Брат, у которого земля уходила из-под ног.

— Вы с Ма вообще думали когда-нибудь мне рассказать?

— Да. Нет. Может, когда ты подрастешь, мы так думали.

— Но ты была такой маленькой. Я же твой старший брат.

— Ты всегда был любимчиком. Первенец. Единственный сын. Тебя от всего оберегали.

— Ты не доверяла мне даже в пятилетием возрасте!

— Прости. Просто это тебя не касалось.

— Мир рухнул для тебя, — снова заговорил Брат, — тебе казалось, что ты сходишь с ума.

— Именно так.

— А я даже не заметил.

— Мальчики. Они редко что-то замечают.

— А через пять лет, когда они сошлись опять, нам пришлось снова переехать к нему. Тебе пришлось вернуться и жить с ним.

— Представь себе, что я чувствовала тогда.

— А как же Ма? Она о чем думала? Как она могла так поступить?

— Может, она считала, что мы уже достаточно его наказали. Может, думала, что я выросла, а он усвоил урок. Может, считала, что семью нужно стараться сохранить в любом случае, а детям нужен отец. Может, боялась, что поползут слухи и нас заклеймят позором. Может, слухи *уже ходили,* и она уже чувствовала этот позор. Может, она думала, *я люблю его.* Может, просто хотела снова танцевать.

— И что, он усвоил урок?

— Он больше ни разу не дотронулся до меня. И ни разу не посмотрел в глаза. Мне кажется, он даже никогда не заговорил со мной напрямую. Он меня избегал. И отказался оплачивать учебу за границей.

— Так это не потому, что ты девочка, а значит, по определению стоишь ниже.

— Поэтому тоже. В любом случае, я не хотела брать у него деньги. Я работала, получала стипендии, всего добилась сама, я вырвалась оттуда и никогда не возвращалась, и больше никогда ни одного из них ни о чем не попросила.

Довольно трудно в солидном возрасте узнать, что семейная история, сопровождавшая тебя всю жизнь, история, в которой ты жил, ложь, или, по меньшей мере, что ты был не в курсе значительной части правды, поскольку ее от тебя намеренно скрывали. Когда тебе не рассказывают всей правды — Сестре с ее юридической подготовкой это должно быть отлично известно — это то же самое, что врут. Ложь была его правдой. Быть может, это нормальное для людей состояние — жить в выдуманном мире, сотканном из лжи и подмененной правды. Возможно, любая человеческая жизнь — чистый вымысел, но мы, проживая ее, не осознаем ее нереальности.

И вот пожалуйста, когда он писал о вымышленной девушке из вымышленной семьи, он дал ей судьбу, немного похожую на судьбу Сестры, и даже подумать не мог, как сильно был близок к правде. Может ли быть, что, будучи ребенком, он догадался о чем-то, но настолько испугался своей догадки, что похоронил ее так глубоко внутри себя, что даже не помнил о ней? И может ли быть, что книги, по крайней мере некоторые из них, имеют доступ в это секретное хранилище и могут использовать то, что там есть? Книги, что управляют своими авторами, знают о них больше, чем они сами? Брат сидел у постели Сестры, оглушенный похожей на эхо перекличкой между собственным писательским вымыслом и вымыслом, внутри которого ему пришлось так долго пребывать.

Его это не касалось, сказала Сестра, и была права. Но она умирала, а он оставался жить, и он будет жить с этим грузом, потому что она должна была его кому-то передать.

Большую часть дня Сестра спала, ненадолго просыпалась и снова проваливалась в сон. Судья много работал в кабинете с бумагами, Дочь разрывалась между работой и заботой о матери. Сотрудники хосписа приходили и уходили. Брат

разыскал в квартире деревянный стул с высокой спинкой и поставил его в углу спальни Сестры так, чтобы никому не мешать. Пристроив ноутбук на коленях, он делал в нем записи.

В Долине Изумления, сказал Кишот, куда Путник входит вместе со своей Возлюбленной, его переполняет благоговение, и он осознает, что всю свою жизнь не знал и не понимал ровно ничего.

Есть такой еврейский анекдот, сказал Ивел Сент мисс Салме Р. в не вошедшей в эфир части интервью. Старый еврей в Германии 1930-х годов приходит в туристическое агентство, чтобы найти страну, куда бы он мог бежать от нацистов. На стойке в агентстве есть глобус, старый еврей берет его и указывает одну страну за другой — США, Канада, Мексика и т. д., — но сотрудник агентства каждый раз качает головой и говорит, нет, здесь больше не принимают беженцев. В конце концов на глобусе не остается ни одной страны, на которую он бы не указал, тогда старый еврей поворачивается к агенту и спрашивает: "Нет ли у вас другого глобуса?

На этом закончились страны ". Наш проект по поиску соседних планет Земля дает ответ на его вопрос, и это Да с большой буквы. Да, этот старый еврей может стать одним из людей

NEXT, стать, так сказать, человеком будущего. Как и каждый из нас. Грилло Парланте, шепчет Санчо ночью в постели, Мистер Джимми, ты здесь? Мне кое-что нужно: жить собственной жизнью, отдельно от папаши К. Пришло время оставить его в прошлом и устремиться в собственное светлое будущее. Но для этого мне надо получить две реальные вещи. — Щелк! — В кровати Санчо появляется сверчок, вид у него не особо довольный. Я думаю, говорит он, что это мой последний визит к тебе. La mia ultima visita. *Дальше будешь справляться сам. Так что тебе нужно? Не проси слишком много. Помнишь сказку о жене рыбака и говорящей рыбке. — А что с ними случилось? — Эта волшебная рыбка — увы, это была немецкая рыбка, а я не говорю по-немецки, — так вот, эта рыбка давала им все, о чем они просили. Когда рыбак впервые поймал рыбку, вместо дома у них было что-то вроде ночного горшка,* un vase da notte, *и они в нем жили, потому что, кроме собственной мочи, у них ничего-то и не было. И вот у них появилось золото, богатство и слуги. Но жена рыбака зашла слишком далеко. Она заявила, что хочет стать Папой Римским. Приходит, значит, рыбак к рыбке и говорит, моя жена хочет стать Римским Папой.* Il Papa. *Воз-*

вращается после этого он домой и видит, что все дары рыбки испарились и они снова живут в некоем подобии ночного горшка. Это немецкая сказка. У нас в Италии есть очень похожая. — Яне хочу быть Папой Римским, говорит Санчо. Я хочу две простые вещи. Мне нужен мобильный телефон и личный номер той девушки, нерабочий телефон. — Загляни в свой карман, велит ему говорящий сверчок, и прощай навсегда, addio per sempre.

Это вы, миссис Смайл? Спрашивает первый мужчина в черном костюме и черных панорамных очках. Миссис Хэппи Смайл? — Да, отвечает она. — Мадам, меня зовут Уилл Смит, я спецагент, работаю по заданию главного инспектора Министерства здравоохранения и социального обеспечения США. Это мой коллега Томми Ли Джонс, также спецагент, он работает на Федеральное бюро расследований. Ваш муж сейчас дома? — Нет, он уехал по делам. — Мадам, мы должны зайти в ваш дом. Вот ордер на обыск. — Но мой муж уважаемый и важный человек, его знает весь город, он филантроп и благотворитель в области искусства. — Мадам, у нас на руках также есть постановление о его аресте.

(Не забыть! Имена агентов обязательно нужно

изменить. Это не люди в черном.)

И еще одно:

Если я использую смерть Сестры в своей книге, будет ли это посягательством на частную жизнь и законно ли вообще? И кто именно умрет в книге? Позднее Брат приписал постскриптум: *Неужели я такой засранец?*

Сестра проснулась и тут же посмотрела прямо на него, она включилась в происходящее, испугалась и явно не понимала, что происходит. Она сказала несколько фраз, адресованных другим людям, словно приняла Брата за кого-то еще, а потом вдруг взглянула на него *с* ужасом и требовательно спросила:

— Я ведь не умираю?

Он ответил, ни на секунду не замешкавшись.

— Нет, — сказал он. — Нет, милая, все в порядке. Просто тебе нужно немного отдохнуть.

После он еще долго спрашивал себя, правильно ли ответил ей тогда. Что он сам предпочтет услышать от тех, кто будет рядом, когда придет его черед задавать этот вопрос: сладкую ложь или правду, которая поможет ему подготовиться к величайшему таинству окончания жизни? Он думал, что предпочел бы знать правду. Но каждый, кого он спрашивал, говорил: “Я бы ответил точно

так же, как ты". Вот вам еще пример — люди предпочитают фактам вымысел.

Сестра едва заметно кивнула.

— Рада, что ты приехал, — сказала она, уже точно узнав его. — Это просто замечательно.

Она слегка улыбнулась и вновь провалилась в сон.

Я получил то, ради чего приехал, подумал он: отпущение грехов.

Лежа в кровати, Брат прислушивался к звукам ночного города. На Манхэттене симфонию ночи исполнял оркестр спешащих на вызов машин — пожарных, скорых, полицейских; к ним иногда добавлялся шум работающей под окном ремонтной или снегоуборочной техники. В Лондоне он слышал голоса, а поскольку с самого приезда сюда находился где-то между реальностью и вымыслом, уже не мог сказать, принадлежат ли они живым людям, призракам, ангелам либо демонам, не пришли ли они из какой-то другой реальности, не слышен ли ему небесный глас, как слышали их великие мистики, Жанна д'Арк, Иоанн Богослов, Шри Ауробиндо, Ошо, Будда. Этот город вопил от боли, взывал к ночным небесам о помощи. Смертные мужчины и женщины кричали в отчаянье и агонии, не находя дороги

к счастью и покою. Монстры на лондонских крышах, похожие на гигантских суккубов, глубоко вдыхали и тянули из людей надежду и радость.

Брат пересек океан и оказался в гуще этого ужаса лишь затем, чтобы заслужить любовь женщины, которую он, как выяснилось, даже не знал.

Мы с Кишотом больше не два отдельных существа, думал он. Теперь я — часть его, так же как он — часть меня.

На следующий день Сестра заявила, что в четыре пополудни состоится скромное семейное чаепитие. Услышав это, судья и Дочь хором ответили:

— Отличная идея! — и стали наперебой предлагать свои услуги в приобретении пирожных, булочек, кексов и ячменных лепешек. Дочь вызвалась приготовить сэндвичи с огурцом.

— Мы будем пить чай внизу, — раздавала Сестра дополнительные распоряжения. — И пусть там играет музыка. Мне осточертела эта спальня. В ней живет очень больная женщина, которая со временем становится невыносимой.

Сестра поднялась с кровати и стала наряжаться, Дочь помогла ей надеть юбку из индийской парчи и белую блузку, а также старинные индий-

ские украшения из серебра — не из знаменитого отцовского магазина “Зайвар бразер”, а с ювелирного рынка в районе Завери-базар в городе, который она упрямо продолжала называть Бомбеем. Цены на Завери-база-ре определялись не древностью украшения или сложностью работы ювелира, а исключительно весом изделия и чистотой металла. Ей близок такой конкретный подход, говорила Сестра. Размытым понятиям о таланте художника и прелести ушедших времен она тоже предпочитала конкретику по-настоящему стоящих денег веса и пробы. Дочь принесла цветок магнолии, и Сестра закрепила его у себя в волосах. Судья нарядился тоже, он надел свой лучший вечерний наряд — великолепное серебристое платье-футляр с кружевными оборками ниже колена.

— В стиле Сесила Битона, — пояснил он Брату. — *Сэра* Сесила Битона, если угодно.

Все трое, Дочь, Брат и судья, помогали Сестре спуститься. Дочь с распростертыми руками, не давая матери упасть, шла спиной вперед на несколько ступенек перед ней, а мужчины с двух сторон поддерживали ее сзади, помогая передвигаться медленно, один неуверенный шажок за другим. Сотрудники хосписа, готовые прийти на

помощь, держались чуть в стороне — эти великодушные люди понимали, что речь идет о сугубо семейном торжестве. (На время чаепития они поднялись наверх, в спальню Сестры. Когда торжество завершилось, Сестра позволила одному из них, сильному молодому парню, отнести ее в кровать на руках.)

— Сегодня я мать и хозяйка вечера? — спросила Сестра, как будто кто-то мог в этом сомневаться, и вскоре чай был разлит, пирожные и сэндвичи с огурцом разобраны, и всех присутствующих охватило чувство удовольствия, смешанного с болью от того, что все понимали: нечто прекрасное происходит здесь в последний раз.

— Одно меня чрезвычайно радует, — заговорила Сестра, — как раз до того, как началась вся эта история с моим телом, я застраховала свою жизнь на весьма внушительную сумму. Теперь эти воротилы выплатят моей девочке страховую премию, которая точно не даст ей умереть с голоду.

Сказав это, Сестра засмеялась, она смеялась долго и заливисто. Ей не удалось обмануть смерть, но то, как удачно сложились дела со страховой компанией, радует ее немногим меньше, сказала она.

Сестра ни слова не сказала о судье, но тот от

души смеялся вместе с ней. Это странно, подумал Брат. Почему она не говорит, что счастлива, что благодаря ее страховке в старости он будет обеспеченным человеком? И почему ему все равно?

— Думаю спеть что-нибудь короткое, — заявила Сестра, когда чай был выпит, а сэндвичи съедены. — Раньше я очень это любила.

Не успела она договорить, как ее сразил приступ нечеловеческой боли, и она со всхлипом откинулась на спинку стула.

— Джек, — кричала она, а судья уже бежал к ней с болеутоляющим спреем наготове, она раскрыла рот и подняла язык, он брызнул туда лекарство, и наступило облегчение. Тогда Сестра позволила отнести себя наверх.

Жизнь в семье, подумал Брат, ее маленький эпизод после целой жизни без семьи, для меня вполне достаточно.

По силе воздействия фентанил в сотни раз превосходит морфин. Следовательно, смертельная доза фентанила в сотни раз меньше смертельной дозы морфина: два миллиграмма по сравнению с двумя сотнями граммов. Фентанил в форме подъязычного спрея действует еще сильнее, а эффект от его приема наступает быстрее. Медицинские дозы в спрее тщательно рассчитаны и выме-

рены в микрограммах, так что для того, чтобы получить смертельную дозу препарата, нужно распылять его под язык несколько раз подряд без остановки. В каждую упаковку фентанила вкладываются инструкции по применению, где четко и ясно говорится об опасности передозировки.

Они заранее спланировали все до мелочей, Сестра и судья, ведь оба были большие педанты. Они точно определили, какая доза им понадобится, высчитав ее с учетом разницы в весе (в ней не было уже и сорока пяти килограммов, а он весил под девяносто), и стерли *с* этикеток обоих спреев всю информацию, по которой можно было определить, как они достали лекарство, включая номер партии и адрес производителя, чтобы впоследствии Брата невозможно было обвинить в том, что он без назначения врача достал для них смертельно опасный медицинский препарат, и оставили подробные инструкции, как следует распорядиться их деньгами и имуществом, — адресованное Дочери письмо было аккуратно прислонено к подушке в ногах Сестры. Они молили ее о прощении, заверяли в своей любви и просили не горевать, а радоваться тому, что они, согласно собственной последней воле, ушли из этого мира так, как хотели — вместе. Вверху

страницы (большая часть текста была написана судьей, хотя письмо бесспорно было результатом их совместных раздумий) Сестра своей рукой приписала пару строк из “Капли росы” Эндрю Марвелла: *И душа сама Туда стремится, И ничто не держит на земле.* Она была готова и сама решила, как и когда позволит смерти сорвать свой цветок. Они приняли решение вместе, и каждый из них выполнил свою часть договора.

Посреди ночи Брат внезапно проснулся от печального озарения. Бестелесные голоса из тьмы смолкли, словно тоже поняли, что произошло. Брат вылез из кровати и прямо в пижаме поспешил в комнату Сестры. Перед дверью он ненадолго остановился и прислушался. Дочь спала на своем диване внизу. Но тишина за закрытой дверью в спальню Сестры больше не была тишиной сна. Брат распахнул дверь и вошел внутрь. Судья сидел на стуле возле ее кровати в том же серебристом вечернем платье, его подбородок упал на грудь. Сестра сидела в кровати, немного завалившись на бок, отчего ее голова оказалась на плече мужа. Около кровати на тумбочке лежали две шахматные фигуры, черный король и белая королева, опрокинутые, отказавшиеся продолжать игру. Джек и Джек. Они изменили

правила. Королева ушла вместе с королем. В их игре не было единственного победителя, иными словами, выиграли оба.

Дочь тоже появилась в спальне, она вскрыла письмо и стала читать. Затем она подняла глаза и поверх письма взглянула на Брата, и он увидел в ее глазах унаследованную от матери ярость.

— Дорогой дядя, спасибо, что приехал. Теперь тебе пора домой, — ее голос звучал свирепо. — Не волнуйся. Я никому не скажу, что ты сделал. Тебя не станут разыскивать.

Он сделал осторожное движение в ее сторону. Она отшатнулась.

— Это я привела тебя сюда, — сказала она. — Пешка ез на ед. Это я во всем виновата. Огромная ошибка.

Она отвернулась от него и стала смотреть на родителей. Кулаки у нее были сжаты.

— Ты рассказывал нам историю о том, как летел сюда, — процедила она. — Про ангела смерти. Теперь я все поняла. Череп в капюшоне. Это ты. Ты приехал, чтобы забрать их жизнь, и держал их смерть у себя в кулаке. Это ты. Ты ангел смерти.

В самолете домой, в полусне, сам не свой от горя и водки, Брат увидел, как его собственное отражение в самолетном иллюминаторе говорит ему: “У мира нет другой цели, кроме того, чтобы ты закончил книгу. Как только ты сделаешь это, звезды начнут исчезать с небосвода ”.

Глава восемнадцатая
Кишот достигает своей Цели, в то время как на его Возлюбленную обрушиваются Позор и Скандал

Зайдя в Центральный парк на углу Семьдесят второй улицы и Пятой авеню, Кишот поднес руку к полям шляпы, чтобы поприветствовать памятник Сэмюэлу Морзе и задумался: какое закодированное сообщение — точка-тире-точка-тире — он бы сейчас отправил, будь у него такая возможность? Как бы он теперь написал, кто он таков, как бы сформулировал, чего хочет, и какой секрет решил бы поведать всему миру или кому-то одному, очень важному? Неожиданно он дал четкий ответ на свой вопрос: он — влюбленный, единственное, чего он хочет, — ответная любовь его Возлюбленной, и свою великую любовь он

будет выстукивать азбукой господина Морзе, выкрикивать с крыш, шептать Возлюбленной на ухо, ту любовь, осуществление которой и есть единственная оставшаяся цель и наиболее важная функция нашей доброй матушки-Земли. Кишот думал также о современном изобретателе и бизнесмене Ивеле Сенте и его машинах NEXT. Быть может, созданные мистером Сентом волшебные порталы, “Мэйфлауэр” и т. п., появились лишь для того, чтобы сделать возможным идеальный конец: Кишот и Салма покинут эту гибнущую юдоль скорби и будут вместе вкушать вечное блаженство на этих — как там Женщина-Трамплин их называла? — Елисейских полях. Как удачно все складывается.

Кишот чувствовал, что постепенно вливается в себя прежнего. Слишком долго он пробыл в долине обретения прощения, слишком задержался в долине восстановления утраченной гармонии, слишком погряз в насущном, не разобравшись с которым не мог подступиться к главному. Женщина-Трамплин отправила его в путешествие к его прошлому, накинула на него обличье человека, который для него больше ничего не значил, однако это прошлое было всего лишь ее версией событий и его роли в них, в то время как правда,

как порой по-прежнему казалось Кишоту, на каком-то этапе оказалась искажена. Время от времени Кишотом овладевала мысль, что на самом деле это *она была перед ним виновата,* что она была той, кто выдвинул против него несправедливые обвинения, той, в ком было мало любви; если бы только он мог все вспомнить, пробраться сквозь туман в голове и вспомнить, увидеть, понять, он смог бы предъявить ей факты, доказать, что она перевернула все с ног на голову, вытащила неизвестно из какой задницы (конечно, если бы в приватном пространстве собственных размышлений он позволял себе подобные выражения), и значит, в конце концов извинялся как раз тот человек, которому должны были быть принесены извинения, именно он безоговорочно и униженно каялся. Увы, он ничего не помнил. Сплошные сумятица и туман. В конце концов, все нормально, он не против, в любом случае примирение было необходимо, кто-то должен был признать свою неправоту, сложить оружие, опуститься на колени, пусть даже это и было несправедливо. Спустя столько лет Женщина-Трамплин заставила его вновь влезть в шкуру, которая больше ему не подходила, и он должен был надеть ее, как власяницу, и раскаяться в

деяниях, которые не может вспомнить. Это не важно. Теперь он сбросил свою старую кожу и предстал миру Кишотом, доблестным рыцарем, мистическим *амантом,* ищущим, подобно сэру Галахаду, свой Грааль, Грааль Любви, копящим силы, чтобы быть готовым наконец встретиться со своей судьбой лицом к лицу.

За примирением брата и сестры последовало их расставание. Кишот понимал, что вставший на Путь рыцарь не может позволить себе ни одной ночи в неге и роскошестве, пусть даже в доме своей сестры-богачки. Рыцарю должно хранить твердость духа и чистоту помыслов, жить аскетом. Комфорт делает его слабым.

— Так вы останетесь у меня? — спросила Женщина-Трамплин, великодушно предложив им передохнуть после долгих скитаний.

К собственному удивлению, Кишот ответил ей:

— Нет.

“Блю-йоркер”, при всех его недостатках, соответствовал его целям гораздо больше. Он, а не лофт в Трайбеке, был частью истории, которую он проживал. Он чувствовал, что ему жизненно необходимо вернуться в свой номер и для успокоения посмотреть там телевизор.

— Спасибо за приглашение, — ответил он сест-

ре. — Но лучше мы все останемся на своих местах — я, мой сын и моя машина.

Его ответ сразил Санчо наповал.

— Ты это не серьезно, — закричал он.

— Уверяю тебя, я серьезен, как никогда, — строго осадил Кишот сына. — Мы совершили важную остановку, я благодарен за это, но мы должны и дальше идти по своей дороге.

Последовал бунт.

— Видимо, нам не стоит оставаться вместе, — заявил Санчо. — Видимо, для меня пришло время начать жить собственной жизнью. У каждого мужчины свой Грааль, так? Ты меня этому научил. У тебя есть твоя возлюбленная, у меня — моя.

— Во-первых, — ответил Кишот, — до мужчины тебе еще очень далеко, а во-вторых, та девушка, Прекрасная из города Прекрасного — просто глупая фантазия.

— Тогда уж скажи заодно, — грубо ответил Санчо, — кто такая эта твоя мисс Салма Р.?

Их прервала Женщина-Трамплин.

— Это был важный вечер, — сказала она. — Мы все устали. Давайте оставим все как есть. Раз молодой человек хочет остаться у меня, пусть остается. Раз ты, — она повернулась к Кишо-

ту, — упорно желаешь вернуться в свою клоаку, так тому и быть. Остановимся на минутку. Утро вечера мудренее.

Возвращаясь на окраину в маленький грязный мотель, Кишот ощущал физическую боль от пустующего пассажирского места рядом; словно ему отсекли руку или ногу. Неужели это последнее и самое сложное, что он должен совершить, размышлял он: принести в жертву сына? Агамемнон принес в жертву дочь, чтобы заставить ветра дуть в свои паруса. Но и сам Агамемнон расстался с жизнью в ванне, убитый вероломной матерью Ифигении, своей женой царицей Клитемнестрой. Быть может, пустое пассажирское кресло — и его смертный приговор тоже?

Но ведь у Санчо нет матери. Преданья старины глубокой не всегда звучат эхом в современном мире. Но да, у каждого мужчины свой Грааль.

Прошло три дня, но ни от кого не поступало никаких известий — ни от доктора Смайла, ни от Санчо, ни от Женщины-Трамплина. Кишот сидел в своей комнате, купаясь в лучах телевизионного экрана. Мужчина сообщил ему, что не пройдет и пары лет, как все человечество убедится: Земля на самом деле плоская. Женщина сообщила, что всеобщая вакцинация является частью миро-

вого заговора против детей. Другой мужчина сообщил, что конденсационный след, который оставляют за собой самолеты, благодаря своему химико-биологическому составу влияет на человеческую психику и является инструментом манипулирования человечеством, он вызывает стерилизацию женщин, позволяя предотвратить демографический взрыв, а также служит доказательством применения против ничего не подозревающего населения химического и/или биологического оружия. Еще одна женщина сообщила, что некто известный как К. представил непроверенные доказательства заговора против правительства. Третий мужчина сообщил, что на трассе ФДР в районе Манхэттена образовалась пробка.

Кишот позволил омыть себя этому потоку частиц электронной жизни, многообразной сущности телевизионных каналов. Ничто из увиденного он не принимал на веру, но ничто и не отвергал. Он не был судьей. Даже то, что его псевдоним К. совпадает с кличкой создателя конспирологической теории *“QAnon”,* привлекло его интерес совсем ненадолго. Он проводил время своим излюбленным способом, и оно проходило. Этого было достаточно. Ему не был интересен

анализ реальности. Его реальность сводилась к этой комнате, игре сектовых пучков на экране и ожиданию звонка.

Звонок раздался на четвертый день.

Он искал дерево, старый красный дуб. Дуб стоял недалеко от памятника Гансу Христиану Андерсену, на котором сказочник изображен рассматривающим утку (или рассматриваемым ею), изображение которой имело веские литературные основания находиться там — ими нам, однако, придется пренебречь. Среди всех сказок Андерсена Кишоту больше всего нравилась и в то же время казалась самой страшной “Тень”. Тени — наши коварные спутники, тайные двойники, альтер-эго, за ними нужен глаз да глаз. (Похожий случай был с Питером Пэном — однажды его тень сбежала, ее разыскивали, а потом Венди своей проворной и прилежной иглой пришила ее обратно к мальчику.) Во время своего странствия Кишот то и дело поглядывал на собственную тень, которая, впрочем, не демонстрировала никаких склонностей к независимому существованию, дурного нрава либо любовных поползновений. В золотой тени осеннего дерева тень растворилась, а Кишот, исполненный трепета, с калейдоскопом летающих в животе бабочек, ждал; во время ожи-

дания он привычно размышлял о телевидении.

Подобно королю Артуру, который не мог обходиться без Мерлина, Кишот пришел сегодня в парк, чтобы встретиться *с* волшебником, способным сотворить необходимое ему чудо. Кишоту совершенно не понравился сериал о юности Мерлина, который он смотрел несколько лет назад. Ему был нужен волшебник в годах, а не желторотый юнец, которому еще расти и расти. Но сегодня всем подавай молодых. Это просто невыносимо! Молодой Индиана Джонс. Молодой Хан Соло. Молодой Шерлок Холмс. Молодой Дамблдор. Со дня на день должен выйти мини-сериал о молодом Мафусаиле. Будучи пожилым человеком, Кишот мечтал, чтобы было наоборот. Как вам "Секс в большом городе" с постаревшими героинями? Постаревшие "Друзья"? Старые "Девчонки"? Старая "Сплетница"? Старые "Отчаянные домохозяйки"? Старые "Холостяки"? Или модное дефиле *с* возрастными моделями на подиуме? (В конце концов, королева Виктория из юной превратилась в очень старую королеву, но без сомнения, и в этом возрасте у нее есть секреты.) Конечно, есть "Золотые девушки", тут нет возражений. Но это всего один сериал. А почему бы не снять еще про старых "Симпсонов"? Как насчет

“Счастливые дни продолжаются” с престарелым Фонзи? Лично он с удовольствием бы посмотрел. Американское население стареет, разве нет? Ну так и что. Пора перестать заигрывать с пустоголовой молодежью. Пора обратиться к умудренному жизненным опытом старшему поколению.

В старом, восьмидесятых годов, фильме “Волшебник” главную роль исполнял актер очень маленького роста. Чародей, который вот-вот должен был прийти на встречу к Кишоту, едва ли был сантиметров на тридцать выше игравшего в “Волшебнике” Дэвида Раппапорта. Кишот глядел во все глаза, не появится ли маленький человек с кипучей энергией и подвижной моралью: его кузен доктор Р. К. Смайл, в руках которого сейчас находилась его судьба.

Отчего же Кишот был так уверен, что сегодня пришел его час? Ответ был прямо перед глазами у всех, имеющих глаза. Быстро растущее число черных точек, пляшущих в поле обзора. Теперь эти дыры видели абсолютно все, однако из-за свойственной людям отвратительной способности не понимать, что происходит у них под самым носом, этому явлению предлагались объяснения, зачастую более замысловатые, чем очевидная правда.

Состояние глаза, при котором на сетчатке появляются темные пятна, известно медицине давным-давно, в какой-то момент оно было основной причиной потери зрения у американцев, однако сейчас — по крайней мере, согласно утверждениям уполномоченных представителей власти и авторитетных журналов, — оно приобрело масштабы эпидемии или, как любят выражаться писатели, стало настоящей чумой. Чума имеет мистическое происхождение, выбирает себе жертв случайным образом, и ее невозможно контролировать. Эпидемии чумы у всех поголовно вызывают панику и часто заканчиваются рытьем братских могил в крупных городах. “Болезнь Черного Пятна”, как начали называть эту чуму нашего времени, не была смертельной, но в числе ее последствий был и рост автомобильных аварий, некоторые из которых были смертельны. Во многих странах гораздо чаще, чем обычно, происходили железнодорожные аварии, в основном не очень серьезные, но порой и по-настоящему катастрофические. Кроме того, сообщалось об ошибках, которые из-за мушек и черных пятен перед глазами пилоты совершали при посадке во всех аэропортах мира. В странах, где существовало очень дорогое, способное излечить эту

новую чуму лекарство, его запасы стремительно таяли, хотя лечение — регулярные инъекции в белок глаза, призванные очистить сетчатку — пугало большинство людей гораздо сильнее, чем перспектива ослепнуть, пусть все прекрасно понимали, что слепота куда страшнее иголки в глазу. Причиной заболевания было повреждение макулы, желтого пятна у центра сетчатки глаза, отвечающего за нашу способность читать, водить машину, различать цвета и формы, лица людей и мелкие детали. Частым симптомом было кровотечение из сетчатки. Однако офтальмологи из многих стран, занимавшиеся лечением этой вспышки заболевания, отчитывались о странных результатах своей работы. В ходе обследования пациентов не удавалось обнаружить ни повреждения макулы, ни крови на поверхности сетчатки. Более того, в большинстве случаев можно было констатировать, что глаза пациентов на сто процентов здоровы. При этом их зрение обладало выраженными симптомами поражения сетчатки. Медицина столкнулась с загадкой, разгадать которую пока никому не удалось.

Это не значит, что не существовало никаких теорий. Ученый и предприниматель Ивел Сент, создатель и глава гигантской Корпорации Сента,

специализирующейся на новейших технологиях, настойчиво, даже фанатично твердил каждому, кто был готов его слушать, о своем эсхатологическом видении происходящего, но никто поначалу не верил ему всерьез. Повреждение, вещал Сент через все доступные медиа, происходит не в человеческих глазах, а в мире. Поражено не то, чем мы видим, а то, что мы видим. Сент часто цитировал лозунг шестидесятых годов: *Не спешите подстраивать свое сознание, ошибка кроется в реальности.* Ошибка в реальности реально имеет место, ситуация ухудшается, и каждому из нас пора раскрыть глаза и осознать, что происходит. Наш космос крошится на части. При поддержке мировых правительств и Организации Объединенных Наций еще хватит времени наладить массовое производство порталов NEXT, которые позволят значительной части населения планеты спастись, переселившись на параллельную Землю. Лично он готов посвятить этому все оставшиеся у него силы, деньги и время.

Поначалу ему верили очень немногие. Даже значительная армия его поклонников, некоторые из которых были в целом согласны следовать его пугающей тактике, сомневались в возможностях порталов NEXT, которые, как казалось людям,

были скорее способны привести к массовой гибели человечества, нежели перенести его в новый Эдемский сад. В эксперимент с лабрадором по кличке Шрёдингер поверили очень немногие, большинство же считало его грубой фальсификацией. Каждый может заявить, что некая собака побывала на “параллельной Земле” и вернулась оттуда жива-невредима. Собака была не способна это подтвердить, а никаких визуальных доказательств так и не было обнародовано. Так что на данном этапе слова Ивела Сента были гласом вопиющего в пустыне — его слышат все, но внемлют лишь единицы.

Кишот верил Сенту. Едва пустившись в странствие, он понял, что его поход за любовью, стремление стать достойным Возлюбленной оказывается также приготовлением к собственному концу, ведь познавшему совершенство больше нечего искать в этом мире. Происходящие катаклизмы, ошибочно принимаемые за симптомы неведомой болезни, были ранними проявлениями того, что кульминация каждого из странствий уже близка.

Только что здесь не было ничего, кроме дерева, и вдруг — бабах! — доктор Р.К. Смайл. Шляпа, пальто, аккуратный кожаный саквояж в руках

— ни дать ни взять уездный доктор, объезжающий пациентов. Только что это за облако дыма вокруг? Нет ничего такого, просто у него разыгралась фантазия, убеждал себя Кишот. Едва ли его всеми уважаемый кузен станет путешествовать по стране, перемещаясь при помощи волшебного дыма, как заправская злая ведьма с запада. С другой стороны, мы живем в Эпоху, Когда Возможно Все, а значит, как ему отлично известно, возможно все. Возможно, облака дыма теперь в моде. Возможно, они продаются в “Волмарте”, как ружья.

— О лучший из двоюродных братьев, — вскричал Кишот, — я счастлив тебя видеть! Надеюсь, ты сегодня в прекрасном настроении.

— Прогуляемся, — мрачно предложил доктор Смайл.

Его настроение, с грустью отметил Кишот, было далеко не прекрасным. Скорее отвратительным.

— Сегодня в Атланте произошло нечто ужасное, — поделился с Кишотом доктор Смайл, пока они прогуливались в направлении лодочной станции. — Должен сказать, меня это просто шокировало. Нечто оскорбительное для моей достойной супруги.

— Миссис Хэппи? — вскричал Кишот. — Не

может быть! Это просто ужасно! Надеюсь, с ней не случилось ничего дурного!

— Ничего дурного… — угрюмо передразнил его доктор Смайл. — Сейчас я расскажу тебе, сколько дурного с ней случилось. Я должен с кем-нибудь поделиться и думаю, ты подходишь, поскольку — прости меня за прямоту — ты никто, никого не знаешь, а значит, не сможешь рассказать это кому-то, кто действительно кто-то. К тому же ты глуп как пробка.

Эти слова — никак не сочетавшиеся с ласковой манерой, в которой обычно кузен разговаривал с ним, — задели Кишота своей резкостью и некоторой неверностью.

— Но ведь любой, кто живет на земле, уже кто-то, — мягко возразил он в ответ. — Хотя в речи мы порой используем забавные обороты. Вот смотри, когда мы говорим, что здесь никого нет, то имеем в виду, что кто-то другой находится не здесь. Я же здесь есть, а я тоже кто-то. Смотри, — Кишот начал тыкать пальцем в прохожих, — вот, вот, вот. Кто-то, кто-то, кто-то.

Затем он не без гордости указал на себя.

— Кто-то.

Доктор Смайл с трудом дождался окончания этой тирады.

— Я же сказал, — повторил он, — глуп как пробка.

Грубые слова кузена обижали Кишота. Он постарался исправить ситуацию.

— *Пробка* рифмуется с *улыбка*, ты доктор Смайл, доктор Улыбка, — попробовал пошутить он. — О нас двоих можно сочинять стихи и ставить в них смайлики.

Его милая шутка явно не смогла поднять настроение доктора Смайла.

— У меня нет времени на светские беседы, — рявкнул он. (Кишот хотел было сказать: “Это роднит тебя со знаменитым Ивелом Сентом!”– но вовремя прикусил язык.)

— Сегодня я кое-что расскажу тебе о том, как несправедлив бывает мир к человеку, который из кожи вон лезет, стараясь сделать его лучше. К нему и к его жене — безвинному существу со счастливым именем и счастливой природой.

Кишот нахмурился, всеми силами стараясь показать, как он озабочен его рассказом.

— Она с подругами, — сообщил доктор Смайл, — сплошь увлеченными благотворительностью дамами нашего круга, пришла, как обычно, на подводное чаепитие у доктора Бомбея в нашем Кандлер-Парке.

— Они пьют чай под водой? — не понял Кишот.

— Просто так назвали мероприятие, — прорычал Смайл. — Это кафе, а не субмарина!

Кишот кивнул.

— Туда заявились эти, как их там в Америке называют? Молодчики!

— Какие молодчики? Увлеченные благотворительностью дамы нашего круга?

— Силы правопорядка, — ответил доктор Смайл. — В бронежилетах, с собаками, с оружием, как будто там сходка террористов, а не светский раут. А все почему?

— Почему?

— Из-за меня, — сообщил доктор Смайл. — Они обвиняют меня в преступлениях, но не могут найти, и заявились к ней. Ублюдки!

— Ты называешь ублюдками силы правопорядка?

— Тех, кто меня предал. Жадные ублюдки. Кто мог настучать на меня полиции? Только те, кого я сделал богатыми. Да, себя я сделал еще богаче, но благодаря мне они обрели хоть что-то. И тут и там заштатные докторишки стали богатыми людьми. А теперь они меня сдали. Ублюдки. Как будто не знают, как в Америке становятся

миллиардерами. Морган, Карнеги, Вандербильт, Меллон, Рокфеллер? Посещая подводные чайные собрания, может быть? Я сделал то, что следовало сделать. Вполне в духе американских ценностей, да? И все же мои дети, создания моих рук, те, кого я сделал теми, кто они теперь, трясутся за свои задницы и надеются остаться на плаву, потопив меня!

— Послушай, — продолжил он, — я никогда не испытывал того, что называется духом общины. Все эти "наши люди" — ерунда, *баквас*| От нас ждут, что мы все должны это чувствовать. Преданность диаспоре превыше всего. Темнокожие против белых, один за всех и все за одного! Дерьмо собачье. "Наши люди" оказываются к нам ближе всех, а значит, могут первыми вонзить в нас нож — в грудь, в спину, в яйца, куда сподручно. Сегодня я говорю то, что думаю. Раскрываю тебе, что у меня на сердце в этот момент ярости. Все эти "наши" — полная чушь. У жены есть чувство общности с ними, у меня — нет. Хотя "наши" могут нас кое-чему научить. Нашей культуре. Этот урок я выучил сполна.

— Коррупция! Они обвиняют меня в коррупции! Меня! Доктора Эр Ка Смайла! Всем известно, что то, чем я занимался, — не коррупция. Это

наша древняя культура. Вот представь: ты на железнодорожной станции, скажем, в Савай-Мадхопу-ре, и к кассам стоит огромная очередь. Ты ее отстоял, а сотрудник говорит тебе, это не та касса, становитесь в другую очередь. Руки опускаются, да? Любого выбьет из колеи. Тут к тебе подходит мальчишка лет десяти, теребит за рукав. *Сссс,* шепчет он, *сссс,* вам нужен билет? У меня тут дядя. Конечно, он рассчитывает кое-что получить за свои услуги. Если ты умный, дашь ему немного денег и решишь свою проблему, если дурак — откажешься. Если ты умный, у него действительно окажется дядя, он проводит тебя к нему в контору за билетными кассами, и через пару мгновений у тебя в руках будет билет. Дурака будут часами гонять из очереди в очередь. Вот и все, что я делаю. Другой пример. Ты гуляешь по портовому рынку в, предположим, Тируванантапураме, и местный антиквар предлагает тебе за хорошую цену купить отличные, по-настоящему ценные предметы искусства; ты хочешь отвезти их домой, предположим, в Атланту, штат Джорджия, чтобы они долгие годы радовали твою любящую семью. Но ведь есть законы, вывозить из Индии подобные ценности запрещено. Если ты дурак, ты скажешь: мол, жаль, но закон есть закон, если

умный, пошлешь этот закон в жопу. Умного антиквар познакомит с чиновником, который ставит государственную печать на разрешения на вывоз предметов искусства, со специалистом, который должен убедиться, что ты на самом деле не вывозишь ничего ценного — обычно его убеждает заранее известная фиксированная сумма, и через пять минут твои сокровища уже на пути в Бакхед. В целом закон — полезная штука. Он помогает разобраться, кого именно следует убеждать. Иначе ты можешь выбрасывать на ветер деньги, убеждая людей, у которых нет государственной печати. Я просто не хочу тратить лишнего. Вот и все, что мы делаем. Мы просто знаем, какие шестеренки подмазать, чтобы механизм работал лучше.

Доктор Смайл сделал паузу, чтобы перевести дух. Кишот терпеливо молчал.

— Ты такой же, — снова заговорив, доктор неожиданно ткнул в сторону Кишота пальцем. — Тебе тоже наплевать на так называемых наших. Колесишь по стране — то там, то тут, то вообще неизвестно где, какой там причал, верно? Корабль без руля. Автомобиль без водителя. Откуда ты там есть-пошел, кто ты есть, ты вообще когда-нибудь думал об этом? Я не уверен.

— Ты очень зол, — мягко ответил Кишот. — Но ведь я в этом не виноват.

— Что ты любишь? — ревел доктор Смайл. — Индийскую еду? Национальную одежду? Может, нашу религию или обычаи? Да я вообще не думаю, что для тебя все это хоть что-то значит. Я прав или нет?

— У меня есть тринадцать вещей, — признался Кишот, — которые не дают мне забыть, кто я. Несколько семейных фотографий, коробок спичек “Чита”, слепок головы в гандхарском стиле, чучело удода…

— Ты дурак, — констатировал доктор Смайл, а затем решительно, с нажимом добавил, — но дурак, у которого сегодня очень удачный день. Дуракам везет, мне — нет. Но они не дождутся, что я буду прятаться по норам, как крыса. Я никуда не исчезну, я не беглый преступник. Я буду защищать себя, заплачу любой залог, сколько бы ни назначили, надену на ногу этот чертов браслет и буду защищаться. Это Америка. Я буду бороться, и победа будет за мной!

Его тирада прозвучала совсем не убедительно, словно он сам не верил в то, что говорит.

— Твоя позиция достойна уважения, — сказал Кишот.

— Никто не понимает, — в голосе доктора Смайла была слышна усталость человека, в одиночку несущего общий груз, — что наш бизнес становится жестче с каждым днем. Я работаю ответственно, через дипломированных врачей и т. д. А теперь появились уличные банды. Они терроризируют моих людей. Вовремя ты ушел, скажу я тебе.

Я не ушел, подумал Кишот, меня уволили. Этого он также не стал произносить вслух.

— А что за названия, — скорбно рассуждал доктор Смайл. — Девять гангстеров Трея. Это же вообще ничего не значит. Они тупо продают на улицах все подряд. Героин, фентанил, фуранил, экстази, колеса, дибутил один. Никакой ответственности и никакого контроля. И они роняют мои продажи.

— Могу я тебя спросить, — наконец перебил его Кишот, — зачем ты хотел меня видеть? И почему сказал, что у меня сегодня очень удачный день?

— Ты такой же, как все, — печально подытожил доктор Смайл. — Я, меня, мне.

Доктор Смайл скорбно качал головой с видом человека, который самоотверженно работает ради блага других, но не получает в ответ от этого эгоистичного мира ни уважения, ни любви, а

затем указал на свой саквояж.

— Ты должен хранить это в полной безопасности, — сказал он. — У тебя же есть банковская ячейка и ключ?

— Да.

— Храни мой саквояж только там. В нем много небольших белых конвертов. В каждом из них — месячная норма спрея *InSmile™*. Каждый месяц ты должен будешь встречаться с некоей дамой и отдавать один из конвертов лично ей в руки. Процедура с ней согласована.

— Это очень больная дама?

— Это очень важная дама.

— Это дама, у которой есть медицинские показания?

— Это дама, которой мы хотим сделать приятное.

— Так ты хочешь, чтобы я сделал, — Кишот произносил слова с тем же надрывом, что и доктор Смайл совсем недавно, — приятное человеку, который на самом деле не болен.

— Спроси, как ее зовут, — посоветовал доктор Смайл. — Потом посмотрим, что ты скажешь.

Когда имя было произнесено, небеса разверзлись и излили на Кишота неземное сияние, омыв его потоками счастья. Его усилия не прошли

даром. Он доказал, что достоин, и Грааль сам дал о себе знать. Во имя любви он отринул причины, осознал тщету земных знаний, отсек мирские желания и привязанности, понял, что все в этом мире связано, поднялся над гармонией, и вот теперь, в долине Изумления, имя его Возлюбленной парит перед ним в воздухе, словно на экране гигантского телевизора.

Кишот понял, что испытывает любовь к человеку, сделавшему это чудо возможным.

— Я люблю тебя, — признался он доктору Смайлу.

Погрязшего в проблемах доктора такая реакция потрясла и испугала.

— Что ты сказал? — требовательно переспросил он.

— Я люблю тебя, — повторил Кишот.

Небесное сияние продолжало обдавать его своими каскадами, к которым, похоже, прибавилось пение ангелов.

— Мужчины не говорят такие вещи мужчинам, — сердито отчитывал его доктор Смайл. — Среди членов семьи, конечно, могут быть всякие люблю-тебя, даже среди кузенов, да, но никак не в таком тоне. Это обыденность, как поцеловать воздух возле щеки. Что это еще за *люблюю.*

Поспокойней, пожалуйста. Мы с тобой не муж и жена.

Кишоту же очень хотелось ему ответить: *Разве не видишь ты, что повсюду разлилось небесное сияние? Не слышишь пения ангелов? Только что здесь произошло чудо, и сотворил его именно ты, как же еще я могу реагировать, если не своей безграничной любовью!*

— Скажи ей, — доктор Смайл сменил тему, — что мы постоянно совершенствуем свои продукты. Что мы преодолеем нынешние трудности и пойдем дальше. Скоро у нас будет маленькая таблетка, всего три миллиметра в диаметре, тридцать микрограмм. Она будет в десять раз сильнее, чем спрей *InSmile*™. Скажи, что это ей тоже будет доступно, если она захочет.

Затем у Кишота закружилась голова, птицы из парка закружили над ним в призрачном танце, и начался его *агон,* великая внутренняя битва, в которой участвовало все его естество, битва, в которой он сам нападал и сам защищался. Кишот номер один ликовал: *Моя Возлюбленная совсем близко,* Кишот номер два сомневался: *Как я смогу уважать себя, если соглашусь на мерзость, которую он мне предлагает?* Кишот номер один убеждал: *Со мной произошло чудо! Я не могу*

отвергнуть его, Кишот номер два возражал: *Она здорова и не может принимать лекарства для больных в терминальной стадии!* После под этим американским дубом, который никак не был растением тропическим, рядом со своим индийским кузеном, который никак не был человеком этическим, его надломленное сознание неожиданно заполнил неуместный глупый стих:

Под бам-, под бу-, под – ком,
Под бам-бу-ком

Внезапно он осознал, так ясно, как только мог, свою истинную природу. Он не чист. Он тот самый бам-бук. Ущербный и в то же время прекрасный, достойный восхищения и в то же время заслуживающий порицания. Он не сир Галахад, ни в чем на него не похож. За этим озарением последовало еще одно — его странствие, весь проделанный им путь, рассыпалось в прах, укрылось от этого света, словно ночное создание, ненавидящее солнце. Это иллюзия, его стремление быть достойным, сделаться достойным ее. На самом деле важна лишь эта возможность, толчок. Докторский саквояж — вот что важно! Он все расставил на свои места, сделав его не рыцарем, а оппортунистом, то есть в целом самой гадкой из всех возможных

форм жизни. В целом недостойным.

Затем появилась и другая мысль, еретическая. Может ли быть, что она, его Возлюбленная, тоже не достойна, как и он? То, о чем его сейчас просят, неправильно, и все же она просит его об этом. Богини и королевы не просили своих рыцарей и героев, начертавших их имена на своих шлемах, совершать бессмертные подвиги. И попросив о таком, она больше не может быть богиней и королевой, как и сам он больше не может быть героем и рыцарем. Ее просьба и его согласие все выполнить сбросят их обоих с пьедестала, втопчут в грязь. Парадокс в том, думал Кишот, что, если она больше не королева-богиня, она перестает быть для него недоступной, недостижимой. Добиться ее будет проще. Перестав быть идеалом чистоты, она сделалась земной, смертной, а значит, доступной.

Доктор Смайл говорил что-то. Из глубины своих размышлений Кишот расслышал:

— В каждом конверте также на всякий случай есть наркан. И назальный спрей, и раствор для инъекций.

Наркан — это налоксон, препарат, которым лечат передозировку опиоидами. Самый быстрый эффект дают автоматические инъекции, они

срабатывают уже через две минуты и действуют полчаса-час, так что в случае серьезной передозировки препарат приходится вводить несколько раз. Наркан, решил Кишот, это его моральная индульгенция, он позволит Кишоту сделать то, о чем его просят, это щит, который защитит его Возлюбленную, и она не сможет нанести себе вреда.

— Наркан — это хорошо, — сказал Кишот.

Он по-прежнему был где-то далеко в своих мыслях. Доктор Смайл рассвирепел.

— Да что *с* тобой происходит? — взорвался он. — Похоже, ты не подходишь для этой простой работы. Видимо, ты окончательно слетел с катушек и сделался старым болваном. Видимо, тебе нельзя доверять, и мне придется искать кого-то другого.

Вам когда-нибудь доводилось смотреть сцены взрыва в обратной перемотке? Когда *шу-у-ух* — и воронка раскручивается в обратную сторону, а части вновь становятся целым? Слова доктора Смайла оказали на Кишота похожее действие. Он тут же включился и собрался, не позволяя себе упустить эту возможность. Он сделает то, о чем просит его Возлюбленная, и *que sera sera.* Как будет, так и будет. Кишот приосанился и уверенно, с напором произнес:

— Я тот, кто тебе нужен.

Сама судьба заставляет его преступить границы морали, и он вынужден, не без внутренних страданий, преступить их. Ланселот тоже нарушил законы морали ради любви Гвиневры. Он не Галахад, но вполне может стать Ланселотом и унести свою Возлюбленную, как он некогда себе поклялся, в Радостный Гард.

— Что ж, отлично, — обрадовался доктор Смайл, очевидно куда-то заторопившись. Он вытащил из кармана пальто листок бумаги и протянул его Кишоту.

— Здесь все, что тебе нужно. Контактная информация: что, где, когда. Сколько денег ты должен получить. Банковская ячейка у тебя есть. Ключ тоже есть. Будешь складывать в нее деньги. Я буду на связи.

Его мобильный завибрировал.

— Моя достойная супруга, — пояснил он. Теперь он думал о своем. — Мне пора бежать. Я должен бежать в буквальном смысле. Такой человек, как я. Это унизительно. У меня есть адвокаты. Мы будем противостоять этому. Я еще вернусь. Прямо как Зорро, да? Я вернусь!

Пуф! Доктор Смайл исчез. Кишот в полном одиночестве стоял посреди парка с докторским

саквояжем в руках, перед глазами у него плясали мушки и черные пятна, а в голове звучали вопросы, ответов на которые он не знал. *Что подумает обо мне мой сын, когда узнает, на что я согласился, — мой единственный сын, который так недавно был рядом?* — спрашивал он себя и сам отвечал: *Санчо может воспринять это с пуританским неодобрением, как часто делают молодые.*

По пути к выходу из парка Кишот задержался возле памятника Андерсену и какое-то время взирал на великого сказочника, прямо как вторая утка. Конец его путешествия был близок, так что вполне естественно, что странник мысленно возвращался к его началу.

— Старый глупец смотрел на портрет прекрасной принцессы, — сообщил Кишот Гансу Христиану Андерсену, — и начал воображать, будто однажды займет место рядом с ней на троне.

— Неплохое начало, — одобрил Ганс Христиан Андерсен. — Но как ты собираешься продолжить?

— Как я собираюсь продолжить?

— У тебя есть, к примеру, волшебное зелье, которое заставит ее полюбить тебя?

Кишот подумал о содержимом докторского саквояжа.

— У меня есть нечто вроде зелья, и я думаю, что она это любит, но заставит ли оно ее полюбить меня?

— Все в твоих руках, — заверил Андерсен. — Ты ведь знаешь, что тебе может в том помочь?

— Я знаю, что люблю ее, — ответил Кишот. — Я знаю, что нахожусь в шестой долине и что цель существования всего сущего — наше с ней единение.

— Но что ты готов сделать? — поинтересовался великий писатель.

— Что угодно, — заявил Кишот.

— А если она отвергнет тебя, тогда как?

— Буду добиваться ее расположения вновь и вновь, пока не преуспею.

— А если она будет возражать?

— Сделаю так, чтобы не возражала.

— А если она не любит тебя, что тогда?

— Но она должна. Мы должны любить друг друга абсолютно и всепоглощающе, тогда мир, достигнув своей цели, придет к своему концу.

— А если конца света не случится, что тогда?

— Он должен случиться.

— Вопрос в том, уверен ли ты, что поступаешь с

ней правильно? Хочешь ли ты ей добра? Или твое желание столь велико, что не дает тебе думать о том, что хорошо и правильно?

— Я уже не уверен, что сам хорош, — признался Кишот. — В моей сумке лежат очень плохие вещи, это зелье, которое она хочет и которое может помочь ей полюбить меня, но это очень опасное зелье. Я должен брать у нее деньги, идти в банковскую ячейку, открывать ее своим ключом и складывать туда деньги. Я не уверен, что хоть что-то из того, что я должен делать, хорошо. Я могу навредить ей.

— А что в ячейке? Ты говорил про ячейку и ключ от ячейки. Когда ты откроешь ячейку, что ты в ней увидишь?

— В ячейке лежит пистолет.

— Пистолет? В ячейке?

— Он заперт там. А у меня есть ключ.

— Но почему он там?

— На всякий случай.

— Ты заберешь пистолет из ячейки?

— Мне нужна ячейка, чтобы складывать деньги. У меня не такая большая ячейка.

— Так ты заберешь пистолет?

— Чтобы освободить место. Иначе некуда будет складывать деньги.

— Значит, у тебя будет пистолет, и если она не полюбит тебя, что тогда? И если конца света не случится, что будет?

— Что тогда? Что будет? Это вы расскажите мне, как все закончится.

— Это не моя сказка, и бронзовые памятники не могут ничего рассказать. Но спроси себя вот о чем: являешься ли ты — ты, Кишот, прошедший такой длинный путь! — являешься ли ты до сих пор ангелом любви?

— Я хочу им быть, — вскричал Кишот. — Я очень хочу быть ангелом нашей любви!

— Либо, — продолжил Ганс Христиан Андерсен, — с опасным зельем в сумке и пистолетом в ячейке, пистолетом, который ты заберешь, чтобы складывать деньги…

— Что вы хотите сказать?

— Быть может, теперь ты ангел смерти?

— Я не знаю.

— Твой пистолет заряжен?

— Да, — подтвердил Кишот. — У меня заряженный пистолет.

— Тогда я снова задаю тебе этот вопрос.

— Какой вопрос?

— Ты ангел смерти?

Тем вечером, когда Кишот, исполненный внут-

ренних сомнений, с ее телефонным номером в руке сидел в номере мотеля, она была на экране и держала удар; своим вступительным монологом к программе под названием “Американские заблуждения — террор нашего времени” она настроила против себя и своей команды сценаристов-юмористов всю современную действительность — противников вакцинации, сторонников теории глобального потепления, параноиков, уфологов, президента, религиозных лидеров, этно-нацио-маргиналистов, плоскоземельцев, скептически настроенную ко всему молодежь, жадное до денег старшее поколение, бродяг дхармы, отрицающих Холокост, любителей курить травку, собачников (ей была противна сама идея одомашнивания животных) и канал *Fox.*

— Истина, — взывала она к публике, — все еще существует, она все еще жива, но еле дышит, погребенная под залежами этого взрывоопасного дерьма. Считайте нас отрядом спасателей. Мы не дадим ей умереть. Мы должны, иначе террор заблуждений победит.

Неужели я тоже нахожусь во власти заблуждений? — спрашивал себя Кишот. — *Неужели все, во что я верю, — ложь?*

Программу, похоже, записали сегодня чуть

раньше, хотя она якобы шла в прямом эфире. Скорее всего, мисс Салма Р. сейчас отдыхает дома. Кишот набрал номер. Услышав ее голос, он запаниковал и со словами “Ошибся номером” повесил трубку.

Из всех просмотренных по телевизору фильмов о “первом контакте”, первой встрече землян с представителями инопланетной цивилизации, Кишот запомнил только два — известный фильм, развязка которого происходила на Башне дьявола в Вайоминге — чудесное совпадение, в том самом месте, где появился на свет его сын Санчо! — и гораздо менее известный черно-белый фильм шестидесятых годов “Фотографии не врут”, один из эпизодов фантастического цикла “Вне этого мира”, на который Кишот случайно наткнулся на одном из ретроканалов, возможно, *Sci-Fi,* который тогда еще не стал *Syfy.* На землю поступает сигнал с корабля пришельцев. Они выглядят совсем как мы, мы способны понимать их язык, и они готовы приземлиться на нашей планете. Инопланетяне не могут понять, почему атмосфера на Земле такая вязкая, *прямо как клей,* а потом сообщают, что тонут. Однако на поле, где, согласно присланным координатам, они приземлились, нет ни озера, ни речки, только маленькая лужица грязи.

Слишком поздно кто-то из встречающей их на Земле команды понимает, в чем дело. Пришельцы такие крошечные, что их можно разглядеть только под микроскопом. И они тонут в лужице, оставшейся после дождя.

Это про меня, думал Кишот. Мне следует произвести “первый контакт”, но я настолько зауряден рядом с ее огромной значимостью, муравьишка рядом с величайшей из королев, что могу утонуть в ее единственной слезинке.

Он позвонил снова. Включилась голосовая почта: “Дорогуша, я сегодня страшно перенапряглась и пью свой особый сок, из-за которого не могу вспомнить, кто ты. Назови свое полное имя и расскажи, как мы познакомились. Целую”. Кишот понял, что сейчас она не снимает новых программ и сегодняшний выпуск о терроре заблуждений был записан когда-то давно. Он не стал оставлять сообщений. На следующий день он снова позвонил, и мисс Салма Р. сняла трубку.

— Кто? — не поняла она, когда Кишот зачитал с переданного ему доктором Смайлом листочка кодовое слово. — Говорите с Андерсоном.

“Первый контакт”, подумал Кишот. Ее уста произнесли единственное слово, предназначавшееся для его ушей. Его переполняло счастье, разом

смывшее все сомнения и тревоги.

— Где вы хотите встретиться? — спросил Андерсон Тайер, точно выплеснул на Кишота ушат холодной воды.

— Нет-нет-нет, — пробормотал он в ответ.

— Что значит “нет-нет-нет”?

Кишот собрал волю в кулак.

— Это значит, сэр, при всем моем уважении, что у меня есть четкие инструкции. Передать лично в руки даме. Из моих рук — в ее. У меня четкие инструкции.

— Этого не будет, — возразил Андерсон Тайер.

Кишот не задумываясь, если так можно выразиться, поставил на кон всю свою жизнь.

— Тогда мне очень жаль, — ответил он Андерсону Тайеру.

На том конце провода о чем-то приглушенно переговаривались. Затем раздался другой, ее голос, голос, который до сих пор одарил его страждущее ухо лишь одним слогом “кто”.

— Прости беднягу Андерсона, дорогуша, — сказала она. — Сок пила я, а провалы в памяти, похоже, случились у него.

Мир богов от мира смертных мужчин и женщин отделяла невидимая завеса, имя которой *майя*. На самом деле якобы выдуманный мир

богов был реальным, в то время как так называемый реальный мир, в котором обитали люди, был иллюзией, а *майя*, завеса иллюзии — магией, при помощи которой боги заставляли мужчин и женщин думать, что выдуманный мир, в котором они живут, реален. Когда Кишот увидел, что по дорожке парка к нему приближается мисс Салма Р. — она шла в своем невидимом обличье, так, что никто из праздно шатающихся вокруг даже не зацепил ее взглядом, — он понял, что она обладает поистине великой властью над реальностью и что он сам удостоился дара, доступного немногим простым смертным: пройти сквозь завесу майи в мир избранных, прибежище божеств.

По случаю встречи с ней он надел то немногое, что осталось у него от прошлой жизни хлыща и франта: бежевое кашемировое пальто прямого покроя, которое он отчистил, как мог, коричневую шляпу, кашне и кожаные перчатки. Он также нацепил свои лучшие солнечные очки. Первое впечатление — самое важное. Докторский саквояж был заперт в банковской ячейке, которую, чтобы он туда поместился, ему пришлось освободить от прежнего содержимого — его вместе с белым конвертом с первой месячной дозой он положил в карман пальто. Он много раз репети-

ровал, как начнет разговор с ней. С почтительным поклоном протянет ей конверт и скажет: “Это отправлено вам доктором Р. К. Смайлом вместе с заверениями в его полном уважении. Позволю со своей стороны сопроводить это двумя короткими историями, свидетельствующими о моем личном восхищении вами”. Если он окончательно не утратил свою способность очаровывать людей, она позволит ему рассказать то, что он хочет. Его первая история — о том, как много у них общего: родной город и добровольное решение покинуть его. Обыкновение оглядываться назад и вспоминать, решение не оглядываться назад и не вспоминать, способность прошлого прорываться сквозь все препоны и то и дело являться нам в настоящем.

Это их общая правда. Вторая история была американской. На “Мэйфлауэре”, который был тогда не первым построенным Корпорацией Сента порталом в неведомое будущее в альтернативной реальности, а просто кораблем, между пассажирами произошла любовная история. Когда Джон Олден по просьбе Майлза Стендиша признался от его имени Присцилле Маллинз в любви, она ответила: “Что же ты, Джон, о себе не

хлопочешь?”[11] Я же, скажет мисс Салме Кишот, хоть и оказался здесь в качестве чужого посланца, прошу позволить мне хлопотать о себе.

Она стояла прямо перед ним. Он миновал завесу и оказался по другую сторону. Стоял перед ней, как дурак, и заикался.

— Давай быстрее, дорогуша, — поторопила она. — Тут повсюду глаза.

— Это отправлено вам доктором Р.К. Смайлом, — начал он и увидел, что ее глаза наполняются тревогой и ужасом. Она судорожно зажала рукой рот и озиралась в поисках пути к отступлению.

— Отправлено улыбкой, — проговорила она. — Господи, я поняла, кто вы. Вы присылали мне фотографию. Я узнала вас.

— Позволю со своей стороны… — в отчаянье блеял он, — сопроводить двумя короткими историями, свидетельствующими…

— Кви-шот — ах, — прошептала она. — Вы писали мне письма. Квишот.

— *Кишот*, — поправил он.

Она попыталась вырвать конверт, который он держал правой рукой в перчатке. Он удержал

---

[11] Примечания: 11

Г. У. Лонгфелло “Сватовство Майлза Стендиша”. *Пер. Д. Горфинкеля.*

его.

— Нет, нет, нет, — бубнил он *с* жалким видом.

Все должно было быть иначе. Все совершенно не должно было так повернуться.

— Мой конверт в обмен на ваш. Оплата наличными.

Она чуть отступила и огляделась. Затем из недр ее пальто от Монклер появился другой конверт. Она бросила его на землю.

— Деньги внутри, — сообщила она. — Теперь бросайте мне ваш.

Кишот не знал, достаточно ли денег в лежащем на земле конверте. Но это его Возлюбленная, и он должен доверять ей.

— Ловите, мадам, — вздохнул он и бросил ей то, чего она так желала.

Схватив конверт, она тут же убежала. Он же остался в одиночестве с пистолетом в кармане и деньгами в руках.

— …личном восхищении перед Вами, — безнадежно договорил он со слезами на глазах.

После этого миром для Кишота стал “Блюйоркер”, а единственным другом — телевизор. Изредка он выходил из мотеля, десять дней и ночей он в разное время рыскал по Нью-Йорку в поисках нездоровой еды, которую находил в

IHOP, *Denny's, Applebee's, TGI Fridays, Olive Garden,* а также в *KFC, Ruby Tuesday, Five Guys, Dunkin', Chipotle.* То ночью, то днем он пил в барах, вместе с алкоголем вливая в себя потоки с больших телеэкранов, смотрел, как соревнуются и побеждают спортсмены, слушал американские истории о массовых убийствах в разных штатах, о любовниках, зарезавших своих любовников, о родителях, погибших от случайного выстрела из ружья, оказавшегося в руках их очень маленьких детей. Он почти не разговаривал и не звонил по телефону. На ночь он клал свой заряженный пистолет, "глок 22" четвертого поколения, на тумбочку в изголовье кровати и направлял дуло себе в голову.

На одиннадцатый день он слег с небольшой температурой; Кишот то проваливался в полный кошмаров сон, то выныривал из него, и не заметил, как прошел холодный октябрь. В комнате бубнил включенный телевизор, он пришел в себя как раз к вечернему выпуску новостей. Принимающий все

большие масштабы мировой экологический кризис и нестабильное состояние реальности в конце концов начали привлекать внимание политиков и ученых, в том числе тех (много-

численных) политиков и (крайне немногочисленных) ученых, которые прежде называли экологический кризис газетной уткой. В Австралии подвесной мост обрушился после того, как на его опорах появилось странное облако, из-за которого тросы полопались, словно кто-то разрезал их гигантскими невидимыми ножницами. “Оно напоминало скорее дыру, чем облако, — утверждали очевидцы, — как ничем не заполненная прореха в атмосфере”. Эта история облетела весь мир, вызвав у людей тревогу, но, как ни странно, не панику — до поры до времени, очевидно. Люди проживают жизнь со знанием, что удивительное то и дело оказывается рядом, прорываясь сквозь туман обыденности. На юге Тихого океана смыло целый остров? Какой кошмар, там были отличные пляжи, но ведь никто не погиб, верно? К тому же это был совсем маленький остров. По Среднему Западу прошелся торнадо? Да уж, Средний Запад совсем не маленький, но и торнадо там случались даже до того, как один из них перенес Дороти в страну Оз. Землетрясения в местах, где никогда не случалось землетрясений? Что ж, нашего полку прибыло. Поприветствуем Северный Техас и Плейнфилд, Коннектикут. Едва ли кого-то удивляет, что мы живем на хрупкой и

шаткой земле. Что там еще, дыры в атмосфере? Ну вот, теперь еще и это. Жизнь продолжается. Кишот смотрел на снятые с вертолета кадры разрушенного моста и дыры в небе. Они напомнили ему фотоснимки солнечных затмений — тот же черный диск в центре и светящаяся корона вокруг. Как и затмение, эта дыра казалась чем-то временным. Возможно, это просто какой-то кратковременный сбой в природе, который исправится сам собой, затянется, как рана на коже.

Репортаж закончился, и — вот ведь удивительно — ведущая новостей обратилась непосредственно к Кишоту.

— Вам будет любопытно узнать, — заявила она и вперила в его распластавшуюся на кричащей безвкусицей кровати фигуру свои колючие серые глаза, — что некоторые наши сегодняшние новостные сообщения касаются лично вас.

Кишот так и сел. Он не ослышался?

— У нас три таких сообщения, — продолжала дикторша. — Все они рассказывают о жизни важных для вас людей.

— Вы со мной разговариваете? — закричал Кишот непривычно высоким голосом.

— Лично я больше никого здесь не вижу, — заявила дикторша, подавшись вперед и указывая

карандашом прямо на Кишота.

Его взаимоотношения *с* телевидением вышли на новый уровень.

— Что? — неуверенно спросил он. — Что это за сообщения?

Дикторша привела себя в порядок, вернулась в кадр, приняла обычную позу и зачитала ему новости.

— Сегодня из Атланты пришла тревожная новость об аресте фармацевтического магната, миллиардера доктора Р. К. Смайла, главы компании “Смайл фармасьютиклс”, известного филантропа и благотворителя, ценителя искусства, которого обвиняют в создании объединившего врачей со всей страны преступного медицинского синдиката, члены которого были готовы выписывать сильные опиоиды пациентам, не имеющим прямых медицинских показаний к их применению, в том числе полностью здоровым людям. Обвинение называет его “абсолютно беспринципным человеком, ответственным за охватившую Америку опиоидную эпидемию”. Наш источник утверждает, что следует ожидать новых арестов, так как круг подозреваемых по данному делу весьма широк. В дополнение к этому семеро сотрудниц SPI независимо друг от

друга выдвинули против него обвинения в сексуальных домогательствах; предположительно, среди сотрудниц компании доктор Смайл был известен как “Малыш-Большие-Ручонки”. Через своих адвокатов доктор Смайл решительно отверг все предъявленные ему обвинения и выразил готовность защитить свое честное имя.

Следует ожидать новых арестов. Эти слова стали ударом для Кишота. Он может закончить жизнь как обыкновенный преступник, и это в его почтенном возрасте. Такой позор убьет его.

Дикторша перешла к следующей новости, реакция Кишота ее явно не интересовала.

— Среди новостей с Манхэттена к нам поступила настоящая сенсация о том, что известная актриса и телеведущая мисс Салма Р. в состоянии передозировки опиоидными препаратами поступила в реанимацию больницы Маунт-Синай. Согласно первым неподтвержденным предположениям, она была обнаружена без сознания ее персональным ассистентом Андерсоном Тайером, который ввел ей антидот наркан и позвонил в службу gi 1. Мы будем следить за развитием событий.

Кишота била дрожь. Неужели его история закончится вот так, неужели он окажется повинен

в смерти своей Возлюбленной? Разве не из его рук получила она смертельное орудие?

— Она выживет? — вопрошал он у телевизора. — Что говорят врачи? Она сможет восстановиться и жить полной здоровой жизнью, как она того заслуживает?

Дикторша смотрела на него с презрением.

— Мы будем следить за развитием событий, — повторила она.

— Вы сказали, у вас три сообщения, — голос Кишота дрожал. — И какое же третье? Что может быть хуже того, что вы уже рассказали?

— Третье довольно незначительное, — сообщила дикторша, — мы обычно не даем такое в эфир.

— Так что это? — с мольбой спросил Кишот.

— Это исключительный случай, — заявила дикторша. — Ладно. Сегодня рано утором ваша сестра была ограблена в своей квартире в Трайбеке.

Сердце Кишота разрывалось от боли.

— Ограблена? Она не пострадала? Кто это сделал?

— Она выполнила все требования нападавшего, что было очень мудро. Он оставил ее связанной и с кляпом во рту, но больше вреда не причинил. Она имела обыкновение хранить дома значительные суммы наличными, возможно, грабитель пошел

на преступление, когда узнал об этом.

— Как грабитель мог узнать о деньгах?

— Он проживал в ее квартире в качестве гостя, — сказала дикторша. — Мне неприятно сообщать вам об этом, но этот человек, ныне беглый преступник, приходится вам сыном. Она приготовила ему завтрак, после чего он отмочил такое. На этом все.

— Благодарю вас. — Кишот сохранял вежливость, в то время как мир вокруг него распадался на части, как и вся Вселенная.

— Было бы за что, — раздалось в ответ из телевизора.

Чистилище есть преддверие ада. Время остановилось, не ощущалось ни малейшего дуновения ветерка. Все находилось в стагнации. Жизнь утратила всякий смысл, не находя причин для дальнейшего движения. Когда он включал телевизор, картинка в нем оставалась неподвижной. Казалось, что Земля больше не вращается, а Солнце перестало вставать и садиться. Сменяли ли друг друга дни, недели и месяцы, или сама идея движения времени больше не имела смысла? Наступили вечные сумерки. Проникавшие с улицы звуки словно утратили свою яркость — сирены, обычно подававшие сигнал двумя

нотами, выли одной, бибиканье сдающего назад грузовика звучало, как жужжание заводного комара, а шум от проходящих мимо машин — не как шум от машин, а как редкое дыхание неведомого чудовища. Кишот перестал есть и пить и уже не отличал день от ночи. Словно он был героем какого-то телешоу, из-за технического сбоя застывшим в причудливой позе на пестрящем хаотично мерцающими пикселями экране. Словно придумавший его автор не может перевернуть страницу. Когда ты долгое время со всех сторон окружен абсолютным ничто, трудно не начать считать лежащий рядом с тобой пистолет своим единственным другом.

Он был похож на одного из постапокалиптических живущих под землей троглодитов, которых видел в телевизионном фильме, во всем зависимых от работы некоего Механизма, не осмеливающихся подняться на поверхность земли, на которой все еще копошатся некоторые бесстрашные души, обреченных на верную гибель, как только Механизм остановится.

Механизм замедлил ход.

Последняя долина, вспомнил он, это Долина Нищеты и Гибели, где естество растворяется во Вселенной, и Путник уходит в безвременье.

В какой-то момент времени, когда уже не осталось ни моментов, не времени, он все же нашел в себе силы отвергнуть подобный конец и двигаться дальше. Тогда со страшным скрежетом мир вокруг него потихоньку начал двигаться, маховики и шестеренки снова закрутились, и неизбежного, казалось бы, конца удалось избежать. Солнце и луна, шум от дороги, телевизор, все занимало свои места, снова вставало и садилось, гремело и двигалось. Шел декабрь. У сероглазой телеведущей было, что ему сообщить.

— Сегодня Салма Р. выписалась из больницы и отправилась домой. Скандал, вызванный ее пристрастием к опиоиду фентанилу, который чуть не стоил ей жизни, потряс мир развлекательной индустрии. Сегодня она согласилась выступить на камеру прямо на выходе из больницы Маунт-Синай.

Его Возлюбленная, она стояла на ступеньках перед входом в лечебное учреждение и была непозволительно для данной ситуации прекрасна; ее вид внушал обожание, вызывал вожделение и прямо сообщал, что она намерена отвоевать обратно все свои упущенные позиции.

— Мне бесконечно стыдно, — призналась она. — Я подвела канал, на котором работаю, под-

вела всех, кто вместе со мной трудится над моей программой, подвела своих фанатов и саму себя.

— Мисс Салма Р, пока вы были в больнице, вашу программу закрыли, и руководство канала заявляет, что едва ли готово когда-либо вернуть ее в эфир. Как вы можете прокомментировать это?

— Мне предстоит снова завоевать доверие очень многих людей, — ответила она, царственная в своем унижении, — но я непременно попытаюсь это сделать.

— Это был репортаж из…

— Постойте, — закричал Кишот, — а как же остальное?

— Что ж, — продолжила дикторша, отодвинув от себя бумаги в сильном раздражении, — доктор Р. К. Смайл отпущен под залог и находится дома под пристальным наблюдением, он носит на ноге браслет для отслеживания перемещений, но уже скоро состоится судебное разбирательство, и все складывается не в его пользу. Многие сотрудничавшие с ним врачи были также арестованы, большая часть из них согласилась сотрудничать со следствием и дала против него показания.

— Они арестовали всех, кто, по их мнению, причастен к этой схеме? — с замиранием сердца уточнил Кишот.

— Насколько нам известно, да, — сообщила дикторша. — Мне действительно пора идти.

— А что с моим сыном? — не унимался Кишот.

— Он до сих пор в розыске, — ответила дикторша. — Любопытный факт: на официальных видеокамерах не удалось обнаружить никаких следов его существования. Нам было бы очень интересно обсудить это с вами. Вам надлежит явиться…

Кишот дотянулся до пульта и выключил телевизор. Похоже, будет правильно на время воздержаться от просмотра новостных программ.

Он дважды позвонил по телефону. Сначала сестре. Женщина-Трамплин ответила на звонок, но ограничилась быстрой отповедью.

— Было большой ошибкой встречаться с тобой, — сказала она. — С тобой и этим бессовестным юношей. Иногда самое правильное — не думать ни о никаких примирениях. Нам *с* тобой больше не о чем говорить.

— Я и подумать не мог, что он может оказаться таким, — начал Кишот. — Я воображал, и он…

Ему пришлось замолчать на полуслове, ведь он не представлял, как сказать ей в такой момент о том, что *он вообразил его,* и Санчо *появился на свет.* Он спешно поправился:

— Я даже не воображал, что он способен на подобное.

— Нам больше не о чем говорить. Прощай! — Женщина-Трамплин повесила трубку.

Кишот долго смотрел на телефон перед тем, как позвонить мисс Салме Р. Когда он наконец набрал ее номер, труб ісу снял Андерсон Тайер.

— Ты, — приветствовал его Андерсон Тайер. — Ты чертов кусок дерьма. Говори, где ты находишься, я сдам тебя в полицейское управление Нью-Йорка!

— Я просто хотел поделиться с мадам своей искренней радостью по поводу ее выздоровления, — ответил Кишот.

— Я выслежу тебя, — продолжал Андерсон Тайер. — Ты понял? Только попробуй еще раз появиться рядом с ней, сволочь, и я отыщу тебя даже на другом конце света!

— Я понял, — ответил Кишот.

Невидимая завеса, отделявшая его мир от мира Салмы, сделалась прочнее и толще, и пройти сквозь нее он больше не мог.

— А я знаю, как пройти, — прозвучал чей-то голос совсем рядом.

Кишот подскочил от неожиданности. Голос определенно звучал внутри комнаты. Телевизор

был выключен, и никого, кроме Кишота, в ней не было.

— Это я, — продолжал голос. — Твой верный пистолет, “глок 22”.

Похоже, реальность в “Блю-йоркере” начала разрушаться так же быстро, как и снаружи. Сначала с ним с экрана разговаривала ведущая новостей, теперь решил побеседовать пистолет.

— Широко известно, — продолжил пистолет, — и много раз описано, как ничем не примечательному старому неудачнику вроде тебя пробить завесу, которая отделяет его от мира избранных, мира света, славы и богатства. При помощи пули. Я могу помочь тебе. Это единственный путь для тебя. Пуля соединит тебя с твоей Возлюбленной навеки, до конца времен.

— Это не моя история, и она никогда не будет моей, — с достоинством ответил Кишот. — Я здесь, чтобы нести ей не разрушение, а спасение.

— Пиф! Паф! Ой-ой-ой! — обольщал его “глок”. — Ба-бах! И она твоя навеки!

— Замолчи, — урезонил Кишот свое оружие. — Отойди от меня, Сатана.

— Но как иначе ты собираешься быть с ней вместе? — осведомился пистолет. — Ты еще передумаешь. Придется. Я буду ждать.

— Я люблю ее, — ответил Кишот. — Любовь найдет, как все устроить.

Глава девятнадцатая, в которой Санчо получает ответ на свой Вопрос

Как так случилось, что почти сразу после рождения я стал таким человеком? Вором, обманщиком, который связал и ограбил собственную тетку — конечно, аккуратно, естественно, бережно, само собой разумеется, я не хотел причинить ей ни малейшего вреда, — но все же я сделал то, что сделал; так в какой же момент я превратился в морального урода, преступника в бегах?

С одной стороны, это должно быть заложено во мне по природе, так? Ведь у меня попросту не было времени получить хоть какое-то воспитание. Да и вряд ли кому-нибудь удалось бы в столь рекордные сроки воспитать истинного преступника, так что криминальные наклон-

ности у меня от рождения. Какой-нибудь сбой в программе в момент, когда папаша К. изволил меня вообразить, или баг в системе, когда сверчок-итальянец превращал меня в реального живого мальчика. Понемногу агрессии и эгоизма, просто не стойте, черт возьми, у меня на пути, если я хочу чего-то, я возьму это тогда, когда захочу. Немного жестокости. Если на дороге будет стоять ребенок, а мне надо будет по ней проехать — что ж, не повезло тебе, детка, ведь я проеду. Так уж я запрограммирован. Это записано в моем ДНК. То есть я в этом не виноват, так? Короче, если я плохой, как говорила бессмертная Джессика Рэббит: не я плохая, меня такой нарисовали.

Отчаянные времена, отчаянные меры. После того как Санчо избили в парке, что-то надломилось у него внутри, не на физическом, на экзистенциальном уровне. После жестокого избиения может оказаться, что важная часть тебя — та, что делает тебя человеком, — почти перестала быть связанной с этим миром, словно твое “я” — маленькая лодочка, которую оторвало от причала и вынесло на середину пруда, где она качается бессмысленно и бесцельно; или большой корабль — торговое судно, к примеру, — который мощное течение

сорвало с якоря, потащило и вот-вот пустит на дно либо разобьет о соседние корабли. Теперь Санчо понимал: с теми, кто пережил насилие, такой отрыв происходит не только в физическом, но и в моральном смысле: войдя в твою жизнь, насилие навсегда останется ее частью, каким бы мирным и законопослушным ты ни был до этого, — из невозможного оно превратилось в реальность. Теперь тебе есть из чего выбирать.

После избиения Санчо еще сильнее отдалился от Кишота. Женщина-Трамплин заметила, что, хоть юноша по-прежнему питал к пожилому джентльмену некие сыновние чувства, он был убежден, что его собственная дорога лежит где-то в другом месте. Санчо все чаще думал о девушке на крыльце дома в трауре, Прекрасной из города Прекрасного, штат Канзас, он очень хотел вернуться к этой двери, за которой, возможно, его ждет судьба. Чем больше он думал об этом, тем больше убеждал себя, что она его не прогонит, эта мысль наполняла его удовлетворением и верой, что человеческая жизнь не лишена смысла. Он рисовал в своем воображении свой исход из Нью-Йорка — он стоит в воротах Изумрудного города и щелкает каблучками своих рубиновых башмаков: нет на Земле места лучше Канзаса,

и пусть я пока не там, если все пойдет так, как я задумал, очень скоро я обрету там дом! — он так часто воображал это, что отъезд стал для него настоятельной необходимостью, и потребность срочно бежать вкупе с воспоминаниями о пережитом насилии толкнули его на преступление.

Он никому не рассказывал, что утратил способность ориентироваться в реальности, поскольку решил, что это должно пройти, как заживают синяки и срастаются сломанные кости. Что же до слухов о неизбежном конце света, им он не особо верил. Для него мир только недавно начал свое существование. И если этот мир был неисправен, если из него, как из старого, требующего ремонта дома, выпадали куски, это говорило лишь о том, что любое совершенство иллюзорно. Невозможно представить, что всего, что есть вокруг, вдруг не станет. Такая развязка, *denouement*, будет слишком несправедливой. Небесный сказочник, к которому он от случая к случаю взывал и с кем испытывал соприродное родство вымышленных персонажей, не может быть настолько жесток. Хотя приходится признать, что вопрос о Боге — любящем либо карающем? — так и оставался для него без ответа.

— А что насчет *la questione de Sancho?* — тре-

бовательно и злобно спросил кто-то тоненьким голоском. — Как насчет вопроса о Санчо? Для этой проблемы у тебя уже есть *soluzione,* решение?

Санчо сидел в полуночном зале ожидания автобусного вокзала Порт-Аторити, сжимая в руках билет до города Бьюти-фул, штат Канзас, стоимостью сто сорок шесть долларов; его ноздри щекотал запах свежей мочи, и юноша гадал, успел ли кто-то обнаружить Женщину-Трамплин и не гонится ли за ним полиция. Это была холодная ночь, зима входила в свои права. До отправления его автобуса оставался час, так что у Санчо было шестьдесят минут, чтобы поразмышлять над фундаментальными вопросами бытия — к примеру, о том, что, когда началась эпоха “после одиннадцатого сентября”, автобусы стали играть особую роль в объединении американской нации; он слышал, что количество авиарейсов внутри страны значительно сократилось, а их качество стало заметно уступать и тому, что было раньше, и тому, что предлагают поезда, которые находятся в ведении “Амтрака”, с которым все понятно; как же прекрасно, что можно просто заплатить за билет сто сорок шесть долларов из тех, что украл у тетки в сумочке, и скоро автобус компании “Грейхаунд” увезет тебя в самую

дальнюю даль, в маленький городок вроде Бьютифула, и никакого общения, никакой *snafus en route,* путаницы в пути. Отсюда вытекает вопрос: посадят ли его в тюрьму на острове Райкере, где блатные будут опускать его по полной, или кривая, попетляв через ночи и дни, выведет его, свободного как ветер, прямо в объятия любимой? Свобода! Он чувствовал себя, как свора гончих, на травлю рвущихся.

С отвагой в сердце ринься в бой, сам себе велел Санчо.

Тут на скамейке рядом с ним появился говорящий сверчок, Грилло Парланте, который буквально пищал от возмущения.

— Некоторые люди просто не заслуживают того, что для них делается, — говорил он. — Низкие, недостойные людишки. *Immeritevoli. Non degni.* Мне жаль, но ты оказался именно таким.

— Ты вернулся, — удивился Санчо. — Я-то думал, что больше никогда тебя не увижу.

— *Anche io.* Я тоже так думал, — ответил сверчок. — Но твое моральное падение заставило меня вернуться. И вот я здесь, *eccomi qui,* хоть и не рад этому. Я пришел потому, что должен тебе кое-что сказать.

— Довольно с меня нравоучений, — рассердил-

ся Санчо. — Я сам знаю, что сделал, и не потерплю, чтобы меня отчитывали. Кстати говоря, ты просто сверчок. Я могу раздавить тебя одним пальцем.

— Вопрос не в том, — заметил сверчок, — что значит быть сверчком, а в том, что значит быть человеком. Спроси себя, прошел ли ты этот экзамен?

На автовокзале в Порт-Аторити человек, в голос разговаривающий сам с собой посреди ночи на воняющей мочой скамейке, не только не вызывает удивления, но и выглядит вполне привычно, так что никто из немногочисленных ожидавших свои автобусы полуночников даже не обернулся, когда вор Санчо начал орать в пустоту.

— Посмотри на меня! Скажи, что ты видишь? Плоть и кровь. Я живу, я дышу, я думаю, я чувствую. Что еще тебе надо? Ты же сам говорил мне, что у меня есть все, даже инсула, и значит, я полноценный человек. Ты сам мне это сказал.

— У тебя нет совести, — заявил в ответ сверчок. — Без нее тебя нельзя называть даже полноценным шимпанзе.

— Не спорю, я тут недавно, — продолжал Санчо. — Но даже за короткое время сумел отлично понять, совесть далеко не самое главное у людей. Жестокость, самолюбование, умение обманы-

вать, жадность, нетерпимость, склонность к насилию — другое дело.

— Не стоит черпать знания о людях из выпусков телевизионных новостей, — взывал к нему сверчок. — Большинство людей по-прежнему понимают, что такое хорошо и что такое плохо, и идут по жизни, руководствуясь совестью. Я должен тебя предупредить: *Lascia che la tua coscienza sia la tua guida.* Если ты выберешь эту сторону — что ты там перечислял? *pietatezza, narcisismo, disonesta, avidita, bigotteria, violenza?* — ничем хорошим для тебя это не закончится. И еще: если ты начнешь преследовать незнакомую женщину, она никак не поверит в то, что ты ее любишь. Это может выглядеть как *molestie sessuali,* сексуальное домогательство. У нас такое называют *lo stalking.*

— Я что-то не помню, — нахально заявил Санчо, — чтобы говорил, что говорю по-итальянски. И что готов беседовать со сверчками тоже. Так что все, что здесь происходит, — всего лишь неудачный коммуникационный акт.

— Да, — подтвердил сверчок, — *incidentalmente,* кстати говоря. К вопросу о том, что ты раздавишь меня одним пальцем. Мне хочется кое-что тебе показать. Это не займет много времени. *Guarda!*

Смотри!

Как известно, сверчки могут прыгать на значительные расстояния, не успел Санчо и рта раскрыть, а насекомое уже сидело у него на голове. Он ощутил невыносимое давление и нестерпимую боль, словно его сверху придавила невидимая гора, и, упав на спину, беспомощно растянулся на полу. Сверчок спрыгнул и вернулся обратно на скамейку.

— Большая ошибка, — заявил он на превосходном английском без тени итальянского акцента, — судить о силе по размеру. Тех, кто так поступает, сверчки могут раздавить одним пальцем.

Санчо с трудом вскарабкался на скамейку и начал разминать шею.

— Больно вообще-то, — пожаловался он.

— Итак, первый вопрос о Санчо, — продолжил прерванный разговор сверчок, — сумеет ли он стать человеком или уже слишком поздно?

— Боюсь, вопросов у нас теперь тьма, — заметил Санчо, все еще разминая пострадавшие плечи, шею и голову.

— Ладно, вопрос второй: кто есть Санчо без Кишота?

— Санчо есть Санчо, — пробормотал Санчо себе

под нос с некоторым вызовом.

— Я тебя понял, — согласился сверчок. — Но подумай: кто есть Харди без Лорела? Чико и Харпо без Граучо? Гарфанкел без Саймона? *Capisc'?* Понял теперь? Сейчас ты один пытаешься ехать на велосипеде, предназначенном для двоих. Это не так-то просто! Не забыл еще, как все было вначале? Стоило тебе отойти от него чуть дальше, и ты чувствовал, что в буквальном смысле распадаешься на куски. Теперь ты надумал в одиночку рвануть в дальнюю даль. Придется тебе узнать, способен ли ты хоть сколько-нибудь просуществовать на большом расстоянии от него. Сольная карьера? *Resta da vedere.* Поживем-увидим. Ну все, мне пора.

Санчо собрал все силы, чтобы последнее слово осталось за ним.

— Это ладно, — заявил он. — Я не думал, что сверчки могут жить так долго, и загуглил. Три месяца. У тебя срок годности-то еще не вышел?

— Совесть бессмертна, — просто ответил сверчок. — На каждого по-настоящему достойного найдется свой сверчок. А *non degni,* недостойные… Не видать им сверчка вовек! Прощай, *addio.*

В автобусе Санчо снова начал видеть то, чего нет на самом деле, к нему вернулись, как бы он

ни ненавидел это слово, видения. За окнами было темно, мелькавшие фонари лишь оттеняли своими огнями этот мрак, лишь изредка вырывая из него заправочные станции, развязки скоростных шоссе или торгующие всякой всячиной магазинчики у дороги. Ночное небо напоминало не подходящие друг к другу фрагменты пазла. Оно словно стало решеткой, сковывавшей своими прутьями так и норовящее выскочить наружу ничто. Ничто не было похоже на ночную тьму. Тьма — это что-то, ничто — это ничто. Во тьме уходящей ночи Санчо видел, как мимо проплывает ничто, не заполненные ничем дыры.

Видения, являвшиеся ему внутри автобуса, были еще хуже. Неужели он становился человеком — или был им все время, поскольку, как настоящий сын, унаследовал это от Кишота, — живущим в нереальной для других реальности? Если это не так, откуда тогда в автобусе взяться клыкастым вампирам и целому семейству оживших мертвецов? Почему у снявших в дороге обувь мужчин вместо ног мохнатые волчьи лапы в закатанных джинсах? Что стало с тобой, Америка? Куда делся твой оптимизм, твои расширенные горизонты, твоя придуманная Дэвидом Роквеллом простая мечта? Америка, я вгрызаюсь в твою

ночь, пытаюсь как можно ближе подобраться к твоему сердцу, я — это нож, и мое лезвие — не сталь, а надежда. Воспрянь, Америка, возродись! Сбрось эти шкуры вампиров и маски зомби! Это говорю тебе я, Санчо, который все поставил на кон во имя любви.

Санчо закрыл глаза.

В последний раз, когда он видел людей без масок, наблюдал их истинную сущность, мужчины со странными шарфами, как у сорвавшихся с цепи собак, избили его до полусмерти. “Пожалуйста, — молил он про себя, — прошу вас, наденьте маски до того, как я снова открою глаза. Продолжайте притворяться! Клянусь, я никому не расскажу, кто вы все есть на самом деле, просто дайте мне спокойно жить!”

Он открыл глаза. Все было нормально. Соседка через проход — блондинка скандинавского типа в безразмерном синем свитере поверх похожего на мешок синего платья, столь необъятная, что еле умещалась на двух креслах, предложила ему сэндвич. Санчо тронула эта нежданная человеческая доброта, но он содрогался от одной мысли, что под маской этой далеко не самой привлекательной женщины может скрываться настоящий монстр. В уголках ее глаз он разглядел нездоровые

синие огоньки, и это напугало его еще сильнее. Санчо вежливо отказался от угощения.

Я совсем недавно сделался представителем человеческой расы, думал Санчо, но мне кажется, что человечество — само или с чьей-то подачи — сильно заблуждается на собственный счет. Люди так привыкли носить маски, что перестали видеть то, что под ними. В этом автобусе мне был явлен кусочек истинной реальности, которая еще более фантастична, еще более страшна, еще более ужасна, чем я могу выразить словами. Мы в аварийной капсуле, и мы — доказательства, что человечество способно думать и чувствовать, нас отправили в черные глубины Вселенной, чтобы рассказать всем, кто может нас услышать, что мы есть. Вот они мы. Мы — золотая пластинка на борту “Вояджера”, живая память о звуках Земли. Мы — карта мира, выгравированная прямо на стенах капсулы времени КЕО, мы — кровь людей, запечатанная внутрь алмаза. Мы — жители Планеты Три, всё в одном, с головою Лернейской Гидры. А может, мы — Последние Фотографии, которые, как в одном фильме, бесконечно вращаются в капсуле времени по орбите Земли; нас уже не будет, но наши истлевшие останки расскажут нашедшим нашу капсулу инопланетянам, кем

были прежние жители Земли.

И нам всем страшно до усрачки.

С наступлением дня странности не закончились. Автобус съехал с трассы I-70, чтобы сделать техническую остановку на автозаправке недалеко от Похаконтас, Иллинойс (население 784 чел., температура воздуха -1° по Цельсию), и когда Санчо вернулся из уборной, в его кресле мирно дремал старичок в соломенной шляпе, красных подтяжках и со старомодным транзисторным приемником на коленях.

— Прошу прощения, — сказал ему Санчо, — но это мое место.

Тетка *с* сэндвичами посмотрела на него с недоумением.

— Ты с кем-то разговариваешь, сынок? — поинтересовалась она. — Не вижу, к кому ты можешь обращаться.

— Вы что, не видите здесь этого джентльмена? — удивился Санчо, и как раз в этот момент старичок проснулся и в крайнем смущении поднялся.

— Прошу меня простить! — заявил он. — Я, знаете ли, иногда путаюсь. Раньше я постоянно разъезжал на этих “грейхаундах”. Но то было раньше, а раньше — это не теперь. Не хотел при-

чинить вам беспокойство.

Освободив место, старичок прошел сквозь стоящего в проходе Санчо, после чего вышел из автобуса через дверь.

— Ты в порядке? — осведомилась тетка с сэндвичами. — А то что-то сбледнул, никак призрака увидел?

Итак, призраки существуют — возможно, тетка с сэндвичами знает об этом, возможно, все в автобусе знают и всегда знали. Возможно, этот "грейхаунд" — автобус-призрак, который вместо Бьютифула привезет его прямиком в город-призрак в конце дороги. Возможно, они едут вовсе не по трассе I-70, а по призрачной дороге в ад. А возможно, он просто окончательно свихнулся к чертям.

Он и сам в некотором роде призрак, напомнил себе Санчо. Появившись на свет путем партеногенеза, он жил без документов, свидетельства о рождении и проч., не учтенный ни в одной базе. Он был, но его не должно было быть. Его одурачили. Разумеется, он не был реальным. Реальным был надетый на нем плащ. Санчо ощущал, как под тяжестью плаща стачиваются плечи, словно древнеегипетский папирус. Возможно, скоро он и сам начнет стачиваться в пыль, прах к праху.

Быть может, срок жизни тех, кто родился во время метеоритного дождя, не превышает время падения метеорита: просиял и сгорел в собственном сиянии. А горстку пепла разнесет первым же порывом ветра, как и не бывало.

Так мне и надо за то, что я напомнил сверчку, как короток его век, подумал Санчо. Похоже, я тут долго не протяну. Не в силах больше размышлять о бренности мира, Санчо откинулся на спинку сиденья. На секунду ему показалось, что он никогда не окажется в Бьютифуле и больше не увидит женщину своей мечты. Что он растворится в воздухе прямо на своем месте у окна, что этим все и закончится.

— Ты едешь к кому-то, кого, как ты говоришь, ты любишь, и убеждаешь себя, что она вполне может ответить тебе взаимностью, — внезапно прервала его мысли тетка с сэндвичами. — Ты говоришь себе: держись ее, только любовь поможет тебе оставаться реальным.

Санчо подскочил в кресле.

— Откуда вы меня знаете? — закричал он так громко, что пассажиры начали к ним оборачиваться.

Тетка с сэндвичами только пожала плечами и, достав из сумки целый батон с начинкой, приго-

товилась его есть.

— Милый мой, — ответила она Санчо, — почему бы мне не сказать, что я разглядела свет любви в твоих глазах.

— Почему бы вам не сказать много чего еще, — настаивал Санчо. — Предлагаю начать сначала: кто вы такая?

— Скажем так: я дружу кое с кем, кто расположен к тебе гораздо больше, чем ты того заслуживаешь.

Она откусила гигантский кусок булки с салями и сыром проволоне. Санчо ждал.

— Мой друг из Италии, — сообщила она с набитым ртом, — и очень маленький. Он просил меня за тобой присмотреть.

Внезапно Санчо озарило.

— Вы — Голубая фея, — благоговейно заявил он.

— Называй меня, как тебе нравится. Я просто пышная дама в синем из автобуса в никуда, — ответила она. — Но ты должен меня послушать.

— Окей, — ответил Санчо. — Я вас слушаю.

— Вы *с* отцом слеплены из одного теста, — начала Голубая фея. — Оба ищете благосклонности совершенно незнакомых вам женщин.

— Да, — перебил ее Санчо. — Но он — псих.

Фея пропустила его замечание мимо ушей и продолжила.

— Были времена, когда человеку, у которого целых два ангела-хранителя — скажем, сверчок и фея, — было довольно просто добиться успеха в любовных делах. Строго между нами: мы можем прямо сейчас перенести тебя на порог ее дома и наслать на нее чары — ну или дать тебе волшебное зелье, чтобы ты сам подмешал его ей в питье, — и дело в шляпе, *presto chan-ge-o!* — до конца своих дней она будет любить больше жизни одного тебя.

— Как по мне, звучит очень заманчиво, — воодушевился Санчо.

— Теперь все по-другому, — поспешила разочаровать его фея. — Знаешь, как нынче называют пылких влюбленных, которые, не будучи представлены, заявляются *с* букетом к любимой на порог и вливают ей в чай приворотное зелье?

— Орел-мужчина? — предположил Санчо.

— Насильник. Сексуальный маньяк, — разъяснила Голубая фея. — В былые времена Юпитер мог превратиться в могучего быка и похитить Европу, все считали это любовью. Нынче такое не прокатит.

— И что мне тогда делать? — Санчо чуть не

плакал от досады. — Ради нее я еду через всю Америку, да, я верю, что любовь — мое единственное спасение, только она сделает меня настоящим человеком, дарует возможность жить долго, но если все так, как вы говорите, — я просто в отчаянии! Умоляю, дайте мне это зелье. Если сверчок послал вас присматривать за мной, это самое лучшее, что вы можете для меня сделать. Я больше никогда ни о чем вас не попрошу.

— Ты что-нибудь слышал про Билла Косби? — неожиданно спросила Голубая фея.

— По-моему, мой отец любил его передачи. — Санчо потер виски, пытаясь что-то вспомнить. — Кажется, в моей голове есть воспоминания про Клиффа Хакстейбла.

— Копай глубже, — посоветовала Голубая фея. — Ищи что-нибудь про наркоту.

Несколько часов спустя автобус снова заехал на заправочную станцию недалеко от местечка Похаконтас, Иллинойс, и старичок в соломенной шляпе и синих джинсах с красными подтяжками снова зашел в салон, держа на плече свой играющий давно забытые шлягеры транзистор. Санчо стало дурно. Это неправильно. Они никак не должны оказаться здесь. Все это уже было. Несколько часов назад он уже встречался с этим

призраком. Вот на этой самой заправке. Санчо чувствовал, что происходит что-то очень плохое.

Старичок в соломенной шляпе и красных подтяжках снова попытался занять место, на котором сидел Санчо, и тот снова не дал ему этого сделать, в этот раз уже более решительно.

— Эй!

— Прошу меня простить! — заявил он. — Я, знаете ли, иногда путаюсь. Раньше я постоянно разъезжал на этих “грейхаундах”. Но то было раньше, а раньше — это не теперь. Не хотел причинить вам беспокойство.

С этими словами старичок мирно вышел.

— Ты в порядке? — осведомилась тетка с сэндвичами. — А то что-то сбледнул, никак призрака увидел?

— Мне страшно, — признался Санчо. — Почему мы никак не приедем? Почему мы опять здесь?

— Мы попали в такую ситуацию, — пояснила тетка с сэндвичами, — в которой мне трудно тебе что-то посоветовать или даже правильно объяснить, что происходит.

— Прошу вас, хотя бы попытайтесь. Я просто схожу с ума!

— Нельзя знать наверняка, что может случиться в дороге, — начала объяснять Голубая

фея. — Дорога может закружить тебя и выбросить на повороте. Может пустить по кругу, вывести совершенно не туда, куда тебе надо. Чтобы отважиться пуститься в дорогу, человек должен много о себе знать.

— Фигня, — заявил Санчо. — Вы говорите то, что должны, а не то, что думаете. А мне нужна только правда.

— Правда — вещь глубокая. Не боишься захлебнуться? — предупредила тетка с сэндвичами.

— Рискну.

Тетка с сэндвичами, известная также как Голубая фея, глубоко вздохнула и рассказала Санчо вещи, слушать которые ему было трудно. Она рассказала, что он одновременно переживает два очень серьезных кризиса, и рассчитывать на то, что они оба благополучно разрешатся, почти не приходится. Первый кризис был личным кризисом Санчо.

— Ты видишь то, чего не вижу я, — сказала она. — Призраков, зомби, вампиров, всю эту шваль. Для меня это означает, что очень скоро ты можешь сам сделаться призраком и навсегда уйти в их мир, откуда ни я, ни кто-то еще уже не сможет тебя вытащить. Я вижу, что наш маленький друг из Италии сумел проделать с тобой

огромную работу, практически превратил тебя в живого мальчика, но, похоже, он не довел это до конца. И теперь, когда ты оторван от своего отца, ситуация стремительно ухудшается. Когда я смотрю на тебя, мне кажется, что ты не вполне находишься здесь. Как в испорченном телевизоре. То ли прием плохой, то ли сигнал барахлит, и ты не всегда виден четко. Я достаточно понятно объясняю?

— Да, — ответил Санчо. — Вы говорите, что я умираю.

— Не будем делать громких заявлений, — ободрила его Голубая фея. — Я просто говорю, что есть проблемы.

— Вы можете спасти меня? — взмолился юноша. — Я хочу жить!

— Ты так много твердишь о любви, — продолжала фея. — Ради нее без мыла в задницу готов забраться. Сейчас я объясню, почему так изящно выражаюсь. В моем понимании любовь, в первую очередь, означает потерю себя. Любовь делает так, что другой оказывается для тебя важнее, чем ты сам. Этот другой — не обязательно человек. Это может быть город, община или страна. Футбольная команда или автомобиль. Будь сейчас нормальное время, я бы прямо сказала тебе:

забудь о девчонке в конце пути. Возвращайся назад и постарайся сам исправить все, что натворил. Твоя тетка? Ты должен так же искренне извиниться перед ней, как это сделал твой папа. Забавно, ты прямо его эхо. Как и он, ты должен ей извинения и к тому же деньги. Она не выдвинула против тебя обвинений, сказала полиции, что случилась семейная ссора. Крайне любезно с ее стороны. Иди, вымаливай прощение, устраивайся на работу, вкалывай день и ночь, пока не отдашь ей все, что украл, сохраняй в себе любовь к жизни и полюби обычную жизнь. Только эта любовь способна сделать тебя реальным. А девушка? Она просто одна из твоих призраков.

— Понятно, — Санчо едва сдерживался, чтобы не начать махать руками в знак протеста. — Этот совет я никогда не приму. Он никчемный. Такое мне бы и робот в интернете посоветовал, и печенье с предсказаниями.

В автобусе стоял гвалт. Всю дорогу привычные к долгим переездам пассажиры либо дремали с наушниками в ушах, либо смотрели комедийные сериалы на маленьких встроенных в спинку переднего сиденья экранах, либо жевали бублики и булочки *с* корицей, мечтая о возможном счастье. Картинки за окнами автобуса проплывали мимо,

никем не замеченные. Теперь же по меньшей мере несколько пассажиров поняли, что что-то идет не так, что они движутся по обратному витку туда, откуда уехали несколько часов назад, началась паника, которую водитель автобуса не стремился унять — он только разводил руками и повторял:

— Вот хоть убейте. Я веду автобус, а не строю дороги.

— Секундочку, — была вынуждена прервать свой рассказ тетка *с* сэндвичами. — Надо посмотреть, смогу ли я что-то сделать.

Расталкивая орущих попутчиков, тетка с сэндвичами встала в центре прохода и закрыла глаза. За этим последовала серия толчков и раздался грохот, словно кто-то переводил стрелки, чтобы перегнать поезд с одной колеи на другую, после чего тетка рухнула в свое кресло без сил.

— Ну все, мы вернулись туда, где должны быть, — сообщила она Санчо. — Хотя за такое мне вообще-то не платят. Мне надо немного восстановиться, я пока не в состоянии обсуждать твой второй кризис.

Волнение в салоне стало утихать, когда дорожные указатели начали показывать что-то осмысленное. Они подъезжали к Бьютифулу.

Кое-кто из пассажиров упрекал соседей в том, что те подняли шум, не разобравшись. Водитель ехал дальше, привычным жестом пожимая плечами, мол, и не такое бывало. Тетка с сэндвичами чуть слышно похрапывала в своем кресле. Один Санчо никак не мог успокоиться. Он со всей очевидностью понимал, что второй кризис окажется куда более серьезным, чем первый.

Он ждал, когда проснется фея и отмечал в себе тревожные перемены. *То ли прием плохой, то ли сигнал барахлит, и ты не всегда виден четко.* Такой неутешительный диагноз поставила ему Голубая фея, в миру тетка с сэндвичами. Теперь он и сам начал это ощущать. С ним случались приступы затуманивания, во время которых мысли путались и наплывали одна на другую, как облака, а голова плыла, как в жару при тяжелой простуде. Он ощущал внутри какие-то пульсирующие толчки, раз за разом на короткий миг теряя способность мыслить и чувствовать. Больше всего его пугали слуховые и зрительные симптомы. Санчо смотрел на свою руку, и у него на глазах она распалась на пиксели, как картинка в испорченном телевизоре, но вскоре снова срослась в цельное изображение. Такого просто не может быть. Санчо поднял руку и потер

глаза, рука работала, как обычно, что немного успокоило его. Но через несколько мгновений все повторилось. Санчо хотел попросить тетку с сэндвичами помочь ему, но она спала в своем кресле сном младенца. Он окликнул ее и, к своему ужасу, услышал, что его голос прерывается, как при трансатлантических переговорах, и фонит, как ненастроенное радио.

Он явился на свет невозможным путем, напомнил он себе: от неутолимой потребности и неукротимого желания старого дурака с поврежденным телевидением мозгом. Следовательно, он был побочным продуктом мусорной культуры, повредившей мозг многим дуракам, и старым, и молодым, а возможно, и самой Америке. Быть может, эти симптомы у человека столь необычной природы, появившегося на свет против правил, без матери, которого можно считать реальным только условно, словно он чудесным образом сошел с экрана из передачи на канале *Syfy*, ведут к квазиэлектронной смерти по причине обрыва сигнала.

Я слишком молод, чтобы умереть. Юношеская самонадеянность. Смерть никогда не спрашивает о возрасте тех, за кем приходит.

Санчо принял решение. Он был сотворен актом

чистого воления, а значит, и сам мог унаследовать невероятную волю. Разве не так? Вот и отлично. Ведь если папаше К. удалось подчинить своей воле ангела жизни, Санчо подчинит своей воле ангела смерти. Но как это сделать?

— Я люблю ее, — произнес Санчо вслух. — Любовь найдет, как все устроить.

Эхо не знает, что оно эхо. Просто повторяет одно и то же, пока не смолкнет.

Тетка с сэндвичами проснулась, широко раскрыла глаза и затараторила.

— Второй кризис, про который я говорила, всеобщий.

— Звучит масштабно, — заметил Санчо.

— Мы все сейчас проживаем как бы две истории, — пояснила она. — Жизнь и Время. Есть наша собственная история и история, которая происходит вокруг нас. Если твой личный кризис совпадает по времени с глобальным кризисом эпохи, начинается настоящее безумие.

— Что именно вы называете безумием? — уточнил Санчо.

— Дурные Времена, — ответила она. — Самые дурные из всех, что были. Мир разваливается на части. Люди начали это видеть. Нас ждет безумная гонка, и я не знаю, как нам преодолеть

ее и остаться в живых. Не уверена, что у нас получится.

— Куда я ни приду, всюду говорят о конце света, — завил Санчо. — Лично я ставлю на то, что никакого конца света не случится, как не случалось до этого.

— Я хотела тебе сказать, — тетка с сэндвичами пропустила его слова мимо ушей, — что этот глобальный кризис заставил меня изменить свое отношение к тому, к чему ты стремишься в своей жизни. Это я про девушку, к которой ты едешь. Даже не думай, что я собираюсь раздавать налево-направо приворотное зелье, ничего подобного. Но я подумала: раз уж нам всем осталось немного, иди, дитя, и сделай то, что считаешь правильным. Иди к ней, будь милым, хотя бы попробуй. Если она захлопнет перед твоим носом дверь — черт с ней, ладно, ее решение надо уважать, но ты хотя бы попытался. Может, она захлопнет дверь, а может, и нет. Иди и постарайся не облажаться.

С этими словами фея испарилась.

— Спасибо, — тихо произнес напуганный, но воодушевленный Санчо. — Спасибо вам. Я так и сделаю.

Но когда он вышел из автобуса в Бьютифуле недалеко от торгового центра “Рей-Нард”, было

уже поздно. Валил снег, было около двадцати градусов мороза, но из-за сильного ветра казалось, что еще холоднее. По улицам в безумии носились люди, кричали: “Небо падает!” Повсюду горели подожженные машины и зияли разбитыми витринами окна магазинов, указывая на то, что даже в последний день жизни люди не утратили склонности к бессмысленному разрушению и бесплатным телевизорам. В рейтинге лучших городов и горожан США Бьютифул занимал двенадцатое место, теперь его лучшие горожане стремительно теряли рассудок. Не войти им в десятку, подумал Санчо, стараясь не поддаваться панике и сохранять здравый рассудок. Он бросился бежать. Ничто, дыры в пространстве и времени, которые он видел в небе из окон автобуса, быстро множились и спускались ниже, одна из них пугающе зияла на месте, где ранее находился бар “Пауэрс”. От одного взгляда на это — на то, что было настоящим ничем — переполнял ужас. Санчо побежал прочь, как бегут от огнедышащего дракона. Он бежал и чувствовал, что и сам начинает таять. Он осмотрел ладони, руки, ноги, тело. Они выглядели так, словно состояли из распадающихся фрагментов. Изображение крайне низкого качества. Интересно, где-нибудь

поблизости есть вайфай? Санчо бежал изо всех сил, он был уже рядом с нужной улицей, когда ощутил что-то вроде удара гигантского молота, в голове сама собой завертелась мысль, что его отец Кишот, некогда вымоливший его у падающих звезд, разочаровался в нем и разжелал свое исполненное желание? *Кто есть Санчо без Кишота?* Ответ очевиден: никто. Пустая, ни на что негодная выдумка.

Неужели он заслужил это — быть отвергнутым собственным отцом, если такое все-таки случилось? Способен ли сотворивший его повернуть акт творения вспять, верно ли, что, если Кишот перестанет его любить, Санчо просто погибнет? Неужели отцовская любовь питала его все это время, и без нее романтическая любовь не сможет его спасти? Любил ли он своего отца? Если быть честным перед собой, ответ очевиден: нет. А значит, это наказание он вполне заслужил.

Его распад был все более очевиден. Разрешение было совсем не четким, словно его перевели на аналоговый сигнал; ему оставалось только надеяться, что если его возлюбленная не захлопнет у него перед носом дверь, а напротив, распахнет ему свои объятия, распахнет сердце, и тогда любовь — истинная любовь! — пройдет через его

тело и вернет ему целостность. Любовь достойной женщины. Она сможет спасти тебя, даже если ты не любил своего отца так, как следовало, даже если ты бросил его и уехал в дальнюю даль; даже в этом случае ее любовь сможет спасти ему жизнь. Ведь сможет? Сможет? Снова и снова спрашивал он, но рядом не было никого, кто мог бы ему ответить. Все, что он мог, — бежать.

Санчо бежал мимо брошенного кем-то внедорожника, его мотор работал, и из распахнутой двери было слышно, как по радио поет Синатра, “Даю шанс любви”.

— Хороший знак, — прокричал себе Санчо и услышал, как фонит и ломается его голос, через его тело прошла судорога, он распался на пиксели, но через мгновение обрел форму вновь; он — или что-то, что-когда-то было им — бежал и повторял про себя: *“Даю шанс любви”.*

Он свернул за угол и оказался у заветного двухэтажного кремового здания с английским приветствием *“Welcome”*, выложенным белым на красной гравиевой дорожке небольшой лужайки перед входом; чуть выше нарисован священный слог “Ом”. Звонка нет. Он схватил латунный дверной молоток — рука горела, тряслась и издавала электрические потрескивание, как и все

его тело — и постучал. И вот перед ним она, это она! Прекрасная из города Прекрасного, *хубсурат се хубсурат*, что можно перевести и как "прекраснее, чем самая прекрасная", девушка его мечты, его единственный шанс, и он знает, что ей сказать.

— Я люблю тебя. Знаю, так нельзя, но знаю также, что это любовь придала мне мужества, она привела меня на твой порог и позволила сказать это. Я люблю тебя. Господи, ты ведь меня не забыла?

— Да? — растерянно озиралась тем временем девушка. — Есть здесь кто-нибудь?

— Возьми меня за руку, — молил ее Санчо; его голос стал таким тихим, что он едва сам разбирал, что говорит. — Возьми и скажи, что тоже любишь меня, тогда я буду жить. На коленях молю тебя об этом.

— Нет, — крикнула она кому-то вглубь дома. — Здесь никого нет. Но я точно слышала, что стучали.

Она была права: больше там никого не было.

Глава двадцатая,
в которой мы узнаем о сердце Автора

Автор вернулся в Нью-Йорк другим человеком. Лондонская трагедия потрясла его, а последние обвинения племянницы застряли занозой в сердце. Я могу умереть прямо сейчас, думал он, пока она швыряла в него свои слова. *Ангел смерти.* Но Ангел смерти бессмертен, разве не так. Он лишь несет смерть всему, к чему прикасается. Это не про него. И вот он снова сидит за своим столом и пишет о конце света, параллельно вымарывая из книги описания гибели всего, имевшего реальные прототипы из его жизни. Он чувствовал, что его персональный конец света уже состоялся. Без Сестры он больше не был Братом. Остался только псевдоним, Сэм Дюшан, и он дописывает финальные такты своей книги. Все, что ему осталось, — разобраться с Кишотом.

Его герои осаждали его. Они кружили у него над головой, как летучие мыши, зная, что их истории подходят к концу, требовали его внимания. Я, меня, мне, — недавно упрекал Кишота доктор Смайл, теперь эти слова кричали все. Спаси меня, спаси меня. Один Кишот сохранял достоинство, даже проявлял благородство. Он не просил Автора спасти его, сам Автор хотел его спасти. Этот герой помогал ему постигать природу истинной любви.

Когда у Автора начались проблемы с сердцем — тут же пришла аритмия, которой Кишот страдал с юности, — он понял, что книга знала о его недуге раньше, чем о нем узнал он сам, еще до появления первых симптомов. Все, что он написал о сбоях во времени, выглядело убедительно. Он в общих чертах наметил сцены, в которых время замедляется или убыстряется, летит фортепианным стаккато, скрипит несмазанной телегой, а то и вовсе замирает. Когда законы природы теряют власть, время также утрачивает свой ритм. Он понял это довольно давно. И вот теперь его книга становилась реальностью в его собственном теле.

У *мира нет другой цели, кроме того, чтобы ты закончил книгу. Как только ты сделаешь это,*

звезды начнут исчезать с небосвода.

В какой-то момент стало понятно, что один из второстепенных персонажей, вопреки первоначальному замыслу Автора, играет в книге весьма значительную роль. Ученый и предприниматель Ивел Сент вышел в центр повествования и начал руководить развитием главной сюжетной линии, так что без его активного участия завершить роман уже не представлялось возможным. Когда герой так драматически показывает себя на страницах, участвует в акте сотворения, следует задаться вопросом: хорошо, но правильно ли это? Может ли он быть полезен, стоит ли мне схватить его за фалды и сломя голову нестись вслед за ним, или он заведет меня в тупик, к концу, который для меня неприемлем? Автор решил позволить Ивелу Сенту оставаться в тексте. Корпорация Сента и порталы NEXT также сохранятся. Его сюжет с гибелью Земли должен отражать реальные — экологические, политические, социальные, нравственные — проблемы планеты, на которой он живет.

В первую неделю после возвращения он с каждым днем чувствовал себя все хуже. Это было неслыханно: всю свою жизнь он обладал отменным здоровьем и не болел ничем серьезным.

Автор вспомнил слова Сестры. *Крепкое здоровье есть у нас до тех пор, пока однажды доктор не сообщит, что у нас его нет.*

Угодив в лапы профессионалов от медицины, Автор понял, что ничего другого сказать и не может. Исследования и анализы бомбардировали его, словно он был лагерем сирийских беженцев. Для него разработали схему медикаментозного лечения, а потом назначили аортокоронарное шунтирование. Его предупредили, что операция может лишь облегчить симптомы, но не избавит его от аритмии полностью. После операции Автор очень скоро начал чувствовать себя хорошо. Ему сказали, что реабилитация после подобных операций занимает от шести до двенадцати недель, но он оказался счастливым и очень редким исключением. Он очень быстро стал чувствовать себя очень хорошо и даже начал звонить знакомым со схожей проблемой и рекламировать им операцию: “Даже не сомневайтесь. Я чувствую себя раз в пять лучше, чем раньше. Это просто отлично!” (В том, что делает, он снова слышал эхо поступков своих героев — на сей раз мисс Салмы Р., рекомендовавшей своим неуравновешенным знакомым электросудорожную терапию.) Окружающие призывали его упокоиться. Но заметно

возросшие энергия и работоспособность не позволяли этого сделать. Единственной его проблемой стала бессонница, в бессонные ночи оптимизм оставлял его, и он слышал тайные послания сердца. *Я еще не закончило с тобой,* шептало оно. *Ты сам знаешь. Наша финальная битва еще впереди.* Только позволь мне закончить книгу, просил он в ответ.

Это правда. С самого начала книга знала все лучше, чем он сам. До сих пор он не задумывался о том, что смертен, но его книга говорила о смерти. Неужели он на самом деле все это время предчувствовал свою смерть, сам того не понимая? Выходит, вся эта канитель с концом света в книге — лишь попытка осмыслить свой собственный неизбежный конец? Возможно ли большее проявление нарциссизма, чем связать собственный уход с безвозвратной гибелью всего и вся, чем утверждать: вместе со мной не станет и всего, что вокруг? Когда завершится его последняя битва, вместе с ним падет на боле брани и все человечество. Не надо рассуждать про расы, классы, историю, многообразие, черт знает что еще в нашем прекрасном раздробленном мире, не надо спорить, любить или стремиться оставить нашим детям лучший мир, ведь все это окажется

попросту спущенным в унитаз вместе со мной. *Eunivers, c'est moi?* Вселенная — это я?! Неужели он на самом деле оказался таким мегало-маньяком?

Обладает ли он добрым сердцем или выжжен изнутри?

Автор читал в "Таймс", что даже великий Белл оу сомневался в том, каким было его сердце, и лежа на смертном одре, спрашивал себя: "Кем я был, человеком или сволочью?"

Когда однажды ночью Автор наконец почувствовал, что накопил достаточно сил, чтобы вновь встретиться со своей книгой, он отправился в кабинет, в котором, удобно расположившись в его собственном аэроновском кресле, его поджидал огромный японо-американский джентльмен со множеством имен.

— Что вы здесь делаете? — закричал Автор, пока сердце болезненно ухало в груди. — Что-то случилось с моим сыном?

— С вашим сыном все в полном порядке, — заверил его гость. — Он оказался прекрасным работником. Ваш мальчик доказал, что он истинный патриот Америки, в чем лично я никогда не сомневался. Благодаря ему и таким, как он, сейчас мы побеждаем в кибервойне.

— В самом деле?

— Определенно, сэр. Такова наша официальная позиция.

— Вы пугаете меня, появляясь в моем доме подобным образом. Прекратите это. Во-первых, это преступление, а во-вторых, у меня теперь больное сердце.

— Я принес хорошие новости. Вам предоставлен допуск. Ваша кандидатура была официально одобрена. — Агент встал,

чтобы пожать Автору руку и вручить свою визитную карточку “Агент Клинт Осима” значилось на ней.

— Отличное имя.

— Благодарю. Еще раз поздравляю. *Великолепная работа.*

— О какой работе идет речь?

— “Муравейник”, — пояснил Осима. — Вы не прокололись. Никому ни словечка. Мы ждали, но вы выдержали. Высший класс.

— Да, как раз хотел у вас спросить, — вспомнил Автор. — Несколько месяцев назад в “Таймс” была статья, в которой описывалась операция, очень похожая на “Муравейник”. Я подумал, откуда взяться такой статье, если все это так смертельно секретно. Но там был не “Муравейник”, там был “Коллективный разум”.

— Я вам объясню, — ответил агент Осима, — когда мы вынуждены привлекать к секретным операциям людей со стороны — к примеру, родственников фигурантов вроде вас — и вводить их в курс дела, мы всегда даем всем немного разную информацию. Когда эта информация попадает в открытые источники, мы легко узнаем, кто это сделал.

— То есть на самом деле операция называется не “Муравейник”, вы придумали это название специально для меня?

— “Муравейник”. Для нас с вами.

— А что случилось с тем, кому вы сказали, что она называется “Коллективный разум”?

— Его поступок имел определенные последствия.

— Несовместимые с жизнью?

— Отличная формулировка.

— Так зачем все-таки вы пришли? Поздравить меня, предостеречь или и то, и другое?

— Поздравить, поскольку вы были признаны соответствующим определенным требованиям, и мы готовы предоставить вам определенные привилегии по части доступа.

— К “Муравейнику”?

— К вашему сыну.

Услышав эти три слова — услышав имя своего Сына, — Автор испытал чувство, на которое, как ему прежде казалось, он был просто не способен, он почувствовал себя Кишотом, узнавшим от доктора Смайла, что его ждет встреча с Возлюбленной. По своему складу Автор не был человеком, склонным видеть омывающее его божественное сияние *с небес и* ощущать каскады радости, но в этот момент испытал что-то подобное. Он давно потерял надежду на новые романтические встречи. Этот поезд ушел. Сын был единственным любимым существом, которое у него осталось, но он находился так далеко — сначала по собственному выбору, потом по настоянию спецслужб. Если теперь ему позволят видеться *с* ребенком, возможно, даже проводить какое-то время вместе (конечно, если этого захочет Сын), это в буквальном смысле вернет Автора к жизни и поможет ему вновь обрести веру в людей. Попросту говоря, он будет по-настоящему счастлив.

— Согласно нашим оценкам, — продолжал тем временем агент Осима, — для оптимально эффективной работы наших цифровых воинов нам необходимо расширить круг их контактов вне проекта. В противном случае молодые люди

могут сойти с ума и навсегда сгинуть в пузыре информационной безопасности внутри киберпространства. Их нужно спускать на землю. Мы считаем, что оптимальным будет предоставлять им два выходных каждые шесть недель плюс ежегодный двухнедельный отпуск. В случае с вашим сыном я рекомендовал начать с двухнедельного отпуска. Как вам перспектива?

— А что он говорит? — спросил Автор. — Он этого хочет?

— Молодой человек нуждается в общении с отцом, — заверил Автора агент Осима. — Он проинформировал нас об этом.

— Агент Осима, агент Кагемуся, агент Мизогучи, агент Макиока, — заявил Автор в ответ, — я люблю вас. Всех вместе и каждого в отдельности.

Японо-американский джентльмен выглядел смущенным.

— Это нежелательно, сэр, — ответил он.

Когда Автор видел Сына в последний раз, тот носил длинные, почти до плеч, кудри. Теперь он подстригся — брутально, почти налысо — и стал похож на Сестру в ее последние дни. Увидев это, Автор невольно вздрогнул.

— Ты чего? — удивился Сын.

— Ничего, — заверил его отец. — Прическа.

— Тебе не нравится?

— Длинные шли тебе больше.

— Вообще-то всем нравится, — сдержанно заметил Сын. — Все говорят мне комплименты.

В первые проведенные вместе часы они оба ощущали неловкость. Сидели друг напротив друга за накрытым к завтраку столом и мусолили в руках чашки с кофе, не зная, что сказать.

— Что ты собираешься делать эти две недели?

Неопределенный жест плечами.

— Не знаю. Ничего. Что-нибудь. А ты что предлагаешь?

— Что-нибудь, что доставит удовольствие нам обоим.

— Лично я ничего такого не знаю. Будет здорово, если ты что-то предложишь.

Затянувшаяся пауза, а потом.

— Поедешь со мной в автомобильное путешествие?

— Куда?

— По маршруту, который я описываю в своей книге. Мне это поможет в работе. В конечном счете мы окажемся в Калифорнии.

— Ты уверен, что проедешь столько?

— Я отлично вожу.

— Не уверен. Ты уже давно не водишь.

— Тогда веди ты.

— Ты правда не против?

— Конечно.

— Тогда ладно. Значит, автомобильное путешествие.

— Надо арендовать “шевроле круз”.

Он не сказал Сыну о проблемах с сердцем. Решил, что ни к чему. С каждым днем он чувствовал себя сильнее, а слышавшийся ему бессонными ночами шепот был обычным выходящим из-под контроля стариковским страхом. Он немного похудел и осунулся, но дети обычно не замечают подобных перемен у своих родителей. К тому же Автор чувствовал себя энергичным как никогда. Как бы то ни было, расскажи он о своей болезни Сыну, молодой человек был бы вынужден стать для него сиделкой либо, читай, родным отцом. Автор хотел, чтобы все шло своим чередом. А еще он хотел найти для себя и Сына лучший конец, чем у Кишота с Санчо. В его случае вопрос стоял как Вопрос о Санчо наоборот. Он состоял не в том, кто есть Сын без него, а в том, кто есть он без Сына, и ответ состоял в том, что почти что никто.

Сейчас Сын был незнакомцем за рулем их машины, чьим отцом Автору предстояло стать заново. В городе, послужившем прототипом для

Беренгера, Нью-Джерси, Автор рассказал Сыну, что населил город мастодонтами, находясь под впечатлением от “Носорога” Эжена Ионеско.

— Я черпаю вдохновение в работах еще стольких предшественников! — признался отец и назвал Сервантеса и Артура Кларка.

— А разве так можно? — спросил Сын. — Делать такие заимствования?

В ответ отец процитировал ему слова Ньютона о том, что тот видел дальше других лишь потому, что стоял на плечах гигантов. Сына такой ответ совершенно не убедил.

— Это да, но Ньютон открыл закон всемирного тяготения, — жестоко заметил он. — Сомневаюсь, что ты сумеешь совершить что-то близкое к этому.

Автор рассказал ему о традиции плутовского романа, ее эклектичности и способности совмещать многие повествовательные традиции, высокое и низкое, авторское и традиционное, оригинальное и пародийное; о бесконечных поворотах плутовского сюжета, позволяющих автору воссоздать человеческую жизнь во всем ее многообразии. Он стоял посреди главной улицы про-Беренгера, казавшейся ему ненастоящей по сравнению с тем, как он изобразил ее в романе,

и говорил об Абсурде как таковом, столкновение с которым заставляет человечество одновременно мучительно искать смысл жизни и жестоко смеяться над своими попытками, о мастодонтах в собственном романе, которых вполне можно расценивать как олицетворение стремительного расчеловечивания человечества, которое все сегодня вынуждены наблюдать, в ходе него мы как биологический вид постепенно — хотя некоторые очень даже быстро — утрачиваем нравственные ориентиры, а это значит тут же возвращаемся назад, превращаемся в не знающих цивилизации варваров, клыкастых пещерных людей, монстров, уничтожающих собственное настоящее.

— То есть ты веришь, — уточнил Сын, — что жизнь не имеет смысла, а люди превращаются в безнравственных чудовищ?

— Мне кажется, что в отношении произведений современного искусства правомерно говорить о том, что мы все стали жертвами культуры, которую сами же и создали, что она — прежде всего своими массовыми проявлениями — искалечила нас. Культура, а еще глупость, невежество и ограниченность. Вот это я хочу сказать.

— То есть ты сам ни к чему этому отношения не имеешь? — стоял на своем Сын. — Твоего вклада

в этом нет? Напомни, что ты сам оставишь в этом мире в качестве следа?

— Я делал свою работу. И после меня останешься ты. — Автор и сам понимал, как жалко это звучит.

Сын пожал плечами и направился к машине.

— Ладно, — сказал он, — поехали. Твой Сын — твой главный инквизитор.

Они ехали на запад, останавливаясь в упоминавшихся в романе Автора населенных пунктах, по настоящим улицам которых ему хотелось пройтись, Сын часами не вылезал из-за руля и получал от этого большое удовольствие, ему хватало несколько коротких часов сна днем на парковке у какого-нибудь торгового центра, после чего он с готовностью ехал в ночь, слушая радио и рассматривая в окно захолустья, мимо которых они проезжали. Чем дальше они ехали, тем больше Автору казалось, что настоящая Америка *с ее* неприметными зелеными указателями и кричащими билбордами, с которых красивые люди с нереально белыми зубами предлагают свои юридические услуги, *с* сетевыми отелями от “Ховарда Джонсона” до “Дэйе инн”, становится все менее реальной по сравнению со страной, которую он придумал и в которой жил уже больше

года. Воображаемая реальность одержала победу над истинной. Кишот и Санчо ехали вместе с ними в машине, которая теперь только отчасти принадлежала Автору и его Сыну, их путешествие все больше напоминало путешествие его героев, словно его сняли на пленку и зафиксированные в фильме дни воспроизводят в обратной перемотке. Призрачный Кишот обычно сидел рядом с Автором на пассажирском месте, а призрачный Санчо помогал Сыну вести машину, и порой их призрачные фигуры выглядели более реальными, чем он и Сын. Автор практически поверил, что находится внутри собственного романа, и начал с опаской поглядывать, не распадается ли на куски холодное ночное небо за окном, в то время как они подъезжают к Канзасу, который Автор сделал прототипом своего Бьютифула. Он ничуть не удивился бы, если бы увидел распад реальности, провалы в пространстве-времени и царящую вокруг панику.

Но все было спокойно. Была и тихая улочка, а на ней, ровно такой, каким Автор его придумал, по невероятному совпадению, в которое сложно поверить, стоял дом возлюбленной Санчо — двухэтажное кремовое здание с английским приветствием *“Welcome”*, выложенным белым на

красной гравиевой дорожке небольшой лужайки перед входом; чуть выше нарисован священный слог “Ом”. Значит, девушка тоже здесь, подумал он, скорбит по убитому родственнику и — быть может, самую малость — хочет вновь увидеть странного юношу, который однажды появился на ее пороге, назвал ее Прекрасной из города Прекрасного и обещал вернуться. Время движется вспять. В любой момент мы можем стать свидетелями того, как Санчо выйдет из машины, постучит в ее дверь и представится.

Такого не случилось. Призраки не разгуливают среди бела дня.

На 151-й Восточной улице они зашли в кафе “Пауэрс” (на самом деле оно называлось иначе), которое не было (по крайней мере пока) сожрано дырой в пространственно-временном континууме. Они воспользовались туалетом, уселись в баре и решили немного перекусить. В момент, когда они вышли на сцену во время антракта, две реальности наложились друг на друга, мир вымысла стал реален, и начался второй акт, актеры вокруг них задвигались, принимая Автора и Сына за таких же действующих лиц, как они сами. Внезапно их порядком набравшийся сосед начал злобно кричать на них, называя

“гребаными иранцами” и “террористами”. Он громогласно ставил под сомнение законность их пребывания в США и уже традиционно призывал “валить из моей страны”. Кишот и Санчо предпочли не вмешиваться и затаиться в стороне, пока другие (белые) посетители пытались урезонить дебошира. К собственному удивлению, Автор среагировал совсем иначе. Он встал, преградил пьяному путь и дал жесткий отпор — *немедленно возьмите себя в руки и отойдите; единственный, кто терроризирует здесь всех, — это вы,* — и довольно скоро пьяного выдворили за пределы заведения, и все смогли вздохнуть с облегчением.

Автор и Сын не пострадали, они вернулись за столик и закончили трапезу, но Сыну все еще было тревожно.

— Мне кажется, это еще не конец, — произнес он, глядя на дверь, и Автор понял, что Сын абсолютно прав: вот-вот здесь появится пьяница с ружьем и убьет их. Неожиданно для себя он заявил:

— Он сейчас вернется.

И уже через пару минут пьяница вернулся с ружьем; все последующее происходило очень быстро, но при этом тянулось бесконечно медлен-

но, и Автор чувствовал, что все это происходит во сне. Сын встретил пьяного почти у входа в кафе “Пауэрс”, и не успел Автор умоляющие простонать *“Нет! Нет!”*, как Сын выполнил серию молниеносных движений, позволивших ему обойти линию огня, левой рукой отобрал у стрелка оружие, а правой схватил его за запястье и вывернул ловким приемом каратиста, и уже через секунду стрелок — не грозный убийца, а допившийся до белой горячки урод — корчился от боли под прицелом собственного ружья; он в буквальном смысле обмочился, со слезами умоляя Сына: *“Не стреляйте, у меня дети,* и тогда время вернуло свой обычный ход, зазвучали взволнованные голоса посетителей и приближающийся вой сирен, и полицейские надели на дебошира наручники и забрали в участок.

— Мне надо выпить, — сообщил Сын, усаживаясь у барной стойки.

— Где ты этому научился? — поинтересовался потрясенный отец.

— В “Муравейнике”, — ответил Сын, — особо нечем заняться. Есть спортзал, есть телевизор, есть ютьюб. Я посмотрел роликов десять, как обезоружить вооруженного человека — с пистолетом в одной руке, с пистолетом в обеих руках,

с винтовкой, еще по-всякому, а потом попросил инструктора в спортзале натренировать меня на эти приемы, чисто по приколу.

— Он мог тебя убить.

— Это вряд ли. Он был совсем пьяный, реакция никакая.

Я знал, что справлюсь. Это даже не было сложно.

Автор был вынужден согласиться.

— Спасибо, — сказал он Сыну.

— Хотел спросить у тебя одну вещь, — ответил тот. — Ты сказал: “Он сейчас вернется” до того, как хоть кто-то его увидел. Это помогло мне подготовиться и занять позицию, но как ты об этом узнал?

— Это эпизод из моего романа, — ответил Автор и увидел, как глаза Сына распахиваются от изумления.

Возможно, впервые за все время их общения его впечатлило что-то связанное с отцом.

— А что случилось в твоем романе? — спросил он.

— Он нас убил, — ответил Автор. — Твое присутствие изменило все.

— Спасибо, пап.

Какое-то время они пили в молчании, а затем

Автор спросил:

— А телевизор ты там смотришь?

— Я же сказал. Телевизор, *YouTube, Spotify, Netflix.* Полный набор. Больше там особо делать нечего, только в спортзал ходить. Так что да. Мне нравится смотреть телевизор, а почему ты спрашиваешь?

— Да просто так. Мне кажется, у телевидения есть хорошие и плохие стороны.

— Видео из интернета только что спасло тебе жизнь, — заметил Сын. — Так что хорошие определенно есть.

Снова тишина и позвякивание стаканов.

— А что мы сделали в твоем романе, — прервал молчание Сын, — когда этот парень начал нести свой расистский бред?

— Мне стыдно признаться в этом, но отошли в сторону, — ответил отец. — Думаю, надо переписать этот отрывок.

— Перепиши, — согласился Сын. — Ты ведь никуда не отошел, ты пошел этому уроду навстречу и сделал так, что все встали на твою сторону.

— Может, это было глупо.

— Нет, пап, — ответил Сын, — это было охеритительно героически.

Снова в машине.

— В твоем романе много еще подобной фигни? — поинтересовался Сын.

— Еще обед в Талсе.

— Поехали туда.

— Не стоит нарываться на неприятности, — возразил Автор. — Тебя там могут убить.

— Вряд ли, — возразил Сын.

— Мне кажется, всегда лучше стараться избегать насилия. К тому же людям вроде нас…

— Это вообще не про меня, — заявил Сын. — Довольно я был кротким агнцем. Если кто-то решит ко мне пристать, уж будь уверен, получит сторицей.

— Мне не нравится, когда ты так говоришь.

— Пап, умоляю, только не заводи здесь свою шарманку, мол, любовь спасет мир. Вспомни, что только что было в баре, это и есть правда.

В Талсе они пошли в забегаловку *“Талса — ешь здесь и бери на вынос”*, переименованную в романе “У Билла — лучшие завтраки в Талсе”. Ничего не произошло. Они съели зеленый омлет с ветчиной и уэвос ранчерос и ушли. Никто на них не смотрел, никому до них не было дела. Автор понял, что, оставшись незамеченным в месте, откуда Кишот и Санчо были вынуждены уйти, он одержал еще одну победу.

— Еще две остановки, — сообщил он Сыну, — а потом сдадим машину в аэропорту Сан-Франциско и полетим домой.

По радио шли новости. В рамках программы сокращения расходов “Дженерал моторе” снимает с производства “шевроле круз”, “вольт” и “импалу”.

Автор подумал, что его повсюду окружают концы. Похоже, свой последний вздох он испустит отнюдь не в одиночестве.

Остановка первая, время в пути пятнадцать часов, Башня Дьявола в Вайоминге ночью, могучая и подавляющая. Они сидели и смотрели на зловещий силуэт. Даже не могли выйти машины.

— Я смотрел этот фильм, — едва слышным шепотом наконец прервал молчание Сын.

— Фильм тут ни при чем, — ответил Автор.

— Тогда почему мы здесь? Башня присутствует в твоей истории?

— Да. И еще в твоей истории.

— В моей истории?

— Я уже бывал здесь раньше, — ответил Автор. — Давно. С твоей мамой.

— О…

— Мы застали метеоритный дождь и попросили у звезд, чтобы у нас родился ребенок. У нас

никак не получалось завести ребенка.

— О…

— Потом появился ты. Наш звездный сын. Ты был ответом на наши молитвы.

Сделав это, столь долго ждавшее своего часа, признание, Автор окончательно сделал историю Санчо и Кишота своей, историей его и его Сына. Он взял Сына за руку, и они долго сидели в машине и смотрели на башню. В ту ночь не было метеоритного дождя, но небо было невероятно чистым, на нем были отчетливо видны туманные пути галактики и несколько сияющих звезд.

Остановка вторая, время в пути двадцать с чем-то часов, включая три ночи в мотелях, — простившись с Башней Дьявола, они поехали на юго-восток, миновали Рок-Спрингс, Перпл-Сейдж и Литтл-Америку (население соответственно 23036 чел., 535 чел. и 68 чел.), озеро Тахо, границу с Калифорнией, Сакраменто (население 501901 чел.) и Сан-Хосе (население 1035000 чел.). Они остановились на парковке в городе Санома (население и 108 чел.), в ничем не примечательном месте на углу местного Бродвея и Напа-роуд. Парковка упиралась в приземистое белое здание с рекламой компании, торгующей соусом сальса.

— Здесь ничего нет, — возмутился Сын. — Мы

проехали пол-Америки, чтобы посмотреть на это?

— В будущем здесь разместят головной офис новой корпорации “Кибердайн”, — с благоговением сообщил Автор.

— “Кибердайн”? Как в “Терминаторе”?

— “Кибердайн” — корпорация, которая построила суперкомпьютер “Скайнет”, который, в свою очередь, создал терминаторов. Это ее точный адрес. Многие думают, что она располагалась в Саннивейле, но это не так, выдумки, иными словами. “Кибердайн” располагался именно здесь.

— Ты сходишь с ума.

— Как бы то ни было, в своем романе, — заявил Автор, — я разместил здесь Корпорацию Сента.

— А что это?

— Место, где мой герой Ивел Сент работал над проектом NEXT и построил портал “Мэйфлауэр”, благодаря которому Кишот и Салма смогут благополучно переместиться с нашей гибнущей планеты на одну из параллельных Земель и жить там долго и счастливо. Новая жизнь на земле обетованной. На новой Земле.

— Как это работает? Видимо, пора тебе рассказать мне эту историю до конца.

— Я как раз не уверен в этой части, — признался

Автор. — Я ее еще не написал.

— Пап, — попросил вдруг Сын, — поехали домой.

В самолете по пути в Нью-Йорк — это был изматывающий ночной рейс — Автор взглянул в ночной иллюминатор и увидел, как в небе разгораются и кружатся в чудесном танце зеленоватые столбы северного сияния. Пазори — крайне редкое явление, которое возникает в этих широтах не чаще пары раз за десять лет, так что увидеть его — особая привилегия. Автор хотел, чтобы в этот момент в его наушниках заиграл Бетховен, Девятая симфония — самый подходящий аккомпанемент для такого великолепия. Всполохи света опять озарили небо, потом исчезли, но вспыхнули вновь, заставив Автора прослезиться от увиденной красоты. *Deine Zauber binden wieder / Was die Mode streng geteilt — Ты сближаешь без усилья / всех разрозненных враждой.* Это северное сияние стало для Автора неоспоримым доказательством, что миры соединены друг с другом, *нераздельны и неслиянны*, что придуманный им мир проник в мир вокруг; ему казалось, что всполохи света в ночном небе были чем-то вроде порталов, перемещающих мужчин и женщин в дивный новый мир.

Это время чудес. Чудо спало рядом с ним — его вновь обретенный Сын, их воскресшая любовь. Если такое оказалось возможным, значит, возможно все. Это, услужливо напомнил ему Кишот, Эпоха, Когда Возможно Все. А сердце? Оно переполнено, но не разорвалось. У него еще есть время закончить книгу.

Автор закрыл глаза и уснул.

Глава двадцать первая, в которой наступает Конец Света и Путешествие становится Бесконечным

Стремительно нарастающая катастрофа уже не ограничивалась порчей и распадом физической материи, из которой состоит все вокруг. Законы науки гнулись и ломались, словно стальные балки, расплавляющиеся под напором некоей неведомой силы. События случались раньше собственных причин: так на углу Сорок второй улицы и Лексингтон-авеню образовалась гигантская воронка, в которую провалилось несколько машин, и лишь затем произошел взрыв газа, ставший причиной ее образования. В городах на больших улицах время летело с бешеной скоростью, а в маленьких переулках почти не двигалось, образуя пробки. Скорее всего,

перестал работать Второй — великий — закон термодинамики, и энтропия быстро уменьшалась. Даже тем, кто ничего не смыслит в науке, было очевидно, что это конец. С восходом солнца начинало холодать, а полная луна приносила на землю тропическую жару. Дождь оставлял на коже ожоги, а снег шипел и испарялся, не успев коснуться земли.

Кишот напомнил себе, что седьмая долина — это Долина Отрешения, в которой человек утрачивает свою самость и сливается со Вселенной.

Номер в "Блю-йоркере" стал его монашеской кельей в сердце борделя; в микрокосме мотеля ничего не менялось. Людские потребности удовлетворялись за тонкими стенами громко и разнообразно, днем и ночью, со всех сторон. Мысль о том, что даже в такие темные времена люди не перестали испытывать желание, несколько ободряла Кишота. Человеческая природа не изменилась, а значит, в мире есть великая константа, лежащая в основе всего. Однако у самого Кишота не возникало желания развлекаться подобным образом. В уединении своего номера он также не пользовался возможностью просмотра порноканалов. Порнография приводила его в смущение. На самом деле, его смущало любое сексуальное

поведение на экране. Он отводил взгляд, даже когда герои фильма просто целовались. Он не нуждался в удовольствии, полученном через некоторого “посредника”.

Так что он просто сидел сложив руки и ждал, когда любовь сама найдет, как все устроить.

Рано или поздно наркоман всегда звонит своему дилеру. Звонит, несмотря ни на что, даже если дилер влюблен и преследует наркомана, одержимый навязчивой идеей спастись вместе с наркоманом от конца света и прочих ужасов; одержимость наркомана тем, что ему может дать дилер, оказывается сильнее одержимости дилера наркоманом. В конце концов и она позвонила. Трудно сказать, как долго он ждал этого звонка — время текло странно, оно растягивалось, сжималось, было обманчивым. Неделя могла длиться месяц. Целая жизнь могла промелькнуть за один день. Мир распадался на части, прямо у знаменитого шпиля Эмпайр-стейт-билдинг в небе образовалась воронка в никуда, с шумом засасывавшая в себя все живое, и город заполонили орущие рты, бегущие ноги и бездыханные тела затоптанных. А в самом центре этого хаоса спокойный немолодой мужчина в грязном мотеле терпеливо ждал, когда зазвонит его телефон,

и телефон зазвонил: он был ей нужен. Посреди бесконечного ночного кошмара его мечта воплотилась в жизнь.

— Мадам, это правда вы? Польщен вашим вниманием.

— Нам надо встретиться, — ответила она. — У меня все закончилось.

Чувство долга боролось в нем с влечением к ней.

— Мадам, вы ведь чуть не умерли в последний раз. Как я могу собственными руками нести вам оружие, которое может вас убить?

— Я сама была дурой, — заявила она. — Впредь буду умнее.

Она больше не говорила голосом успешной властной женщины, у которой все под контролем — и своя собственная жизнь, и чужие. Она подлизывалась, юлила, ее голос звучал каку ребенка, разыгрывающего невинность, чтобы получить желаемое. *Я больше так не буду* — наша первая в жизни ложь.

— Нам опасно встречаться. — Кишот так и не смог побороть ни своих принципов, ни желания ее видеть. — Как к этому отнесется этот ваш мистер Андерсон, мистер Тайер? Я думаю, он может причинить мне вред.

— Можете забыть про него, — заверила она. — После ареста вашего… вашего родственника его идентифицировали по записям с камер наблюдения в Атланте. Конрад Чехов. Этим их надолго не одурачишь. Полиция ищет его, и он залег на дно. Даже я не знаю, где он.

— Вокруг вас полно людей, к кому можно обратиться, — сказал он. — Вы такая важная персона.

— Я совершенно одна. Творится какое-то безумие. Сегодня никто не вышел на работу. У меня даже охраны нет. Вообще ничего. Я абсолютно одна. Поэтому мне и нужно то, что у вас есть. Понимаете?

— Мадам, вам нужна защита.

Кишот непременно должен встретиться с ней. Он должен отдать свое бренное тело в ее распоряжение. У нее никого нет, и он ей нужен.

— Иди к ней, — вмешался лежащий в изголовье кровати пистолет. — После решим, что делать дальше.

— Ситуация в мире непростая, — продолжил Кишот разговор с Салмой. — Но у меня есть план, как мы можем спастись.

— У меня нет ни малейшего желания обсуждать ситуацию в мире, — заявила она с прежним апломбом. — И от вас мне нужна всего одна про-

стая вещь. Надеюсь, она у вас есть?

— Того, что у меня есть, должно хватить на два года, — сообщил Кишот и услышал в трубке вздох облегчения.

— Где, как и когда мы встретимся? — спросила она. — Есть одна проблема. Мой водитель исчез и полагаю, что с концами. Конец фильма.

Кишот явно не понял последней фразы.

— Не берите в голову, — продолжила она. — Сомневаюсь, что такси еще работает.

— Старый красный дуб сразу за статуей Андерсена в Центральном парке.

— Это далеко.

— Лучше быть как можно дальше от вашего дома.

— Но как я туда доберусь?

Несмотря на всю свою любовь, Кишот испытал короткий приступ раздражения.

— Придете ножками, мадам. Как все люди.

Идти ножками было ужасно. Идти по улицам в полном одиночестве, не имея рядом никого, кто мог бы избавить ее от нежелательного внимания. Она умела делаться незаметной. Серые тона, накинутый на голову шарф, неприметная черная одежда, туфли без каблука, дешевая маленькая сумочка, никаких духов. Невыразительная пла-

стика, отсутствие резких движений. Салма очень тщательно следила за собой. На улицах творилось настоящее безумие. Приближался праздник, но настроение у всех было далеко не праздничным. Люди носились по улицам с ужасом в глазах. *Быть может, это последний Новый год в нашей жизни.* Никто ни на кого не смотрел, все орали — каждый свое, не заботясь, слушает их кто-то или нет. Город Гамлетов, проклинающих подлые небеса. Естественно, разбитые окна, вскрытые брошенные машины. Салме казалось, что она попала на съемки фильма о гибели Манхэттена с Уиллом Смитом в главной роли. В Голливуде регулярно разрушают Манхэттен. Такое парадоксальное признание в любви. Салма думала обо всем сразу. Где Андерсон. Как он мог бросить ее в такой момент. Куда подевался Хоук. Почему она посреди царящего повсюду безумия тащится в Центральный парк на встречу с фентаниловым дилером. Неужели правильно встречаться со своим сумасшедшим поклонником тет-а-тет, ведь никого не будет рядом, если он… если он что? Ему сто лет, и он безобидней комара. Он не лишен своеобразного шарма и разговаривает как хорошо образованный человек. Да почему она успокаивает себя, она что, лишилась рассудка,

как и все остальные? Этот человек опасен. От него следует держаться как можно дальше. Салма исправно принимала выписанные ей в связи с биполярным расстройством препараты, но несмотря на это, ощущала подступавшую истерику у себя в крови. Сколько подарков получила она от матери. Одноногий, к тому же пропавший, отец. Биполярное расстройство, которому она вынуждена ежедневно противостоять. И алкоголизм, который она сублимировала в зависимость от препаратов. Одного конкретного препарата. Одной из его форм. Спрея, который ты брызгаешь под язык, то есть под все аргументы и неустройства, и наступает покой.

Спасибо, мамочка. Ты виновата в том, что я есть. И если со мной сегодня что-то случится, виновата будешь только ты.

Мир для меня начал распадаться уже давно. Я отчетливо ощущаю это. Конечно, нельзя было допускать передозировки. Мне повезло, что я выжила, повезло, что не стала инвалидом, повезло, что могу вот так идти к Центральному парку по сошедшей с ума Мэдисон-авеню, но во всей системе нет никого, готового прикрывать меня со спины. Если бы мои люди вовремя подключились, они бы смогли не дать этой истории

ход, сделать ее гораздо меньше — небольшие проблемы со здоровьем, ничего серьезного, но они позволили раздуть ее до небес. В своей передаче я всегда говорила только то, что думаю, понимая, что в наши дни любой, кто даже косвенно высказывается о политике, носит мишень у себя на спине, особенно темнокожий, особенно темнокожая *женщина.* Естественно, у меня были враги. Я должна была предвидеть, что так случится. Вместо этого я передознулась и сама подставила свою спину под нож. Наверное, мне стоит вернуться домой. Я скучаю по Бомбею. Невозможно вернуться в Бомбей, по которому я скучаю, невозможно вернуться домой. Вот кем мы все здесь становимся. Уплываем из мест, которые любим, а затем в них приходят люди с топорами и горящими факелами, громят все и сжигают, а мы говорим: ах, как же это грустно. Но мы сами покинули свой дом, сами оставили его пришедшим на наше место варварам. Могу ли я винить свою мать и в этом тоже? Почему бы и нет. На что еще годятся мертвые матери.

Не могу заставить себя смотреть вверх. Что это там вообще такое. Словно какой-то колосс схватил бластер и прострелил в небе дыру. Смотришь на нее, и хочется умереть. Такое нельзя

исправить. Едва ли кто-то в Вашингтоне или на мысе Канаверал знает, что на хрен делать *с этим.* Интересно, а там вообще остался кто-то, кто работает у себя за столом, или все, как здесь, носятся по улицам и орут, все пространство между Белым домом и Капитолием и вокруг них — Дюпон-серкл, Национальная аллея, Пенсильвания-авеню — становится их одним сплошным *аааааааааа.* В Овальном кабинете зияет огромная овальная дыра. *Аааааааааа.* Вот все, что у нас осталось. Ничто овальной формы. Вот к чему пришло человечество за все годы своего существования. Шекспир Ньютон Эйнштейн Ганди Мандела Обама Опра и в конце крик бессилия. *Аааааааааа аааааааа аааааа.*

Да, Салма, я тебя слышу. Знаю, что несу высокопарную дичь и ничем не лучше их, тоже разговариваю сама с собой, как с другим человеком. Или это мое биполярное расстройство, диалог между полюсами, северным и южным? *Аааааааааа.*

Итак, я на месте, все, как велели. Не помню, когда в последний раз столько ходила пешком, разве что на беговой дорожке в спортзале. Вот этот противный парень с уткой, вот красный дуб. А вот *ион-* бежевое пальто, коричневая шляпа,

переброшенная через правую руку шаль, а в левой — маленький саквояж радости. Кви-шо-тте? Кви-шоте? Да нет же, Кишот, звучит как "главный выстрел". Идиотская улыбка через все лицо: *к вашим услугам.*

Оживший Бабаджан. Мой педофил-дедушка. *Хи-хи-хи.*

Она сказала:

— У меня в сумочке громадная сумма наличными, ее достаточно, чтобы купить все, что у вас есть. Я подожду, пока вы все пересчитаете. Так мне будет не нужно беспокоить вас снова.

Он ответил:

— Я не сделаю этого, мадам. Это все равно, что просить меня выстрелить вам в голову.

Она сказала:

— Я не желаю это обсуждать. Вы продаете? Я покупаю.

Он ответил:

— Приближается конец света. В вашей программе выступал один джентльмен, который знает путь к спасению. Он говорит, что созданный им портал открыт.

Она сказала:

— Почему мы с вами говорим об этом? Я здесь, чтобы совершить небольшую сделку за налич-

ные.

Он ответил:

— Этого джентльмена показывали в новостях. Его зовут мистер Сент. Я знаю, где находится портал “Мэйфлауэр”. Возможно, и вы тоже, это очень резонансная новость. Вооруженная охрана по периметру, толпы жаждущих попасть в параллельный мир. Нужно ехать в Калифорнию. Корпорация Сента, Эль-Камино-Риал, 18144. Ведущая новостей лично мне сообщила, что это наш единственный шанс.

Она сказала:

— Вы собираетесь в Калифорнию. В добрый путь. У вас с собой будет нереальная куча денег. Может, сможете сторговаться и купить для себя местечко.

Он ответил:

— Вы должны поехать со мной.

Только сейчас мисс Салма заметила, что из-под перекинутой через его правую руку шали прямо на нее смотрит дуло пистолета. *Так мне и надо,* подумала она, *к чертям собачьим, как можно быть такой дурой.*

— Видите ли, мадам, — обратился к ней Кишот, — это говорящий пистолет, и он говорит мне, что я должен вас застрелить. Но я, я не хочу

стрелять, я хочу спасти вас, а чтобы я смог вас спасти, вы должны поехать со мной в Соному, штат Калифорния. Прошу вас.

Следи за своим телом, велела она себе. *Думай, что говоришь. В ближайшие пару минут решится, поживешь ты еще или умрешь прямо сейчас.*

— Неужели ты думаешь, — заговорила она мягко и вкрадчиво, позволяя проявляться индийскому акценту, — что две наши бомбейские истории должны закончиться пушкой в Нью-Йорке? Вспомни, откуда мы родом. *Prima in Indis,* ворота Индии, звезда Востока, взошедшая на Западе! Пляжи — Ожерелье королевы, Хорнби-Веллард, Пали-Хилл, Джуху. Помнишь наши *бхель-пури,* нашего жареного помфрета, наш сленг *бомбайя,* наше кино? Ты любишь фильмы с моей мамой? А с бабушкой? Конечно! Все люди твоего возраста просто обожают их! *Зара хат ке, зара бач ке, йе хе Бомбай мери джан.* Осторожно, аккуратно, это Бомбей, жизнь моя. Вспомни кто мы, *бхаи*| Мы не должны стоять по разные стороны пистолета. Ты не враг мне, я не враг тебе. Наши враги живут в другом месте, у них другой цвет кожи. Мы просто дети одного города. Бомбей! Не город, полный *мазбут*| Великий бог Ганеша, наш *Ганпати баппа,* присматривает за нами. Всеми без исключения

— индуистами, мусульманами, христианами. Пожалуйста, убери свою дурацкую пушку.

— Я не пытаюсь убить тебя, — объяснял ей Кишот. — Я пытаюсь спасти тебе жизнь.

— Позволь мне, — продолжила мисс Салма тем же вкрадчивым тоном, — указать тебе на некоторые технические сложности. Ты в одиночку среди бела дня собираешься похитить из Центрального парка женщину, которую знает вся Америка. Видимо, ты считаешь, что под дулом пистолета я не стану звать на помощь и пытаться убежать. Предположим, ты прав. Но что ты собираешься делать дальше? Нам предстоит проехать через всю Америку. Тебе нужно когда-то спать. Мне нужно периодически менять одежду и ходить в туалет. Ты собираешься стеречь меня в эти моменты? Сам понимаешь, как только люди поймут, что я пропала, будет объявлена тревога. Объявят план-перехват, мою фотографию будут показывать в каждом выпуске новостей. Думаешь, ты сможешь отвезти меня на Западное побережье и тебя не остановят уже через пять миль? Такое просто невозможно. Почему бы тебе просто не опустить пистолет, взять деньги, отдать мне свой саквояж, и мы будем в расчете. Никто не умрет, никто не попадет в тюрьму. Как тебе такой план?

— Похоже, — ответил Кишот, — ты все еще думаешь, что в мире вокруг нас все нормально. Но ситуация в мире далеко не нормальная. Большая часть телеканалов прекратила вещание. Выпуски новостей практически остались в прошлом. Никто не знает, существует ли еще в Нью-Йорке департамент полиции и что в нем творится. Не думаю, что хоть кто-то начнет тебя разыскивать, все вокруг объяты ужасом. По всей стране происходит полное безумие. Думаю, по всему миру тоже. У нас осталось совсем мало времени. Я очень прошу тебя поехать со мной.

В этот момент к то и дело возникавшим в материи над ними, в небе, дырам начали добавляться трещины в земле под ногами. За спиной у Салмы и Кишота, там, где находился музей искусств Метрополитен, ничто с воем, как на гигантском пожаре, прорвалось сквозь нечто, вещность нашего мира, оставив после себя лишь все более привычную дыру, похожую на воронку от снаряда, черную дыру в небытие, по краям которой трепыхались обрывки живой материи и обломки наивысших достижений культуры, бесценных экспонатов, которые человечество собирало на протяжении своей истории, истории, которой больше не было, как не было больше и особого

смысла самой жизни на Земле.

Мисс Салма Р. разрыдалась.

— Мы должны пойти туда и помочь.

— Там не осталось ничего живого. Некому помогать, — возразил Кишот.

Она вытерла слезы.

— Убирай свою пушку, — с неожиданной решимостью заявила Салма. — Поехали.

— Не слушай ее, — вмешался в разговор пистолет. — Ей нельзя доверять. Верить можно только мне. Я — твой шанс на бессмертие. Не дай себя одурачить. Стреляй!

— Бессмертия больше не существует, — ответил Кишот. — Нет будущего, нет потомков, нет славы. Эти слова нужно изъять из словарей. Хотя и словарей тоже нет. У нас есть только здесь и сейчас.

— Ты что, разговариваешь сам с собой? — испугалась Салма. — Я что, собираюсь доверить свою жизнь ненормальному, который говорит сам с собой?

— Я разговаривал с пистолетом, — попытался успокоить ее Кишот. — Объяснял ему, почему он мне больше не нужен.

— Господи Исусе, — взмолилась мисс Салма Р.

Кишот и Салма начали действовать сообща.

— Мне понадобится одежда, — сообщила она,

и, погрузившись в “круз”, они отправились в “Гэп” на углу Пятьдесят девятой улицы и Лексингтон-авеню. Никого из работников не осталось, и мародеры растаскивали товары. Кишот и Салма быстро взяли все необходимое и ушли. Через несколько кварталов они проделали то же самое в аптеке и были готовы отправляться в путь. Мародеры с мрачными лицами и пустыми глазами растаскивали бесхозный товар по инерции. Люди не смотрели друг на друга.

— Ну вот, теперь я еще и воровка, — посетовала Салма.

— Собственности больше не существует, — отозвался Кишот. — Я не уверен даже, что деньги еще в ходу. Все что осталось — дорога на запад или смерть.

— Ты уверен, что потянешь? В твоем возрасте, да так далеко…

— Я отлично вожу.

— Не уверена. Ты уже давно не водишь.

— Тогда веди ты.

— Ты правда не будешь против?

— Конечно.

— Тогда ладно. Меняемся местами. Значит, автомобильное путешествие.

Время в пути — сорок пять часов, расстояние

— три тысячи миль или около того. К обычным дорожным условиям необходимо добавить ряд факторов — дурная погода, брошенные на трассе машины, аварии, забитые разбитыми в хлам грузовиками обочины, обрушившиеся мосты, искореженная арматура, шайки длинноволосых гопников в канавах вдоль шоссе, бродячие собаки, сумасшедшие велосипедисты, неудавшиеся жертвы черных дыр — слепые, безногие, голодные, бездомные и безумные дети, отправляющиеся в ад ангелы, шагающие мертвецы, ползающие мертвецы, мертвые мертвецы. А сверху с изорванных баннеров на этот исход взирает павшая Америка. А еще выше — воющее страшное небо, изорванное ранами гигантского бластера, дыры в ничто, само Ничто, пожирающее звезды, заглатывающее галактики, порциями высасывающее из Земли жизнь, как мозг из черепушки, несущее нам смерть. Дыры.

Салон “круза” был космической капсулой, несущей их сквозь Вселенную, их надеждой на благополучное приземление в земле обетованной, шансом на спасение. К Корпорации Сента. По дороге, которая больше не является дорогой в прежнем смысле. Это просто слово. Реален лишь их разломанный безумный путь. Реально то,

что *внутри* — двое до смерти перепуганных людей, с ужасом взирающих на то, что происходит *снаружи,* едва способных говорить от страха и изможденья. Они останавливаются заправить машину, и Кишот с пистолетом стоят на страже, пока Салма заливает топливо.

— Ну-ну, — мрачно замечает пистолет. — Видать, я еще на что-то гожусь?

Они забирают с заправки мыло, туалетную бумагу и всю оставшуюся воду в бутылках. Когда им нужно отправить естественные потребности, они съезжают с трассы и находят участок проселочной дороги, который в данный момент кажется им безопасным. Они быстро моются и уезжают. Вся наша цивилизация оказалась просто кожей, которую они постепенно сбрасывают с себя. Ничто, кроме опустевшего бензобака или переполненного кишечника не может заставить их сделать остановку. Восемь часов подряд она ведет машину, затем засыпает на четыре часа. Пока она спит, он садится за руль и ведет, а потом сразу ложится на свои четыре часа, когда за руль садится она. Четыре часа они оба бодрствуют, затем она идет спать, а он ведет машину. Всего четыре часа из двадцать четырех могут они общаться, но все это время каждый, не слушая

собеседника, говорит все, что приходит ему в голову, либо молчит, а истерия все растет. Такова тайная жизнь всех беглецов. Повстанцы времен апокалипсиса не видят, не слышат и не думают, они просто бегут, спасая свои жизни. Бегут туда, где есть последний шанс на спасение.

Он: Я потерял своего мальчика, своего единственного сына, свое благословение на старости лет. Она: Я хочу домой, я мечтаю о пляже Джуху, ты мог бы быть моим дедушкой вместо того порочного мерзавца. У меня снова была бы семья, только вместо плохого дедушки — хороший. Господи, что я говорю. Ты собирался застрелить меня. Ты беседуешь с пистолетами. Ты сумасшедший. Он: Я умыл руки. Я отказался от него. Он совершил ошибку. Я не захотел за это отвечать. Я стыдился его. Она: Эдвард Мунк и Ван Гог тоже страдали биполярным расстройством, ты не знал? Мне не хватает электричества. Ток заземляет меня. У нас по дороге есть клиника, где проводят электросудорожную терапию? Еще мне нужно пшикнуться спреем. Ты меня не слушаешь. У меня проблемы. Мне нужно лечение током. Нужен этот чертов спрей. Он: Если ты хочешь умереть, можем для этого остановиться. У тебя ремиссия. Позволь, я напомню: тошнота, рвота, аритмия, проблемы с

дыханием, потеря ориентации, галлюцинации, слабость, повышенное потоотделение, кожный зуд, затрудненное глотание, головокружение и все, конец. Это то, что ты хочешь? Сможем ли мы доехать до Калифорнии и не потерять свой шанс пройти через портал в землю обетованную, если ты будешь упрямиться? Не сможем. Она: Ты должен отдать мне его. Ты продаешь, я покупаю. Он: Я очень давно люблю тебя. Я не стану причиной твоей смерти. Ты тоже сумасшедшая. Она: Да пошел ты. Он: Следи за дорогой.

Кливленд, Толедо, Чикаго, Сидар-Рапидс, Де-Мойн, Омаха. Она: Омаха, здесь играет в футбол Пейтон Мэннинг. Он: Это пляж во Франции. Гранд-Айленд, Норт-Платт, Шайенн. Он: Я смотрел один фильм про ковбоев по телевизору. Там старый вождь индейцев объясняет, почему его народ ждет неминуемое поражение. Он говорит: “Здесь очень много бледнолицых, но всегда не хватало *людей*”. На языке *шайеннов* человек будет *“шайенн*. Мне так кажется. Она: А на *индийском* человек будет *“индиец”*. Индийского языка не существует. Я знаю. И все же. Это мы. На индийском люди — это мы. Он: Мы индийцы на земле индейцев.

Снаружи больше нет. Есть только “круз” и

внутри. Ничто воет в небесах, сводя их с ума. Они лопочут что-то и едут дальше. Солт-Лейк-Сити, Баттл-Маунтин, Рино. Она: Слушай, давай разведемся по-быстрому. Он: Не получится. Мы не женаты. Они истерически смеются и едут дальше. Национальный лес Тахо. Они едут дальше.

“ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КАЛИФОРНИЮ”

Он спал. Она разбудила его, чтобы показать дорожный указатель. Он проснулся очень быстро и сел очень прямо. Стоило ему увидеть надпись “Калифорния”, пелена одолевавших его всю жизнь иллюзий спала, и он отчетливо увидел, что происходит вокруг; он больше не был ни наивен, ни безумен. Похоже, все так, как сказано: лишь в конце пути странник понимает, что строил свое путешествие сплошь на ошибках; лишь дойдя до конца узкой тропы, ведущей далеко на север, японский поэт осознал, что ему нечему учиться далеко на севере; лишь взойдя на гору Каф узрели тридцать птиц-пили-гримов, что крылатый бог, которого они ожидали увидеть на вершине, это они сами; лишь увидев надпись “Добро пожаловать”, человек осознает, что “пожаловать” куда-то с “добром”, на что он так рассчитывал, попросту невозможно, а вместе с этим осознанием к нему приходят ясность видения, и здравомыслие, и

даже, возможно, определенная мудрость.

Овладевшему своими разумом и чувствами Кишоту было что сказать мисс Салме Р.

— Мое странствие к тебе, — сообщил он ей, — было также и странствием к себе, к своей утраченной добродетели, к благочестию. Теперь я это вижу. Дерзнув добиться твоего расположения — дерзнув добиться невозможного! — я хотел, чтобы моя собственная жизнь снова обрела ценность. Только став достойным тебя, я мог снова почувствовать, что достоин быть самим собой.

— Классную речь толкнул, — оценила она.

— То, на что я надеялся, на самом деле лежит вне пределов надежды, — продолжал он. — Я был не в себе и пытался найти птенцов в прошлогоднем гнезде. А в это время вокруг меня вся Америка — да что там Америка, весь род людской, да-да, даже наша Индия! — стремительно утрачивала смысл существования, представление о морали, добродетели, теряла свою душу. Быть может — кто скажет наверняка, но я думаю именно так, — наше нравственное падение стало причиной окончательного падения космоса. Но я пробудился, это хоть что-то. Теперь я ясно вижу, что происходит, — нашему миру пришел конец, и наши истории могут закончиться вместе с ним,

а значит, давай сделаем свой конец счастливым, прекратим существование в красивом месте и душевном покое. Но я по-прежнему верю, что мы можем спастись. По крайней мере, попытаться стоит.

— К чему тогда эта безумная гонка через всю Америку, если даже не попытаться? — согласилась она.

— Тогда звони ему.

— Кому?

— Гению. У тебя наверняка есть его мобильный. Ты должна поговорить с ним.

— Сейчас, только к обочине прижмусь.

— Мы не сможем попасть туда с главного входа, — сказал Кишот. — Там оцепление и толпы жаждущих спасения безумцев в истерике. Спроси его, как нам быть. Наверняка у них есть запасной вход.

— А если он не захочет сказать мне, где он?

— Ты — Салма, — ответил он. — Он первым предложит тебе войти.

Времени не осталось. В небесах, *с* ревом и воем, гигантское Ничто одну за другой пожирало звезды.

ЭТО ВЫ? ВЫ ПРАВДА ЗДЕСЬ?
Да, доктор Ивел, это я.

“Доктор Ивел ”. Теперь я вижу, это правда вы.

Доктор Аввал Сант. Я здесь с другом, он из наших, деси. *Вы позволите нам зайти? Сообразим не троих.*

Мы в плотном кольце. Вы сами знаете.

Скажите, что нам делать.

Ни на шаг не приближаться к Корпорации Сента. Езжайте по шоссе в направлении Бойс-Хот-Спрингс. Я отправляю за вами машину. Она будет ждать у кафе “Летающая свинья ”.

У вас там черный ход?

У нас там тоннель. Слышали про свет в конце тоннеля?

Еще до того, как они проехали тоннель до конца, Кишот — ныне наконец самый разумный и трезвомыслящий человек на планете — понял, что это сооружение представляет собой точную копию тоннеля, через который, как говорят, проходишь в конце жизни и в котором в какой-то момент оказываешься перед выбором: вернуться к манящим искушениям земной жизни или отправиться дальше, чтобы стать частью чистой Вечности. Он также осознал, что когда идет всеобщий распад материи, все в этом мире — его основа, его уток — рушится, когда звезды исчезают одна за другой и история человечества

приходит к своему концу, невозможно, пройдя через некие магические врата, оказаться в новой, райской жизни — это сказка, ее нельзя воспринимать всерьез. Иными словами, Смерти не избежать даже тем, кто пропахал весь континент в надежде на Жизнь, ведь в конце пути вас поджидает темная фигура в капюшоне, которая раскроет вам свои объятия.

Как бы там ни было, думал он, правильнее доиграть партию до конца, а не сдаться, опрокинув на доску собственного черного короля; надо ждать: пусть тебе сначала поставят шах, потом мат; отражать каждую атаку белых, держать свои позиции до последнего, пусть даже на доске оказываются все новые и новые белые фигуры, а количество черных строго ограничено. А потому в конце тоннеля он вышел из своего старенького “круза”, зная, что больше никогда не сядет за его руль, молча поблагодарил его за долгие годы верной службы и, как истинный джентльмен, обойдя машину, помог выйти мисс Салме Р. Шофер в униформе, который ехал на своей машине впереди и показывал им дорогу, проводил их до железнодорожного вагончика, который должен был провезти их через все внутренности и доставить прямо к мозгу Корпорации Сента.

Корпорация Сента словно светилась изнутри, Кишоту показалось, что они попали в мир, состоящий из множества наполненных светом просторных долин, испещренных маленькими темными пятнышками, которые, по его предположению, и были рабочими местами сотрудников корпорации. Ему казалось, что они оказались внутри самого Солнца либо вошли в сверкающий небесный дворец Бога Солнца. Ослепленный невыносимым белым светом, он так и не смог рассмотреть в этом сверкающем великолепии ни одной живой души, пока в конце их дороги двери вагончика не распахнулись автоматически, и их приветствовал Бог Солнца собственной персоной, Доктор Ивел, Доктор Зло, ученый и предприниматель, хозяин портала NEXT, мистер Ивел Сент.

— Добро пожаловать, — произнес он. — Счастлив приветствовать вас в этот черный день.

Его фигура была окружена сиянием, и это шло вразрез и с его словами о “черном дне”, и с наступившими темными временами. Просто одетый, в черной футболке и черных джинсах, доктор Сент показался Кишоту удивительно заурядным, с зализанными назад черными волосами и улыбкой интеллектуала, он напоминал актера второго плана, неожиданно получившего главную роль,

или даже рабочего сцены, по недоразумению оказавшегося в центре сцены. Аввал Сант, ставший Ивелом Сентом. Он совсем не похож на человека, готового стать режиссером последнего шоу на Земле. Но он им был. Другого не было. Нас ждет его шоу.

— Как вы себя чувствуете? — первым делом спросил он Салму. — Я слышал, будто вы чуть не…

— Это правда, — ответила она. — Но у меня был план “Б”: чудесное воскресение и смертельная гонка через всю Америку, счет на часы, плюс бандиты, Безумный Макс и черные дыры по дороге.

— Дорогая, я счастлив, что вы здесь, — ответил доктор Ивел. — Мы все счастливы.

— Скажите, можно ли что-то сделать, чтобы предотвратить грядущий конец? — сменила тему Салма, и Кишот понял, что она все еще живет во власти оптимистической фантазии о том, что ученые смогут взмахнуть волшебной палочкой, и все опять станет, как было.

Ивел Сент едва заметно усмехнулся и ответил ей в духе *а-я-ведь-предупреждал.*

— Я последняя Кассандра в истории человечества, — произнес он. — Я все предсказывал, но мне никто не верил. На этот раз сгорит не толь-

ко Троя, сгорят и Спарта, и Итака, и все ахейцы тоже.

Его самовосхваление, подумал Кишот, не имеет никакого смысла в момент кризиса, помочь могут лишь решительные действия, а его желание доказать свою правоту — чистый нарциссизм, ничего больше.

— Боюсь, мы не можем ничего сделать, — заключил Сент. — Миру осталось совсем немного. Мы не сможем спасти даже тех, кто сейчас осаждает наши ворота.

— Вы уже перемещали людей? — осаждала его вопросами Салма. — Портал NEXT работает нормально? Сколько человек перебрались на параллельную Землю? У вас есть связь с переправившимися?

— Мы можем поговорить наедине?

Ивел Сент взял ее под локоть и попытался отвести подальше от Кишота, однако девушка вырвалась и решительно взяла своего престарелого поклонника за руку.

— Мы с моим другом вместе проделали долгий и опасный путь и очень устали, — заявила она. — Я хочу, чтобы он тоже услышал все, что вы скажете.

Ивел Сент завел их в небольшое затемненное

помещение и плотно закрыл стеклянную дверь. В этом месте никто не мог слышать их разговор.

— Дело в том, — заявил он, — что, выступая у вас на передаче, я несколько преувеличил факты, чтобы усилить драматический эффект.

— Собака, — продолжала свой допрос Салма. — Шрёдингер. Она жива?

— Мне очень жаль, но…

— Она умерла?

— Мне очень жаль, но собаку я выдумал.

— Проще говоря, у вас нет ровным счетом ничего, — вступил в разговор Кишот. — Именно поэтому вы все еще здесь и, как все мы смертные, ждете, когда наступит полный джаз.

— Это правда, Ивел? — испугалась Салма. — Портал NEXT не работает?

— Портал работает, — заявил Ивел Сент. — Точнее, сейчас заработает. Все вокруг изменяется так быстро и так радикально, совсем не по принципам Эйнштейна, поэтому нам приходится выстраивать физику процессов “из-под ножа”. Чтобы обеспечить отправку на параллельную Землю, нам необходимо точно определить величину с несколькими строками чисел после запятой. Все. что нам осталось, — привести в соответствие пару равенств.

— Все ясно, портал не работает, — заключила Салма.

— Есть одна история о сэре Исааке Ньютоне, — обратился к ней Сент. — Он объявил о том, что создал теорию гравитации еще до того, как закончил расчеты. Он просто знал, что прав. Поэтому перед тем, как поехать из Кембриджа в Лондон, чтобы представить свою теорию лучшим математикам Европы, он работал над расчетами день и ночь. И все успел.

— Ньютон тоже должен был успеть до конца света? — саркастически уточнил Кишот.

— Мы всё успеем, — уверенно заявил Сент. — В ближайшие часы.

— Я хочу посмотреть на портал, — потребовала Салма. — Можете отвести нас туда? Если, конечно, он существует, а не представляет собой на данном этапе белое пятно у вас в голове.

Ивел Сент напрягся, но сделал приглашающий жест рукой.

— Прошу вас.

Кишот ожидал увидеть что-то в духе немого кино, некое подобие алтаря в стиле ар-деко, вокруг которого с треском носятся электрические дуги и шаровые молнии, что-то вроде проигрывателя, использующего живых людей вместо пластинок

или дисков. Вошедшего внутрь окружают электрические разряды, светящиеся шары и змейки, которые движутся все быстрее, сталкиваются друг с другом, разлетаются во всех направлениях, пока в один прекрасный миг не прозвучат фанфары и человек навсегда не исчезнет в белом сиянии.

Реальность оказалась банальна. Пустая комната с белыми стенами и стеклянным окном, через которое видно техническое помещение с оборудованием, скорее напоминает студию звукозаписи, чем безумную экспрессионистскую фантазию. Просто маленькая пустая комнатка с самой обычной дверью у противоположной стены. Так вот он каков, “Мэйфлауэр” нашего времени, дорога в пятое измерение, место, где наша Земля соприкасается с соседней. Всего лишь зайти в самую обычную дверь. Перейти из одной комнаты в другую. Так просто.

Устойчивое соединение с параллельной Землей все еще не было налажено.

Ивел Сент рассказал, что им удалось наверняка узнать о параллельной реальности всего несколько вещей: состав атмосферы, сила притяжения, температура воздуха — эти показатели сопоставимы с земными, и человек вполне смо-

жет выжить в этих условиях. Тамошний воздух совсем немного отличается от нашего по своему составу, сила притяжения идентична или почти идентична гравитации на нашей Земле, климат полностью совпадает с нашим. Единственной нерешенной проблемой остается туман.

Туман?

До сих пор не удалось получить ни одного отчетливого изображения параллельной Земли. Параллельная Земля — по крайней мере та ее часть, связь с которой удалось наладить при помощи портала, — укутана густым туманом. Сотрудники Корпорации Сента пытались просветить его при помощи новейшего оборудования, переходили на инфракрасные и ультрафиолетовые частоты, прибегали к последним достижениям в области радиолокации, использовали даже камеры, закрепленные на космических телескопах. Компьютерный анализ собранных данных показал, что *с* большой степенью вероятности выход из портала находится в небольшом закрытом помещении, которое напоминает жилую комнату или рабочий кабинет (мы неизбежно страдаем землецентризмом, и все предположения об использовании данного помещения являются, конечно, чисто гипотетическими). Природа и

количество обитателей данного пространства остаются, однако, полностью за пределами нашего понимания.

— Насколько велик риск? — поинтересовался Кишот.

— Как только мы сможем обеспечить устойчивый стабильный сигнал, — ответил ему Ивел Сент, — мне как раз сообщили, что это вопрос пары минут, — с точки зрения физики мы будем оценивать риски как низкие. Но должен вам сказать, что, пройдя сквозь портал, путешественник окажется в совершенно чужом мире, о нравах и обычаях которого абсолютно ничего не известно, мы не знаем их языка, у нас нет физических и материальных ресурсов, чтобы выжить в их мире, так что нам остается лишь уповать на то, что те, кто встретит нас по ту сторону, окажутся милостивы к нам, и полагаться на собственные силы и волю к жизни. Совершенно неизвестно, какие в том мире могут быть болезни и вирусы и опасны ли для его обитателей наши болезни. Это будет наш самый первый контакт, ничего нельзя знать наверняка.

— Значит, мы там будем беженцами, — понял Кишот. — Пилигримами, первыми вступившими на новую землю, будем надеяться, тамошние

жители будут к нам милостивы и не дадут пропасть.

— Интересно, — спросила Салма, — те, кто пойдет вслед за нами, они окажутся там уже как завоеватели?

Трое людей в пустой комнате перед дверью в другой мир. Через стекло Кишот видел, что у пульта управления началась какая-то суета. Ивел Сент прижал руку к передатчику в ухе и мрачно слушал.

— У меня есть две новости, хорошая и плохая, — сообщил он. — Мы стабилизировали сигнал, и портал NEXT полностью готов к использованию.

— А что за плохая новость? — спросил Кишот.

— Скорость распада нашего мира возросла, — сообщил Ивел Сент. — Феномен дыр распространяется очень быстро. Мы не знаем, не можем предугадать, когда они будут здесь.

Кишот понял, что суета на пункте управления возникла потому, что находящимся там людям очень страшно. Конец света очень близок.

— Как открыть портал? — спросил он Сента.

— Как самую обычную дверь, — ответил тот. — Нажимаете ручку и тянете на себя.

— Вы точно уверены, что это безопасно?

— Сигнал стабилен. В параллельный мир мы

вас доставим, но там вас может ждать все что угодно.

— Идите первым, — потребовал Кишот.

— Пока не могу, — ответил Ивел Сент. — У меня есть определенные обязательства. Я должен организовать эвакуацию своих сотрудников и, возможно, какой-то части людей, которые сейчас осаждают наш офис. Это моя обязанность.

— Идите первым, — повторил Кишот. В его руке поблескивал пистолет.

— Ну наконец-то, — в полный голос изрек зажатый в его руке “глок”. — Я уж думал, этого никогда не случится.

— Вы же это не всерьез, — заявил Сент.

— Еще как всерьез, — не согласился с ним Кишот. — Перед тем как отправить через портал мисс Салму, я должен убедиться, что все работает.

Когда портал открылся, все увидели по ту сторону плотную завесу серого тумана.

— Что ж, — сказал Ивел Сент, низко наклонил голову, зашел в проем двери, как бык на закланье. И исчез.

Всеобщая гибель — это гибель всего: всего и воспоминаний о том, что что-то когда-то существовало. Дело не в том, что все в этом мире

вдруг забудет о том, что было когда-то — до того, как стало ничем, — но в том, что некому будет больше об этом помнить, а потому все станет не просто тем, чего не стало, но тем, чего никогда не было, — и не останется никого, кто мог бы рассказать великую историю о том, как все было, либо просто о том, как случилось, что все обернулось ничем, ведь больше нет рассказчиков, нет ни того, кто напишет, ни того, кто прочитает, а потому книга о том, как все обернулось ничем, никогда не увидит свет точно так же, как не мы сможем написать историю собственной смерти — в этом наша трагедия: мы проживаем историю, конца которой не знаем, а когда узнаем его, нас самих уже не будет.

Давайте представим это следующим образом. В самом сердце ярко освещенного туннеля мужчина в годах и женщина, которую он любит, стоят перед распахнутой дверью. Кто знает, что ждет их за ней? Но здесь, по эту сторону двери, есть надежда. В конце концов, возможно, есть жизнь после смерти. Он берет ее за руку. Она крепко сжимает его ладонь. Долгое странствие подходит к концу. Они пришли в Долину Отрешения, где мы все приобретаем власть навсегда раствориться во Вселенной. И с минимальной вероятностью

переродиться во что-то новое.

Кишот — мудрый человек, и он точно понимает, что этого не случится. Но пока он по эту сторону двери, у него еще есть последняя возможность хоть на несколько мгновений отринуть всю свою мудрость и просто поверить.

— Что ж, — говорит он Салме, — пойдем.

На рабочем столе и каминной полке Автора в строгом порядке стояли тринадцать дорогих для него предметов, помогавших ему почувствовать себя дома: сомнительный образец "найденного искусства" из Китая — отполированный камень с рисунком, отдаленно напоминающим лесистый горный пейзаж; слепок человеческой головы в духе гандхарской буддийской скульптуры; раскрытая в умиротворяющем жесте деревянная рука из Камбоджи с символом мира на ладони; пара кристаллов — поменьше и побольше — имеющих правильную форму звезды; викторианский медальон, внутрь которого он поместил фотографии родителей; три других фотографии тропического города времен его детства; изготовленная в эдвардианскую эпоху английская машинка для обрезания сигар в виде дракона с отточенными зубами; коробок индийских спичек формы "Чита" с изображением крадущегося гепарда; маленькая

мраморная фигурка удода, а также настоящий китайский веер. Автор не мог работать, если какого-то из этих предметов не было рядом. Каждый день он прикасался к ним, брал в руки. Еще один, самый ценный, хранился в ящике стола — это был небольшой, не толще двух с половиной сантиметров, серебряный слиток с выгравированной картой единой Индии. Это был его главный талисман, его личный сезам, его волшебная лампа. Автор поглаживал его каждый день, когда дописывал последние страницы своего романа.

Часто вечерами он засыпал прямо в кабинете, уронив голову на стол, напоминая древнего язычника, поклоняющегося неведомому божеству, алтарь которого расположен на экране его компьютера. Так случилось и в тот день, когда он закончил работу, — Автор в изнеможении опустил голову на стол и почти провалился в сон, когда увидел свет, разливавшийся из малюсенькой, почти не видной глазу щели в углу; если бы у него водились карликовые мыши, он бы решил, что это мышь у себя в норке зажгла настольную лампу, чтобы почитать перед сном, эта щель и вправду напоминала дверь, ведущую куда угодно, в другую реальность, на другую Землю.

Внезапно в щели начало копошиться что-то живое. Автор сразу понял, что случилось и кого он видит. Такое было невозможно, но он знал, что это происходит. Теперь он понял и откуда в его истории взялся туман. Дело в масштабе. Наш мир оказался гигантским по сравнению с тем. Другой мир — тот, который он создал, — был миниатюрной копией нашей Вселенной, которая могла бы уместиться в стеклянном шаре — новогодняя игрушка без снега, шар уронили, он пошел трещинами, его миниатюрные жители должны погибнуть либо бежать. И вот они здесь, в его рабочем кабинете; увы — наш воздух слишком густ для них, они не видят сквозь него и едва могут дышать. Автор видел все предельно ясно: едва появившись, первый крошечный пришелец пытался ловить ртом воздух, но вскоре упал без чувств; его надежда обернулась разочарованием в этом континууме, населенном гигантскими мастодонтами, способными раздавить его одним пальцем. Микроскопический человечек, порождение фантазии Автора, блестяще справился со своей задачей: совершил невозможное, нашел дорожку между нашими мирами и перебрался из вымышленного мира в реальный, к своему Автору; и вот он здесь — неприкаянный, беспомощный,

крохотный, хватающий ртом воздух, не находящий его, задыхающийся и такой потерянный.

Остановитесь! — кричит Автор, он знает, что произойдет в следующее мгновение, и он не властен изменить то, что уже написал: то, что случилось, невозможно предотвратить. Его сердце словно проваливается куда-то, грудь заливает боль. Всеобщая гибель — это гибель всего. Все подошло к концу.

Когда конец случился, его нельзя изменить — нельзя изменить гибель мира, смерть Автора и конец двух драгоценных, пусть и очень маленьких, человеческих жизней.

Они здесь, в дверном проеме, на пороге своей невозможной мечты — мисс Салма Р. и ее Кишот.

Благодарности

Очень многим в своей книге я обязан Мигелю де Сервантесу и его роману “Дон Кихот” в переводе на английский Эдит Гроссман, а также Жюлю Массне и его одноименной опере. Я благодарю Кэтрин Маклин за ее рассказ “Изображения не лгут”, Артура Кларка за “Девять миллиардов имен Бога”, Эжена Ионеско за пьесу “Носорог”, которую я читал в переводе с французского Дерека Прауза, а за имя Женщина-Трамплин — Пола Саймона и его песню *“Graceland”.* Рассказом о Путешествии через семь Долин я обязан Фарид-ад-дину Аттару и его “Логике птиц”. Я благодарю Франческо Климente, с чьей помощью мой сверчок свободно заговорил по-итальянски (если местами его итальянский все же не безупречен, это исключительно моя оплошность). Я признателен Эндрю Уили, Жаклин Ко, Эмме Херман, Трейси Бохан и Дженифер Бернштайн из литературного

агентства *Wylie Agency*. Благодарю Сьюзан Камил из *Random House New York*, Луизу Деннис из *Knopf Canada* и Беа Хемминг из *Jonathan Cape* к Лондоне за их бесценные редакторские замечания. Не могу не поблагодарить друзей и членов моей семьи, ставших первыми неравнодушными читателями романа, Рэйчел Элизу Гриффитс за фотографии и многое другое, а также свою бывшую помощницу Дану Цапник, ныне также вставшую на писательскую стезю и сделавшую на ней первые успешные шаги.

